Q K
350
Y 77

ПАМЯТИ

АЛЕКСАНДРА ѲЕДОРОВИЧА

ГИЛЬФЕРДИНГА.

DK
350
У77

ПЕРВЫЯ СЛАВЯНСКІЯ МОНАРХІИ

НА

СѢВЕРОЗАПАДѢ.

Ѳедоръ Успенскій.

Печатано иждивеніемъ Славянскаго Благотворительнаго Комитета.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Ф. С. Сущинскаго.
Екатерининскій каналъ, 168.

1872.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
587333

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе 1

Географическій и этнографическій очеркъ . . . . . 1 — 6

I. Авары и Славяне. Держава Само . . . . . 7 — 18

II. Великая Моравія. . . . . . 19—104

1) Распространеніе господства Франковъ къ ю. в. Столкновеніе ихъ со Славянами . . . . . 19 — 33

2) Собираніе Моравіи. Борьба съ Нѣмцами за политическую независимость. . . . . 33 — 47

3) Стремленіе къ церковной самостоятельности. Дѣятельность св. Кирилла и Меѳодія . . . . . 47 — 63

4) Церковная и политическая независимость Моравіи. Князь Святополкъ собираетъ западныхъ Славянъ въ одну державу. . . . . 63 — 94

5) Угры. Разложеніе моравской державы. Угорскій погромъ. . . . 94—104

III. Объединеніе западныхъ Славянъ подъ чешскими князьями . . . 105—179

1) Собираніе чешской земли . . . . . 105—119

2) Обзоръ политическихъ и церковныхъ отношеній въ Чехіи до смерти Вячеслава . . . . . 119—129

3) Мѣры Болеслава I къ сохраненію народной свободы. Его внутренняя дѣятельность . . . . . 129—146

4) Устройство епископскихъ каѳедръ въ славянскихъ земляхъ. Пражская епископія. Внѣшняя исторія Чехіи при Болеславѣ II. Отношенія къ Германіи и Польшѣ. . . . . 146—158

5) Внутренняя исторія Чехіи при Болеславѣ II, въ связи съ дѣятельностію епископа Войтѣха . . . . . 159—175

6) Причины политическаго упадка Чехіи . . . . . 175—179

IV. Западные Славяне въ концѣ X и первой четверти XI вв. Болеславъ Храбрый . . . . . 180—266

1) Описаніе земли и народовъ, вошедшихъ въ составъ державы Болеслава польскаго . . . . . 180—188

2) Положеніе западныхъ Славянъ въ концѣ X вѣка . . . . . 188—197

3) Польскій князь Болеславъ. Его внутреннія дѣла . . . . . 197—211

4) Распространеніе границъ Польши къ юго-востоку. Столкновеніе съ Русскими, Чехами и Уграми изъ-за земель потатрскихъ. Признаніе независимости Польши. . . . . 211—223

5) Болеславъ стремится къ подчиненію Сербовъ лужицкихъ и Чеховъ. стр.
Первая война съ Нѣмцами, кончившаяся познанскимъ миромъ . 223—236
6) Войны съ Нѣмцами . . . . . 236—256
а) Вторая война съ Нѣмцами. Межиборскій миръ . . . . . 236—243
б) Третья война съ Нѣмцами. Будишинскій миръ . . . . . 243—256
7) Отношенія Болеслава къ русскимъ князьямъ. Идеальныя черты Болеслава. Его коронованіе . . . . . 256—266
Указатель личныхъ и мѣстныхъ именъ . . . . . I — IX
Погрѣшности. . . . . X —

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Покойный предсѣдатель петербургскаго отдѣла Славянскаго Благотворительнаго Комитета, Александръ Ѳедоровичъ Гильфердингъ, имѣя въ виду поощрить русскихъ молодыхъ людей къ занятію славянской наукой, возбудилъ въ Славянскомъ Комитетѣ мысль объ учрежденіи преміи въ память славянскихъ просвѣтителей, св. Кирилла и Меѳодія. Въ 1868 г. къ соисканію кирилловской преміи, на тему: О трехъ первыхъ попыткахъ государственнаго объединенія западныхъ Славянъ, приглашены были путемъ печати студенты нашихъ университетовъ и духовныхъ академій. Срокомъ подачи сочиненій назначалось 1 января 1871 года.

Бывъ тогда студентомъ петербургскаго университета, я принялъ на себя смѣлость заняться посильнымъ разрѣшеніемъ задачи Славянскаго Комитета. Въ 1871 г. февраля 14 дня представленная мною рукопись была удостоена *первой кирилловской преміи*. Въ виду того, что русская литература не представляетъ ничего цѣлаго объ эпохѣ Кирилла и Меѳодія, Славянскій Комитетъ тогда же назначилъ особую сумму на изданіе этого сочиненія *).

При внимательномъ пересмотрѣ рукописи я убѣдился въ необходимости болѣе или менѣе значительныхъ исправленій, которыя и замедлили появленіе въ печати моего труда.

---

*) Отчетъ о присужденіи помѣщенъ въ газетѣ „Голосъ“ за 1871 г. № 53.

Нѣтъ сомнѣнія, что и теперь, выпущенная въ свѣтъ, книга заключаетъ въ себѣ не мало недостатковъ, частію недосмотрѣнныхъ, частію сознаваемыхъ, но трудно исправимыхъ. Болѣе обработанными и строже обдуманными сторонами этого труда я обязанъ моему глубокоуважаемому профессору, Владиміру Ивановичу Ламанскому, который съ любезною готовностію давалъ мнѣ полезные совѣты и способствовалъ имѣть подъ руками книги. За слабыя стороны прошу благосклоннаго извиненія у читателя.

Пріятнымъ долгомъ считаю выразить искреннюю признательность Славянскому Комитету, вызвавшему и благосклонно принявшему мой слабый трудъ.

Ѳедоръ Успенскій.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ И ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ. ПАННОНІЯ ПОДЪ РИМСКИМЪ ГОСПОДСТВОМЪ.

Историческая жизнь Славянъ начинается, сравнительно, довольно поздно. Отдѣльныя вѣтви славянскаго племени, разсѣвшіяся на обширномъ пространствѣ восточной Европы, отъ Адріатическаго и Балтійскаго моря до сосѣдства съ Азіей, долго были въ сторонѣ отъ мѣста дѣятельности Римлянъ и смѣнившихъ ихъ Германцевъ. На историческое поприще выступаютъ Славяне тогда, когда Франки и Германцы, сплоченные въ одну политическую единицу, начинаютъ стремиться къ востоку и становятся непосредственными ихъ сосѣдями. Тутъ Славянамъ предложенъ былъ исторіей суровый и трудно разрѣшимый вопросъ, рѣшеніемъ котораго они заняты еще и по настоящее время, вопросъ о сохраненіи свободы, національности и занятой ими страны. Какъ ни справедливо однимъ изъ самыхъ крупныхъ пороковъ Славянства свои и чужіе историки выставляютъ разъединенность, ползучесть въ разныя стороны, отсутствіе политической дисциплины;—въ первую же эпоху исторической жизни Славянъ были смѣлые и рѣшительные дѣятели, умѣвшіе соединить разрозненные элементы частію оружіемъ, частію безъ насилія, во имя освобожденія отъ насильниковъ, надежды лучшаго будущаго. Предметомъ нашего разсказа и будутъ *первыя попытки Славянъ къ объединенію и первыя славянскія монархіи*, составлявшіяся для противоборства съ сильнѣйшими врагами. Это дѣла давно минувшія, первые шаги Славянъ, отмѣченные достовѣрною исторіей, раскошный цвѣтъ, дававшій надежду на хорошій плодъ, хотя рано завядавшій отъ разныхъ неблагопріятныхъ вліяній. Нашъ разсказъ обнимаетъ періодъ жизни Славянъ отъ VII до XI вѣка. Такъ какъ дѣло происходитъ на пространствѣ довольно обширномъ, такъ какъ нѣкоторыя области, прежде занимаемыя Славянами, теперь заселены другими народами; то не лиш-

не будетъ посмотрѣть на страну, обитаемую Славянами, о которыхъ предполагается вести рѣчь. Первая по времени [1]) славянская манархія образовалась въ IX вѣкѣ по начину моравскихъ князей. Не легко обозначить границы этой великой державы: у современныхъ писателей встрѣчаемъ одни только намеки, во всемъ своемъ величіи моравская держава существовала весьма недолго. Но главное, почти непреодолимое, затрудненіе заключается въ крайней скудости опредѣленныхъ данныхъ относительно объема и протяженія первыхъ славянскихъ державъ. Тусклымъ и скупымъ свѣтомъ летучихъ замѣтокъ изъ враждебнаго стана освѣщаются первые шаги исторической дѣятельности Славянъ; при появленіи собственныхъ дѣеписателей въ довольно позднюю пору эти первые шаги были уже забыты и, по необходимости, историкъ долженъ обращаться къ этимъ скуднымъ извѣстіямъ изъ противоположнаго стана. Какъ увидимъ, уже съ давняго времени міръ славянскій враждебно столкнулся съ романо-германскимъ міромъ. Взаимная ненависть не прикрывалась тогда благовидными предлогами, выработанными цивилизаціей. Неудачныя столкновенія германскихъ императоровъ со славянскими князьями собирателями или прикрывались національнымъ пристрастіемъ писателей, или же совсѣмъ не записывались; на оборотъ, фактамъ перевѣса придавался несоотвѣтственный ростъ и неправдоподобныя послѣдствія. Большая часть франкскихъ лѣтописей того времени—записки придворныя, составлявшіяся по предложенію королей, желавшихъ славнаго описанія своихъ подвиговъ. Извѣстія о событіяхъ должны были перейти большое пространство черезъ людей, враждебно къ Славянамъ настроенныхъ и въ такомъ уже испорченномъ видѣ ложились подъ перомъ лѣтописцевъ. Особенно это можно сказать объ извѣстіяхъ, касающихся политическихъ дѣлъ Славянъ, и особенно въ тѣ эпохи, когда Славяне переходили изъ оборонительнаго положенія въ наступательное, образовывали союзное государство подъ однимъ верховнымъ владыкою.

Зерно Велико-Моравскаго государства временъ Ростислава и Святополка образовала Моравія. Въ составъ ея, кромѣ собственной Моравіи, входили на сѣверѣ и югѣ земли отъ нынѣшней Силезіи до Балатонскаго озера въ нижней Панноніи. На всемъ этомъ пространствѣ жили народы, составлявшіе вѣтвь славянскаго племени, нынѣшніе Чехо-Мораване и Словаки. Южныя границы великой Моравіи [2]) обнимали нижнюю Паннонію. Римская провинція этого имени простиралась на западѣ до Винервальда (mons Cetius) или до Вѣны (Vindobona) на Дунаѣ; отсюда на югъ,

---

[1]) Если не считатать державу Само VII вѣка, опредѣлить границы которой нѣтъ возможности.

[2]) Historisch—Geographischer Hand-Atlas v. Dr. Karl v. Spruner. Gotha. 1846.

по прямой линіи до юлійскихъ Альповъ, проходила черта между Petovium и Celeja (Птуй и Цѣль), которая, прорѣзывая Драву и Саву, образовала границу между Норикомъ и Панноніей, двумя большими римскими провинціями; восточная граница Панноніи шла по Дунаю, отъ впаденія въ него Савы и Тиссы, сѣверная также по Дунаю. Провинція Паннонія раздѣлялась на верхнюю и нижнюю. Рѣка Раабъ и линія, идущая на востокъ отъ него, служила раздѣломъ Панноніи, такъ что сѣверовосточная часть отъ этой рѣки называлась верхней, а западная нижней Панноніей. Въ каролингскій періодъ Паннонія занимала тѣже границы, что и въ римскій. Къ великой Моравіи принадлежала вся Паннонія, около 883 года отнятая у Франковъ моравскимъ княземъ Святополкомъ и соединенная имъ непосредственно съ Моравіей, хотя и ранѣе того у Балатонскаго озера (Pelso lacus inferior) княжили члены одного и того же рода съ моравскими князьями. Южныя границы великой Моравіи совпадали, слѣдовательно, съ границами Панноніи.

На сѣверъ отъ Дуная въ составъ Моравіи входило княжество нитранское; границы этого княжества на сѣверѣ проходили по ворховьямъ Вислы и Татрамъ, въ сосѣдствѣ съ Вислянами, на востокѣ до склона Карпатовъ и отсюда къ Дунаю до Лысой горы, на югѣ въ составъ его входила Паннонія, западныя границы примыкали къ собственной Моравіи.

Собственная Моравія состояла изъ областей, расположенныхъ по верхнему и среднему теченію рѣки Моравы, изъ побережья рѣкъ Одры и Олавы (у верховьевъ), на сѣверозападѣ и западѣ Моравія соприкасалась съ Чехіей. Границу между Чехіей и Моравіей образовали здѣсь обширные лѣса, упоминаемые въ современныхъ грамотахъ. На югѣ границы Моравіи сходились съ границами Чеховъ и Баварцевъ, тутъ была австрійская марка (marca orientalis). На сѣверѣ, за границами Чехіи, отъ истоковъ Моравы и Лабы, въ лучшую пору Великоморавской державы, было нѣсколько славянскихъ народцевъ, жившихъ на Лабѣ, Одрѣ и Вислѣ, которые признавали надъ собою зависимость отъ моравскихъ князей. Въ составъ Великоморавской державы входила и Чехія въ своихъ природныхъ границахъ.

Такимъ образомъ границы Великоморавской державы приблизительно можно опредѣлить такъ. На сѣверѣ, за границами Чехіи и Моравіи, въ составъ ея входили области Славянъ, жившихъ по верховьямъ Вислы, Одры и среднему теченію Лабы (Силезія) до предѣловъ сербскихъ (Limes Sorabicus); на востокѣ отъ верховьевъ Вислы до склона Карпатовъ, отсюда къ Дунаю, по Дунаю до Савы; на югѣ граница шла по Савѣ; на западѣ, по прямой линіи между Petovium и Celeja, съуженная нѣмецкими поселеніями изъ восточной или австрійской марки, граница шла отъ Савы до Дуная, далѣе по рѣкѣ

Дыѣ, захватывая Чехію, къ Saltus Hyrcanus, которымъ эта послѣдняя граничила съ нѣмецкими военными поселеніями (marca Boemica) и затѣмъ къ саксонскому предѣлу (Limes Saxonicus) и Руднымъ горамъ (Miriquidui).

Сосѣди Славянъ, вошедшихъ въ составъ моравской монархіи. Въ то время, какъ Славяне жили еще маленькими общинами, дробившими ихъ силы, значительная часть романо-германскаго міра соединена была династіею Карловинговъ въ одно государство. Въ IX вѣкѣ, ко времени образованія моравской державы, на восточныхъ границахъ своихъ владѣній Франки имѣли обширныя военныя колоніи (марки) для наблюденія надъ славянскими народами и для утвержденія господства въ землѣ ихъ. Вся пограничная линія, начиная отъ нижняго теченія Лабы до Адріатическаго моря, представляла рядъ крѣпостей, снабженныхъ сильнымъ гарнизономъ, кругомъ которыхъ располагались нѣмецкіе поселенцы изъ Саксоніи, Турингіи и Баваріи. Противъ Славянъ, жившихъ между Одрой и Лабой, устроена была сѣверная марка (marca septentrionalis). Со стороны Сербовъ лужицкихъ и Чеховъ была марка сербская и чешская; со стороны Моравіи и Панноніи восточная, ракузская и верхнепаннонская, образовавшія послѣ эрцгерцогство австрійское; наконецъ, южная полоса до самаго Тріеста составляла фурлянское воеводство. Восточными сосѣдями моравскихъ Славянъ были Болгаре. Взаимныя границы тѣхъ и другихъ соприкасались на Дунаѣ и Тиссѣ; иногда Болгаре дѣлались орудіемъ нѣмецкаго короля и вступали съ нимъ въ союзъ противъ Славянъ, а иногда были въ дружественныхъ отношеніяхъ съ моравскими князьями. На сѣверовостокѣ и сѣверѣ сосѣдями Чехо-Моравань были: Слезане, Ополяне, Требовляне, Боборане, Дѣдоши, Сербы лужицкіе, Висляне и другіе народы ляшской вѣтви славянскаго племени [1]).

Окруженная съ трехъ сторонъ горами, Моравія на югѣ лишена естественныхъ границъ; оттого-то по-дунайская равнина легко привлекала славянскихъ поселенцевъ и скоро вошла въ составъ великой Моравіи. Южными своими частями Моравія открыта была для западно-европейской торговли и цивилизаціи, тогда какъ рѣчная область Одры и Вислы представляла возможность сношеній съ народами, занимавшими огромную равнину отъ Урала до Чернаго моря.

Римское господство въ Панноніи надолго оставило глубокіе слѣды образованности и житейской мудрости этого народа. Походы Римлянъ на варварскія племена, жившія у Дуная, открываются съ началомъ христіанскаго лѣтосчисленія. При императорѣ Траянѣ Паннонія получила

---

[1]) Ближайшія и болѣе полныя свѣдѣнія объ этихъ народахъ будутъ даваемы по мѣрѣ того, какъ они входятъ въ разсказъ.

прочное устройство, была раздѣлена на верхнюю и нижнюю, состояла подъ управленіемъ двухъ консуловъ. Дѣлая завоеванія, Римляне умѣли ихъ сохранять за собою посредствомъ военныхъ и гражданскихъ учрежденій въ покоренныхъ земляхъ, стремились пріучить побѣжденныхъ къ своимъ нравамъ и законамъ. Туземцы мало по малу свыкались съ римскою общественною жизнію, усвояли себѣ образованность, науку, искусства, языкъ и письмо, даже роскошный образъ жизни Римлянъ. Могущественнымъ средствомъ, которое употребляли Римляне для распространенія своей образованности между побѣжденными, было переселеніе римскихъ гражданъ въ новыя земли, устройство префектуръ, муниципій и собственно военныхъ колоній изъ ветерановъ. Древнѣйшіе города, построенные Римлянами на Дунаѣ, были: Lauriacum, Lentia (Линцъ), Joviacum (Зальцбургъ), Vindobona (Вѣна), Carnuntum (нынѣшній Petronell), въ подунайской равнинѣ Bregetio, Sirmium и др. [1]) Резиденція намѣстниковъ нижней Панноніи была, вѣроятно, въ Sirmium (Сремъ), верхней либо въ Sabaria [2]), либо въ Carnuntum. Пограничные и внутренніе гарнизоны были орудіемъ центральнаго управленія и посредниками міровой культуры; они образовали цѣпь, замыкавшую всю дунайскую равнину. Сношенія между гарнизонами и связь составныхъ частей пограничнаго войска облегчены были дунайскимъ флотомъ. Онъ состоялъ частію изъ либурнскихъ судовъ [3]) и былъ довольно многочисленъ, чтобы господствовать надъ рѣчною областію. Четыре пристани было въ Норикѣ, пятая въ Вѣнѣ или Карнунтумѣ, три въ Панноніи, изъ которыхъ одна на Савѣ близь Срема. Во времена римскаго господства въ Панноніи и Норикѣ было отъ 60 до 70 тысячъ постояннаго войска [4]). Во времена Тиверія римскій языкъ былъ весьма распространенъ въ Панноніи. Римскія учрежденія въ варварскихъ земляхъ распространялись по направленію торговыхъ дорогъ. Ни средніе, ни новые вѣка не созидали такихъ прочныхъ дорогъ, какія имѣли Римляне. Отъ Аквилеи шли четыре главныя дороги: западная вела въ верхнюю и среднюю Италію, восточная въ Истрію и Далмацію, сѣверовосточная шла по двумъ направленіямъ—одна на Aemona (Любляна), и отсюда на Pettovium (Птуй) къ Дунаю, другая на Siscia (Сисекъ) и Sirmium (Сремъ) въ земли по нижнему Дунаю; сѣверная дорога пересѣкала карнійскіе Альпы и соединялась съ большою дунайскою дорогою; четвертая, чрезъ карнійскіе Альпы, вела въ Регенсбургъ и Аугсбургъ. Важнѣйшія мѣста были связаны второсте-

---

[1]) Pritz Geschichte des Landes ob der Enns. Linz 1846, §§ 13—14 ss. 52—70.

[2]) Stein am anger въ Угріи.

[3]) Либурнія—часть Истріи; Либурнія или Тибурнія главный городъ въ Норикѣ—въ дравской долинѣ—см. у Pritz s. III.

[4]) Büdinger, Oesterreich, Gesch. Leipzig 1858, I. ss. 8—30.

пенными вѣтвями дорогъ. Имѣя первоначально военную цѣль, эти дороги способствовали развитію торговли, распространенію римскаго языка, образованности и христіанства [1]). Подати въ императорское время были очень высоки [2]); мы не знаемъ, сколько платила Паннонія, но важнѣйшія производства и естественныя богатства страны были правительственными регаліями. Сюда относятся: знаменитые золотые рудники въ норійскихъ Альпахъ, мраморныя копи близь Срема, около сербскаго Добрина и др.; на императорскихъ фабрикахъ употребляли пурпуровую краску. Торговля по Дунаю для варваровъ стѣснялась строгими таможенными правилами, запрещался ввозъ оружія за границу. Мало по малу Паннонія достигла извѣстной степени благосостоянія. Преданіе объ этомъ сохранялось до времени Константина Порфиророднаго.

Вмѣстѣ съ Римлянами проникло сюда и христіанство [3]). Опредѣленныя извѣстія о христіанахъ въ Панноніи имѣются отъ IV вѣка. Воздвигнутое Діоклетіаномъ гоненіе на христіанъ коснулось Норика и Панноніи, въ Лавреакѣ пострадало сорокъ исповѣдниковъ христіанства. Со времени Константина (312 г.) христіанство начало успѣшнѣе распространяться, а это повело къ правильному устройству христіанскихъ общинъ. Лавреакъ сдѣлался каѳедральнымъ епископскимъ городомъ, Сремъ митрополіей всей Панноніи и Иллирика.

Гунны опустошаютъ Паннонію, уничтожаютъ слѣды римской цивилизаціи; послѣ нихъ подунайскою равниной владѣли разные нѣмецкіе народы, послѣдними господствовали Лонгобарды. Въ 586 г. они передвинулись въ Италію, оставивъ дунайскія области народамъ другого племени. Хотя Паннонія не имѣли уже тогда прежняго благоустройства, населенныхъ городовъ, промышленности и т. п. [4]), но римскіе граждане долго еще упоминаются въ грамотахъ, торговая дѣятельность, временно прерванная, возобновляется на Дунаѣ и по римскимъ дорогамъ [5]).

---

[1]) О римскихъ дорогахъ—Pritz въ указанномъ сочиненіи, ss. 64—8; Büdinger ss. 18—20; Dudik—Mährens allgemeine Geschichte I ss. 70—4. Brünn 1860.

[2]) Съ Галліи, напр., при подчиненіи ея, взято было приблизительно 2,860,000 талеровъ, при Константинѣ 120 мил. талеровъ, при Юліанѣ 33 съ полов. мил.

[3]) Geschichte des Landes ob der Enns I. s. 120—142.

[4]) Vita S. Emerami. Acta SS. Septembr. p. 472.

[5]) Предметъ, котораго мы только коснулись, прекрасно разработанъ у Притца, начиная съ § 9 до 26. См. также Büdinger въ указанномъ соч. s. 8—60; Dudik въ Mährens allgem. Gesch. ss. 5—53.

1. Авары и Славяне. Держава Само.

Первый извѣстный исторіи народъ, поселившійся въ областяхъ къ сѣв. отъ Дуная, суть Бойи—вѣтвь многочисленнаго и могущественнаго племени кельтскаго или галльскаго (ок. 388 г. до Р. Х.). Хотя Бойи владѣли не одною нынѣшнею Чехіей, но и смежными частями Баваріи, Австріи и Моравіи, имя ихъ тѣмъ не менѣе пріурочено во всей западной Европѣ только къ Чехіи (Boiohemum, Böheim, Böhmen). Южныя области отъ Дуная заняты были народами кельтскаго племени. Бойевъ вытѣснили Квады и Маркоманны, овладѣвшіе Моравіей и Чехіей; это была вѣтвь племени германскаго, доставлявшая не мало хлопотъ римскимъ императорамъ отъ I до конца IV вѣка по Р. Х. Для отраженія набѣговъ ихъ строились пограничныя крѣпости, содержалось въ Норикѣ и Панноніи много солдатъ. Съ конца IV вѣка начинаются постоянныя вторженія нѣмецкихъ народовъ въ римскія области на Дунаѣ. Движеніе ихъ усилилось Гуннами, народомъ монгольскаго происхожденія, который въ 366 году появился въ южной Европѣ. Подчинивъ себѣ Остъ-Готовъ, въ равнинахъ Понта, Гунны заняли Дакію, двинулись за Тиссу и черезъ Дунай. Впереди ихъ или вмѣстѣ съ ними съ сѣвера и востока ворвались въ Паннонію подчиненные имъ германскіе и сарматскіе народы. Въ слѣдствіе передвиженія огромныхъ массъ народа на широкомъ пространствѣ Европы, извѣстнаго подъ именемъ великаго переселенія народовъ, оставили первоначальныя мѣста своего жительства и Славяне, многочисленное племя, издавна поселившееся на этомъ материкѣ.

Не въ одно и тоже время всѣ вѣтви славянскаго племени заняли тѣ страны, въ которыхъ онѣ живутъ теперь. Весьма вѣроятно, что съ Гуннами увлечено было много Славянъ. Городъ Атиллы представляетъ въ описаніи Приска черты славянскія. Здѣсь встрѣчаемъ и бани, и деревянный городъ, и медъ, и просо, и напитокъ «камасъ,» можетъ быть квасъ. У писателей долго употреблялось безразлично имя Гунновъ и Славянъ [1]); вообще можно относить первоначальное переселеніе Славянъ за Дунай, въ восточную половину древней Мизіи и нынѣшнюю Болгарію, къ концу IV или началу V вѣка [2]). Переселеніе совершалось мирнымъ путемъ и частію было поощряемо императорами. Въ продолженіе трехъ вѣковъ (IV—VII) Славяне разсели-

---

[1]) Tafel De Thessalonica. s. LVI. Шафарикъ. Т I, кн: 11. стр. 94—5.

[2]) Слав. Древности Шафарика т. II, кн. I. стр. 255. Tafel, De Thessalonica ejusque agro. Berolini 1839. s. LV. squ. Zeuss, Die Deutschen und die Nachbarstämme, München 1837. ss. 606—16, 624—8.

лись по Ѳракіи до Адріанополя, по Македоніи до Солуни, по Албаніи, Ѳессаліи и Ливадіи, перешли даже въ Пелопоннесъ и на сосѣдніе острова. Заселеніе Славянами земель на сѣверъ отъ Дуная—нынѣшней Моравіи и Чехіи—случилось нѣсколько позже. Квады и Маркоманны оставили издавна обитаемую ими страну не ранѣе 451 года, когда Атилла, направляясь съ 500,000 войска въ Галлію, проходилъ Чехіей и долженъ былъ или прогнать ихъ, или взять съ собою. Но въ 494 г. часть Геруловъ, послѣ пораженія, понесеннаго отъ Лонгобардовъ, искала новыхъ мѣстъ поселенія на сѣверѣ; при этомъ она проходила чрезъ земли, заселенныя Славянами, получивъ отъ нихъ свободный пропускъ [1]). Можно полагать, что въ концѣ V в. Моравія и Чехія были уже заняты вѣтвію славянскаго племени, Чехо-Моравами. Въ 586 г. Лонгобарды идутъ изъ Панноніи въ Италію, уступая мѣсто Аварамъ и Славянамъ [2]).

Родственные Гуннамъ и Туркамъ, Авары двинулись [3]) около половины VI вѣка изъ странъ при-каспійскихъ, перешли Волгу, покорили себѣ часть Гунновъ-Утъ-Ургуровъ и Кутъ-Ургуровъ — на Азовскомъ морѣ, боролись со Славянами Антами на Днѣпрѣ и безпокоили Сла-
567 г. вянъ, жившихъ на Днѣстрѣ. На Лабѣ перешли они франкскую границу и здѣсь одержали побѣду надъ королемъ Сигибертомъ. Приглашенные Лонгобардами на помощь противъ Гепидовъ, они овладѣли землею Гепидовъ, а потомъ Панноніею и Угріею, когда Лонгобарды ушли въ Италію. Владѣя землями на огромномъ протяженіи, Авары основали на Дунаѣ и Тиссѣ, подъ долголѣтнимъ правленіемъ Баяна, сильное государство. Авары являются въ Европѣ *совершенными* хищниками. Предводитель ихъ, каганъ, хвалясь своею силою, съ пренебреженіемъ относится ко всѣмъ другимъ народамъ. Иноземные послы по нѣскольку дней стаивали передъ палаткой хана въ ожиданіи, когда ему заблагоразсудится позвать ихъ. Если предметъ посольства ему не нравился, осыпалъ онъ посла и его повелителя презрительными словами, приказывалъ разграбить его имущество. Отъ союзниковъ онъ требовалъ денегъ, отъ подданныхъ рабской службы, предпринималъ постоянные походы на сосѣднія страны, чтобы занять и обогатить добычею своихъ воиновъ. Иногда онъ бывалъ великодушенъ: нѣсколько тысячъ Византійцевъ, освобожденныхъ имъ изъ славянскаго плѣна, выпускаетъ на свободу безъ всякаго выкупа; въ другой разъ

---

[1]) Procopius De bello Gothico 11, 15. III. 40. ap. Muratori Script. rer. Italic. Герулы занимали въ то время Панноніи.

[2]) Paul. Diacon. Lib. II. c. 7. ap. Muratori. Script. T. I.

[3]) Византійск. изв. у Stritter, Memoriae Populorum. Пособія: Шафарикъ, Т. II, кн. 1, 91 и сл. Zeuss, ss. 727—742· Büdinger, 1.ss, 61—78; Pritz, 1. § 26.

торгуется въ цѣнѣ за каждаго плѣннаго и, не получая выкупа, хладнокровно убиваетъ тысячи плѣнниковъ. Въ припадкѣ добродушія предлагаетъ жителямъ осажденнаго византійскаго городка съѣстные припасы на пасху и требуетъ, въ замѣнъ своей обязательности, табаку, щадитъ городъ Анхилаусъ, цѣлебныя воды котораго помогли любимѣйшей изъ его женъ. Узнавъ, что при императорскомъ дворѣ содержатся рѣдкіе звѣри, проситъ себѣ въ подарокъ слона: императоръ посылаетъ самаго красиваго изъ своихъ слоновъ, но каганъ отсылаетъ его назадъ и требуетъ золотого престола. Получивъ и престолъ, возвышаетъ сумму платимой ему имперіей дани. Въ 582 г., въ мирное съ имперіей время, соединяетъ мостомъ изъ судовъ два города на Савѣ: Сремъ и Бѣлградъ. Римскіе начальники города просятъ у него объясненій. Для успокоенія ихъ онъ произноситъ клятву: «Пусть я и народъ мой погибнемъ отъ меча, пусть небо обрушится на насъ, громъ поразитъ, горы и лѣса покроютъ, пусть воды Савы потопятъ насъ, — если мы сдѣлаемъ какое зло императору». Когда былъ готовъ мостъ, онъ приказываетъ сказать: «нечего императору заботиться о городѣ, пусть онъ отзоветъ войско и выведетъ жителей, городъ для него уже почти потерянъ!»

Авары дѣлились на колѣна и роды. Мужчины были высокаго роста и крѣпкаго сложенія. Желѣзные и кожаные панцыри покрывали грудь всадника и лошади; на быстрыхъ коняхъ, подобно вихрю, появлялись они въ странѣ и также быстро исчезали. Передъ сраженіемъ употребляли разныя средства, чтобы напугать и спутать непріятеля; первый натискъ врага выдерживали всегда подчиненные имъ народы, которыхъ они ставили впереди главнаго войска. Сами вступали въ дѣло только тогда, когда ослабѣвалъ передовой отрядъ ихъ или когда нужно было гнать и грабить побѣжденныхъ непріятелей. Осадное искусство имъ не было извѣстно; плѣнные Византійцы приготовляли осадныя машины, съ которыми появлялись Авары подъ укрѣпленными городами имперіи; рѣчныя суда строили имъ Славяне, морскія—Лонгобарды. Такъ, искусствомъ подчиненныхъ народовъ пользовались Авары въ военномъ дѣлѣ; только въ укрѣпленіи собственной земли они не пользовались чужими трудами. Мѣста своего жительства Авары окружали на большомъ протяженіи окопами, изгородями, и укрѣпленная такимъ образомъ мѣстность у современныхъ писателей носила названіе хринга. Укрѣпленіе, образующее хрингъ, сдѣлано было изъ дубовыхъ, буковыхъ и сосновыхъ деревъ и имѣло до 20 футовъ въ вышину и ширину. Маленькіе проходы въ этомъ укрѣпленіи вели въ самый хрингъ. Хринги располагались одинъ отъ другого приблизительно на пространствѣ десяти миль. Селенія аварскія внутри хринговъ располагались такимъ образомъ, чтобы изъ одного селенія можно было услышать человѣческій голосъ въ другомъ. Такихъ хринговъ особенно

много было въ паннонской долинѣ; два въ концѣ VIII вѣка находились въ нынѣшней нижней Австріи [1]); насыпи въ Чехіи, въ Быджовскомъ округѣ, указываютъ также на аварскій хрингъ. Въ главномъ хрингѣ—между Дунаемъ и Тиссою—скоплялась военная добыча. Авары не знали никакой связи между собою, сила ихъ основывалась на личныхъ достоинствахъ предводителя. Кто больше даетъ имъ денегъ, тому они и служатъ, и массами переходятъ на сторону врага. Они не имѣли даже зачатковъ культуры; во все время исторической жизни своей не занимались хлѣбопашествомъ и нуждались въ такихъ подданныхъ, которые бы кормили ихъ, воздѣлывая для нихъ землю. Тѣснимые, а частію и увлекаемые Аварами, Славяне съ конца VI вѣка разселяются на западъ въ сосѣдство съ германскими поселеніями, на югъ до границъ Византійской имперіи. Быстрое проникновеніе Славянъ въ Норикъ и Паннонію, занятіе всей мѣстности отъ Адріатическаго до Чернаго моря объясняются именно тѣмъ, что распространеніе ихъ шло рядомъ съ завоеваніями Аваръ. Первое упоминаніе о Славянахъ встрѣчается въ половинѣ VI вѣка (551 — 2 г.) [2]). Тогда уже они, перешедши Дунай, угрожали Македоніи и намѣревались завладѣть Солунью. Затѣмъ, къ концу столѣтія, они дѣлаютъ постоянныя вторженія и завоеванія въ областяхъ имперіи.

Византійскому правительству приходилось бороться съ двумя опасными врагами. Иногда удавалось ему дорогимъ выкупомъ получить миръ отъ Аваръ, уступкою земли купить безопасность у Славянъ, иногда, раздувая раздоръ между тѣми и другими, направлять ихъ силы
581 г. ко взаимной войнѣ. Въ 581 г. 100,000 Славянъ вторгается во Ѳракію; императоръ посылаетъ къ кагану посольство и проситъ, чтобы онъ напалъ на Славянъ въ собственной землѣ ихъ. Съ 60,000 тяжело вооруженныхъ воиновъ двинулся Баянъ къ Дунаю, переправился черезъ рѣку и опустошилъ славянскія селенія [3]), но эти, уклоняясь отъ сраженія на ровномъ и открытомъ мѣстѣ, разошлись по болотамъ и ущеліямъ [4]). Въ 583 г. Славянами сдѣлано было еще нападеніе на Ѳракію, сопровождавшееся поселеніемъ части ихъ на завоеванной землѣ. Ви-

---

1) Einhardi annales ad ann. 791. apud Pertz Scr. T. I.

2) У Прокопія De bello Gothico III. 38, 40. и De bello Persico II. 4. называются они Гуннами; онъ говоритъ о движеніи ихъ за Дунай къ Ѳессалоникѣ. См. Тафеля, p. LVI, прим. 34.

3) Свидѣтельства Византійцевъ о нападеніяхъ Славянъ и Аваровъ на имперскія области собраны въ Stritteri Memoriae Populor. Pars 1. Slavicorum. Весьма важное значеніе имѣетъ житье Димитрія Солунскаго въ Acta SS. за октябрь подъ 26 числомъ. Имъ пользуется и даетъ хорошій отзывъ Тафель въ описаніи славянскихъ войнъ съ Солунянами ss. LV—XCVI.

4) Stritter. Pars 1. Slavicorum. § 58.

зантійцы замѣчаютъ, что это произошло по наущенію Аваръ[1]). Во время императора Маврикія (582—602) Славяне проникли въ Македонію, стали угрожать Солуни, богатѣйшему и могущественному городу греческому во всей Ѳракіи и Иллиріи. Въ VI вѣкѣ было два нападенія Славянъ на этотъ городъ, первое около 583, второе около 597 г.[2]). Каганъ аварскій, въ тоже самое время, безпокоилъ имперію со стороны Ѳракіи. Императорамъ по необходимости приходилось уступить соединенной силѣ Славянъ и Аваръ, платя дань послѣднимъ, отдавая земли первымъ.

Почти со всѣми славянскими вѣтвями каганъ вошелъ въ сношенія: съ одними былъ въ союзѣ, нѣкоторыхъ подчинилъ. Есть извѣстіе, что около 578 г. каганъ отправилъ посольство къ одному славянскому князю, Лавритѣ, съ требованіемъ отъ него покорности и дани. Лаврита гордо отвѣчалъ: «Есть ли кто изъ людей подъ солнцемъ, кто бы могъ подчинить себѣ и сокрушить наше могущество? Мы привыкли господствовать сами, а не повиноваться чужимъ властителямъ; и мы не измѣнимъ себѣ, пока существуетъ война и мечъ!» [3]) Подчиненные Аварамъ Славяне должны были, вмѣстѣ съ ними, предпринимать походы на сосѣдей, съ 586 г. является флотъ и пѣшее войско изъ Славянъ въ аварской службѣ. Въ 596 г. Авары переходятъ изъ Панноніи въ Турингію, чтобы воевать съ Франками — это доказываетъ, что Чехія тогда была уже подчинена [4]). Подчиняя ближайшіе народы, искалъ Баянъ союза съ болѣе отдаленными. Такъ, посылалъ пословъ къ Славянамъ полабскимъ, предлагалъ имъ подарки и просилъ прислать вспомогательный отрядъ. Когда императоръ Маврикій воевалъ съ Аварами, щитоносцы его привели къ нему въ лагерь трехъ плѣнниковъ. Они были безоружны и имѣли у себя однѣ цитры. Императоръ спрашивалъ ихъ: кто они, откуда пришли?—Мы Славяне, былъ отвѣтъ, наша родина у западнаго океана. Ханъ аварскій просилъ союза у князей нашихъ; мы не могли принять его предложенія, потому что насъ отдѣляетъ отъ него такое огромное пространство, что нужно провести въ дорогѣ 15 мѣсяцевъ [5]). Въ началѣ VII вѣка Авары овладѣли Далмаціей, опустошили Фріуль [6]). Границы ихъ владѣній простирались отъ Сосновыхъ горъ до нижняго Дуная и отъ Карпатовъ до Адріатическаго моря. Въ это же

---

[1]) Romanos Abari, non illi quidem manifeste, sed intertius quodammodo ac dolosius adoriuntur. Sclavini ab ipsis submissi ac subornati... Romanae telluris partem latissimam occupant.

[2]) Слѣдуемъ выводамъ Тафеля, s. LX—LXVI.

[3]) Stritter Pars I, Slavicorum § 50.

[4]) Исторія Государства Россійскаго Карамзина, т. I, стр. 25—7.

[5]) Memoriae Populorum, T. II, p. 72.

[6]) Stritter Memor. popul., Pars I § 4, 5, 6.

самое время и славянскія поселенія распространяются съ замѣчательною быстротою по Стиріи, Хорутаніи, Крайнѣ, въ верхнедравской равнинѣ по самый Тироль. Очень вѣроятно, что сами аварскіе каганы способствовали быстрому заселенію этихъ странъ, переводя сюда толпы зависѣвшихъ отъ нихъ задунайскихъ Славянъ [1]).

Славяне недолго оставались въ служебныхъ и данническихъ отношеніяхъ къ Аварамъ. Воинственные завоеватели, живущіе грабежемъ и набѣгами, должны были скоро уступить соединеннымъ силамъ осѣдлаго племени. За крайнею скудостію извѣстій, относящихся до первой славянской державы, мы не можемъ прослѣдить въ подробностяхъ ни обстоятельствъ возникновенія, ни размѣровъ, ни продолжительности существованія ея [2]).

Въ 626 г., въ союзѣ съ Персами, Авары приступили къ осадѣ Константинополя. «Отдайте мнѣ все, или я уничтожу городъ и уведу въ плѣнъ всѣхъ жителей» говорилъ каганъ на мирныя предложенія Византійцевъ. 31 іюля началась осада; самъ каганъ распоряжался приготовительными работами; длинною линіей въ два ряда выстроились Славяне. Множество стѣноломовъ и подвижныхъ машинъ разставлено подъ стѣнами города, и огромное число маленькихъ лодокъ со славянскими матросами готово было войти въ проливъ и отсюда угрожать городу. Но Византійцы обманомъ уничтожили весь флотъ аварскій: «море потемнѣло отъ пролитой крови; прикрытое отрядомъ всадниковъ попятилось аварское войско назадъ.» Отступленіе Аваръ отъ Константинополя послѣ потери флота, составлявшаго совсѣмъ не главную силу ихъ, объясняется только въ связи съ событіями, дѣйствующимъ лицемъ которыхъ былъ Само [3]). Нѣтъ сомнѣнія, что Чехи, Мораване и другіе славянскіе народы неохотно несли иго Аваръ. Мы знаемъ положительный отказъ Славянъ полабскихъ вступить въ союзъ съ каганомъ и гордый отвѣтъ князя Лавриты на предложеніе платить кагану дань; воспоминаніе объ Обрахъ (Авары) и ихъ тяжеломъ обращеніи съ подвластными народами долго жило и у Славянъ русскихъ.

---

[1]) Шафарикъ Т. II, кн. 11, § 35. 1. Zeuss. ss. 616—20.

[2]) Главный и единственный источникъ для исторіи южныхъ и югозападныхъ Славянъ VII в. есть Фредегаръ ар. Bouquet, II. Разборомъ его извѣстій занимался Палацкій «Ueber den chronist. Fredegar» въ Jahrbücher d. Böhmisch. Museums. 1830. Historia Conversionis Carantanorum. ed. Copitaris въ Glag. Glozianus, у Pertz, SS. t. XI. Шафарикъ, т. II, кн. 11, § 39. Büdinger, Oesterreichische Geschichte, s. 75 и слѣд. Palacky, Dějiny. I str. 101. Giesebrecht, Geschichte der Deutschen Kaiserzeit I. s. 92 и слѣд.

[3]) Византійцы говорятъ—Büdinger, s. 75—что всѣ Славяне отказались служить въ войскѣ кагана. Но вѣроятнѣе, что къ этому времени начались волненія между Славянами на всемъ протяженіи аварской области и что эти волненія заставили кагана лично отправиться со всѣмъ войскомъ къ непокорнымъ подданнымъ.

Около 623 года [1]) въ Чехіи начались серьезныя попытки противостать насилію Аваръ. Къ этому времени явился къ Чехамъ одинъ купецъ, именемъ Само, Славянинъ по происхожденію [2]). Онъ принялъ участіе въ начавшемся противъ Аваръ движеніи, своею энергіею сообщилъ ему значительную силу и распространилъ за предѣлы Чехіи. Сначала Авары, занятые приготовленіемъ къ войнѣ, а потомъ походомъ на Византію, не обращали вниманія на внутреннія волненія подчиненныхъ имъ народовъ; но когда Славяне отказались служить Аварамъ, а внутри славянскихъ земель подготовилось возстаніе, тогда каганъ пошелъ на нихъ съ своимъ войскомъ. Славяне одержали побѣду, потомъ выбрали Само въ короли. Подъ его правленіемъ, продолжавшимся 35 626—7 гг.
лѣтъ, они вели частыя войны съ Аварами и каждый разъ оставались побѣдителями [3]). Авары въ постоянныхъ неудачахъ растратили свои силы, Чехія и Моравія освободились отъ ихъ зависимости. Образованію новаго государства немало способствовало внутреннее неустройство въ самомъ аварскомъ царствѣ. Притѣсняемые доселѣ народы стали примыкать къ новообразовавшемуся славянскому государству, и широкія пустыни, окружавшія аварскую землю, стали заселяться

---

[1]) Хронологическимъ указаніямъ Фредегара не слѣдуетъ безусловно довѣрять. Писалъ онъ свою хронику, по крайней мѣрѣ о Само, въ послѣдней четверти VII вѣка и не былъ очевидцемъ событій 623—32 годовъ. Его достовѣрность тѣмъ болѣе сомнительна, что онъ имѣлъ недостатки большей части средневѣковыхъ писателей: незнаніе, вымыселъ, односторонность и пристрастіе.

[2]) Славянское происхожденіе Само доказывается его отношеніями къ Франкамъ, въ которыхъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на происхожденіе его или подданство франкское; при постоянной враждѣ между Франками и Славянами невѣроятно предположеніе, чтобы одни изъ нихъ явились на помощь другимъ и чтобы чужеземцу добровольно предложено было царское достоинство; при дворѣ Само господствовали славянскіе обычаи, такъ что посолъ Дагобертовъ долженъ былъ одѣться въ славянскую одежду, чтобы быть впущеннымъ къ Само; имя Само славянское, нельзя не признать въ немъ краткую форму отъ Самославъ—Шафарика т. II, кн. 11, § 39. 2. Франкское происхожденіе Само доказываетъ Бюдингеръ Oesterreich. Gesch. s. 76. на основаніи словъ Фредегара, c. 48: Homo quidam nomine Samo, natione Francus, de pago Sennonago.... Наши отечественные источники показываютъ, что такъ называемые гости, т. е. большіе купцы, приходившіе изъ чужихъ сторонъ, были, вмѣстѣ съ тѣмъ, и воинами и нерѣдко, въ военное время, предводили цѣлымъ войскомъ. Нельзя не обратить вниманія при этомъ на догадку Палацкаго, принятую и Шафарикомъ, что Само происходилъ изъ края Славянъ Велетовъ, долгое время тѣснимыхъ и наконецъ въ 622 г. подчиненныхъ Франками. Если Само, избѣгая владычества Франковъ, переселился къ своимъ братьямъ, въ такомъ случаѣ не былъ бы удивителенъ выборъ его въ вожди, а потомъ и въ короли.

[3]) Fredegar. c. 48. Vinidi cernentes utilitatem Samonis eum super se eligunt regem ubi 35 annos regnavit feliciter..... suo consilio et utilitate Vinidi semper superarunt. Лѣтописецъ не указываетъ года, когда Славяне одержали побѣду надъ Аварами и выбрали Само въ короли, вѣроятно не ранѣе 626 или 627 года.

новыми жителями, которые открыто возставали противъ утѣснителей. Императоръ Гераклій (610—641) около 630 года отдалъ Хорватамъ Далмацію для заселенія ея. Хорваты ведутъ съ Аварами войну и тѣснятъ ихъ отъ Далмаціи [1]). Нѣсколько позже часть Сербовъ просила у императора земель въ предѣлахъ имперіи, Сербамъ уступленъ былъ югъ Македоніи въ округѣ города Солуни [2]). Такимъ образомъ новые поселенцы оттѣсняли Аваръ съ юга и запада и помогали усиленію державы Само. Отъ 627 до 630 года къ Само должны были примкнуть всѣ бывшіе подъ гнетомъ Аваръ Славяне, въ надеждѣ на лучшую участь подъ зависимостію соплеменниковъ [3]). Событія 630 года показываютъ, что тогда держава Само имѣла уже протяженіе, переходившее за границы Чехіи и Моравіи.

Въ то время, какъ Византія напрягала всѣ силы, чтобы устоять противъ напора враговъ, Франкамъ, при ослабленіи Аваръ, открывалось широкое поприще на Дунаѣ. Дагобертъ, король франкскій, имѣлъ намѣреніе распространить свои предѣлы до сосѣдства съ Византіей, а это можно было сдѣлать, только одержавъ побѣду надъ Само и обезсиливъ союзъ славянскій. Въ 629 г. онъ заключилъ вѣчный миръ и союзъ съ императоромъ византійскимъ Гераклiемъ [4]). Въ слѣдующемъ году произошелъ разрывъ между Франками и Само. Поводомъ къ обнаруженію неудовольствій было то, что франкскіе купцы, торговавшіе въ славянскихъ земляхъ, подчиненныхъ Само, были разграблены и убиты Славянами. Дагобертъ, считая нарушенными права франкскаго народа, чрезъ своего посла, по имени Сихара, потребовалъ отъ Само удовлетворенія [5]). Сихару съ большимъ трудомъ удалось представиться Само: не получая доступа къ нему, какъ чужеземный посолъ, онъ одѣлся въ славянскую одежду, пробрался къ Само и высказалъ ему требованіе Дагоберта. Славянскій князь, оскорбленный настойчивымъ требованіемъ франкскаго посла, отказался отъ переговоровъ и приказалъ

---

[1]) Constantin. De administrando imperio c. 30. Отдѣльное изд. Anselmi Bandurii Imperium Orientale, или Stritteri, Memoriae Populorum II. 151.

[2]) Ibidem. c. 32.

[3]) Кажется, что Само оставлялъ неприкосновеннымъ внутреннее управленіе подчинявшихся ему Славянъ, напр. Дерванъ въ полабской Сербіи и Валюхъ въ краѣ вендскомъ—какъ увидимъ далѣе.

[4]) Fredegar c. 58; Jirecek, Oesterreichische Gesch. für d. Volk, s. 86. Wien 1865.

[5]) Довольно замѣчательное мѣсто (Fredeg. c. 58) съ точки зрѣнія международныхъ отношеній въ такую отдаленную пору. Палацкій, въ цитованной уже статьѣ о хронистѣ Фредегарѣ, замѣчаетъ по поводу этого мѣста: два государства не трактуютъ о нарушеніи между ними права, если ихъ отношенія не установлены были прежде. И какъ Дагобертъ первый проложилъ путь къ переговорамъ, «so muss er auch zweckmässiger Gerechtigkeitspflege von seite Samos gewärtig gewesen seyn».

прогнать его [1]). Началась война между Само и Дагобертомъ. Франкское войско должно было раздѣлиться на три отряда, чтобы одновременно дѣйствовать въ разныхъ частяхъ великой державы Само; славянскіе народы отъ чешскихъ Рудныхъ горъ до юлійскихъ Альповъ призваны были къ оружію. Лонгобарды и Аллеманы двинулись въ Хорутанію и Ракусію, австрійское войско направилось къ Чехіи, главныя силы Франковъ и Славянъ встрѣтились у Вогастисбурга [2]). Здѣсь, послѣ трехдневной битвы, Франки потерпѣли совершенное пораженіе, большая часть войска Дагобертова пала на мѣстѣ, побѣдителямъ досталось много военной добычи. Пораженіе при Вогастисбургѣ надолго 630 г.
пріостановило успѣхи франкскаго народа и задержало стремленіе его къ Дунаю. Славяне неоднократно потомъ дѣлали вторженія въ сосѣднія франкскія области, распространяясь далѣе къ западу. Ближайшимъ слѣдствіемъ этой побѣды для Славянъ было то, что Дерванъ, князь Сербовъ, жившихъ между Лабой и Салой, свергъ франкское иго и присоединился къ союзу славянскихъ народовъ подъ главенствомъ Само. Съ этимъ вмѣстѣ и первое славянское государство получило округленіе и бо́льшую силу.

Около этого же времени Славяне оказали весьма важную услугу Болгарамъ—обстоятельство, довольно рѣзко характеризующее тогдашнее политическое положеніе Славянъ. Болгаре и Авары, родственные по происхожденію, уже съ давнихъ поръ соединялись вмѣстѣ для военныхъ походовъ. Въ началѣ VII вѣка Болгаре значительно усилились, когда изъ приволжскихъ степей пришелъ одинъ начальникъ болгарскаго племени и отдался со своею ордою подъ власть кагана аварскаго. По смерти этого послѣдняго Болгаре хотѣли сдѣлать каганомъ лице изъ своего племени, но Авары подняли оружіе за своего соплеменника [3]). Болгаре, принужденные уступить превосходству силы, оставили Паннонію и обратились къ королю Дагоберту съ просьбою позволить имъ поселиться въ какомъ нибудь мѣстѣ франкскаго королевства. Король позволилъ имъ перезимовать въ Баваріи, обѣщаясь предложить ихъ просьбу на разсмотрѣніе франкскому народу. Между тѣмъ, лишь только Болгаре размѣстились по квартирамъ (9000 человѣкъ), приказано было всѣхъ ихъ перебить въ одну ночь. Только одинъ Алцикъ съ 700 Болгаръ спасся бѣгствомъ къ Славянамъ, въ

---

[1]) Sicharius, sicut stultus legatus, verba improperii, quae iniuncta non habuerat et minas adversus Samonem loquitur, eo quod Samo et populus regni sui Dagoberto deberent servitium. Fred. c. 68.

[2]) Положеніе его точно не опредѣлено, — Palacky, Dějiny str. 99, прим. 27; но нужно думать, что это было въ Чехіи: Togastisburg, Togast, нынѣ Домажлицы,— Шафар. § 39, прим. 27.

[3]) Fredeg. c. 72.

вендскую марку. Была ли эта марка на западѣ Чехіи, въ нынѣшнемъ краѣ хебскомъ [1]), или въ Хорутаніи [2]), гдѣ послѣ встрѣчаемъ князя Валюха, важно тутъ то, что князь вендской марки, оказывая покровительство Болгарамъ, могъ ожидать мести со стороны Аваръ и Франковъ. Не бояться такихъ сильныхъ враговъ онъ могъ только въ надеждѣ на могущественную защиту со стороны Само.

Въ 631—2 году Славяне сдѣлали нападеніе на Турингію и стали тѣснить Франковъ къ западу. Съ большимъ войскомъ Дагобертъ двинулся изъ Меца къ Майнцу, чтобы здѣсь переправиться за Рейнъ [3]) и выступить противъ Славянъ; но его безуспѣшный походъ не могъ остановить движенія Славянъ. Король принужденъ былъ освободить Саксовъ отъ дани, наложенной на нихъ Лотаремъ, лишь бы они защитили границы франкскаго государства отъ нападеній Славянъ. Когда же нападенія стали повторяться съ новою силой, Дагобертъ, на сеймѣ въ Мецѣ, рѣшился раздѣлить свое государство на три части, чтобы каждая сама изыскивала средства къ защитѣ. Сына своего, Сигиберта, онъ возвелъ въ короли Австразіи и назначилъ Мецъ его столицей. Для Турингіи былъ поставленъ отдѣльный герцогъ въ лицѣ Раудульфа; но и дѣленіе не принесло ожидаемой пользы. Герцогъ турингскій сталъ стремиться къ независимости, вошелъ въ дружественныя сношенія съ Само, по отношенію къ королю велъ себя *«высокомѣрно, какъ король Турингіи»* [4]).

Этимъ кончаются извѣстія о первомъ славянскомъ государствѣ. Изъ того, что говоритъ Фредегаръ, единственный источникъ этой эпохи, о Раудульфѣ, о стремленіи его къ независимости отъ франкскаго короля, можно еще заключать о дѣятельности Само между Славянами до 641 года. Затѣмъ, и вся исторія Европы и, въ частности, исторія Славянъ, покрыта непроницаемымъ мракомъ на сотню слишкомъ лѣтъ, пока побѣды Карла Великаго и лѣтописцы его времени не разогнали

---

[1]) Шафарикъ § 39, 1 примѣч. 2.

[2]) Palacky, Dějiny I. str. 99; Oesterreich. Gesch. für das Volk, s. 90.

[3]) Главное поле дѣятельности Само нужно искать въ Чехіи, а не въ Хорутаніи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ во 1-хъ то, что Само всегда является съ войскомъ въ предѣлахъ Турингіи, близь владѣній мишенскихъ и лужицкихъ Сербовъ; таковы его походы 630, 31, 32 и 33 годовъ; во 2-хъ, Дагобертъ дважды направляется противъ Само изъ Меца черезъ Майнцъ и Турингію,—этотъ путь ведетъ къ Чехіи; въ 3-хъ, о Само въ Хорватіи и Хорутаніи исторія не сохранила никакихъ воспоминаній. Что касается похода Лонгобардовъ и Аллеманъ, то онъ предпринятъ былъ противъ союзниковъ Само на Дунаѣ, съ цѣлію удержать ихъ отъ соединенія съ главнымъ войскомъ Само, которое было стянуто къ Вогастисбургу. Свидѣтельство Anonymi Salisburgensis о Само, какъ записанное спустя 200 лѣтъ послѣ событій, не имѣетъ никакого значенія. См. Древности Шафарика, § 39. 2, примѣч. 21.

[4]) Fredegar, c. 77, 87.

этотъ мракъ. Само царствовалъ надъ Славянами 35 лѣтъ, смерть его должна относиться къ 662 году.

Его политическая дѣятельность, такъ успѣшно начатая, не могла кончиться на половинѣ; дѣло объединенія Славянъ, вѣроятно, проведено было далѣе, потому что требовались дружныя усилія всѣхъ Славянъ, чтобы сдержать напоръ Аваръ и Франковъ. Не безосновательно, поэтому, движеніе Славянъ изъ Бѣлосербіи и Бѣлохорватіи [1]) поставить въ связь съ дѣятельностію Само. Вѣроятно, онъ стремился къ подчиненію себѣ Славянъ, жившихъ на Вислѣ и Одрѣ; вѣроятно, что нѣкоторые изъ нихъ, не желая пристать къ союзу славянскихъ народовъ, принуждены были оставить свою страну и двинуться на югъ, къ границамъ восточной имперіи, гдѣ императоръ Гераклій и позволилъ имъ поселиться. Это довольно позднее переселеніе Славянъ, причинъ котораго не зналъ Константинъ Багрянородный, могло быть вызвано только подобнаго рода побужденіями.

Само основалъ первое великое славянское государство. Зерно его находилось въ Чехіи, а границы простирались на югѣ къ самымъ стырійскимъ Альпамъ, на востокѣ къ Татрамъ, на сѣверѣ почти къ Спревѣ и Гаволѣ, на западѣ довольно глубоко въ нѣмецкія земли [2]). Со смертію Само разложилась снова его держава на свои составныя части. Его 22 сына, вѣроятно, сдѣлались князьями въ разныхъ областяхъ обширнаго государства и, какъ много примѣровъ въ исторіи, разрушили дѣло отца. Уже святой Эмерамъ, проповѣдывавшій въ Баваріи около 680 года, писалъ о землѣ по Энжѣ, сосѣдней съ Паннонией: населенные и богатые города ея обращены въ развалины, вся страна по обѣ стороны Энжи представляетъ пустыню, дикіе звѣри водятся въ такомъ количествѣ, что страшно путешественнику пускаться по ней въ дорогу [3]). Замѣтимъ, въ заключеніе, что держава Само и впослѣдствіи возникавшія обширныя славянскія монархіи имѣютъ между собою сходство въ томъ, что онѣ вызываемы были историческою необходимостію, потребностію сдержать слишкомъ опаснаго врага; послѣдующія монархіи, образовавшіяся по начину моравскихъ, чешскихъ и польскихъ князей, достигали почти тѣхъ же самыхъ размѣровъ, включали въ себя тѣже самые народы, что и держава Самова. 662 г.

---

[1]) Const. De administr. imperio, c. XXX—XXXII. Una autem generatio, nempe quinque fratres.. duaeque sorores... una cum suis populis discendens ab ipsis in Dalmatiam venit. Sciendum est Servios oriundos esse a Serbiis non baptizatis, qui... ulteriora Franciae incolunt..... Principatu autem Serbiae a patre ad duos fratres devoluto, alter, sumpta populi parte dimidia, ad Romanorum imperatorem Heraclium confugit.

[2]) Обстоятельнѣйшее опредѣленіе границъ державы Само рѣшительно невозможно за недостаткомъ извѣстій. См. Шафарикъ, § 39. 2, стр. 229.

[3]) Vita S. Emerami въ Acta SS. Septembris p. 472; см. Pritz, Geschichte des Landes ob d. Enns, § 28, s. 167.

Освобожденіе Славянъ отъ тяжелаго аварскаго гнета [1]) само по себѣ есть такое дѣло, за которое Само долженъ бы былъ сохраниться въ памяти потомства; но еще важнѣе для исторіи Славянства былъ сдѣланный имъ отпоръ притязаніямъ короля Дагоберта къ господству на Дунаѣ. «Долгое время многіе славянскіе народы должны были признавать надъ собою господство Аваръ; наконецъ они стряхнули иго ихъ и основали собственное государство, зерномъ котораго была Чехія..... 35 лѣтъ правилъ Славянами Само и много способствовалъ къ утвержденію могущества ихъ на востокѣ Германіи на все послѣдующее время» [2]).

---

[1]) Объ отношеніяхъ Аваръ къ Славянамъ мы имѣемъ два свидѣтельства: Фредегара и Нестора. Фредегаръ въ 48 гл. своей хроники говоритъ: «съ давнихъ временъ Венды были употребляемы Гуннами (Авары) въ качествѣ подпорокъ (befulci), такъ что, когда Гунны вели противъ кого-нибудь войну, сами они стояли передъ лагеремъ, а Венды должны были сражаться. Если эти побѣждали, Гунны шли впередъ собирать добычу; если Венды ослабѣвали, ихъ подкрѣпляли Гунны. Потому названы были Венды именемъ *befulci*, что всегда ходили на сраженіе впереди и въ сшибкахъ выдерживали натискъ спереди (отъ враговъ) и сзади (отъ аваръ). Каждый годъ приходили Гунны зимовать къ Вендамъ, отнимали у нихъ женъ и дочерей и жили съ ними. При этихъ притѣсненіяхъ Венды должны были еще платить Гуннамъ дань. Но дѣти Гунновъ, прижитыя ими съ вендскими женщинами, не вынесли такого гнета, отказали Гуннамъ въ повиновеніи и начали возмущеніе». Несторъ такъ говоритъ объ Аварахъ, называя ихъ Обрами: «Въ си же времяна быша и Обре, иже воеваша на цезаря Ираклія, и мало его не яша. Си же Обрѣ воеваху на Словѣны и примучиша Дулѣбы и насиліе творяху женамъ дулѣбскимъ. Аще поѣхати будяше Обрину, не дадяше въпрячи ни коня, ни вола, но веляше въпрячи три ли, четыре ли, пять ли женъ въ телѣгу и повезти Обрина; тако мучаху Дулѣбы. Быша бо Обрѣ тѣломъ велици и умомъ горди, и Богъ потреби я, помроша вси, и не остася ни единъ Объринъ; есть притъча въ Руси и до сего дне: погибоша аки Обрѣ, ихъ же нѣсть племени, ни наслѣдка». Полн. Собр. Р. Л. т I. стр. 5.

[2]) Giesebrecht, Geschichte der Deutschen Kaiserzeit I. s. 92.

II., ВЕЛИКАЯ МОРАВІЯ.

1. Распространеніе господства Франковъ къ юго-востоку. Столкновеніе ихъ со Славянами. 790—830 гг.[1]).

Въ 768 г. Карлъ Великій сдѣлался королемъ Франковъ. Ему принадлежитъ заслуга объединенія романо-германскихъ народовъ въ одно государство. Дѣятельность его въ этомъ отношеніи направлялась къ тому, чтобы, лишивъ отдѣльныхъ народныхъ герцоговъ сюзеренныхъ правъ, замѣнить ихъ своими вассалами. Такъ лишена была Аквитанія политической самостоятельности, и аквитанскіе герцоги потеряли право на наслѣдственность въ этомъ достоинствѣ; Саксы, послѣ упорной и продолжительной войны, также должны были войти въ составъ монархіи Карла. Баварскій герцогъ Тассило, обвиненный за сношенія съ Аварами въ государственной измѣнѣ, сосланъ въ монастырь и постриженъ. Сынъ его и знаменитые Баварцы, отстаивавшіе народную независимость, лишены свободы и сосланы въ отдаленныя мѣста. Къ концу VIII вѣка Славяне полабскіе, чешскіе и моравскіе встали въ непосредственное сосѣдство съ обширной монархіей Карла Великаго. Разъединенные, слабые, управляемые мелкими князьями, дѣлившими свое княженіе на удѣлы, Славяне не могли тогда оказать серьезнаго сопротивленія могущественному сосѣду. Но поставленные въ необходимость защищать то, что всего дороже человѣку, — свою вѣру, сво-

---

[1]) Источники. Monumenta Germaniae Pertz, Scr. T. I, преимущественно Einhardi Annales, его же Vita Caroli Magni. Erben. Regesta Bohemiae et Moraviae. Pragae. 1855.

Пособія. Dümmler. Ueber die Südostlich. Marken, его же Piligrim v. Passau. Waitz, Verfass. Geschichte, III и IV Kiel 1861 г. Giesebrecht, Gesch. der Deutshen Kaiserz. I. Braunschw. 1863 г. Büdinger. Oesterreich. Gesch. Leipzig. 1858. Dudik Mährens allgemeine Geschichte I. Brünn. 1860. и др., см. ниже.

боду и родную землю, — они должны были выработать себѣ тѣ средства, которыхъ имъ недоставало для успѣшной борьбы, образовать государство, подчиниться волѣ одного лица принять христіанскую вѣру. Достовѣрную исторію югозападныхъ Славянъ мы имѣемъ съ того времени, какъ они сдѣлались непосредственными сосѣдями Франковъ.

787 г. Съ подчиненіемъ Баваріи границы франкскаго государства доходили на юго-востокѣ до рѣки Энжи, впадающей въ Дунай. Энжа служила пограничной линіей между Баварцами и Аварами [1]); къ востоку отъ нея находилась Аварія или Гуннія т. е. аварское царство, какъ преимущественно называлась земля между Энжею и Раабомъ, гдѣ Авары были особенно численны, и Паннонія въ границахъ римской провинціи этого имени [2]). Баварскій герцогъ Тассило, отвергнутый своимъ народомъ, искалъ было поддержки у Аваръ, побудилъ ихъ напасть на франкскія области; но Авары утратили уже свои военныя способности, два войска ихъ были разбиты Франками, третье Баварцами [3]), и вмѣшательство въ чужія дѣла ускорило только ихъ собственную погибель. Въ 790 г. они отправили къ Карлу посольство для переговоровъ о взаимныхъ границахъ, но Карлъ былъ далекъ отъ уступокъ и рѣшился начать войну съ Аварами [4]). На слѣдующій годъ, собравъ изъ всѣхъ земель своихъ многочисленное войско, онъ раздѣлилъ его на двѣ части и повелъ въ Паннонію; войска шли по обѣимъ сторонамъ Дуная, въ серединѣ, по рѣкѣ, плылъ флотъ съ военными снарядами и съѣстными припасами. До самаго Рааба прошелъ
791 г. Карлъ, опустошая селенія аварскія, и взялъ двѣ крѣпости [5]). Въ 795 г. маркграфъ Эрихъ фріульскій съ хорутанскимъ княземъ Звониміромъ перешелъ Дунай, овладѣлъ главнымъ станомъ аварскимъ (hringus) и, забравъ скопленныя каганами сокровища, переслалъ ихъ къ королю.
796 г. Въ слѣдующемъ году итальянскій король Пипинъ, сынъ Карла, довершилъ завоеваніе земли, преслѣдовалъ Аваръ за Тиссу и разграбилъ всѣ сокровища дворца каганскаго [6]). Завоеваніемъ аварской земли раз-

---

[1]) Einh. a. 791.

[2]) Einh. a. 826. Vita C. Magni. c. 13. Dümmler, Ueber die südostlich. Marken § 11.

[3]) Annales Laurissens. et Einh. a. 788. cp. Alcuini epist. 3.

[4]) Einh. a. 790. Неудовольствія при переговорахъ могли произойти по вопросу о Славянахъ хорутанскихъ, бывшихъ въ зависимости отъ Баварцевъ. Giesebrecht, Geschichte d. Deutschen Kaiserzeit I s. 117.

[5]) Einh. a. 791. Лѣтописецъ замѣчаетъ, что обратный путь часть войска держала черезъ Чехію. Можно думать, что Чехи участвовали въ этой войнѣ какъ союзники Карла; иначе какъ объяснить переходъ непріятельскаго войска черезъ Чехію sine omni rerum incommodo?

[6]) Лѣтописцы особенно настаиваютъ на извѣстіяхъ о богатой добычѣ, обогатившей Франковъ: Ann. Lauriss. a. 795, Einh, Annal a. 796.

двинуты были границы Карловой монархіи отъ Энжи до впаденія Дравы въ Дунай; Франки сдѣлались сосѣдями Византійцевъ и непосредственно столкнулись со Славянами. Страна, изъ которой были выгнаны Авары, оставалась надолго пустынею. Сколько здѣсь было пролито крови, сколько произведено сраженій, говоритъ современникъ событій [1]), объ этомъ свидѣтельствуетъ опустошенная Паннонія; мѣсто, гдѣ былъ дворецъ кагана, такъ дико и пусто, что не примѣтишь тутъ и слѣда человѣческихъ жилищъ.

Съ конца VI вѣка Славяне стояли въ близкихъ отношеніяхъ съ Аварами; вмѣстѣ съ Аварами они проникли въ придунайскія области, заняли свободныя земли византійской имперіи и утвердились во всей полосѣ отъ Адріатическаго моря до Чернаго. Союзъ славянскихъ народовъ при Само, а потомъ раздоры въ самомъ каганскомъ домѣ такъ ослабили Аваръ, что они ни въ VII, ни въ VIII вѣкѣ не могли достигнуть того величія и могущества, которое создалъ имъ Баянъ. Хотя Славяне въ это время и не успѣли создать государства, однако не подпадали уже полной власти ихъ. Окончательный ударъ, нанесенный Аварамъ Карломъ Великимъ, открывалъ для славянскихъ поселенцевъ всю землю, занятую прежде этими кочевниками и давалъ имъ значительный перевѣсъ надъ Аварами даже въ сѣверномъ убѣжищѣ ихъ, за Тиссою. Славяне въ большомъ количествѣ стали переселяться съ сѣвера на югъ, изъ преддунайской Моравіи въ Паннонію. Остатки паннонскихъ Аваръ должны были уступить передъ неравною силой и переносить притѣсненія отъ Славянъ [2]). Въ 811 году Карлъ посылалъ въ Паннонію войско для разбора ссоръ между ними; потомъ тѣ и другіе посылали пословъ въ Ахенъ и лично предъ Карломъ судились по своимъ дѣламъ. 811 г.

На сѣверъ отъ Дуная, въ нынѣшней Моравіи и въ землѣ Словаковъ, почти отъ рѣки Торисы по самый Пресбургъ и Вацовъ въ первой половинѣ IX вѣка жилъ народъ славянскій, управляемый князьями, происходившими изъ одного рода. Вся эта страна, а также обширныя области къ югу отъ Дуная получили тогда имя Великой Моравіи [3]), *Вышнь Моравъ* [4]); послѣднее названіе предполагаетъ двѣ верхнія Моравіи, одну по Моравѣ, впадающей въ Дунай съ сѣвера, другую за Дунаемъ— паннонскую [5]). Въ странахъ, носящихъ имя Моравіи, обитали славян-

---

[1]) Einh. Vita Caroli Magni. c. 13.

[2]) Einh. a. 795, 805, 811. Conversio Anonymi Salisburg. ap. Kopitar in prolegom. ad Glagolitam Glozianam. p. LXXII, squ... Vindobonae. 1836.

[3]) Constantin; De administ. imperio c. 13, 38 40.

[4]) Іоаннъ, Екзархъ Болгарскій, Калайдовича стр. 10.

[5]) Vita S. Clementis, edit. Miklos. Это же житіе въ «Кириллъ и Меѳодій» Бильбасова, часть II. Спб. 1871 г. стр. 227. Слова Баварскаго Землеписца—Est populus,

скіе народы, родственные по нарѣчію и нравамъ,—нынѣшніе Мораване и Словаки[1]). Отдѣльныя поселенія этой вѣтви славянскаго племени за Дунай, начавшіяся еще со времени аварскаго, должны были повторяться чаще и чаще къ началу IX вѣка, когда въ Моравіи стала усиливаться княжеская власть, стремившаяся наложить извѣстныя обязанности на массы народа. Толпы Мораванъ и Словаковъ переходили въ паннонскую равнину, освобожденную отъ Аваръ и имѣвшую уже славянскихъ колонистовъ. Такимъ образомъ населеніе паннонской Моравіи было той же вѣтви славянскаго племени, что и населеніе преддунайской Моравіи[2]). Долго еще въ Панноніи происходили неудовольствія между новыми и старыми владѣтелями, которыя приходилось разбирать Карлу Великому[3]); имя Аваръ совсѣмъ исчезаетъ изъ этой страны съ 826 г.[4]).

Но заселяя Паннонію, страну завоеванную оружіемъ Франковъ, Славяне должны были встать въ зависимыя отношенія къ завоевателямъ этой страны. Относительно побѣжденныхъ Франки въ томъ сходились съ Римлянами, что націямъ не римскаго и не греческаго происхожденія позволяли управляться по собственнымъ обычаямъ, собственными начальниками, народными старшинами, которые, при подчиненіи, большею частію крестились. Этимъ съ одной стороны облегчалось распространеніе христіанства между побѣжденными, съ другой предоставлялась имъ возможность мало по малу свыкаться съ чужеземнымъ господствомъ, съ учрежденіями и нравами побѣдителей[5]). Правда, та-

---

quem vocant Merehanos, ipsi habent civitates XXX (народъ этотъ былъ подъ властію Болгаръ) — предполагаютъ еще Моравію, кромѣ указанныхъ. Lelevel въ Géographie du moyen âge, T. III, p. 29, приводя эти слова Баварскаго географа, говоритъ, что здѣсь разумѣется малая Моравія, (la petite Moravie inférieure boulgaro-serbe) расположенная по Моравѣ, съ юга впадающей въ Дунай. Она имѣла своего епископа на соборѣ 879 г., упоминается у Конст. Порфиророднаго безъ эпитета малая: De ceremoniis aulae 11, 48. См. Шафарикъ, § 42 1.

[1]) Разборъ этого вопроса у Шафарика, Т. II, кн. 11, § 41, 1.

[2]) Coêperunt populi sive Sclavi vel Bavarii inhabitare terram, unde illi expulsi sunt Hunni et multiplicari—Conversio Anonymi Salisburg. ap. Kopitar.

[3]) Annales Mettenses, a. 803, 805, 811, 822.

[4]) Шафарикъ, § 35, 4.

[5]) Такъ, послѣ сильныхъ погромовъ надъ Аварами, встрѣчается у нихъ еще названіе собственныхъ владѣтелей: Einh. a. 795. unus ex primoribus Hunorum обѣщается принять христіанство; a. 803. Zodan princeps Pannoniae; a. 805. Capcanus princeps Hunorum, въ христіанствѣ Ѳеодоръ... Caganus misit unum de optimatibus suis, petens sibi honorem antiquum, quem Caganus apud Hunos habere solebat. a. 811. Canizavci princeps Avarum et Tudun et alii primores ac duces Sclavorum, circa Danubium habitantium. Въ Convers. Anonymi Salisburg. упоминаются князья со славянскими именами въ Панноніи и Хорутаніи подъ франкскимъ господствомъ. Privvizlauga, Cemicas, Ztoimar et Etgar (первый и третій). Arn, ordinans presbyteros et mittens in Sclavaniam, in partes videlicet Quarantanas atque inferioris Pannoniae *illis ducibus at-*

кой порядокъ вещей остается недолго, и туземное правленіе у Аваръ и Хорутанъ исчезаетъ, хотя въ Панноніи, благодаря особеннымъ обстоятельствамъ, сохраняется оно дольше [1]).

Каждая, силою оружія добытая, земля становилась собственностію короля [2]), часть которой онъ отдавалъ колонистамъ или жертвовалъ военнымъ людямъ и монастырямъ [3]). Земли занимались еще до окончанія войны. «Нашъ дѣдъ Карлъ, говорится въ грамотѣ Людовика нѣмецкаго, далъ своимъ вѣрнымъ позволеніе, для увеличенія владѣній церковныхъ, занимать земли въ Панноніи, что и сдѣлано уже во многихъ мѣстахъ [4])». Монастыри, получая обширные участки, должны были обработывать и заселять ихъ, въ Панноніи нижнеалтайскій монастырь имѣлъ большую поземельную собственность. Государи и частныя лица привлекали со всѣхъ сторонъ колонистовъ, жертвуя имъ земли съ разными льготами. Графъ Герольдъ, братъ жены Карла Великаго, назначенный префектомъ Баваріи, былъ также свѣтскимъ начальникомъ всей провинціи на востокъ отъ нея [5]). Ему поручено было и внутреннее управленіе и защита новопріобрѣтенной земли. Послѣ его смерти, въ 799 г., власть его была раздѣлена между многими лицами [6]). Для защиты пограничной земли отъ враждебныхъ нападеній сосѣдей со времени Карла Великаго получили происхожденіе *пограничныя графства* [7]). Сообразно съ условіями, въ которыхъ находились

---

que comitibus и въ друг. мѣстахъ. Кромѣ указанныхъ именъ имѣемъ еще Ратиміра, Прибину и Коцела, управлявшихъ своими княжествами въ зависимости отъ маркграфовъ. Много примѣровъ подобнаго же рода можно указать изъ отношеній къ полабскимъ Славянамъ.

[1]) Вытѣсненіе славянскихъ именъ нѣмецкими мы видимъ въ Conversio. Вслѣдъ за славянскими князьями упоминаются Helmvinus, Albharius et Pabo. Таковъ, впрочемъ, обыкновенный способъ втягиванія слабѣйшихъ народовъ болѣе сильными. См. Büdinger, Oesterreich. Gesch. s. 160.

[2]) Дарственныя грамоты у Эрбена — Regesta Bohemiae et Moraviae. Waitz, G. III и IV t., Kiel 1860 г. III t. ss. 156—8, IV ss. 115—116 и въ разныхъ мѣстахъ этихъ томовъ разсматриваются учрежденія Каролинговъ.

[3]) Болѣе имѣемъ дарственныхъ записей на монастыри: Erben, Regesta № 22, 26, 27. Частнымъ лицамъ давались земли съ обязательствомъ военной службы, таковы дарств. грамоты графамъ и маркграфамъ и уступка земель около Балатонскаго озера Прибинѣ. Мелкіе собственники-колонисты получали небольшіе участки б. ч. близь марки и обязывались защищать ее (vassi dominici). Büdinger, Oesterreich. Gesch. s. 160—1.

[4]) Monumenta Boica XI. 120—2.

[5]) Einh. Vita Caroli Magni c. 13. Einh. annales a. 796, a. 799, annal. Lauriss. major. a. 799.

[6]) Einh. a. 826. упоминаетъ о двухъ лицахъ, раздѣлявшихъ одну и туже власть, о Baldricus et Geroldus, это были *comites et Avarici limitis custodes*, a. 828. marca inter quatuor comites divisa est. Объ управленіи юговосточныхъ марокъ Dümmler, Ueber die südostlich. Marken. § III.

[7]) Monach. Sangall. 1. c. 13 ap. Pertz Scr. 1. Waitz III. ss. 313—317.

къ Франкамъ сосѣдніе народы, съ ихъ численностію и важностію мѣста въ военномъ отношеніи, пограничные графы пользовались обширною или ограниченною властію, имѣли въ своемъ распоряженіи большее или меньшее количество войска. Опредѣленный округъ на границѣ съ непріятельскою землею получалъ особенное устройство и названіе марки (Limes). Маркой въ собственномъ смыслѣ первоначально называлась область, отнятая у непріятеля, снабженная крѣпостями, военными гарнизонами и составлявшая передовой постъ для наблюденій за врагомъ. Равно и цѣлая страна, завоеванная оружіемъ, получала названіе марки и военное устройство. Земля вокругъ крѣпости отдавалась свободнымъ поселенцамъ съ обязательствомъ нести военную службу; при благопріятныхъ условіяхъ марка распространялась новыми захватами земли и укрѣпленіями. Управленіе каждой маркой и прилежащимъ къ ней округомъ поселенцевъ поручалось довѣренному лицу, съ титуломъ маркграфа [1]), позднѣе маркгерцога. Земли на востокъ отъ Баваріи образовали при Карлѣ Великомъ и его преемникахъ три марки: восточную или аварскую, изъ которой потомъ произошло княжество ракузское, хорутанскую и словенскую, послѣдняя состояла изъ нынѣшней Крайны, части Хорутаніи и Стиріи; первыя двѣ марки потомъ были присоединены къ баварскому, а послѣдняя къ фурлянскому воеводству. Отъ времени Карла до Людовика нѣмецкаго восточный край (marca orientalis) постоянно отличался отъ Баваріи и назывался въ современныхъ памятникахъ различными именами [2]). Восточная марка со второй половины IX вѣка называлась [3]) маркой моравской. Говоря короче, южная Паннонія вошла въ составъ фріульской или фурлянской марки, сѣверная, включая сюда и сѣверное побережье Дуная, образовала восточную марку. По смерти графа Герольда управленіе этими марками поручалось уже не одному, но двумъ и даже болѣе лицамъ [4]).

Въ X в., въ борьбѣ съ полабскими Славянами, Франки развили устройство марокъ, и отношенія маркграфовъ къ побѣжденнымъ обозначились тогда яснѣе; объ устройствѣ марки восточной, объ отноше-

---

[1]) Marchio, comes marchae, praefectus, dux limitis. Annales Einh. a. 799, 819, 821. Ejusdem Vita, c. IX. См. Waitz III, s. 315, примѣч. I, ср. Stenzel De marchionum origine p. 12 squ.

[2]) Imperator per Baivariam ad Orientem proficiscitur—per Baivariam et Pannoniam superiorem ingrressus—rex Arnulfus Baivariam transgrediens... unde Pannoniam proficiscens — Provincia Avarorum vel Hunorum—Sclavania—Partes Sclavanorum—Limes Pannonicus—Oriens—Orientale regnum—orientalis marchia—marchia Hungaris collimitanea—marchia orientalis Bavariorum. Hormayr, Herzog Luitpold ss. 61—2. Шафарикъ, т. II, кн. II § 36. I.

[3]) Annales Fuldenses a. 884.

[4]) Waitz III. s. 311—12. Dümmler Über die südostl. Mark. § III.

ніи маркграфа ея къ Славянамъ мы не много можемъ сказать за крайнею бѣдностію относящихся сюда источниковъ [1]). Даже вопросъ о томъ, какъ велико было населеніе Панноніи въ началѣ IX в., разъясненіе котораго весьма важно въ этомъ отношеніи, можетъ быть только поставленъ, но не рѣшенъ основательно. Говоря о переселеніи Славянъ за Дунай, мы не должны опускать изъ виду, что вмѣстѣ съ ними на свободную землю перемѣщались и Баварцы; послѣднимъ это было удобнѣе, въ слѣдствіе разныхъ льготъ отъ повинностей, раздачи земель служилымъ людямъ франкскаго и нѣмецкаго происхожденія. Вблизи марки могли селиться исключительно Баварцы какъ въ видахъ безопасности марки, такъ и потому, что ближайшій отъ марки округъ обязанъ былъ отбывать военныя повинности, собираться на случай войны подъ знамя маркграфа. Нужно думать, что славянскія селенія въ Панноніи не были многочисленны, что Славянъ было больше въ сѣверной, чѣмъ въ южной Панноніи; вообще же ихъ было не много, и они разсѣяны были по разнымъ мѣстамъ до времени образованія княжества Прибины. Восточному маркграфу не стоило большого труда держать въ повиновеніи такихъ слабыхъ враговъ. Оттого такъ скоро, уже къ 828 г., паннонскіе Славяне перешли изъ состоянія собственниковъ и свободныхъ въ состояніе закрѣпощенное, имя Славянина стало тождественнымъ съ именемъ раба. Тутъ повторился обыкновенный путь поглощенія слабыхъ племенъ сильными, переходъ отъ внѣшней зависимости къ соединенію съ господствующимъ народомъ, отъ дани за пользованіе землею къ подчиненію и рабству [2]).

---

[1]) Письмо баварскаго духовенства къ папѣ Іоанну IX. Erben. № 54. Conversio Quarantanorum Anonymi Salisburg. ap. Kopitar.

[2]) Между современными дарственными грамотами въ большомъ количествѣ встрѣчаются грамоты въ пользу монастырей и духовенства. Колонизація страны посредствомъ перевода жителей на монастырскія земли, безусловная отдача земель монастырямъ предполагаютъ въ слабой, сравнительно, степени раздачу земель служилымъ людямъ, а это послѣднее говоритъ не въ пользу прочнаго устройства восточной или паннонской марки. Въ X в. въ сѣверныхъ маркахъ, напротивъ, земли отдавались большею частію графамъ, такъ что маркграфъ, защищая свою страну отъ враговъ, вмѣстѣ съ тѣмъ оберегалъ и лично ему принадлежащія земли. Здѣсь же, въ Панноніи, не только королевскія земли, но и частная собственность обращается въ церковную: Erben № 22: монастырю Кремжа передается quoddam territorium in pago Grunzviti juxta montem Sumarperch, quod usque modo servi vel Sclavi tenuerunt; см. также Erben № 26, гдѣ притомъ выговаривается, что Славяне должны отбывать всѣ повинности въ пользу церквей и монастырей; таковы же грамоты подъ № 29, 51. Въ грамотѣ подъ № 57 имѣется нѣкоторое указаніе на населеніе Панноніи: Людовикъ даритъ своему вассалу unam hobam, которую занималъ прежде Славянинъ — *съ фермой, домомъ и другими пристройками* и полями — cum curte et casa aliisque aedificiis, aampis etc. Подъ № 46 помѣщена грамота Арнульфа, которою онъ жертвуетъ аббату Snelperoni *tres hobas*, занимаемыя прежде двумя Славянинами. Прочное устройство нѣмецкія марки пріобрѣли только въ X в.,—съ раздѣленіемъ

Вслѣдъ за подчиненіемъ Паннонiи и Мораване на рѣкѣ Дыѣ сдѣлались сосѣдями Франковъ и необходимо должны были войти въ сношенія съ ними. Имя Моравіи у современныхъ франкскихъ лѣтописцевъ въ первый разъ встрѣчается не ранѣе 822 года: но тогда Мораване являются зависимымъ народомъ, шлютъ своихъ пословъ на сеймъ во Франкфуртъ и отбываютъ уже извѣстныя повинности по отношенію къ Франкамъ. Первыя сношенія между Моравaнами и Франками начались по крайней мѣрѣ съ послѣдняго десятилѣтія VIII вѣка; лѣтописцы говорятъ объ этихъ сношеніяхъ, называя Моравaнъ общимъ именемъ «Славянъ», «Вендовъ», «Славянъ живущихъ на востокъ отъ
817 г Баваріи» и т. п. [1]). Въ 817 году, въ актѣ раздѣленія имперіи Карла Великаго, Людовику назначается Баварія и Хорутане, и Чехи, и Авары, и Славяне на востокъ отъ Баваріи. Но, вѣроятно, начиная съ 791 или 792 года, эти страны встали въ то положеніе къ Франкамъ, въ какомъ мы видимъ ихъ въ 817 и 822 г. [2]).

марокъ на бургварды, округи, подчиненные графамъ, кастеллянамъ, съ тяжелой податью, наложенною на всѣ произведенія хозяйства,—чего въ IX в. не могло быть, на томъ простомъ основаніи, что маркграфы юговосточныхъ марокъ не были свободны въ своихъ дѣйствіяхъ, не имѣли поддержки отъ королей и часто заискивали у князей паннонскихъ и моравскихъ. Да и вообще устройство марокъ — какъ мы находимъ это учрежденіе въ X в. — не собственно нѣмецкое, а заимствованное. Ср. Giesebrecht, Gesch. d. Deutsch. Kaiserz. I. ss. 298—300, 223—225. Съ другой стороны поселеній съ нѣмецкими названіями встрѣчается очень много даже въ славянскомъ княжествѣ Прибины: S. Groth, что значитъ Grodbertus (Rupert), патронъ зальцбургскій, которому поставлена церковь 853—4 гг. ad Salapiugin; Ortaha съ храмомъ св. Михаила, освященнымъ въ 865 г., Wörth (Veride) съ храмомъ св. Павла на рѣкѣ Лабницѣ; храмъ св. Маргариты, освященный въ 865 г. ad Spizzun, Gelse, можетъ быть, нынѣшній Golse въ Саладенѣ; Usitin, по Мухару, Gross Sontag; Quartinaha на берегу озера Блатенскаго; имена взяты изъ Conversio Anonymi Salisburg. Ср. Hirecek, Slovanské Pravo § 8, стр. 34—5; Büdinger Oesterreich. Gesch. I 160.

[1]) Annal. Mettens. a. 803. Anonym. Salisburg. въ извѣстіяхъ о 803 г., Einh. ann. a. 803; Annal. Alamanici. a. 791 ap. Pertz I. Erben, Regesta № 18.

[2]) Послѣ побѣды Карла надъ Аварами въ 791 г. часть войска его возвращается черезъ Чехію, не имѣя возможности миновать Моравіи, и лѣтописецъ замѣчаетъ: facta est haec expeditio sine omni rerum incommodo. Въ Моравіи было преданіе о князѣ Самославѣ, побѣжденномъ Карломъ и принявшемъ крещеніе въ 791 г. Слав. Древности § 44, примѣч. 16. Что Чехи были въ 792 г. въ хорошихъ отношеніяхъ съ Карломъ, видно изъ того, что Саксы ищутъ союза не у нихъ, но у отдаленныхъ отъ нихъ Аваровъ — Palacky Dějiny I. 118, примѣч. 48. Во время войны Карла съ Чехами— 805 и 806 г.—Мораване, можетъ быть, были на его сторонѣ, во всякомъ случаѣ должны были принять участіе въ этой войнѣ, веденной съ довольно сильнымъ напряженіемъ: Einh. a. 805, a. 806; Chron. Moissiac; Annal. Saxo, Annal Mettenses — подъ тѣми же годами. Иречекъ въ Codex juris Bohemici, T. I. № 2 замѣчаетъ, что одно изъ военныхъ дѣлъ этого времени воспѣваетъ пѣсня краледворской рукописи: O velikem pobiti; сравни ст. V. Nebeského «Kralodvorsky Rukopis» въ Časop. Českého Museum, 1853, str. 335 — 388, особенно 386.

Въ ту отдаленную пору, о которой идетъ разсказъ, Чехи и Мораване дѣлили одну и туже историческую судьбу. Въ немногихъ, извѣстныхъ намъ, случаяхъ оба эти народа упоминаются по однимъ и тѣмъ же обстоятельствамъ, являются въ одинаковомъ положеніи [1]); отношенія ихъ къ Франкамъ въ началѣ IX вѣка несомнѣнно должны быть тоже равныя [2]). Въ чемъ выражалась подчиненность Чеховъ и Мораванъ? Самое древнее свидѣтельство объ этомъ даетъ чешскій лѣтописецъ, Косьма пражскій [3]). По словамъ его дань, платимая Чехами нѣмецкимъ императорамъ, началась со времени Карла Великаго и состояла въ каждогодной доставкѣ 120 быковъ и 500 марокъ; въ военное время Чехи должны были выставлять вспомогательный отрядъ и не вступать въ дружескіе переговоры со врагами нѣмецкаго короля. Свидѣтельство Косьмы, независимое отъ франкскихъ лѣтописцевъ, но согласное съ ними въ вопросѣ объ отношеніи Чеховъ къ Франкамъ, дѣлаетъ несомнѣннымъ предположеніе, что обязанность ежегодной дани Чехи приняли на себя послѣ войны 805 — 6 годовъ, и что въ это же время и Мораване потеряли свою свободу. При этомъ предположеніи легко можно понять тѣ мѣста лѣтописей, гдѣ указывается на зависимость Чеховъ и Мораванъ, какъ на дѣло обычное, всѣмъ извѣстное, напримѣръ—въ актѣ раздѣленія имперіи 817 г., гдѣ Людовику назначаются Баварія, Чехія и Моравія. Подобныя мѣста должны имѣть то значеніе, что нѣмецкимъ королямъ предоставлялось право брать дань съ сосѣднихъ имъ славянскихъ народовъ, принимать мѣры къ правильному взиманію ея и слѣдить за вѣрнымъ исполненіемъ другихъ обязательствъ ихъ [4]). При взглядѣ на Славянъ,

---

[1]) Мѣста, указанныя въ 1 примѣчаніи на 26 стр., Einh a. 822; при Само Чехи и Мораване составляли одно государство.

[2]) Palacky, Geschichte v. Böhmen, s. 6: по направленію къ ю. в. отъ Чехіи Gränzwall, при всей высотѣ, которая сдѣлала его водораздѣломъ центральной Европы, такъ понижается, что его можно почти безъ труда перейти. И здѣсь начинается другая земля, Моравія, на половину почти меньшая Чехіи, съ особенною системою горъ и рѣкъ, однако слабѣе ея изолированная. По физическому строю она походитъ на Чехію... поэтому-то на связь Чехіи и Моравіи въ продолженіи 1000 лѣтъ нельзя смотрѣть какъ на случайность. Обѣ земли съ глубокой древности населены однимъ и тѣмъ же народомъ и находились, за рѣдкими и короткими исключеніями, подъ одною верховною властію, оба народа—въ національномъ отношеніи—одинъ народъ, въ государственномъ смыслѣ — одно общество.

[3]) Cosmas Pragensis (+21 окт. 1125 г.) Chronicae Bohemorum, libri III, при разсказѣ событій 1040 г. apud Pertz, Monumenta, Scriptor. T. IX, O pravnim pomêru Cech k nêkdeisi risi nêmecke, статья Томка, напечатанная въ Capos Musea Kral. Ceského, 1857, str. 350 — 74.

[4]) Таково заключеніе Томка въ его статьѣ, указанной въ предыдущемъ примѣчаніи. Dudik Mährens allgem. Geschichte I. s. 109, приводя слова Добнера—Annales Haicc. II. p. 430 — говоритъ, что уже въ 806, если не въ 803 г., Чехи и Мораване

который издавна установился между романо-германскими народами, какъ на самыхъ важныхъ и опасныхъ враговъ, при сравнительной слабости и раздробленности княжеской власти у Славянъ, подчиненіе ихъ должно было пойти далѣе; внутренняя жизнь и самостоятельное политическое развитіе подвергались большой опасности, если бы преемниками Карла были люди болѣе даровитые. Языческій народъ на границахъ государства не могъ пользоваться свободою, по тогдашнимъ понятіямъ, и противъ него направлялась военная сила до тѣхъ поръ, пока онъ или не сольется съ сильнѣйшимъ народомъ, или не выселится въ болѣе отдаленныя мѣста. Еще съ 600 году *ужасались и сильно безпокоились за будущій порядокъ вещей, видя быстрое распространеніе Славянъ до самой Италіи* [1]); позже называли этотъ народъ *отвратительнѣйшимъ и гнуснѣйшимъ родомъ людей* [2]); собирать съ нихъ дань считали нужнымъ уже и потому, *чтобы они не забывали, что живутъ на чужой землѣ* [3]). Во время Карла взглядъ на Славянъ нисколько не измѣнился: подъ страхомъ конфискаціи всѣхъ товаровъ *купцы не должны были ввозить въ славянскія земли оружія и лошадей* [4]); на случай войны съ ними *двое изъ пограничной области франкскаго государства должны были снарядить рекрута, и обязывались идти поголовно, если была война съ Сербами* [5]). Карлъ Великій и его преемники какъ будто въ томъ поставили свое призваніе,

---

были обложены данью въ пользу франкскаго государства. Въ томъ же смыслѣ выражается взглядъ на дѣло въ Codex juris Bohemici aetatem Premyslidarum continens, издаваемомъ подъ редакціей Иречка, p. 7. Палацкій, съ нимъ Шафарикъ, отрицаютъ податное состояніе Чехіи и Моравіи за это время. Въ Geschichte v. Böhmen I. на s. 103. оспариваются свидѣтельства о чешской дани: актъ раздѣленія имперіи 817 г., свидѣтельство Эйнгарда. Въ словахъ Косьмы пражскаго а. 1040 ар. Pertz SS IX, есть одна несообразность—приписаніе Пипину дѣла съ Чехами,—дающая основаніе заподозрить все извѣстіе. См. также Palackého Dějiny národu Českého, I. str. 123, Шафарикъ т. II, кн II, § 39. 4. Доказательства *за* и *противъ* податности съ той и другой стороны довольно полновѣсныя. Но изъ сравненія ихъ нельзя не видѣть, что на сторонѣ Палацкаго и Шафарика больше недомолвокъ, натяжекъ и предположеній. Если и не каждогодно, все-таки Чехи и Мораване платили дань Карлу и его преемникамъ; извѣстно, что Карлъ не останавливался предъ неудачами,—вспомнимъ, напр., войну его съ Саксами,—а между тѣмъ источники не говорятъ о походахъ его на Чехію въ послѣдніе годы его жизни. Весьма вѣроятно, что дѣло между Славянами и Франками уладилось тогда мирнымъ путемъ, — Некланъ, тогдашній князь чешскій, выставляется человѣкомъ спокойнымъ, миролюбивымъ. При благопріятствующихъ обстоятельствахъ Славяне чешскіе и моравскіе отказывались отъ дани на довольно продолжительное время.

[1]) Erben Regesta № 1.

[2]) Erben. Regesta № 6. (745 г.).

[3]) Ibidem. № 7. въ отвѣтномъ посланіи папы Захарія епископу Бонифацію (751 г.).

[4]) Erben № 16 Caroli Magni Capitular. (805).

[5]) Ibidem № 17. (807 г.).

чтобы вести войну со Славянами, тѣснить ихъ отъ запада къ востоку и вносить нѣмецкую народность въ землю ихъ. Паннонскихъ Славянъ скоро стали передавать изъ рукъ въ руки, какъ недвижимую собственность, вмѣстѣ съ землею. Обычный способъ выраженія современныхъ документовъ былъ такого рода: *жертвуются на вѣчныя времена* по стольку-то человѣкъ такому-то монастырю, *жертвуется земля, населенная рабами или Славянами* [1]) и т. п.; *земля Славянъ, называемыхъ Моравами, подчинена царямъ нашимъ и народу нашему со всѣми ея обитателями.... она должна платить намъ дань* [2]). Если къ извѣстному времени при дворѣ короля нѣмецкаго не являлись съ дарами послы отъ Славянъ, это принималось за знакъ дурныхъ намѣреній въ странѣ и служило поводомъ къ походамъ, слѣдствіемъ которыхъ были опять посольства, заложники, обѣщанія вѣрности [3]). Дань, платимая Чехами и Моравами, считалась государственнымъ доходомъ и поступала въ казну собственно нѣмецкаго короля [4]).

Важною подмогою въ порабощеніи Славянъ была проповѣдь христіанства между ними [5]). Вмѣстѣ съ военною колоніей на завоеванной землѣ начинали свои дѣйствія и проповѣдники; объ руку съ политическимъ шло религіозное подчиненіе; воинъ и проповѣдникъ налагали тяжелую руку на проигравшихъ сраженіе. Дѣятельнымъ и точнымъ выполнителемъ воли Карла Великаго относительно христіанскаго просвѣщенія славянскихъ народовъ былъ Арно, зальцбургскій архіепископъ. Одержавъ побѣду надъ Аварами въ 796 г., Пипинъ, 796 г.
сынъ Карла Великаго, поручилъ пастырскому наблюденію Арно новопріобрѣтенныя земли въ Панноніи отъ рѣки Рааба до впаденія Дравы въ Дунай. Въ 798 году Карлъ, подтверждая распоряженіе своего сына, письменно и потомъ лично приказываетъ Арно отправиться къ южнымъ Славянамъ, чтобы располагать этотъ народъ къ принятію христіанства. Нѣсколько времени [6]) Арно пробылъ въ Хорутаніи и Панноніи, освятилъ тамъ много церквей, назначилъ въ нихъ священниковъ; когда другія обязанности отозвали его отъ этого дѣла, съ согласія короля, посвятилъ онъ въ епископы Ѳеодорика, который долженъ былъ продолжать христіанскую проповѣдь въ славянскихъ земляхъ. Арно и Ге-

---

[1]) Ibidem. № 26, 22.

[2]) Письмо баварскаго духовенства отъ 900 г. Erben № 54.

[3]) Annal. Fuld. a. 846. 848.

[4]) Charta divisionis у Эрбена, № 18. Annal. Fuld. a. 865, 876.

[5]) Главный источникъ Conversio Quarantanorum. Anonymi Salisburg, edit. Kopitar—въ Glagolita Glozianus. Regesta Erbeni; пособія: Дюммлера Südostlichen Marken и о дѣятельности Арно «Arno, erster Erzbischof von Salzburg» (785—821) статья Zeissberg—а въ Sitzungsberichte der Philos-Historisch. classe der kaiserl. Ak. der Wissensch. Wien, 1863 г. s. 305—381.

[6]) Статья Zeissberg—a, ss. 326.

рольдъ, тогдашній префектъ Баваріи, представили Ѳеодорика мѣстнымъ князьямъ и указали ему страну, въ которой онъ долженъ былъ дѣйствовать [1]). Поставляя отдѣльнаго епископа для Хорутаніи и Панноніи, зальцбургскіе архіепископы и сами не теряли изъ виду этой части своей діоцезы: они лично являлись сюда по церковнымъ дѣламъ, и народъ долженъ былъ платить имъ за путевыя издержки, какъ королевскимъ легатамъ [2]). Вѣроятно ревность объ обращеніи языческихъ Славянъ увлекала зальцбургское духовенство за предѣлы его діоцезы, и тамъ приходилось ему дѣйствовать совмѣстно съ проповѣдниками другихъ епархій. Извѣстно, что Адальрамъ, архіепископъ зальцбургскій и Регингаръ, епископъ пасовскій, спорили между собою касательно епархіальныхъ границъ въ Панноніи и Моравіи. Опредѣ-
829 г. леніемъ Людовика нѣмецкаго отъ 829 года споръ ихъ былъ разрѣшенъ такимъ образомъ: сѣверныя и западныя страны отъ истоковъ Спразы или Рабницы, притока Рааба (верхняя Паннонія и Моравія) отчислялись къ пасовской епархіи, восточныя и южныя области отъ Спразы и Рааба введены въ составъ зальцбургской епархіи (нижняя Паннонія и Хорутанія) [3]). На этомъ распоряженіи Людовика основывались послѣдующія притязанія пасовскаго духовенства, когда Моравія получила своего архіепископа и не хотѣла принимать къ себѣ нѣмецкое духовенство.

Нельзя съ точностію обозначить время, когда Моравія начала просвѣщаться евангельскимъ ученіемъ. Если, съ одной стороны, баварское духовенство [4]) утверждаетъ, что оно начало проповѣдническую дѣятельность между Мораванами со времени подчиненія ихъ Франкамъ; то, съ другой,—у самихъ Мораванъ сохранилось воспоминаніе, что отцы ихъ приняли крещеніе отъ миссіонеровъ римскаго первосвященника, что были у нихъ проповѣдники и изъ другихъ странъ, напр. изъ Византіи [5]). Хотя и нѣтъ причинъ отрицать дѣятельность баварскаго духовенства въ Моравіи, но есть положительныя доказательства, что эта дѣятельность была слаба и безплодна, за

---

[1]) Dederunt in manus principum commendantes illi episcopo regionem Carantanorum et confines eorum occidentali parte Dravi fluminis usque dum Dravus fluit in amnem Danubii—Conversio Anonymi Salisburg.

[2]) Должно къ этому времени отнести начало учрежденія *missorum dominicorum.* Waitz, Verfassungsgeschichte III. ss. 371—405. Zeissberg ss. 336—343. 326 примѣч. 3. Dümmler Südöstlich Marken s. 42, прим. 5, 6. Venerabilis arch. noster Adelvinus nobis indicavit, quandocunque in Carantano veniret, causa praedicationis, quod ipse comes de Carantano et populus istius terrae ei conjectum facere deberent.

[3]) Erben № 23.

[4]) Замѣчательное письмо баварскаго духов. см. Erben, № 54.

[5]) Житіе Меѳодія въ Чтеніяхъ въ Имп. Общ. Ист. и Др. 1865, I. стр. 19.

исключеніемъ паннонской Моравіи, гдѣ было отдѣльное княжество Прибины. Пристрастное и хвастливое письмо баварскаго духовенства, говорящее о широкихъ правахъ его въ Моравіи, страдаетъ невѣрностію и намѣреннымъ искаженіемъ дѣла и не въ этомъ только случаѣ. Моравія не получила церковнаго устройства, и пасовскій епископъ не могъ имѣть въ ней вліянія [1]).

Кромѣ незнакомаго языка, на которомъ проповѣдывало нѣмецкое духовенство, успѣхъ его дѣла затруднялся и тѣми отношеніями, въ какія вступали къ нему новообращенные Славяне. Карлъ Великій и его преемники смотрѣли на христіанство, какъ на средство сплотить свою монархію, связавъ разные члены ея одинаковыми учрежденіями гражданскими и церковными [2]). Согласно съ мыслію императора духовенство продолжало завоеванія франкскаго оружія; на побѣжденныхъ налагалось и политическое и церковное иго. Народъ сразу долженъ былъ оторваться отъ политической самостоятельности и забыть свое прошедшее. Потому-то во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ Франки вводили свои учрежденія на завоеванныхъ славянскихъ земляхъ—марки и епископскія каѳедры,—вездѣ встрѣчали они ожесточенную борьбу. Лучшіе люди того времени порицали слишкомъ рѣзкія мѣры относительно новообращенныхъ, но на одинокій голосъ ихъ не обращали вниманія [3]). Извѣстно, что съ принятіемъ христіанства новообращенные обязывались платить десятину въ пользу духовенства. Проповѣдь христіанства между язычниками дѣлалась такимъ образомъ доходною статьею церкви. Въ 798 году, когда Арно получилъ право на проповѣдь христіанства въ славянскихъ земляхъ, Алкуинъ писалъ къ нему: «Будь проповѣдникомъ благочестія, а не вымогателемъ десятины. Десятина, какъ говорятъ, уничтожила вѣру Саксовъ. Зачѣмъ возлагать такое ярмо на непривычныя къ нему шеи, которое ни мы, ни наши братья не могли бы носить» [4])? Въ томъ же духѣ писалъ Алкуинъ Карлу: «Мы, рожденные и воспитанные въ христіанской вѣрѣ, нелегко даемъ десятину всего нашего имѣнія: гораздо болѣе непріятна эта дань сла-

---

[1]) Въ 852 г. на майнцкомъ соборѣ сознавались въ этомъ собравшіеся отцы: ad extremos fines regni rudem adhuc christianitatem gentis Maraensium—apud Pertz, Leges I. 414. Объ этомъ же говоритъ и проповѣдь христіанства въ Моравіи Кирилла и Меѳодія, какъ доказано будетъ въ своемъ мѣстѣ.

[2]) Giesebrecht, Geschichte der Deutschen Kaiserzeit ss. 120—140.

[3]) Имѣемъ въ виду письма Алкуина къ Арно. Объ Алкуинѣ у Ваттенбаха въ Deutschlands Geschichtsquellen, s. 93—94. Изданіе сочиненій Алкуина Froben-a 1776 г. Ratisbonae. Объ отношеніяхъ Алкуина къ Арно — цитованная статья Зейсберга. Письма относящіяся къ нашему предмету помѣщены у Эрбена. «Alkuin und Arno» Zeissberg-a въ Zeitschrift für d. Öst. Gymnas. 1862. 2. Heft.

[4]) Erben Regesta, № 12.

бой вѣрѣ, дѣтскому духу и матеріальному чувству» [1]). При всемъ томъ доходы Арно въ славянскихъ земляхъ были весьма большіе: онъ получалъ треть всѣхъ доходовъ съ нихъ и четвертую часть изъ десятиннаго сбора [2]). Кромѣ того въ пользу зальцбургской церкви уступлено было въ разныхъ мѣстахъ много участковъ земли съ мѣстнымъ населеніемъ, которое обязывалось къ дани въ пользу церкви и, съ теченіемъ времени, совсѣмъ закрѣпощалось ею. На окраинахъ славянскаго міра устроились монастыри съ цѣлію успѣшнѣйшей проповѣди христіанства. Монастыри, можетъ быть, имѣли бо̀льшее вліяніе на народъ, чѣмъ епархіальное духовенство; не подлежитъ, по крайней мѣрѣ, сомнѣнію значеніе ихъ въ заселеніи славянскихъ земель нѣмецкими подданными. Въ 769 г. герцогъ баварскій Тассило далъ позволеніе аббату Оттону строить монастырь, и заботиться объ обращеніи къ христіанству языческихъ Славянъ [3]). Монастырь Кремжа имѣлъ задачей дѣйствовать между Аварами и Славянами, такое же значеніе имѣлъ монастырь Иннихенъ,—оба они нерѣдко упоминаются въ дарственныхъ грамотахъ VIII — IX в. [4]). Монастырь св. Эмерама получаетъ земли около Дуная [5]), нижнеалтайскій въ нижней Панноніи;— но прослѣдить вліяніе этихъ монастырей на окрестное населеніе нѣтъ никакой возможности. Мы весьма мало знаемъ даже о дѣятельности въ Моравіи пасовскаго духовенства, которому непосредственно подчинена была эта страна. Все ведетъ къ тому предположенію, что Моравія входила въ составъ епархіи пасовскаго епископа, какъ языческая страна, въ которой ему поручалось бросать сѣмена христіанскаго ученія. Дѣйствительность вліянія въ такой странѣ и возможность доходовъ съ нея обусловливались еще разными обстоятельствами, имѣющими основаніе въ характерѣ и положеніи ея населенія [6]). Все, что

---

[1]) Dümmler Südöstliche Marken, § 4 — церковныя учрежденія въ пограничной землѣ — ss. 22 — 3.

[2]) Erben Reg. № 12. Бильбасова Кириллъ и Меѳодій, ч. I. стр. 56.

[3]) Erben № 8.

[4]) Büdinger, Oesterreichische Geschichte 1. s. III — 112; Dümmler, Über die südöstl. Marken, § 4. — Церковныя учрежденія въ маркѣ. Замѣчателенъ въ этомъ отношеніи документъ помѣщ. у Эрбена подъ № 9.

[5]) Erben № 22.

[6]) Правда, есть извѣстія, что въ 818 году Reinhardus baptizat omnes Moravos — Bernardi Norici chron. Laureac. ap. Pez Scriptores rerum Austriac. 1,—что въ 824—7 г. папа Евгеній II назначилъ пасовскаго епископа Урольфа митрополитомъ моравскимъ— Jaffé Regesta Pontificum Romanor. № 1946, Erben № 21; но извѣстія эти не имѣютъ достовѣрности. Въ пользу церковнаго устройства Моравіи пасовскимъ духовенствомъ и за многоплодную дѣятельность Урольфа говоритъ Шафарикъ — т. II, кн. II, § 41, 2. 6.; вѣря въ подлинность грамоты Евгенія II, по которой уже въ 824 — 7 г. въ Моравіи были учреждены двѣ епископскія каѳедры, въ Оломуцѣ и Нитрѣ, и одна

сдѣлалъ пасовскій епископъ для обращенія Моравіи, исчерпывается крещеніемъ князя и его приближенныхъ.

2) Собираніе Моравіи. Борьба съ Нѣмцами за политическую независимость. 830 — 870 гг.

Имя Моравіи въ первый разъ упоминается въ 822 году; прилагаясь сначала къ странѣ, расположенной по рѣкѣ Моравѣ, въ послѣдствіи это названіе распространяется на всю Паннонію и большую часть Угріи [1]). Когда Моравія подпала политическому и религіозному

митрополія, Шафарикъ ссылается на авторитетъ Фильца—Jahrbûch. der Literat. 70. S. 55,—считающаго эту грамоту хитро составленною, но подлинною. Мы сдѣлаемъ нѣсколько указаній, опровергающихъ и успѣхи пасовскаго духовенства въ Моравіи, и подлинность буллы Евгенія II. Первый храмъ въ Нитрѣ былъ построенъ въ 836 г., его святилъ зальцбургскій архіепископъ Адальрамъ, по свидѣтельству Anonymi Salisburg.; въ 900 г. архіепископъ Дитмаръ говоритъ о Викингѣ, что онъ посланъ былъ къ народу, недавно обращенному—in quandam neophytam gentem—Erben № 54. Этимъ опровергается все, что извѣстно изъ *сомнительнаго документа* о существованіи епископіи нитранской въ 826 г., о лицѣ мнимаго епископа Алевина: какъ же могъ быть епископъ въ Нитрѣ въ 826 г., когда тамъ въ 830 г. княжилъ еще язычникъ Прибина, когда первый христіанскій храмъ освященъ былъ спустя 10 лѣтъ — въ 836 г. См. Jirecek, Slovanské Právo v Cechách., str. 102, § 22. Онъ говоритъ о буллѣ Евгенія II: Recena bulla jest vûbec pramen velmi kalny; co se tam pravi o obráceni Moravanû za Urolfa a o zalozeni biskupstvi na Moravê... jest vse smysleni a liché, ceho se o domnêlém arcibiskupstvi Lavreackém za Urolfa na pocatku 9 stoleti docitáme az do smisnósti zachàzi. Впрочемъ видно, что епископъ Урольфъ, домогавшійся архіепископскаго достоинства вопреки епископамъ зальцбургскимъ, имѣлъ довольно большую заслугу въ обращеніи Моравянъ. Палацкій въ Dêjiny národu Ceskeho, str. 127, прим. 65, выражая сомнѣнія въ достовѣрности буллы Евгенія II, говоритъ, что всѣ грамоты, относящіяся до *начала лавреакской епископіи*, къ которымъ относится и эта булла, или очевидно поддѣланы, или подозрительны. Поддѣлка документовъ въ X вѣкѣ и позднѣе была очень обыкновенна. Послѣ угорскаго погрома, измѣнившаго прежній порядокъ вещей, значительно обрѣзавшаго епархіальныя границы Пасова и Зальцбурга, начинается поддѣлка грамотъ и документовъ на поземельныя владѣнія и высшія привиллегіи. О подложныхъ документахъ, касающихся лавреакской епископіи, см. Pritz, Geschichte des Landes ob der Enns, § 22, гдѣ подробно изложенъ этотъ вопросъ. Любопытно сравнить при этомъ широкія и смѣлыя притязанія епископа пасовскаго Пилигрима, ссылавшагося тоже на ложные документы. Dümmler, Piligrim v. Passau. Büdinger, Oesterreich. Geschichte 1. 274 — 284 и въ концѣ Excurs 4 — подложные документы Пилигрима пасовскаго.

[1]) *Marharii habent civitates XI*—говоритъ баварскій землеписецъ (866—890). Хотя имя Моравіи было хорошо извѣстно въ серединѣ IX в. (Einh. 822; Bulla Evg II. 826. apud Erben № 21), это не помѣшало писателямъ исказить названіе ея обитателей: Marahi (Adam. Brem. II, 19); Marahenses (Ann. Fuld. a. 871. 2); Maravi, Maravani, Marahabitae, (Ann. Fuld. a. 893. 897); Marabi (ibid. a. 899); Morami (Ademar.); Mararenses (Thitm VII, 42, 44, 54); Marierum (ibid. VI, 66); Ramahanenses (Chron. Saxo a 860). На-

вліянію иностранцевъ, внутри ея началась работа объединенія разрозненныхъ частей, стремившихся къ самостоятельности. Мы не знаемъ, когда сдѣлался княземъ Мойміръ, первый, упоминаемый съ этимъ достоинствомъ въ Моравіи [1]); но не можемъ отрицать, что онъ, если не получилъ княжества, то, по крайней мѣрѣ, держался на престолѣ съ

званы они такъ отъ рѣки Моравы, впадающей въ Дунай — съ сѣвера.... *Est populus quem vocant Merehanos, ipsi habent civitates XXX*, продолжаетъ баварскій географъ. Это другой народъ, отличающійся отъ народа Marharii, о которомъ говорилъ онъ выше. Было нѣсколько Моравій, называвшихся такъ отъ рѣки Моравы. Моравія народа Merehani, qui habent civitates XXX, есть малая Моравія, расположенная по Моравѣ, впадающей въ Дунай съ юга, (у древнихъ Marhus), состоящей изъ двухъ соименныхъ рѣкъ, болгарской и сербской Моравы. Область эта, по достовѣрнымъ историческимъ свидѣтельствамъ, въ IX — X в. принадлежала Болгарамъ. Она имѣла своего епископа на соборѣ 879 г. (Assemani, Kalend. 3, 138), упоминается у Конст. Порфиророднаго безъ эпитета малая (De cerem. aulae II, 48), *Поморавье*, какъ называетъ ее въ 1208 г. св. Сава въ житіи своего отца По распространеніи болгарскаго царства къ самой Дравѣ, всю эту страну стали называть нижней Моравіей, для отличія отъ верхней, въ которой повелѣвали славянскіе князья — Мойміръ, Ростиславъ, Святополкъ. Баварскій землеписецъ представляетъ эту Моравію въ связи съ Болгарами и отличаетъ ее отъ Моравіи съ 11 городами. Смотри Шаф. § 30, 3; сравни обстоятельный разборъ баварскаго земленисца у Лелевеля въ Géographie du moyen âge. T. III, p. 28 — 30. И такъ отъ Моравіи (la petite Moravie inférieure bouigaro serbe—по Лелевелю), расположенной по Моравѣ, съ юга впадающей въ Дунай, должно отличать Моравію по Моравѣ, съ сѣвера впадающей въ Дунай. Объ этой послѣдней собственно долженъ идти разсказъ нашъ. Въ древнихъ источникахъ нѣсколько разъ встрѣчается названіе вышней или верхней Моравы и раздѣленіе ея на двѣ, преддунайскую и паннонскую. Имя этой Моравіи особенно распространилось, со времени могущества Святополка, къ югу отъ Карпатовъ, гдѣ была епископія и княжество нитранское, и на всю Паннонію, такъ что стало двѣ верхнихъ Моравіи (Методіе архіепископъ *Вышнюю Мораву* — по житію Меѳодія у Калайдовича въ Іоаннѣ Екзархѣ Болгарскомъ 10 и 90 стр.). Изъ нихъ одна была Моравія преддунайская (Conversio Anonymi. Salisburg., Privina exulatus a Moimaro duce Maravorum supra Danubium), другая Моравія паннонская *ἐπίσκοπος Μοράβου τῆς Παννονίας* (Vita s Clementis, ed. Miklosich c. III). Фульдскій лѣтописецъ восточныя края Хорутаніи прямо называетъ южною частью Моравіи (a 901: interdum vero Ungari australem partem regni illorum (Мораванъ), Caruntanum, devastando invaserunt,). Это *великая Моравія* Константина Порфиророднаго ap. Stritter T. II, pag. 1, c. XIII: Turcis contermina est ad meridiem magna Moravia, sive Suendoploci regio, quae omnino a Turcis vastata est.... c. XXXVIII: Turci.... magnam Moraviam ingressi, incolas ejus expulerunt, ibique sedes suas posuerunt; точнѣйшее указаніе въ c. XV: ad cursum fluminis extat Sirmium, quod Belegrad abest duorum dierum itinere; inde *magna Moravia* baptisma carens (какъ занятая въ его время Уграми....) См. Шаф. § 42, 1, и прим. 17, 18; снеси Лелевелевъ разборъ баварскаго географа p. 28 — 9; Dudik, Mährens allgemeine Geschichte, ss. 100 — 101

[1]) Bulla Eug. II. Erben № 21. Но эта булла составлена позднѣе и изъ нея нельзя заключить о времени княженія Мойміра. Изъ словъ Anonymi Salisburgensis о Мойміре и Прибинѣ можно вывести, что борьба между ними началась около 830 г. Ann. Fuldenses ap. Pertz. I. подъ 846 г. упоминаютъ о низверженіи Мойміра.

согласія и при содѣйствіи Франковъ. Кажется, Мойміръ, по своей дѣятельности, подобенъ первымъ князьямъ московскимъ, которые, не ознаменовавъ себя военными подвигами, тихо и кропотливо шли къ одной цѣли—усиленію своей власти, предоставляя преемникамъ пользоваться скопленными ими силами. Уступая требованію пасовскаго епископа, онъ сдѣлался христіаниномъ; чтобы выразить свои миролюбивыя намѣренія, посылалъ посольства съ дарами ко двору нѣмецкаго императора [1]); не принималъ участія въ войнахъ, которыя вели съ Нѣмцами сосѣди его — хорватскій князь Людевитъ и Болгаре. Но преемникъ его уже выступаетъ за предѣлы естественныхъ границъ Моравіи, стремится къ политической и церковной независимости, ведетъ успѣшную борьбу съ преемниками Карла Великаго. Поэтому, не безъ основанія собираніе и устройство моравской земли приписывается князю Мойміру [2]). Мы попытаемся вникнуть въ процессъ образованія княжеской власти у Моравань, на сколько позволяютъ извѣстія о дѣятельности Мойміра.

Основною чертою внутренней жизни Славянъ, которая проникала и связывала ихъ общественный бытъ, было родовое устройство. Устройство родовъ, т. е. образъ и форма общественности, въ которой жили Славяне, была форма патріархальная, та первичная форма, въ которой вообще живутъ народы первобытные. Всѣ члены такого общества свободны: нѣтъ наслѣдственнаго сословнаго различія. Единство родовъ выражалось прежде всего въ общинномъ безраздѣльномъ владѣніи недвижимымъ имуществомъ рода — *дѣдиной*, что́ значитъ имущество предковъ, переходящее, по нисходящей линіи, къ потомству, или родовое имущество. Это имущество не могло дѣлиться на части, такъ что дѣвушки, выдаваемыя за-мужъ въ другой родъ, получали въ приданое только часть изъ движимаго имущества рода. Всѣ члены рода назывались *челядью*, родъ съ-обща заботился о своей дѣдинѣ, одни помогали другимъ. «Всякій отецъ управляетъ своею челядью; мужчины пашутъ, женщины шьютъ платье; если умретъ глава рода, всѣ оставшіеся съ-обща владѣютъ имуществомъ, выбравъ изъ своей среды владыку, который, для общественнаго блага, ходитъ въ славные снѣмы (сеймъ, вѣче) вмѣстѣ съ кметами, лехами и владыками» [3]). Такъ начальникомъ и главою всякаго рода было лицо выборное изъ членовъ рода и не всегда старшее по лѣтамъ. Онъ назывался отцемъ, владыкою, старостою и представлялъ свой родъ, забо-

---

[1]) Einhardi annales, a. 822.

[2]) Palacky, Dějiny I. str. 126; Слав. Древн. Шафарика § 41. стр. 290—1.

[3]) Любушинъ Судъ. изд. Шафарика и Палацкаго въ Die ältesten Denkm. der Böhmischen Sprache. Prag. 1840.

тясь объ его выгодахъ, на земскихъ собраніяхъ—sněm [1]). Когда, съ теченіемъ времени, чувство родства между родичами забывалось, изъ рода образовалась община; но и община оставалась вѣрна родовому устройству, была тѣмъ же родомъ, только въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Такъ новый членъ, желавшій поступить въ общину, долженъ былъ вкупиться въ нее, внеся извѣстный капиталъ въ общественную казну; цѣлая община отвѣчала за проступокъ своего члена, даже за слѣды преступленія, оказавшіеся въ ея границахъ, и должна была платить пеню, если не находила или не выдавала преступника. Всѣ старосты или владыки были поземельными собственниками [2]). Но такъ какъ не всѣ они могли имѣть опредѣленное и одинаковое количество собственности, то издавна нѣкоторые изъ владыкъ или старостъ стали выдѣляться своимъ богатствомъ и вліяніемъ. Роды, владѣвшіе большою поземельною собственностію въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній, естественно должны были пріобрѣсть высшее значеніе сравнительно съ другими, менѣе богатыми родами. Болѣе богатые и вліятельные владыки и старосты получили со временемъ отличительное названіе леховъ—имя, откуда производятъ позднѣйшее слово шляхта [3]).

---

[1]) У нынѣшнихъ Сербовъ восточной церкви, на югъ отъ Дуная, гдѣ всего болѣе сохранился обычай выбирать старѣйшинъ и поручать имъ завѣдываніе семейными и домашними дѣлами, называется онъ старѣйшиной, владыкою называютъ тамъ епископа; Palacky, Dějiny I. str. 189—190. Die ältesten Denkm., при объясненіи 5 стиха Любушина Суда;—въ Далмаціи называется еще *materfamilias* владыкою. Интересно извѣстіе, сообщаемое Вукомъ Стеф. Караджичемъ въ его Сербскомъ Словарѣ, Вѣна, 1818, стр. 792: старѣйшина господствуетъ и управляетъ всѣмъ имуществомъ, назначаетъ мужчинамъ и мальчикамъ работу, продаетъ и покупаетъ, съ согласія семьи, завѣдываетъ домашней казной и выплачиваетъ общественныя повинности, начинаетъ и оканчиваетъ домашнюю молитву. Онъ не всегда старшій по лѣтамъ въ родѣ; если начальникъ рода дряхлъ, то передаетъ власть старѣйшины лучшему изъ своихъ сыновей или братьевъ, или племянниковъ, хотя бы они были и весьма молоды. Издатели Die ält. Denkm. s. 89 говорятъ о старостахъ, что они принимали участіе въ земскихъ сеймахъ и представляли тамъ народъ. Число этихъ некрупныхъ собственниковъ съ теченіемъ времени сокращалось; изъ нихъ развилось, съ одной стороны (въ Чехіи), нисшее дворянство, съ другой такъ называемые нынѣшніе однодворцы (Freisassen). Къ стати замѣтимъ, что и въ новѣйшее время у нѣкоторыхъ родовъ въ Чехіи владѣтели майората называются владыками.

[2]) Безъ сомнѣнія, здѣсь разумѣется собственность благопріобрѣтенная, имущество личное, а не родовое.

[3]) Хотя существуетъ и другое производство отъ Geschlecht. Что уже и въ доисторическое время были такіе роды, которые обладали большою поземельною собственностію и вліяніемъ, и образовали посредствующій членъ между князьями и народомъ, въ этомъ нельзя сомнѣваться при ясныхъ положительныхъ свидѣтельствахъ. Косьма пражскій Lib. 1. 4. упоминаетъ между современниками Любуши duos cives opibus et genere eminentiores, qui videbantur populi exarctores. Современный иностранецъ называлъ этихъ лучшихъ мужей то *reguli*, то *duces*, *primores*, *optimates*; въ позднѣйшихъ до-

Отъ этихъ леховъ, образовавшихъ, при собраніи общинъ въ государство, высшее дворянство, нужно отличать другую, болѣе многочисленную, часть населенія страны, простыхъ собственниковъ. Они тоже владѣли свободною собственностію, но потомъ ихъ вліяніе значительно умалилось въ пользу крупныхъ собственниковъ, и они образовали нисшій слой дворянства. Нѣкоторые изъ родовыхъ старшинъ соединяли въ своемъ лицѣ и жреческое достоинство, были судьями и распорядителями во внутреннихъ дѣлахъ своего рода, являлись на общія собранія и, по большинству голосовъ, рѣшали тамъ дѣла, касающіяся всей совокупности родовъ.

Княжеская власть возникаетъ у Славянъ изъ власти родового старшины. Начало ея скрывается въ глубокой и недоступной наблюденію древности. Исторія имѣетъ дѣло уже съ лицами, поставившими себя выше старшины рода и стремящимися подчинить себѣ другіе роды и другихъ старшинъ. На земскаго князя переносятся всѣ права владыкъ или старшинъ. Онъ получалъ право распоряжаться общественными и частными дѣлами всѣхъ родовъ и могъ быть верховнымъ жрецомъ всего народа. Первоначальныя заботы земскаго князя направляются къ тому, чтобы распространить свою власть на всѣ роды, подчинить себѣ всѣхъ родовыхъ старшинъ, сильнѣйшихъ между ними ослабить или замѣнить людьми приверженными.

Такимъ княземъ является и Мойміръ. Безъ сомнѣнія, онъ правилъ не всѣми родами, населявшими Моравію; ему предстояло связать землю, раздѣленную между мелкими владѣтелями (лехи, жупаны, удѣльные князья), изъ которыхъ иные были не слабѣе его самого [1]). Надо думать, что народные старшины, привыкшіе къ свободѣ и независимости, нелегко уступали земскому князю свои права и всего болѣе способствовали къ продолженію порядковъ, въ слѣдствіе которыхъ сосѣди пріобрѣли вліяніе на внутреннія дѣла страны [2]).

кументахъ (изъ XIV в.) «шляхтичъ» объясняется чрезъ *magnifice nobilis*, «владыка» чрезъ *minus nobilis*—Die ältesten Denkm. въ объясненіяхъ подъ словомъ лехъ; Palacky, Dějiny 1. 198 — 9, Jirecek, Slovanské Pravo § 15 Zrizeni rodův.

[1]) Таковъ Славникъ у Чеховъ, Прибина у Мораванъ. Существованіе въ Моравіи класса лицъ, имѣвшихъ вліяніе на князя и правительство, замѣтно и въ концѣ IX вѣка, когда княжеская власть была уже сильнѣе, чѣмъ при Моймірѣ; Annal. Fuld. a. 864: insuper cum universis optimatibus suis, fidem se cunctis diebus regi servaturum esse, juramento firmavit (Ростиславъ); Житіе Кирилла стр. 23 въ Чтеніяхъ въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1863. 2 кн. Ростиславъ... совѣтъ сотвори съ князи своими и съ Моравляны, посла; Einh. a. 811. — primores ac duces Sclavorum. Въ *Судѣ Любуши* на сеймѣ подаютъ голосъ владыки съ кметами и лехами; въ концѣ Суда высказывается недовольство рѣшеніемъ княжеской власти. См. у Палацкаго въ Dějiny 1 стр. 199, прим. 170, Dudik, Mährens allgem. Gesch. 1. ss. 400 — 2. Boguphali Chronic. ap. Sommersberg, Scriptor. rer. Silesicar. 11. p. 20—21.

[2]) Dudik. 1. s. 400. Мы имѣемъ положительныя данныя на то, что такъ назы-

830 г. Княжество Мойміра, около 830 г., обнимало область по рѣкамъ Моравѣ и Дыѣ до Дуная, въ нынѣшней Моравіи и верхней Австріи. Къ этому времени внутренняя работа объединенія мелкихъ владѣтелей подъ верховною властію земскаго князя была кончена; мы находимъ Мойміра въ успѣшной борьбѣ съ довольно сильнымъ славянскимъ княземъ, Прибиною.

На востокъ отъ Моравы, между Дунаемъ и Грономъ, находилось славянское княжество, столицею котораго была Нитра. Князь нитранскій, Прибина [1]), не желавшій подчиниться моравскому князю, долженъ былъ оставить свое княжество и искать защиты у нѣмецкаго маркграфа Ратбода [2]). Поживъ у него нѣсколько времени и принявъ христіанскую вѣру, Прибина однако не нашелъ на этотъ разъ защиты у Нѣмцевъ и бѣжалъ со всѣмъ семействомъ въ Болгарію. Около пяти лѣтъ продолжались его скитанія, наконецъ Людовикъ нѣмецкій далъ ему въ ленъ часть нижней Панноніи около рѣки Салы и Блатенскаго
ок. 836 г. озера. Прибина и сынъ его, Коцелъ, соединили здѣсь подъ своею властію Славянъ, населявшихъ нижнюю Паннонію, стали строить крѣпо-

---

ваемые кметы были начальниками отдѣльныхъ частей земли чешской; сначала число ихъ было 12, позднѣе измѣнялось—Casop. C. Museum 1835, str. 432—4, 440—1. Чешскіе кметы еще въ XIV—XV вѣкахъ составляли постоянный высшій трибуналъ государства и имѣли вѣсъ въ политическомъ управленіи страною. Происхожденіе слова кметъ не объяснено, хотя можно сопоставить его съ *comes;* можетъ быть, подъ выраженіемъ *consiliarii*, *seniores* и т. п. писатели имѣютъ въ виду кметовъ. Ср. Galli chronic. ap. Pertz, Scr. IX, и Бѣлевскаго въ Monum. Poloniae historica, c. 13: habebat rex amicos duodecim consiliarios, cum quibus... regni familiarius et consilii misteria pertractabat. Boguph. Chronic.—sed tum duodecim discretiores et locupletiores ex se eligebant, qui quaestiones inter se conjungentes diffiniebant et rempublicam gubernabant. Die ält. Denkm., ss. 86 — 90 подъ стихомъ 7 объясненія; Palackého Dějiny 1, str. 185—6.

[1]) Anonymi Salisburg. Conversio Quarantanorum... изд. Kopitar въ Glagolita Glozianus, у Pertz SS. XI.

[2]) Съ этихъ поръ вообще восточные маркграфы начинаютъ имѣть важное значеніе въ исторіи моравскихъ Славянъ, то, напр. въ настоящемъ случаѣ, раздувая раздоры и усобицы въ княжескомъ родѣ, то вступая съ ними въ союзъ противъ нѣмецкихъ королей. Въ 825 г. изъ юговосточныхъ марокъ образовалось королевство баварское, которое Людовикъ передалъ своему третьему сыну, отъ Ирмингарды, Людовику. Область этого королевства должна была заключать въ себѣ большую часть вост. марки, Паннонію и Каринтію, представительное сословіе которыхъ стало теперь называться баварскими графами. Три года спустя послѣ воцаренія Людовика нѣмецкаго, случилось, что маркграфъ фріульскій Бальдерихъ былъ лишенъ своей должности за нерадѣніе (Einh. a. 828). Марка, имъ управляемая, была раздѣлена между четырьмя графами. Можетъ быть, это были, упоминаемые у безыменнаго Зальцбуржца, Helmvin, Albgar и Pabo (Ueber die südostl. Marken v. Dümmler, ss. 30 — 31). Между тѣмъ какъ южная часть украины была такимъ образомъ раздѣлена на нѣсколько графствъ, въ сѣверной былъ маркграфомъ Ратбодъ. Изъ одного документа, относящагося ко времени Людовика нѣмецкаго, 859 г., мы знаемъ, что маркграфъ

сти и храмы [1]). Въ болотистой и лѣсистой мѣстности, на берегу Салы, онъ построилъ укрѣпленіе, называвшееся по-славянски Блатно, у лѣтописцевъ *urbs paludarum*, у Нѣмцевъ *Mossburg*. По имени главнаго города славянскій князь этой страны сталъ называться блатенскимъ. Подъ его властію была вся нижняя Паннонія [2]).

Блатенское славянское княжество образовалось подъ прямымъ вліяніемъ Нѣмцевъ. Прибина и его сынъ были служилыми мужами короля Людовика нѣмецкаго, владѣвшими княжествомъ на правахъ лена. Какъ ни скудны наши свѣдѣнія объ этомъ времени, но можно догадываться, что Прибина недаромъ былъ поддерживаемъ нѣмецкимъ королемъ. Славянскій князь, всѣмъ ему обязанный, былъ для него порукою, что объеди-

---

Ратбодъ былъ обвиненъ въ вѣроломствѣ и измѣнѣ и отставленъ отъ должности; пока для насъ тутъ важно то, что идетъ два ряда маркграфовъ — сѣверные и южные, въ обозначеніи областей которыхъ много грѣшатъ источники.

[1]) Послѣдовательность событій опредѣлить довольно трудно; безыменный Зальцбуржецъ годовъ не указываетъ, что, вѣроятно, ввело въ ошибку Бюдингера, который говоря о христіанствѣ въ Моравіи, выражаетъ такую мысль, будто Прибина принялъ христіанство, когда еще не подвергался преслѣдованіямъ Мойміра, что тогда же освящена церковь въ Нитрѣ Адальрамомъ... Oester. Gesch. 1. 182—3. Точно также у Иречка въ Slovanské pravo, стр. 27, перемѣшаны лица: «Княземъ Нитранска былъ, во времена Мойміра, князь Прибина, еще язычникъ, окрещенный арх. зальцбургск. Адальвиномъ» (!); но это былъ преемникъ Ліупрама, упоминаемый подъ 850—65 гг. и крестить Прибину не могъ!.. «Прибина поставилъ въ честь Эмерама въ Нитрѣ церковь, которую святилъ Адальвинъ (!)» (читай Адальрамъ). Мы слѣдуемъ хронологіи, указанной Шафарикомъ при описаніи этихъ событій, § 41, 3. Около 830 г. Прибина, уже христіанинъ, оставилъ княжество и убѣжалъ сначала къ Болгарамъ потомъ къ Хорватамъ, послѣ сговорился съ Франками и получилъ въ ленъ край у озера Плеса. По его уходѣ нитранское княжество сдѣлалось частію моравскаго, которую моравскіе князья давали въ удѣлъ младшимъ членамъ княжескаго рода. Въ 869 г. упоминается *regnum Zventibaldi*, nepotis Rastici; 870 г. говорится о Святополкѣ... *una cum regno, quod tenebat*, что можно отнести только къ Нитрѣ. Послѣднее кажется вѣроятнѣе, чѣмъ безосновательное и безпричинное предположеніе уступки Мойміромъ блатенскому князю нитранскаго княжества въ 836 г. на единственномъ основаніи, что безыменный Зальцбуржецъ говоритъ объ освященіи архіеп. Адальрамомъ храма въ столицѣ Прибины — Нитрѣ. Дѣло могло произойти просто: Мойміръ силою завладѣлъ Нитрой и считалъ это княжество своимъ, Нѣмцы могли съ неудовольствіемъ смотрѣть на это и продолжали называть Нитру княжествомъ Прибины. Иначе, зачѣмъ они дарятъ ему обширную область въ ленъ, на которой сосредоточивалась вся дѣятельность Прибины и его сына,—устройство церквей, городовъ? Предположивъ примиреніе Мойміра съ Прибиной въ 836 г., мы должны придти къ другому предположенію, ни на чемъ не основанному—именно, что Нитра отнята была у Коцела Ростиславомъ, на что не имѣется извѣстій.

[2]) Такъ заставляютъ думать названія мѣстностей, упоминаемыхъ въ дарственныхъ грамотахъ блатенскихъ князей — Pettovium, Quinque Basilicas и т. п. См. Dümmler, Geschichte des Ostfränkisch. Reichs, s. 617, прим. 7, въ грамотахъ Коцела упоминается рѣка Раабъ, см. его грамоты у Эрбена.

невіе Моравіи не пойдетъ далѣе, что блатенскіе князья будутъ ограничивать захваты моравскихъ князей. Дѣятельность Мойміра, какъ объединителя Моравіи, казалась опасною нѣмецкимъ маркграфамъ и королю. Недовольствуясь покровительствомъ его врагамъ, въ 846 году Людовикъ напалъ на Моравію, лишилъ княжеской власти Мойміра и возвелъ на его мѣсто Ростислава, племянника Мойміров [1]). Между тѣмъ Прибина своею вѣрностію Нѣмцамъ и преданностію христіанской церкви [2]) пріобрѣлъ такое расположеніе короля, что 12 окт. 848 года получилъ въ собственность землю, которою онъ владѣлъ прежде на правахъ лена. Зальцбургскіе архіепископы лично посѣщали Блатно, освящали вновь созидаемые храмы, посылали къ Прибинѣ искусныхъ мастеровъ, въ которыхъ онъ нуждался. Близкія отношенія блатенскихъ князей къ зальцбургскому духовенству продолжались до 865 года, когда архіепископъ Адальвинъ встрѣчалъ праздникъ Рожд. Христова въ столицѣ преемника Прибины, Коцела [3]). Первые годы своего

846 г.

---

[1]) Annal. Fuld. ap. Pertz 1. a. 846.

[2]) Conversio Quarantanorum Anonymi Salisburg. Erben Regesta № 29.

[3]) Положеніе государства Франковъ по смерти Карла Великаго было такъ ненадежно, что преемникамъ Карла приходилось довольствоваться противъ Славянъ оборонительными мѣрами, каково образованіе блатенскаго княжества. Императоръ Людовикъ, еще имѣвшій не болѣе 40 лѣтъ, раздѣлилъ франкскую имперію между своими дѣтьми (817 г.). Новый бракъ его съ дочерью графа Гвельфа, Юдиѳью, заставилъ императора измѣнить прежній актъ престолонаслѣдія и выдѣлить рожденному отъ этого брака сыну Карлу значительный удѣлъ. Старшіе сыновья: Лотарь, Пипинъ, Людовикъ и съ ними высшее духовенство вооружились противъ распоряженія императора Людовика. 833 г. онъ оставленъ былъ своимъ дворянствомъ и войскомъ безъ всякой защиты и сосланъ въ заточеніе. По смерти его, въ 840 г., дѣти его стали враждовать между собою за упразднившійся престолъ. По вердюнскому договору (annal Fuld. a. 843) за Лотаремъ остался императорскій титулъ, Австразія, Фрисландъ, большая часть Бургундіи, аллеманскія области на лѣвомъ берегу Рейна, Провансъ и Италія; Людовику достались всѣ земли на правомъ берегу Рейна и округи майнцкій, вормскій и шпейерскій на лѣвомъ; Карлъ получилъ Нейстрію съ Фландріей и Бретанью, сѣверозападную часть Бургундіи и Аквитанію, Септиманію и испанскую марку; Пипинъ умеръ еще въ 838 году. См. Giesebrecht, Gesch. der Deutschen Kaiserz. 1. ss. 144—8; Oesterreichische Gesch. für das Volk, Jirecek ss. 161—3. Хотя части имперіи оставались еще въ извѣстной связи, но, съ раздѣленіемъ имперіи, пала идея императорскаго могущества. Людовикъ, получившій области по правой сторонѣ Рейна, сталъ непосредственнымъ сосѣдомъ Славянъ моравскихъ и чешскихъ. Съ этого времени въ судьбахъ славянскаго міра играетъ роль именно эта *вѣтвь преемниковъ Карла—нѣмецкіе короли.* Временемъ раздоровъ въ императорскомъ домѣ пользуются Болгаре, въ 825 г. они требуютъ размежеванія границъ и расширенія своей власти до Дуная—Einh. a. 825 — 826; болгарская флотилія направляется по Дравѣ въ Паннонію, опустошаетъ здѣсь франкскія владѣнія, изгоняетъ славянскихъ князей, преданныхъ Франкамъ, и ставитъ своихъ правителей. Графы и префекты паннонской марки, Бальдерикъ и Герольдъ, оставляютъ въ это время свой постъ и являются ко двору, въ Майнцъ — Einh, a. 826. Около

правленія Ростиславъ слѣдовалъ, по отношенію къ Нѣмцамъ, уклончивой политикѣ своего дяди. Не принимая участія во внѣшнихъ дѣлахъ, пока эти дѣла не касались его страны [1]), видимо не подавая повода къ неудовольствіямъ съ Нѣмцами [2]), Ростиславъ все вниманіе сосредоточилъ на защитѣ страны, возведеніи новыхъ городовъ и укрѣпленій. Къ этому времени относится постройка Дѣвина, знаменитаго произведенія славянскаго искусства въ оборонѣ страны; Франки съ удивленіемъ смотрѣли на эту пограничную крѣпость Моравіи. Тогда же, вѣроятно, была укрѣплена и княжеская столица, Велеградъ на Моравѣ [3]) и построены пограничныя съ Нѣмцами укрѣпленія на рѣкѣ

---

831 г. упоминается о походѣ маркграфа Ратбода на Ратиміра. Нужно имѣть въ виду эти обстоятельства, чтобы понять усиленіе Моравіи въ первой половинѣ IX вѣка.

[1]) Разумѣемъ четырехлѣтнюю войну Чеховъ съ Нѣмцами 846 — 849, въ которой Чехи имѣли перевѣсъ. Ann. Fuld. a. 846; annal Xantenses eodem anno; Prudentii Trecensis annales—въ 1 т. у Pertz'a.

[2]) Annal. Fuld. a. 852.

[3]) Весьма затруднительно опредѣлить положеніе городовъ, выстроенныхъ Ростиславомъ, особенно то, гдѣ искать Дѣвина и Велеграда. Шафариковымъ объясненіемъ нельзя удовлетвориться. Въ § 41, 4, на стр. 296 своихъ древностей онъ говоритъ, что въ 864 г. Растицъ былъ осажденъ въ городѣ Дѣвинѣ, близь нынѣшняго Градиштя; далѣе, на стр. 297, что въ 869 г. два войска вторглись въ Моравію и прошли страной, не находя сопротивленія. Карлъ приблизился къ Велеграду... а Карломанъ, пустившись съ юга, соединился съ братомъ гдѣ-то на востокъ отъ нынѣшняго градиштскаго края; здѣсь же, въ прим. 37, приводитъ такія доказательства, которыя, указывая Велеградъ на Моравѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ ставятъ его на мѣстѣ нынѣшняго Градиштя... Но и Дѣвинъ тоже близь нынѣшняго Градиштя. Палацкій на стр. 142, говоря о событіяхъ 864 года, высказываетъ, что Ростиславъ былъ осажденъ въ Дѣвинѣ, при впаденіи Моравы въ Дунай; въ 869 году войска далеко идутъ вглубь Моравіи и доходятъ до Велеграда, столицы Ростиславовой; на стр. 143, прим. 87 приведши слова фульдскаго лѣтописца подъ соотвѣтствующимъ годомъ, продолжаетъ: что здѣсь разумѣется старый Велеградъ, нынѣшнее Градиште, это для насъ несомнѣнно; свидѣтельствуетъ объ этомъ положеніе его на о-вѣ рѣки Моравы, самое имя (Велеградъ, magna munitio, Hradiste — munitus locus) и старое сказаніе о древней славѣ Велеграда, о Меѳодіевой здѣсь каѳедрѣ, наконецъ слова грамоты Оттокара I (27 ноября 1228 г.): Velegrad civitas prima, modo burgus etc. Старый Велеградъ погибъ во время нашествія Чеховъ и на развалинахъ его въ 1258 г. построено нынѣшнее Градиште. Иречекъ въ Slovanské pravo, str. 94 — 95, 59 — 60 объединяетъ всѣ сказанія лѣтописца фульдскаго подъ 855, 64, 69, 71 гг., относя ихъ къ одному Дѣвину. Выходитъ, по Шафарику, что Дѣвинъ и Велеградъ были около одного мѣста, одинъ—близь нынѣшняго Градиштя, другой на самомъ мѣстѣ этого Градиштя; по Палацкому, въ 864 году король Людовикъ осадилъ Ростислава «na hradu jeho Devinê nad oustim rêky Moravi do Dunaje», слѣдовательно Дѣвинъ онъ полагаетъ около нынѣшняго Пресбурга, съ чѣмъ несогласился и Шаф. (§ 41, 4 примѣч. 35), совершенно согласный съ нимъ въ опред. полож. Велеграда, какъ показываетъ дословное сходство примѣчаній 37-го у Шафарика и 87-го у Палацкаго. Кажется, что Дѣвинъ и Велеградъ не могли быть близь одного и того же мѣста; Дѣвина надо

Дыѣ: Зноимъ, Градецъ, Подивинъ, Бретиславъ и др. Находя страну довольно сильною для борьбы, Ростиславъ вошелъ затѣмъ въ друже-

---

искать не на Моравѣ, при впаденіи ея въ Дунай, а въ другомъ мѣстѣ; тѣмъ болѣе Дѣвинъ и Велеградъ не одинъ и тотъ же городъ (по Иречку); Дѣвинъ есть пограничная отъ Баваріи и Ракусъ моравская крѣпость, Велеградъ—столица князей моравскихъ, слѣдовательно долженъ находиться въ центрѣ страны. Посмотримъ на извѣстія.

О походѣ 855 г. такъ говорится у фульдскаго лѣтописца: Hludovicus in Sclavos Marahenses contra Rasticen, ducem eorum, sibi rebellantem parum prospere ducto exercitu, sine victoria rediit, malens adversarium, firmissimo, ut fertur, vallo munitum, ad tempus dimittere, quam militum suorum periculose pugnando dampna sustinere. Magnam tamen provinciae partem praedis et incendiis vastavit exercitus, non parvamque multitudinem hostium castra regis invadere cupientium usque ad internetionem delevit, sed non impune; quia post reditum regis Rastiz cum suis insecutus, plurima trans Danuvium finitimorum loca praedando vastavit. О походѣ 864 г.: Hludovicus rex, mense Augusto, ultra Danubium cum manu valida profectus, Rastizen in quadam civitate, quae lingua gentis illius Dovina, id est puella, dicitur, obsedit. At ille cum regis copiis congredi non auderet atque loca sibi effugiendi denegata cerneret, obsides... dedit. .. О походѣ 869 года: Карломанъ съ Баварцами посылается на Святополка, племянника Растица, Карлъ, вѣроятно, на самого Ростислава... Qui dum cum exercitu sibi commisso in illam ineffabilem Rastizi munitionem et omnibus antiquissimis dissimilem venissent, сожгли стѣны, разграбили имущество, скрытое въ лѣсахъ и закопанное въ поляхъ. И Карломанъ опустошилъ царство Святополка огнемъ и мечемъ... Подъ 871 годомъ: Zuentibald, ceteris castrametantibus, urbem antiquam Rastizi ingressus est, statimque Sclavico more, fidem mentitus et juramenti sui oblitus... Подъ 870 годомъ Карломанъ врывается въ Моравію, беретъ всѣ civitates et castella.

Замѣтимъ, что Косьма пражскій подъ 1074 годомъ даетъ извѣстіе, что на границахъ Моравіи съ Ракусами нѣтъ ни лѣса, ни горъ, ни другихъ естественныхъ преградъ, за исключеніемъ рѣки Дыи. Два раза у него же (Cosm. 140—260) упоминается городъ *Podivin* на *Свраткѣ* (нынѣ Шварцава) castrum, situm in media aqua Svratka, изъ чего слѣдуетъ заключить, что нынѣшнее названіе Дыи по всему теченію ея, до впаденія въ Мораву, появилось въ пору позднѣйшую. (Casop. Cesk. Mus. статья Иречка, «O starych cestah z Cech a z Moravy do zemi sousednich». Очевидно, Ростиславъ, имѣя въ виду продолжительную войну съ Нѣмцами, долженъ былъ защитить границы моравскія по преимуществу съ этой стороны. А какъ Дыя была пограничною рѣкой, то укрѣпленныя мѣста, о которыхъ говорится въ извѣстіяхъ фульдскихъ лѣтописцевъ, должно искать на ней, или около нея. Грамота князя Брячислава (ар. Erben № 97) едва ли можетъ приводиться въ доказательство мѣста, занимаемаго Дѣвиномъ и Велеградомъ. Угорскій погромъ, опустошительные набѣги Угровъ, ихъ господство въ Моравіи и переворотъ въ населеніи Моравіи, случившійся въ началѣ X в., уничтожили, конечно, Ростиславовы сооруженія и изгладили въ XI вѣкѣ память о мѣстности ихъ. Грамота Брячислава соединяетъ Велеградъ и Дѣвинъ въ одно, какъ будто, понятіе, по крайней мѣрѣ сближаетъ ихъ: Брячиславъ... tradidit universam dotem... juxta Vueligrad, ubi coepit christianitas, in loco quondam civitatis Devin cernitur extitisse...

Извѣстенъ способъ укрѣпленія славянскихъ городовъ; еще болѣе характеренъ способъ укрѣпленія Чехіи и Моравіи; обиліе лѣса кругомъ земли дѣлало Чехію почти неприступною. Городьба, засѣки въ мѣстахъ лѣсистыхъ, окопы и валы въ мѣстахъ открытыхъ были достаточными средствами защиты (Slov. právo Jirecek, § 20 Vojen-

ственныя сношенія съ Болгарами, своими сосѣдями на юго-востокѣ [1]), пригласилъ Чеховъ къ одновременному возстанію [2]), привлекъ на свою сторону маркграфа Ратбода [3]). Король Людовикъ долженъ былъ наконецъ принять свои мѣры, чтобы удержать Моравію въ границахъ зависимости. Въ 855 году съ большимъ войскомъ пошелъ онъ въ Моравію; но границы ея были такъ укрѣплены, и моравское войско заняло такое безопасное мѣсто, что король отступилъ назадъ, не отважившись взять ни одной крѣпости и начать сраженія. Ростиславъ преслѣдовалъ его за границы Моравіи и опустошилъ баварскія пограничныя области [4]). 855 г.

Слѣдствіемъ счастливой войны съ Людовикомъ былъ значительный политическій выигрышъ для Моравіи. Ростиславъ считалъ теперь осуществимою мысль о независимости, пересталъ отправлять

---

stvi). Принимая это во вниманіе, событія 869 г. нельзя относить къ пограничнымъ мѣстностямъ: ineffabilis Rastizi munitio, упоминаемая здѣсь, окружена стѣнами, которыя враги жгутъ, потомъ опустошаютъ окрестную страну — дѣло идетъ здѣсь о Велеградѣ на Моравѣ; но событія 855 и 864 годовъ, гдѣ укрѣпленіе упоминается — *firmissimum vallum* (855) и гдѣ Ростиславъ не считаетъ себя хорошо защищеннымъ, предпочитая худой миръ случайностямъ войны (864), — должны происходить близь границъ моравскихъ, въ крѣпости неизвѣстнаго имени и въ Дѣвинѣ, на рѣкѣ Дыѣ, на островѣ (in media aqua fl. Zvratka). Вообще замѣтно, что Ростиславъ серьезно взялся за дѣло борьбы съ Нѣмцами, не даромъ употребивши первые десять лѣтъ княженія. О Велеградѣ у Иречка Slov. pravo, str. 61 — 62.

[1]) Prudent. Trecens. annal. Bertin. a. 855. Лѣтописецъ говоритъ о войнѣ Болгаръ и Славянъ съ Франками. Можетъ быть, это были только приготовленія къ войнѣ. Шафарикъ, Древн. § 41 4, примѣч. 30.

[2]) Это догадка, которую впрочемъ трудно оспаривать. Одновременныя волненія у Славянъ, на весьма широкихъ пространствахъ, имѣютъ между собою часто связь. Факты слѣдующіе: Фульдскій лѣтописецъ подъ 856 годомъ сообщаетъ, не объясняя причинъ, Hludovicus... per Boemanos transiens, nonnullos ex eorum ducibus in deditionem accepit; ap. Erben подъ № 28: Людовикъ... misit aciem Баварцевъ in Boemanios, quorum ductor Ernest comes extitit, episcopis simul comitantibus. Tum demum reversi, cum rumore non minimo, ut moris est, confluebant ad regem.

[3]) Около 856 года маркграфъ Ратбодъ, обвиненный въ вѣроломствѣ и измѣнѣ, отставленъ отъ занимаемыхъ имъ должностей. Мы приведемъ здѣсь слова Дюммлера изъ его südostl. Marken, s. 34: Если мы сообразимъ, что въ этомъ (разумѣетъ 855 и 856 гг.) или въ слѣдующемъ году у Ратбода отнято было маркграфство, то съ этимъ весьма совпадаетъ позднѣйшее, тѣмъ не менѣе достовѣрное извѣстіе, что въ 856 году управленіе Остмаркомъ было передано Карломану, старшему сыну Людовика отъ Геммы (Auctor. Garstens. a. 856 ap. Pertz. Scr. IX. 565). Это было первымъ шагомъ ко введенію новой системы управленія въ украинѣ. Раздѣленія на сѣверную и южную половины не видно болѣе, и власть, дѣлившаяся между Герольдомъ и Эрихомъ и преемниками ихъ, сосредоточилась теперь въ рукахъ королевскаго принца.

[4]) Свидѣтельства приведены на стр. 42 въ примѣчаніи. Событія съ 856 г. прекрасно изложены у Дюммлера, въ südostl. Mark. ss. 35 — 8.

пословъ на государственные сеймы имперскіе, не посылалъ обычной дани; но Нѣмцы до 864 года не предпринимали вторичнаго похода на Моравію. Въ это время, среди другихъ славянскихъ народовъ, Мораване пріобрѣли то значеніе, которымъ они пользовались до конца IX вѣка, значеніе поборниковъ славянской свободы, предводителей въ борьбѣ за независимость; въ тоже время имя Ростислава сдѣ-
857 г. лалось уважаемымъ среди самихъ враговъ его. Въ 857 году чешскій князь Славитѣхъ, изгнанный Нѣмцами изъ виторажскаго княжества, находитъ заступничество у Ростислава [1]); Карломанъ, храбрѣйшій и даровитѣйшій изъ дѣтей Людовика, не находя достойнаго для себя поприща въ управленіи восточною маркою, вошелъ въ переговоры съ Ростиславомъ и сталъ домогаться баварской короны. Онъ прогналъ
861 г. графовъ, которымъ отецъ его поручилъ управленіе Каринтіей и Панноніей и передалъ эти должности своимъ приверженцамъ [2]). Вѣроятно, въ связи съ этимъ стоитъ и то обстоятельство, что герцогъ Эрнестъ, тесть Карломана, доселѣ самый вліятельный совѣтникъ короля, и вмѣстѣ съ нимъ много другихъ высоко поставленныхъ лицъ, около этого времени лишены были своихъ мѣстъ *за невѣрность*. Людовикъ былъ весьма встревоженъ и опечаленъ этими событіями, онъ видѣлъ, что измѣна и заговоръ проникли не только въ его совѣтъ, даже въ его семейство. Но онъ находился въ такомъ затруднительномъ положеніи [3]), что не могъ предпринять мѣръ ни противъ Ростислава, ни
862 г. противъ Карломана. Лѣтомъ 862 года самъ Карломанъ явился въ Регенсбургъ, далъ обѣщаніе оставить свои замыслы и снова получилъ въ управленіе восточную марку. Но и послѣ того онъ не прерывалъ подозрительныхъ для короля сношеній съ моравскимъ княземъ; почему Людовикъ, объявивъ его лишеннымъ правъ на занятіе высшихъ должностей [4]), въ союзѣ съ Болгарами [5]) пошелъ на него войною. Кар-

---

[1]) Annal. Fuld. a. 857.

[2]) Annal. Fuld. a. 861. На могущее быть столкновеніе между Ростиславомъ и Карломаномъ указываетъ фульдскій лѣтописецъ подъ 858 г. Къ этому времени нужно отнести и конецъ дѣятельности Прибины. Убитъ ли онъ въ войнѣ съ Ростиславомъ — Шаф. т. II, кн. II, стр. 293, или Карломанъ лишилъ его княжескаго достоинства и, вмѣстѣ съ сыномъ, прогналъ изъ Панноніи, неизвѣстно. Важно для насъ то, что блатенскіе и моравскіе князья еще въ 861 г. были враждебныхъ между собою направленій: князь моравскій стремится къ національной независимости, блатенскій — дружитъ съ Нѣмцами. Коцелъ, сынъ Прибины, утвержденъ былъ въ правахъ блатенскаго князя не ранѣе 863 г., когда Карломанъ принужденъ былъ оставить управленіе вост. маркой.

[3]) Annales Xantenses a. 862. ap. Pertz, 11.

[4]) Annal. Fuld. a. 863; Dummler, südöstl. Mark. ss. 35—8.

[5]) Annal. Fuld. a. 863 quasi... Rastizen Marahensium Sclavorum ducem cum auxilio Bulgarorum ab oriente venientium... domaturus.

ломанъ, не получивъ помощи отъ Ростислава, былъ обманутъ графомъ Гундакеромъ, перешедшимъ на сторону короля, и принужденъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Получивъ потомъ надежду на прощеніе, Карломанъ явился въ Регенсбургъ и жилъ здѣсь нѣсколько времени подъ почетной стражей. Въ восточной маркѣ снова поставлены были 863 г.
королевскіе чиновники [1]); приверженцы Карломана потеряли свои мѣста.

Нѣмецкому королю была извѣстна главная причина волненій и смутъ въ маркѣ; но его дѣлала нерѣшительнымъ и ставила въ недоумѣніе широкая сѣть, раскинутая Ростиславомъ даже въ самомъ дворѣ его [2]). Удаленіе изъ восточной марки Карломана и возстановленіе въ ней чиновниковъ придворной партіи, каковъ Гундакеръ, развязывало Людовику руки и дѣлало вѣроятною надежду на счастливый походъ; для надежнѣйшаго исхода предпріятія онъ заключилъ противъ Ростислава союзъ съ Болгарами (въ Тульнѣ). Каковъ былъ въ западномъ мірѣ взглядъ на стремленія Ростислава, показываетъ относящаяся къ этому времени грамота папы Николая I [3]). Благословляя короля на войну съ Ростиславомъ, папа говоритъ: «такъ какъ царь имѣетъ намѣреніе отправиться въ Тульну и тамъ заключить союзъ съ царемъ болгарскимъ и Ростислава волей-неволей принудить къ повиновенію: то просимъ всемогущаго Бога, чтобы ангелъ, помогавшій патріарху Іакову, былъ также помощникомъ и его войску, чтобы благоустроенъ былъ путь его и чтобы онъ съ радостію возвратился во-свояси». Въ серединѣ августа, 864 года, Людовикъ съ огромнымъ 864 г.
войскомъ перешелъ Дунай, и осадилъ Ростислава въ Дѣвинѣ; не извѣстно, по какимъ побужденіямъ моравскій князь согласился на невыгодный миръ и выдачу заложниковъ [4]). Послѣдующія обстоятельства показываютъ, что *этотъ невыгодный миръ* нисколько не измѣнилъ отношеній Ростислава къ Нѣмцамъ, и не унизилъ его въ глазахъ современниковъ [5]).

Во время похода Людовика въ Моравію Карломану удалось обмануть стражу и бѣжать на границу, гдѣ нѣкоторые графы, и между ними Гундакеръ, признали его своимъ повелителемъ. Король согласился возстановить Карломана въ прежнемъ достоинствѣ — правителя

---

[1]) Гундакеръ получилъ маркграфство Каринтію, Коцелъ—Блатно.

[2]) Вѣроятно, совѣщанія о походѣ противъ Моравіи были не рѣдки: неиначе можно объяснить предположенія о походахъ, не приводимыя въ исполненіе—подъ 856 и 863 гг. у фульдскаго лѣтописца.

[3]) Erben, Regesta № 33.

[4]) Annal. Fuld. a. 864. Словамъ лѣтописца едва ли слѣдуетъ давать много вѣры. Извѣстіе его приведено на стр. 41, въ прим., тутъ же сдѣланы указанія о положеніи Дѣвина.

[5]) Лѣтописи Мар. Скота, гильдесгеймская, гельверденская, ашафенбургская уже съ 856 г. называютъ Ростислава королемъ моравскимъ—см. Шаф. т. II, кн. II, стр. 295, прим. 32.

восточной марки, а въ слѣдующемъ году поручилъ ему и Баварію [1]). Но эта уступчивость, устранявшая всякій поводъ къ неудовольствію съ Карломаномъ, вызвала возстаніе съ другой стороны. Второй сынъ Людовика нѣмецкаго, Людовикъ младшій, считая себя обиженнымъ щедростію отца по отношенію къ Карломану, привлекъ на свою сторону многихъ вельможъ и убѣждалъ Ростислава принять участіе въ возстаніи противъ короля. Но скоро заговоръ Людовика младшаго былъ открытъ, замѣшанныя въ немъ лица явились въ Моравію и искали защиты у Ростислава [2]). Нѣкоторыя изъ нихъ поступали въ моравскую военную службу, сражались въ рядахъ Славянъ со своими соотечественниками, предводительствовали даже отдѣльными отрядами
868 г. Славянъ [3]). Съ 868 года мы видимъ Ростислава еще разъ въ тяжелой и продолжительной войнѣ съ Нѣмцами, съ настойчивостію веденной имъ въ продолженіе трехъ лѣтъ. Театръ этихъ войнъ представляла не одна Моравія; Чехи и полабскіе Славяне разомъ поднялись вмѣстѣ съ Ростиславомъ противъ ненавистнаго чужеземнаго господства.

Нѣмецкіе лѣтописцы того времени, описывая исключительно отечественныя событія, обращали весьма мало вниманія на своихъ сосѣдей и только кратко упоминали о войнахъ съ ними; но Славяне тогда еще не имѣли своихъ лѣтописцевъ. Поэтому мы не имѣемъ почти никакихъ свидѣтельствъ о внутренней жизни моравскаго народа. Это тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что тогда совершались весьма важныя перемѣны въ духовномъ развитіи Моравъ, въ ихъ обычаяхъ, общественномъ устройствѣ и учрежденіяхъ. То было время, когда христіанство боролось съ язычествомъ, когда утверждалось единодержавіе и совершалась переработка старой раздробленности въ стройное государственное единство. Какъ бы успѣшно и умѣренно ни проводились эти измѣненія, несомнѣнно, онѣ влекли за собой волненія, смуты, страстное возбужденіе мысли. Но ни одинъ достовѣрный источникъ не даетъ свѣдѣній объ этомъ важнѣйшемъ періодѣ внутренней жизни моравскаго народа Замѣчательно, что въ самой Моравіи не осталось никакого воспоминанія не только о доисторической порѣ жизни, но и о славномъ времени Ростислава и Святополка, вообще о періодѣ до угорскаго погрома [4]).

---

[1]) Hincmari annales (Bertin.) a. 864.

[2]) Annal. Fuld. a. 865, Verinharius comes; ibidem. a. 866; ibidem a 869.

[3]) Annal. Fuld. a. 869. Въ войнѣ Нѣмцевъ со Славянами убитъ былъ Гундакеръ, перешедшій на сторону Ростислава... *more Catilino dimicare volens.*

[4]) Palacky, Dejiny 1. str. 134—135.

3) Стремленіе къ церковной самостоятельности. Дѣятельность св. Кирилла и Меѳодія [1]). 862 — 872. гг.

Ростиславъ поставилъ себѣ опредѣленную цѣль—возвысить Моравію въ положеніе самостоятельнаго государства. Посредствомъ дружественныхъ договоровъ съ сосѣдними родственными народами, пользуясь раздорами и слабостію дѣтей и внуковъ Людовика Благочестиваго, онъ могъ устранить вліяніе маркграфовъ и сдѣлаться полновластнымъ правителемъ страны. Но, еще недавно принявшіе христіанскую вѣру, Мораване находились въ церковной зависимости отъ па-

---

[1]) Источники для церковной исторіи Моравіи. Главнымъ образомъ они сосредоточиваются около разнообразной и богатой послѣдствіями дѣятельности Кирилла и Меѳодія. Первое мѣсто между ними занимаютъ оффиціальные источники: письма, грамоты, инструкціи, договоры и т. п., такихъ документовъ насчитывается до 27. Изданія: Бильбасова въ 1 части его «Кириллъ и Меѳодій» Спб. 1868 г.; Carolus Jaromir Erben въ Regestra Diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae. Pars I. Pragae, 1855, начиная съ № 32; Гинцеля въ кодексѣ, приложенномъ къ его Geschichte der Slawenapostel Cyrill und Method und der Slawischen Liturgie, Leitmeritz, 1857 г.; такъ какъ большая часть источниковъ этого рода суть папскія грамоты, весьма важно изданіе ихъ Jaffé Philip, Regesta Pontificum Romanorum, Berolini 1851 г.; буллы Николая I, Адріана II и Іоанна VIII и послѣдующихъ папъ *). Второе мѣсто между источниками занимаютъ сказанія о жизни Кирилла и Меѳодія, раздѣляющіяся на два разряда: сказанія латинскія и сказанія славянскія. Десять сказаній издано Бильбасовымъ во II части «Кирилла и Меѳодія» Спб. 1871 г., предполагается еще III часть, предметомъ которой будетъ Кириллъ и Меѳодій по русскимъ сказаніямъ. Въ 1863 г. предпринятъ былъ Бодянскимъ трудъ изданія памятниковъ, касающихся жизни и дѣятельности Кирилла и Меѳодія; въ Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ стали помѣщаться эти памятники на славянскомъ языкѣ, въ книжкахъ за 1863 — 5 гг. помѣщены паннонскія житія; у Гинцеля въ его Geschichte der Slawenapostel... въ кодексѣ; о положеніи церкви послѣ смерти Меѳодія пространно говоритъ изданное Миклошичемъ въ Вѣнѣ, 1847 г. житье Климента: *Βίος καὶ πολιτεία ὁμολογία τε καὶ μερικὴ θαυμάτων διήγησις*...

Пособія. Литературные труды по обработкѣ источниковъ и по историческому изложенію жизни и дѣятельности Кирилла и Меѳодія, равно какъ и по вопросу о церкви, богослуженіи въ Моравіи, многочисленны. Укажемъ только болѣе важные и новые: Wattenbach Wilh, Beiträge zur Geschichte der christlichen Kirche in Mähren und Böhmen. Wien, 1849; его же Die Slawische Liturgie in Böhmen und die altrussische Legende vom heilig. Wenzel; Dümmler Ernst, Die Pannonische Legende v. heiligen Methodius въ Archiv für Kunde österreichischer Geschichts—Quellen, Wien, 1854.

*) Сюда же относятся дѣянія соборовъ и свидѣтельство о Кириллѣ Анастасія библіотекаря — Mansi Sacorurm Conciliorum nova et amplissima collectio, по преимуществу XV и XVI, 6, 166... Анастасіемъ пользуется Рачкій, въ примѣчаніяхъ у него приведены почти всѣ нужныя мѣста, равно какъ и Гинцель въ кодексѣ, s. 43.

совскаго епископа, а извѣстно, что проповѣдь христіанства въ новообращенной странѣ была тогда важнѣйшимъ средствомъ къ полному ея подчиненію. Моравскому государю, желавшему дать своей странѣ политическую самостоятельность и оградить ее отъ вліянія Нѣмцевъ, весьма естественно было желать, чтобы ни пасовскій епископъ, ни нѣмецкое духовенство не предъявляли болѣе притязаній на духовное владычество въ Моравіи. Ближайшимъ и болѣе вѣрнымъ средствомъ къ этому — было просить для Моравіи проповѣдниковъ либо у папы, либо у патріарха цареградскаго.

862 г Къ концу 862 г. Ростиславъ вмѣстѣ со своимъ племянникомъ, Святополкомъ, отправили въ Цареградъ посольство, съ просьбою прислать въ Моравію учителя вѣры. Просьба моравскихъ князей съ сочувствіемъ была принята тогдашнимъ императоромъ, Михаиломъ III. Онъ поручилъ дѣло церковнаго устроенія Моравіи лицамъ уже приготовленнымъ къ подобной дѣятельности, братьямъ Константину и Меѳодію. Святые братья родились и получили первоначальное воспитаніе въ Солуни; этотъ городъ представлялъ смѣсь населенія эллинскаго и славянскаго, по близости отъ него расположено было множество славянскихъ селеній [1]). Солунь имѣла тогда важное значеніе и въ политическомъ и церковномъ отношеніи, здѣсь продолжали еще

Band XIII; Racki, Viek i djelovanje Sv. Cyrilla i Methoda, svezak I и II v Zagrebu 1859; Ginzel, Geschichte der Slawenapostel Cyrill und Method, Leitmeritz, 1857; Викторова, Кириллъ и Меѳодій, новые источники и труды для исторіи славянскихъ апостоловъ, Москва, 1865; Бодянскаго, О времени происхожденія славянскихъ письменъ, Москва 1855; О святомъ Кириллѣ и Меѳодіѣ—статья, помѣщенная въ Москвитянинѣ за 1843 г., часть III; Бѣлевскій при изданномъ имъ въ Monumenta Poloniae житьи Меѳодія, въ примѣчаніяхъ; Бильбасова, Кириллъ и Меѳодій, часть I и часть II; Лавровскаго, Кириллъ и Меѳодій, какъ православные проповѣдники у западныхъ Славянъ. Харьковъ 1863 г.; кромѣ того во многихъ сочиненіяхъ, не спеціально занимающихся этимъ предметомъ, удѣлено довольно мѣста и высказано много замѣчательныхъ мыслей, которыя нельзя не принять въ соображеніе занимающемуся исторіей Кирилла и Меѳодія, укажемъ: на Шафарика, Славянскія древности, переводъ съ чешскаго Бодянскаго, Москва, 1848; Голубинскаго, Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей... Москва, 1871 г.; Гильфердинга, Собраніе сочиненій; Дюммлера, Geschichte des Ostfränkischen Reichs I и II Hälfte, Berlin, 1862 г.; Hefele — Concilien Geschichte, Freiburg im Breisgau. 1860; на упомянутыя сочиненія Палацкаго, Дудика, Гизебрехта (Вильгельма); на Тафеля, De Thessalonica ejusque agro dissertatio historica, Berolini 1859; Hergenröther'-a, Photius, Patriarch v. Constantinopel. Regensburg, 1867 г.; Калайдовича, Іоаннъ Екз. Болгарскій; Копитара, Glag. Gloz. Вѣна. 1836. и др.; на превосходные труды по исторіи Рима: Gregorovius-a, Geschichte der Stadt Rom im Mittelalther. Stuttgart, 1860 г., III-й томъ, на Reumont-a, Geschichte der Stadt Rom. Band II, Berlin. 1867 г.

[1]) Тафеля, De Thessalonica; Ginzel, Geschichte der Slaw. apost. s. 22, примѣч. 4; Рачкій, Vjek i djelovanje svez. II; str. 84.

изучаться науки и искусства [1]), отсюда выходили ученые люди, сочиненія которыхъ, сохранившіяся до сихъ поръ, свидѣтельствуютъ о высокомъ образованіи ихъ авторовъ [2]). Живое обращеніе со Славянами было для Константина и Меѳодія весьма хорошимъ средствомъ для ознакомленія со славянскимъ языкомъ и народными обычаями, а должность правителя славянскою областью, которую получилъ Меѳодій, поставила его въ непосредственныя и ближайшія отношенія съ ними. По смерти отца, занимавшаго важное мѣсто въ греческой службѣ [3]), Констан-

---

[1]) О значеніи Солуни лучшее сочиненіе Тафеля, De Thessalonica eiusque agro; Dümmler, Die Pannonische Legende, s. 164 и 20; его же Geschichte des Ostfränk. Reichs s. 620; Racki. Vjek i djelovanje, svezak II, str. 83 — 5.

[2]) Въ Солуни не только въ цвѣтущее время имперіи разработывались науки и искусства, но занятія ими продолжались и въ послѣдующее время; Іоаннъ Каменіата, уроженецъ солунскій, свидѣтельствуетъ, что въ его время въ Солуни преподавались краснорѣчіе, музыка, право и др. изящныя науки и что городъ былъ наполненъ студентами. Въ ряду ученыхъ своего времени уроженцы солунскіе занимаютъ самое видное мѣсто; во главѣ ихъ стоитъ Евстаѳій, архіепископъ солунскій, извѣстный комментаріемъ къ Гомеру, жившій во II половинѣ XII в.; Ѳеодоръ газскій, знатокъ греческаго и латинскаго языка, переведшій на латинскій Аристотелеву исторію животныхъ; Симеонъ архіепископъ солунскій, Константинъ Гарменопулъ, Каменіата, Константинъ и Меѳодій и др.

[3]) Главный источникъ—паннонскія житія: 1) Житіе Константина философа, нареченнаго Кирилла, изданное Бодянскимъ по многимъ спискамъ въ Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1863 г., II книжка, стр. 1—221 и 1864 г. II книжка, стр. 225—325; 2) Житіе блаженнаго отца нашего и учителя, Меѳодія, архіепископа Моравьска въ Чтеніяхъ за 1865 г., 1 кн. стр. 1—95 (также во множествѣ списковъ). Объ отцѣ ихъ и занимаемой имъ должности такъ говорится въ житьи Кирилла, стр. 1: «въ селунъстѣмъ же градѣ бѣ мужъ нѣкыи, доброродeнъ и богатъ, именемъ Левъ, предръжа санъ другарескъ подъ стратигомъ». Мы по преимуществу слѣдуемъ паннонскимъ житіямъ, и вотъ на какихъ основаніяхъ. Сказанія о жизни Кирилла и Меѳодія составляютъ второй разрядъ источниковъ для исторіи ихъ. Сначала между сказаніями первое мѣсто занимала такъ называемая итальянская легенда, изданная въ 1-й разъ въ 1668 году Геншеномъ въ Acta Sanctorum, подъ 9 марта; ею и повѣрялись другія сказанія; затѣмъ, послѣ Добровскаго, въ число первостепенныхъ источниковъ для жизни святыхъ братьевъ принято было греческое житье Климента, епископа величскаго. Оно писано было ученикомъ Климента, какъ доказалъ Миклошичъ, издавшій его въ 1847 г.: *Βίος καὶ πολιτεία ὁμολογία τε καὶ μερικὴ θαυμάτων διήγησις τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Κλήμεντος, ἀρχιεπισκόπου Βουλγάρων*... Говоря о сказаніяхъ, имѣющихъ предметомъ своимъ жизнь братьевъ, Кирилла и Меѳодія, Гинцель въ своей Geschichte der Slaw. Apost., s. 17. высказывается о задачѣ историка при обращеніи съ ними: «Въ отношеніи легендъ о Кириллѣ и Меѳодіѣ задача критики опредѣлена весьма ясно—это отдѣлить въ нихъ историческую истину отъ баснословія. Такъ какъ важнѣйшіе моменты жизни святыхъ апостоловъ ясно указаны свидѣтельствами точныхъ и достовѣрныхъ источниковъ» (оффиціальныхъ, въ противоположность со сказаніями, источниками неоффиціальными), «то для моравской, чешской, болгарской, паннонской и всякой другой легенды (Translatio у него отнесено къ числу источниковъ оффиціальныхъ)

тинъ взятъ былъ ко двору и воспитывался вмѣстѣ съ будущимъ императоромъ Михаиломъ III, подъ руководствомъ Фотія, въ послѣдствіи

является слѣдующій законъ: все вообще и все порознь, что въ этихъ легендахъ противорѣчитъ даннымъ тѣхъ достовѣрныхъ документовъ, нужно обойти какъ ложь и неправду... alles und jedes aber in ihnen Enthaltene, was mit den verbürgten Thatsachen im Einklange steht, stellt sich in demselben Grade, als glaubwürdig dar, in welchem es mit denselben harmonieret». Абсолютно лучше этого закона ничего нельзя желать; но если эти оффиціальные источники ясно выдаютъ себя странною непослѣдовательностію, противорѣчіями, сбивающими съ толку и строгихъ изслѣдователей; если до невозможности трудно привести ихъ въ согласіе между собою безъ привнесенія посредствующихъ обстоятельствъ, безъ обращенія вниманія на ходъ тогдашнихъ политическихъ отношеній; если, однимъ словомъ, эти оффиціальные документы, для толкованія и пониманія ихъ, требуютъ еще отъ изслѣдователя догадокъ и соображеній, чтенія подлиннаго смысла ихъ между строками: то, очевидно, должны при этомъ получить неоффиціальные источники не то значеніе, какое даетъ имъ Гинцель, — въ данномъ случаѣ несоотвѣтствіе сказанія съ оффиціальнымъ документомъ требуетъ отъ историка внимательной снисходительности къ нему, провѣрки и критической работы надъ нимъ, а совсѣмъ не заподозрѣнія его во лжи и неправдѣ.

При такомъ взглядѣ на дѣло, когда значеніе сказаній поднялось въ исторіи дѣятельности Кирилла и Меѳодія, появились критическія работы надъ ними. См. стр. 47 этой книги прим. 1. Пользуясь этими трудами, мы скажемъ нѣсколько словъ о значеніи такъ называемыхъ паннонскихъ житій для исторіи Кирилла и Меѳодія. Во первыхъ, отнесенная Гинцелемъ къ оффиціальнымъ документамъ итальянская легенда или Translatio не есть самостоятельное повѣствованіе о жизни Кирилла и Меѳодія: — о святыхъ братьяхъ говорится здѣсь только по поводу обрѣтенія мощей Климента; отвлеченность изложенія показываетъ, что авторъ ея пользовался какими-то рукописными матеріалами и сокращалъ ихъ; съ одной стороны по своей неполнотѣ, какъ передающая событія изъ жизни одного Кирилла, съ другой по неизвѣстности происхожденія сообщаемыхъ ею данныхъ итальянская легенда далеко не можетъ удовлетворить изслѣдователя (Викторовъ, стр. 30). Такимъ же характеромъ отличается и жизнь Климента: Викторовъ, стр. 30—1, ср. Бодянскаго, стр. 9 — 13.

Во вторыхъ, паннонское житье Меѳодія написано вскорѣ по смерти Меѳодія, во второй половинѣ IX вѣка, написано кѣмъ-либо изъ учениковъ Меѳодія, на самомъ мѣстѣ дѣятельности учителя, въ Панноніи (авторъ статьи въ Москвитянинѣ). Хотя житье Константина, по воззрѣніямъ и изложенію имѣетъ внутреннее сродство съ житьемъ Меѳодія и нѣкоторымъ образомъ дополняетъ его, тѣмъ не менѣе оно не можетъ быть приписано одному и тому же автору съ житьемъ Меѳодія, и достовѣрность одного житья должна быть доказываема независимо отъ другого. Полную достовѣрность и важность для исторіи Дюммлеръ признаетъ собственно за житьемъ Меѳодія. Что до житья Кириллова, характеристика житья Меѳодія, сдѣланная имъ, можетъ быть приложена и къ этому житью: «Вообще наше житье, если смотрѣть на него безпристрастнымъ взглядомъ, производитъ впечатлѣніе простого и безыскусственнаго разсказа. Многіе изъ фактовъ, сообщаемыхъ имъ, легко привести въ связь съ тѣмъ, что мы доселѣ знали объ этомъ предметѣ; относительно другихъ фактовъ мы не имѣемъ источниковъ, которые бы отрицали или подтверждали подлинность ихъ. Нѣтъ тутъ чудесныхъ и невозможныхъ вещей, могущихъ возбудить сомнѣніе въ достовѣрности источника; житье не имѣетъ свойствъ преданія, разукрашеннаго и искаженнаго въ устахъ народа». Кромѣ простоты и безыскусственности разсказа житье Кириллово не можетъ не обратить на себя вниманія необыкно-

патріарха цареградскаго [1]). Съ этимъ послѣднимъ, превосходившимъ ученостію всѣхъ своихъ современниковъ, Константинъ соединенъ былъ тѣсною дружбою, которою и пользовался для своего образованія. Съ ранняго дѣтства одушевленный любовію къ просвѣщенію, онъ предпочиталъ уединеніе и скромную жизнь придворной должности и высокимъ почестямъ, къ которымъ имѣлъ свободный доступъ по своимъ связямъ и образованію. Его манила къ себѣ монашеская созерцательная жизнь, вдали отъ большихъ городовъ; но, удержанный въ Цареградѣ, онъ принялъ священническій санъ, должность патріаршаго библіотекаря и потомъ преподавателя философіи, откуда, можетъ быть, и удержалось за нимъ имя философа [2]). По предложенію императора, Константинъ держалъ публичный диспутъ съ низверженнымъ патріархомъ, иконоборцемъ Анніемъ [3]), и 24 лѣтъ отъ роду, т. е. около 851 года, въ сопровожденіи Георгія Полата, предпринималъ путешествіе къ Сарацинамъ съ цѣлію проповѣди христі-

---

венною подробностію въ повѣствованіи, которая служитъ лучшимъ ручательствомъ истинности повѣствуемаго и современности повѣствователя (Викторовъ стр. 63—9). О сравнительномъ достоинствѣ итальянской легенды и паннонскихъ житій положительно высказался у насъ первымъ Бодянскій, стр. 40. Вчитываясь въ житье Кирилла, говоритъ онъ, я убѣдился, что и такъ называемая Добровскимъ итальянская легенда есть не что иное, какъ сокращеніе этого житья. Можетъ быть Гаудерикъ воспользовался житьемъ Кирилла, составленнымъ Климентомъ; или же Гаудерикъ пользовался однимъ и тѣмъ же источникомъ, что и Климентъ, т. е. сочиненіемъ Кирилла «Преніе съ магометаны и жиды въ Казарѣхъ». Существенныхъ прибавленій со стороны сократителя не много, лишнее относится только къ событіямъ западнымъ, слѣдовательно привнесено, какъ дополненіе туземца. Въ такомъ случаѣ всѣ западные источники, за исключеніемъ только папскихъ буллъ, стали бы въ разрядъ источниковъ второстепенныхъ. Еще положительнѣе высказался въ этомъ направленіи Викторовъ (стр. 76 — 90). Сличая извѣстія итальянской легенды и житья, онъ убѣдительно доказалъ, какъ составитель легенды сокращалъ и перифразировалъ полныя и подробныя данныя житья, и поставилъ вопросъ объ источномъ положеніи житья къ легендѣ, кажется, внѣ сомнѣнія. Излишне было бы по этому говорить, что тамъ, гдѣ мы не имѣемъ оффиціальныхъ свидѣтельствъ о жизни Кирилла и Меѳодія, первый голосъ должны оставлять за паннонскими житьями, такъ какъ между неоффиціальными источниками они самые древніе и достовѣрные.

[1]) Константинъ лишился отца, когда ему было около 14 лѣтъ, вызванъ въ Цареградъ съ восшествіемъ на престолъ трехлѣтняго Михаила (842), годъ рожденія его—827. Имперіей тогда управляла Ѳеодора съ двумя опекунами: Мануиломъ — magister et scholarum domesticus—и Ѳеоктистомъ — patricius dromique logotheta. Вѣроятно, послѣдній былъ покровителемъ Константина: царевъ строитель... Логоѳетъ... посла по него, да ся бы съ царемъ училъ — жит. Кирилла, стр. 5.

[2]) Житіе Кирилла, стр. 6, подробно описываетъ это время жизни Кирилла; его покровитель, Логоѳетъ, предлагаетъ ему санъ стратига, Константинъ скрывается въ монастырь; чрезъ 6 мѣсяцевъ нашли его и возвратили въ Цареградъ.

[3]) Житіе Кирилла, стр. 7—8.

анства между магометанами [1]). Возвратившись изъ этого путешествія, Константинъ удалился въ монастырь на Олимпѣ, гдѣ нашелъ и брата своего, Меѳодія, который, оставивъ славянское княженіе, рѣшился быть монахомъ [2]). Съ этихъ поръ святые братья дѣйствуютъ вмѣстѣ и никогда не разлучаются. Монашескіе труды ихъ были прерваны порученіемъ императора, отзывавшимъ ихъ на общественную дѣятельность. Властитель Хозаръ, народа финско-турецкаго племени, владѣнія котораго обнимали обширныя степи по Дону и Волгѣ до Кавказа, просилъ византійскаго императора прислать къ нему ученаго мужа, который бы доказалъ, какая вѣра истинная — магометанская, еврейская или христіанская? Константинъ принялъ на себя это дѣло, изучилъ въ Херсонѣ хозарскій языкъ, побѣдоносно выдержалъ споръ съ еврейскими учеными и сдѣлалъ то, что каганъ, самъ убѣдившись въ истинности христіанской вѣры, позволилъ креститься своимъ подданнымъ. Въ Херсонѣ Константинъ обрѣлъ мощи святого Климента, папы римскаго [3]). По возвращеніи изъ этой миссіи онъ остался въ Цареградѣ, а Меѳодій, отказавшись отъ епископскаго сана, который былъ предложенъ ему, избралъ своимъ мѣстопребываніемъ монастырь Полихронъ.

Въ это время явились въ византійскую столицу послы моравскаго князя Ростислава. Понятно, что императоръ Михаилъ не могъ колебаться въ выборѣ лицъ для проповѣди христіанства въ Моравіи: Константинъ и Меѳодій знакомы были со славянскимъ языкомъ, дали неоднократный опытъ ревности къ вѣрѣ и просвѣщенію, были уже извѣстны, какъ способные проповѣдники. Святые братья согласились, по предложенію императора, принять на себя дѣло проповѣди евангелія у Славянъ моравскихъ. За Константиномъ философомъ удержалось до сихъ поръ имя изобрѣтателя славянскихъ письменъ [4]). Были ли до него у Славянъ какіе-либо письменные знаки, изобрѣлъ ли онъ, т. е. выдумалъ ли сполна всю азбуку, или воспользовался уже существовавшими письменными знаками и только дополнилъ и приспособилъ ихъ къ требованіямъ того славянскаго нарѣчія, на которое

---

[1]) Тамъ же, стр. 8—10; что это за «царство амавріино» Житія Кириллова, и гдѣ оно находилось? Дюммлеръ (Geschichte des Ostfränk. Reichs, s. 621), полагаетъ, что здѣсь говорится объ Абассидѣ Мутаваккилѣ, Рачкій (Vjek i djelovanje sv. Cyrilla i Methoda, стр. 94), что здѣсь разумѣется Омаръ или Амерманъ милетскій бывшій во враждѣ съ Византіей.

[2]) Житіе Меѳодія, стр. 4.

[3]) Время путешествія къ Хозарамъ относится къ 860—1 году. Объ этомъ разсказываетъ житье Кирилла, стр. 11—22.

[4]) Житіе Меѳодія, стр. 5, Жит. Кирилла, стр. 23—4; затѣмъ всѣ источники современные и позднѣйшіе, разборомъ которыхъ весьма внимательно занимался Бодянскій въ книгѣ: «О времени происхожденія славянскихъ письменъ». Москва, 1855.

ему нужно было сдѣлать переводъ священныхъ книгъ, рѣшительно сказать объ этомъ ничего нельзя. Но, по нѣкоторымъ соображеніямъ и признакамъ, вѣроятнѣе предполагать, что Константинъ далъ жизнь, приспособленіе и широкое распространеніе уже существовавшимъ у Славянъ письменнымъ знакамъ [1]).

Съ новосоставленною для Славянъ азбукою, съ мощами Климента, папы римскаго, богато одаренные императоромъ, отправились Константинъ и Меѳодій въ Моравію. Въ 863 году они были уже въ столицѣ Ростислава; князь моравскій принялъ ихъ съ большимъ почетомъ, жители Велеграда выходили на встрѣчу и радостно привѣтствовали ихъ. Дѣятельность святыхъ братьевъ въ Моравіи началась приготовленіемъ молодыхъ Моравань къ совершенію обычныхъ церковныхъ службъ, обученіемъ ихъ славянской азбукѣ и чтенію: если князь задумалъ устранить всѣхъ латинско-нѣмецкихъ проповѣдниковъ, то нужно было позаботиться о томъ, кѣмъ замѣнить ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ начался переводъ священныхъ книгъ на славянскій языкъ и отправленіе богослуженія на народномъ языкѣ. 863 г.

Ко времени прибытія въ Моравію греческихъ проповѣдниковъ латинское духовенство не могло сдѣлать здѣсь большихъ успѣховъ [2]). Этому съ одной стороны препятствовало нерасположеніе князя, а вѣроятно и народа, къ нѣмецкому духовенству, съ другой самая задача, которую имѣли въ виду проповѣдники, облагая новообращенныхъ данями и десятинами. Прочнаго церковнаго устройства Моравія не могла получить ни при Моймірѣ, ни при Ростиславѣ; при послѣднемъ еще менѣе, такъ какъ онъ очень ясно сознавалъ необходимость освободиться отъ церковнаго подчиненія нѣмецкому духовенству, чтобы дать своей странѣ самостоятельное политическое положеніе. Ходили по Моравіи проповѣдники разныхъ націй: латинскіе, нѣмецкіе и греческіе; ими, вѣроятно, не управляла одна власть, потому что они подали поводъ жаловаться на разность въ вѣроученіи; въ народѣ были разные суе-

---

[1]) Объ употребленіи письменныхъ знаковъ до кириллицы говоритъ черноризецъ Храбръ, см. Калайдовича, Іоаннъ, Екзархъ болгарскій. стр. 189, Москва, 1824: «славяне.. чрътами и рѣзями чтѣху и гатааху, погани суще»; на существованіе такихъ знаковъ указываетъ глаголица, объ ней Миклошичъ Ersch und Grubers allgem. Encyclopedie подъ «Glagolitisch», также Ганушъ въ Miclosich Slaw. Bibliothek, II, 184—232 въ статьѣ zur Glagolicafrage. Вѣна. 1857. На изображеніяхъ, изваяніяхъ идоловъ языческой славянской поры были высѣчены буквенные знаки. Thietm. VI, 17; въ Судѣ Любуши упоминаются праводатныя доски; см. объ этомъ Palacky, Dějiny I. str. 212—13 и Die ältesten Denkmäler der Böhmisch. Sprache, ss. 98—99. Уставное письмо славянское, если сравнить его съ греческимъ подобнымъ же письмомъ, указываетъ на происхожденіе его по времени ранѣе II полов. IX вѣка, потому что тогда уже Греки писали полууставомъ.

[2]) Майнцкій соборъ 3 окт. 852 г., ap. Pertz Leges I. 414, упоминаетъ... ad exremos fines regni rudem adhuc christianitatem gentis Maraensium.

вѣрные толки, вѣроятно, отпрыски какой нибудь ереси; приносились жертвы идоламъ; браки заключались по произволу; оставляя одну жену, всякій считалъ себя въ правѣ жить съ другой. Все это приписывалось дурнымъ проповѣдникамъ и, конечно, возбуждало неудовольствія. Будь сильно въ Моравіи нѣмецкое духовенство, оно бы не допустило греческихъ проповѣдниковъ встать близко къ князю и имѣть на него вліяніе, и Ростиславъ не могъ бы жаловаться [1]) на недостатокъ хорошихъ проповѣдниковъ. Весь промежутокъ времени отъ 855 до 864 гг. Моравія представляетъ непріятельскій станъ по отношенію къ Нѣмцамъ, куда стекаются всѣ недовольные нѣмецкимъ правительствомъ; во всѣхъ интригахъ и волненіяхъ даже королевскаго семейства замѣшано имя Ростислава.

Тѣмъ не менѣе Моравія причислялась къ церковному округу пасовскаго епископа, и нѣмецкое духовенство должно было здѣсь имѣть численное превосходство передъ проповѣдниками другихъ націй. Еще могли, при взаимныхъ уступкахъ, ужиться въ одной странѣ нѣмецкіе и латинскіе проповѣдники: но всегда возникали вражда, раздражительность и низкая клевета, если сталкивались на одномъ поприщѣ греческіе и латинскіе или нѣмецкіе проповѣдники. Во взаимной враждѣ по церковнымъ дѣламъ уже тогда выражалась разность культуръ — западной и восточной,—неодинаковость цѣлей, преслѣдуемыхъ греческою и римскою церковію. Пасовское духовенство не могло равнодушно смотрѣть, какъ Мораване, оставляя прежнихъ проповѣдниковъ безъ дѣла и доходовъ, толпами шли въ церкви [2]), гдѣ раздавались пѣснопѣнія и молитвы на родномъ имъ языкѣ: оно указывало Константину на незаконность употребленія имъ славянскаго языка въ богослуженіи, утверждая, что только на еврейскомъ, греческомъ и римскомъ прилично и законно славить Бога. Константину приходилось опровергать эти доводы и, при всѣхъ затрудненіяхъ, продолжать начатое дѣло [3]). Сначала столкновенія были мѣстныя, такъ сказать, домашнія, потомъ онѣ перешли въ вопросъ о правахъ римской и греческой церкви на проповѣдь христіанства въ Моравіи. Святые братья были простые проповѣдники, они не имѣли высшаго духовнаго сана и не могли употребить никакого оружія, кромѣ слова, противъ сво-

---

[1]) Житіе Меѳ., стр. 5; Кирилла, стр. 23.

[2]) Эрбена, № 32. О многихъ церквахъ говоритъ Палацкій, Dějiny I, стр. 139, Шафарикъ, т. II, кн. II, стр. 318. Ваттенбахъ въ Beiträge, стр. 12—13, дѣлаетъ предположеніе о позднѣйшей вставкѣ указаннаго нами документа «Если бы они позволяли себѣ такія дѣйствія (тутъ говорится объ освященіи Кирилломъ церкви въ Оломуцѣ), то неудовольствія съ западомъ едва ли не обнаружились бы, но объ этомъ нѣтъ извѣстій!» Какъ нѣтъ?

[3]) Жит. Кирилла, стр. 24—5.

ихъ соперниковъ; съ своей стороны пасовскій епископъ долженъ былъ принять рѣшительныя мѣры противъ греческихъ проповѣдниковъ. При такихъ обстоятельствахъ въ 867 году папа Николай I *приглашаетъ* къ себѣ Константина и Меѳодія [1]).

Послѣ трехлѣтней слишкомъ проповѣди по разнымъ мѣстамъ Моравіи [2]), св. братья предпринимаютъ путешествіе въ Римъ. Они взяли съ собой лучшихъ учениковъ, приготовленныхъ для занятія церковныхъ должностей, переводъ священныхъ книгъ и мощи св. Климента. Путь ихъ лежалъ черезъ Паннонію, гдѣ они провели нѣсколько времени у князя Коцела. Узнавъ о славянскомъ письмѣ и переводѣ священныхъ книгъ на славянскій языкъ, и желая распространить въ своей области это изобрѣтеніе, Коцелъ далъ св. братьямъ для обученія 50 учениковъ изъ своихъ подданныхъ; предложилъ богатые дары, но Константинъ и Меѳодій отъ даровъ отказались, а ходатайствовали за плѣнныхъ, которыхъ и освобождено было до 900 человѣкъ. Проходя Венеціей, Константинъ долженъ былъ выдержать горячій споръ съ латинскимъ духовенствомъ изъ-за богослуженія на славянскомъ языкѣ и перевода библіи. Онъ приводилъ тексты священнаго писанія, въ которыхъ прямо позволяется славить Бога на всякомъ языкѣ, указывалъ на примѣръ Армянъ, Готовъ, Персовъ, Сирійцевъ, которые всѣ употребляютъ свой родной языкъ для славословія Бога [3]). Какой пріемъ ожидалъ святыхъ братьевъ въ Римѣ? Имъ не привелось увидѣть папу Николая I: среди разнообразныхъ приготовленій и широкихъ замысловъ онъ умеръ 13 ноября 867 года; преемникомъ его былъ Адріанъ II, избранный 14 декабря того же года. 867 г.

Въ то время, когда Кириллъ и Меѳодій боролись въ Моравіи съ

---

[1]) Жит. Меѳ., стр. 5, Жит. Кир., стр. 25; итал. легенда, стр. 7; можетъ быть, еще ближе опредѣляется это дѣло въ моравской легендѣ, с. 6; только въ одной чешской легендѣ указывается религіозная цѣль путешествія, въ болгарской с. 3 — желаніе братьевъ получить разрѣшеніе папы на переводъ священнаго писанія; съ послѣднею согласно и Vita S. Clementis, гл. 14. У Гинцеля, стр. 44—5 поводомъ къ путешествію въ Римъ выставляется недовольство Ростислава, что Кириллъ и Меѳодій должны дѣйствовать въ зависимости отъ пасовскаго епископа; что по этому поводу Ростиславъ входилъ въ письменныя сношенія съ папой. Ваттенбахъ въ Beiträge..., s. 13: «вѣроятнѣе, что они приглашены были папою Николаемъ, такъ ревностно охранявшимъ епархіальныя права своей церкви; но также и другія обстоятельства»—разумѣетъ неудовольствія между патріархомъ Фотіемъ и папой — «побуждали св. братьевъ къ путешествію въ Римъ». Ср. Vjek i djelovanje, Рачкаго, стр. 204; Лавровскаго Кир. и Меѳодій, стр. 280 и слѣд. Но гораздо вѣроятнѣе, что вмѣшательство папы въ судьбы Моравіи вызвано было самимъ пасовскимъ духовенствомъ.

[2]) Моравская легенда, с. 5; сюда же относится освященіе церкви въ Оломудѣ, у Эрбена подъ № 32, освященіе церкви св. Климента въ Лютомышлѣ—по припискѣ XII в.; ср. Лавровскаго, стр. 268.

[3]) Жит. Кир., стр. 25—7.

нѣмецкимъ духовенствомъ, противники ихъ выставляли имъ возраженія, сущность которыхъ сводится къ одному, что греческіе проповѣдники незаконно ввели новый языкъ въ богослуженіе; черезъ нѣсколько времени Меѳодію пришлось защищаться противъ другого обвиненія, что онъ не имѣетъ права на проповѣдь въ чужой епархіи; далѣе — папа, во имя незыблемыхъ правъ святого Петра, устранивъ притязанія пасовскаго епископа на церковное обладаніе Моравіею, стремится подчинить своей власти Паннонію и Моравію, какъ области, въ которыхъ нѣкогда сѣялъ сѣмена христіанскаго ученія апостолъ Андроникъ. Дѣятельность греческихъ проповѣдниковъ стала такимъ образомъ центромъ, въ которомъ встрѣтились разнородныя, взаимно себя отталкивающія, силы. Вопросъ осложнился еще тѣмъ, что рядомъ съ Моравіей, въ Болгаріи, открывалось тогда для востока и запада обширное поле проповѣднической дѣятельности и мірскихъ выгодъ, — кому владѣть Моравіей и Болгаріей, Риму или Византіи?

Обитавшіе на Дону Болгаре [1]) въ 678 году раздѣлились на нѣсколько ордъ и отправились къ западу. Одна изъ нихъ перешла Дунай, завоевала славянскій народъ, жившій въ Мизіи и Ѳракіи и дала ему свое имя. Другая орда овладѣла областями по рѣкѣ Тиссѣ и Марошѣ въ древней Панноніи. При Крумѣ, въ началѣ IX вѣка, Болгаре тисскіе и дунайскіе образовали одно государство. Съ тѣхъ поръ со стороны греческаго духовенства начинаются попытки къ обращенію Болгаръ въ христіанство. При императорѣ Михаилѣ III эти попытки увѣнчались полнымъ успѣхомъ [2]): князь Богорисъ и болгарскій народъ приняли христіанскую вѣру греческаго обряда въ концѣ 864 или началѣ 865 года [3]). Богорисъ, названный въ крещеніи Михаи-

---

[1]) Для первоначальной исторіи Болгаръ главный источникъ Византійцы. Изд. Stritteri, Memoriae populorum, pars II. Пособія: Шафарикъ, Слав. Древности т. II, кн. I, §§ 29, 30. Голубинскаго, Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей... Москва. 1871 года; Гильфердинга, Собраніе сочиненій т. I; Куника, Донесенія о матеріалахъ для исторіи болгарской церкви. Записки Академіи Наукъ, т. V, Спб. 1864 г.

[2]) Объ обращеніи Болгаръ къ христіанству говорятъ Византійцы: Stritteri, Memoriae populorum, т. II, pars II, c. III, § 75; у Византійцевъ обращеніе Богориса объясняется упадкомъ его духа и энергіи во время народныхъ бѣдствій, разстроеннымъ воображеніемъ его картиною страшнаго суда, напр. у продолжателя Константинова. Разборъ источниковъ и спеціальное изслѣдованіе этого предмета — Голубинскаго, Краткій очеркъ, стр. 25—26 и примѣч. 30—38.

[3]) Въ маѣ 864 г. папа Николай I пишетъ къ епископу констанцскому Соломону: quia vero dicis, quod rex speret, quod ipse rex Vulgarorum ad fidem velit converti, et iam multi ex ipsis christiani facti sunt, gratias agimus Deo—Jaffé, Regesta Pontificum Romanorum № 2084. p. 245. Патріархъ Фотій въ окружномъ посланіи 869 говоритъ: «Еще не прошло и двухъ лѣтъ послѣ того, какъ народъ болгарскій обратился къ истинной вѣрѣ Христовой, и вотъ явились нечестивцы и отверженные, сыны тьмы, кото-

ломъ, вступилъ въ тѣсную дружбу съ Цареградомъ, пріобрѣлъ отъ императора спорную область, Загорье; патріархъ Фотій написалъ для него поученіе, въ которомъ излагалъ обязанности государя и опредѣлялъ отношеніе новой церкви къ ея метрополіи—Цареграду (865). Но для Болгаръ также не желательна была церковная зависимость отъ Византіи, какъ для Моравань зависимость отъ нѣмецкихъ епископовъ: въ томъ и другомъ случаѣ сосѣдство съ государствомъ, изъ котораго идутъ проповѣдники съ извѣстными національными стремленіями, казалось опаснымъ для политическаго существованія новообращенной страны. По тѣмъ же побужденіямъ, по какимъ Ростиславъ моравскій просилъ проповѣдниковъ изъ Греціи, Михаилъ болгарскій въ 866 году обратился съ просьбою къ папѣ и Людовику нѣмецкому [1]). Болгарскіе послы прибыли въ Римъ въ августѣ мѣсяцѣ, главнымъ образомъ они просили себѣ епископа, но вмѣстѣ съ тѣмъ предложили папѣ цѣлый рядъ церковныхъ недоумѣній, на которыя просили его разъясненія [2]). Въ ноябрѣ того же 866 года отправились въ Болгарію, по порученію папы, епископы Павелъ популонскій и Формозъ портуанскій; съ ними, вѣроятно, было много нисшаго духовенства: мы знаемъ, что въ 867 году Болгарія была наполнена римскими проповѣдниками [3]). Папскіе легаты начали въ Болгаріи распространять христіанство католическаго обряда: заставляли читать символъ съ прибавленіемъ Filioque, крещенныхъ греческими проповѣдниками снова помазывали мѵромъ [4]). Михаилъ изгналъ изъ Болгаріи греческое духовенство и послалъ въ Римъ во второй разъ пословъ, съ просьбою посвятить въ архіепископы для Болгаріи Формоза и прислать еще священниковъ. Зная честолюбивый характеръ своего легата [5]) и предвидя въ просьбѣ князя намѣреніе поставить Болгарію

торые набросились на виноградъ Христовъ»,—разумѣетъ наплывъ въ Болгарію латинскаго духовенства въ 867 г. Дюммлеръ, Südostliche Marken, s. 80, прибавленіе III; Annal. Bertiniani ap. Pertz I. О томъ, что ни Кириллъ, ни Меѳодій не участвовали въ проповѣди въ Болгаріи см. Голубинскаго, стр. 22 и прим. 25, 26.

[1]) Не слѣдуетъ забывать, что духовенство и тогда уже было образованнѣйшимъ сословіемъ, пользовалось большимъ вліяніемъ, участвовало въ управленіи, употреблялось по порученіямъ въ международныхъ переговорахъ; желаніе имѣть духовныхъ лицъ изъ отдаленнѣйшихъ странъ свидѣтельствуетъ о политическомъ тактѣ Ростислава и Михаила. Annal. Fuldens, a. 866, сравни Hincmari подъ 866 г.; annal Fuld. a. 867; Anastasii Biblioth. in vita Nicolai I. Romae. 1718, т. II, p. 420.

[2]) Сохранились отвѣтныя статьи папы; напечатаны въ русскомъ переводѣ у Гильфердинга въ Полномъ собраніи сочиненій томъ I; Mansi XV p. 401—434.

[3]) Annal. Fuld. a. 867; Anast. Biblioth. Vita Nicolai; Рачкій Vjek i dielov., стр. 189

[4]) Mansi XVI, 418.

[5]) Письмо Іоанна VIII къ франкскимъ епископамъ Jaffé, № 2270, Mansi XVII. 236; Reumont, Geschichte der Stadt Rom. II Band, s. 211 — 12; Dümmler, Geschichte des Ostfränkisch. Reichs II s. 632, примѣч. 68.

въ независимое положеніе по церковнымъ дѣламъ, Николай I не согласился назначить Формоза въ архіепископы, а послалъ вмѣсто него двухъ епископовъ, Доминика и Гримоальда и съ ними большое число священниковъ. Получивъ отказъ въ Формозѣ, Богорисъ отправилъ въ Римъ третье посольство во второй половинѣ 869 года; во главѣ посольства былъ родственникъ князя, бояринъ Петръ; ему поручено было просить у папы въ архіепископы діакона Марина или кого другого изъ кардиналовъ римскихъ. Но Адріанъ не могъ удовлетворить желанію Богориса; за отсутствіемъ Марина [1]) онъ послалъ въ Болгарію иподіакона Сильвестра. Подобная медлительность и неуступчивость должна была наскучить наконецъ болгарскому князю. Притомъ и Греки, безъ сомнѣнія, употребляли всѣ средства, чтобы возвратить Болгарію въ свою церковь [2]).

Обращаясь отъ Цареграда къ Риму, болгарскій князь могъ ожидать большихъ выгодъ и уступокъ для своей церкви; оттого-то такъ настоятельны и часты были его посольства въ Римъ. Въ это время отношенія западной и восточной церкви были довольно натянутыя [3]). Низверженіе Игнатія, въ декабрѣ 857 г., и возведеніе на патріаршій престолъ, непосредственно изъ мірянъ, Фотія повело къ разнымъ нестроеніямъ въ церкви константинопольской и подало поводъ къ обнаруженію честолюбивыхъ притязаній со стороны представителя римской церкви. Пока дѣло не выходило изъ круга толкованія церковныхъ правилъ, касающихся только поспѣшнаго и незаконнаго возведенія въ патріархи Фотія, обѣ стороны надѣялись еще на взаимное примиреніе и прочный церковный союзъ; но когда, вмѣстѣ съ этимъ, оказалась разность въ догматическомъ ученіи и практикѣ церковной, личный споръ представителей двухъ церквей перешелъ въ вѣроисповѣдный (867) и послужилъ началомъ къ раздѣленію церквей. А когда греческая и римская церковь столкнулись на одномъ и томъ же поприщѣ проповѣди христіанства у Болгаръ и Моравань, обѣ стороны вышли изъ спокойной, богословской борьбы и, съ цѣлію унизить противную сторону, обратили вниманіе на увеличеніе своихъ церковныхъ областей [4]). Щедрые подарки, обѣщаніе политическихъ выгодъ со сто-

---

[1]) Маринъ отправленъ былъ легатомъ въ Цареградъ въ іюнѣ или іюлѣ 869 г.

[2]) Голубинскаго, Краткій очеркъ... въ исторіи болгарской церкви, и примѣч. 54; Vita Hadriani, p. 437. у Анастасія; ср. Dümmler, Gesch. s. 696, примѣч. 17.

[3]) Источники и литература о борьбѣ между Николаемъ и Фотіемъ указаны у Hefele, Concilien Geschichte, Freiburg im Breisgau. IV Band, 1860. ss: 218—239, 257—268, 320—351, 369—417, 420—467. О папѣ Николаѣ: Hugo Lämmer; «Papst Nicolaus I und byzantin. Staatskirche seiner Zeit, Berlin 1857; Hergenröther, Photius, Patriarch v. Constantinopel, I Band, Regensburg, 1867, ss: 373—392, 505—523.

[4]) Письма и распоряженія папы Николая у Jaffé № 2124—2132; Mansi XV.

роны византійскаго правительства, нерѣшительность папы — поколебали наконецъ намѣреніе болгарскаго князя получить архіепископа изъ Рима. Тотъ же самый бояринъ Петръ, который былъ посылаемъ въ Римъ, во главѣ блистательнаго посольства, отправился въ началѣ 870 года въ Цареградъ, гдѣ и совершилось присоединеніе Болгаріи къ восточной церкви [1]). Патріархъ цареградскій назначилъ въ Болгарію архіепископа и епископовъ, а Богорисъ изгналъ изъ страны латинское духовенство.

Потерявъ Болгарію, папа могъ еще надѣяться вознаградить себя обширною провинціею, лежащею на сѣверъ отъ Дуная, гдѣ также греческіе проповѣдники бросили первыя сѣмена христіанскаго ученія. Просвѣтители Славянъ моравскихъ, Константинъ и Меѳодій, были приглашены въ Римъ папою Николаемъ I. Но святымъ братьямъ не пришлось увидѣть Николая, они прибыли въ Римъ при преемникѣ его, папѣ Адріанѣ II. Пріемъ, сдѣланный въ Римѣ Констатину и Меѳодію, былъ торжественный. Въ пышной процессіи, сопровождаемый духовенствомъ и гражданами столицы, вышелъ папа за городъ на встрѣчу имъ. Всѣ недоумѣнія и по поводу проповѣди въ чужой епархіи, и по поводу богослуженія на славянскомъ языкѣ, и перевода библіи были устранены папою, и сдѣлано все по желанію святыхъ братьевъ. Славянскія книги не только были одобрены первосвященникомъ, но самъ онъ положилъ ихъ на алтарь и отслужилъ надъ ними литургію. Епископамъ Формозу и Гаудерику приказано было посвятить Меѳодія [2]) и учениковъ его въ священный санъ; нѣсколько дней сряду служили литургію на славянскомъ языкѣ въ главныхъ храмахъ римскихъ, въ служеніи принимали участіе епископъ Арсеній и библіотекарь Анастасій [3]). Когда нѣкоторые изъ римскаго духовенства снова стали было высказываться противъ славянскаго языка въ богослуженіи, папа Адріанъ проклялъ ихъ, защищая дѣло святыхъ братьевъ. 868 г.

Константину философу не суждено было продолжить свою благочестивую дѣятельность между Славянами; неусыпно работая на пользу ближ-

---

159, 216—276. Hefele, Concilien-Gesch. IV. s. 325 и слѣд.; Лавровскаго, стр. 39—76. Рачкаго, Vjek i djelov. svezak II, str. 115—128.

[1]) Голубинскаго исторія Болгаріи, примѣч. 55, 56.

[2]) О посвященіи Меѳодія не говорятъ источники, но, какъ увидимъ, онъ долженъ былъ получить священническій санъ именно въ это время. Жит. Меѳодія стр. 6, Vita s. Clementis, говоря о посвященіи учениковъ Меѳодія, говоритъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, о посвященіи его въ санъ епископа; но это неправда.

[3]) Пріемъ въ Римѣ описанъ въ житіи Кирилла, стр. 27—8, въ Vita s. Clem. III, p. 3—4. Упоминовеніе объ епископахъ Формозѣ, Гаудерикѣ и Арсеніѣ и библіотекарѣ Анастасіѣ во 1-хъ говоритъ за то, что жизнь Кирилла составлена современникомъ описываемыхъ событій, во 2-хъ за то, что св. братья прибыли въ Римъ

нихъ, не давая себѣ отдыха даже и въ папской столицѣ [1]), принужденный часто входить въ жаркія состязанія, онъ разстроилъ свое здоровье и почувствовалъ упадокъ силъ. За 50 дней до смерти принялъ иноческое постриженіе и имя Кирилла; смерть его послѣдовала 17 февраля
869 г. 869 года [2]). Папа велѣлъ римскому и греческому духовенству собраться на погребеніе его и похоронить его съ тою же честію, какъ самого первосвященника. Меѳодій просилъ было позволить ему перевезти трупъ брата, согласно завѣщанію матери, въ монастырь на Олимпѣ, гдѣ оба брата нѣкоторое время жили вмѣстѣ; но, уступая желанію римскаго духовенства — не выпускать Кирилла изъ Рима, Адріанъ не согласился на просьбу Меѳодія. Кирилла похоронили въ церкви св. Климента, мощи котораго усопшій обрѣлъ и принесъ въ Римъ.

По смерти брата святой Меѳодій оставался еще нѣкоторое время въ Римѣ. Припомнимъ, что около этого времени (866 — 869 г.) папу много занимали дѣла болгарскія, что своею подозрительностію и нежеланіемъ дать Михаилу болгарскому архіепископа, Адріанъ оттолкнулъ отъ себя Болгаръ и заставилъ ихъ обратиться къ Цареграду. Нужно имѣть это въ виду, чтобы правильно оцѣнить дальнѣйшее вліяніе папства какъ на судьбу славянскихъ странъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Дуная, такъ и на дѣятельность св. Меѳодія. Прямымъ и послѣдовательнымъ дѣломъ папы Адріана было бы, одобривъ славянскій языкъ въ богослуженіи, переводъ священнаго писанія и проповѣдническую дѣятельность св. братьевъ, — облечь ихъ въ санъ, который даетъ право совершать всѣ священныя службы и требы въ новообращенной странѣ, какъ это и было въ практикѣ церковной всѣхъ временъ (Винфридъ, апостолъ германскій, Викингъ, посвященный in quandam neophytam terram); но, сдѣлавъ половину дѣла, надъ другою папа Адріанъ задумывается. Съ полгода, можетъ быть, по смерти брата, Меѳодій безъ всякой цѣли долженъ былъ оставаться въ Римѣ.

въ 868 г.: ни прежде, ни послѣ упомянутыя лица, употреблявшіяся по дипломатическимъ порученіямъ, не были въ Римѣ въ одно и тоже время.

[1]) О проповѣдяхъ, говоренныхъ Константиномъ въ римскихъ храмахъ, свидѣтельствуетъ Анастасій; приведены слова его у Гинцеля въ кодексѣ и у Dümmler въ Geschichte, s. 700, примѣч. 31.

[2]) 869, а не 868 годъ, какъ утверждаетъ впрочемъ одинъ Гинцель, доказывается во 1-хъ временемъ прибытія св. братьевъ въ Римъ, уже при папѣ Адріанѣ, во 2-хъ продолжительнымъ пребываніемъ ихъ въ столицѣ папъ, когда Константинъ занимался проповѣдничествомъ, въ 3-хъ тѣмъ, что за 50 дней до смерти онъ постригся въ монахи и перемѣнилъ имя; годъ смерти Кирилла, значитъ, не можетъ быть 868, а слѣдующій; съ этимъ согласны и Лавровскій, стр. 302—5, и Dümmler, Die Pannonische Leg. s. 181, Gesch. des Ostfränk. Reichs, s. 701, и авторъ статьи въ Москвитянинѣ, примѣч 24.

Короткое пребываніе св. братьевъ въ области паннонскаго князя Коцела не осталось безслѣднымъ. Желая ввести въ своей странѣ богослуженіе на родномъ языкѣ, Коцелъ отправилъ въ Римъ въ 869 г. посольство, съ просьбою прислать къ нему Меѳодія. Папа нашелъ удобнымъ удовлетворить его желанію и отпустилъ Меѳодія съ напутственнымъ письмомъ, уполномочивавшимъ его на проповѣдническую дѣятельность во всей Моравіи и Панноніи [1]). Въ этомъ письмѣ Меѳодій называется мужемъ совершеннымъ и правовѣрнымъ, ему дается право продолжать дѣло св. Кирилла—т. е. переводить евангеліе и богослужебныя книги и отправлять церковныя службы на славянскомъ языкѣ. Оговорка сдѣлана только относительно чтенія евангелія: сначала долженъ быть читанъ на литургіи латинскій текстъ, а потомъ славянскій переводъ его. Коцелъ съ честію принялъ проповѣдника, но не былъ доволенъ, что папа не далъ ему высшаго духовнаго сана. Князю паннонскому, какъ и Михаилу болгарскому, очевидно, желательно было имѣть духовное лице съ авторитетомъ, облеченное и внѣшнимъ достоинствомъ, чтобы оно съ успѣхомъ могло бороться съ проповѣдниками изъ другихъ странъ. Поэтому онъ скоро послалъ Меѳодія опять въ Римъ и достигъ того, что Меѳодій посвященъ былъ въ архіепископы Моравіи и Панноніи въ 870—1 году. Учрежденіемъ славянской 870—1 гг.
архіепископіи, объединявшей подъ собою всѣхъ южныхъ Славянъ единствомъ вѣры, церковнаго языка и власти, папа Адріанъ II сдѣлалъ великое дѣло для славянскаго міра; но этимъ нарушалъ онъ церковныя права нѣмецкаго духовенства и наносилъ жестокій ударъ политическимъ стремленіямъ восточной линіи франкскихъ королей. Несомнѣнно, что уступчивость папы Славянамъ вызвана была современнымъ описываемому событію печальнымъ для латинской церкви обращеніемъ Болгаръ къ востоку.

Посвященный въ архіепископы Моравіи и Панноніи, Меѳодій началъ свою дѣятельность въ области Коцела устроеніемъ церковнаго чина и введеніемъ славянскаго богослуженія. Ближайшимъ слѣдствіемъ

---

[1]) Письма папы Адріана не сохранилось; содержаніе же его записано, въ формѣ подлиннаго письма, въ житіи Меѳодія, стр. 6—7. Нужно замѣтить, что какъ это, такъ и нѣкоторыя другія обстоятельства жизни Меѳодія, основанныя на извѣстіи только его жизнеописателя, католическими писателями совершенно выкинуты изъ его біографіи. По смерти Кирилла у Гинцеля, напр., разсказывается объ архіепископіи моравской, объ архіепископской дѣятельности Меѳодія; въ связи съ этимъ — посвященіе въ епископы относится ко времени пребыванія его въ Римѣ; въ возведеніи Меѳодія въ архіепископы видитъ онъ цѣль папы, согласную и со стремленіями Ростислава,—образовать изъ Моравіи церковную провинцію, независимую отъ Грековъ,—Ginzel, s. 51—52, примѣч. 2. Но нескоро папа посвятилъ Меѳодія въ епископы, еще болѣе медлилъ онъ устройствомъ моравской архіепископіи; см. у Лавровскаго, стр. 325—35; Dümmler, Die Pannonische Leg. s. 81—5.

этого было то, что архипресвитеръ Рихбальдъ, которому зальцбургскій архіепископъ Адальвинъ поручилъ управленіе церковными дѣлами въ
871 г. этой области, въ 871 году удалился въ Зальцбургъ, чтобы тамъ заявить жалобу на нововведенія и нарушеніе правъ своихъ. Зальцбургскій архіепископъ не могъ согласиться безъ борьбы на уступку обширной провинціи, значительно сокращавшую его доходы; король нѣмецкій, какъ свѣтскій глава баварской церкви, тоже не могъ быть доволенъ самовольнымъ вмѣшательствомъ папы въ церковныя дѣла
872 г. его области. А потому, зимою 872 года приглашенъ былъ Меѳодій въ качествѣ отвѣтчика на соборъ нѣмецкаго духовенства, чтобы дать отчетъ, по какому праву онъ пользуется епископскими привиллегіями въ чужой епархіи. Меѳодій говорилъ, что онъ проповѣдуетъ въ области святого Петра, а не зальцбургскаго епископа, что напрасно отцы изъ-за жадности и скупости ставятъ преграду доброму дѣлу. Когда ему угрожали наказаніемъ, онъ отвѣчалъ, что безстрашно будетъ говорить истину предъ царями и съ любовію послѣдуетъ примѣру Того, Который за проповѣдь истины кончилъ жизнь свою въ мученіяхъ. Меѳодій былъ задержанъ въ Баваріи и сосланъ въ заточеніе, гдѣ и оставался около двухъ лѣтъ съ половиною [1]).

Тѣже самыя возраженія, которыя выставлены были противъ дѣятельности Меѳодія на соборѣ, собраны были и подтверждены документами въ запискѣ, составленной скоро затѣмъ по порученію зальцбургскаго архіепископа [2]). Эта замѣчательная записка подробно говоритъ объ основаніи зальцбургской епископіи и о дѣятельности зальцбургскаго духовенства въ Панноніи и у Хорутанъ. «Съ той поры, какъ, по опредѣленію государя императора Карла, жители восточной Панноніи стали управляться зальцбургскими первосвященниками, до настоящаго времени протекло 75 лѣтъ; во весь этотъ періодъ ни одинъ епископъ, откуда бы онъ ни пришелъ, не имѣлъ духовной власти въ этой пограничной землѣ, и ни одинъ чужеземный пресвитеръ не смѣлъ болѣе трехъ мѣсяцевъ исполнять тамъ церковныхъ требъ, не представивъ предварительно увольнительнаго свидѣтельства отъ своего епископа». Сущность этой записки состоитъ не въ возраженіяхъ противъ славянской литургіи, но въ томъ, что она не признаетъ архіепископскаго достоинства Меѳодія и этимъ какъ бы оправдываетъ поступокъ съ нимъ собора баварскаго духовенства [3]). Неиз-

---

[1]) Житіе Меѳ., стр. 7—8.

[2]) Это такъ называемая Historia conversionis Carantanorum et de s. Methodio testimonium querulum; лучшее изданіе Копитара въ Glogolita Glazianus, также у Pertz, SS. t. XI. 4—15.

[3]) Начиная съ Ваттенбаха, Beiträge zur Geschichte der christl. Kirche, ученые полагали, что эта записка предназначалась для короля Людовика, чтобы вызвать

вѣстно, предпринялъ ли какія мѣры папа Адріанъ къ защитѣ правъ Меѳодія, но преемникъ его, Іоаннъ VIII, заставилъ баварское духовенство подчиниться распоряженію своего предшественника и достигъ того, что Меѳодій, освобожденный изъ заточенія, снова принялъ на себя управленіе церковными дѣлами Панноніи и Моравіи.

4) Церковная и политическая независимость Моравіи. Князь Святополкъ собираетъ западныхъ Славянъ въ одну державу. 870—894 гг.

Въ то время, какъ Кириллъ и Меѳодій были въ Римѣ, защищая передъ папой свое дѣло, моравскій князь Ростиславъ началъ новую войну съ Нѣмцами [1]). Завязавъ предварительно дружественныя сношенія со всѣми недовольными нѣмецкимъ королемъ и предлагая имъ у себя пріютъ и почести, Ростиславъ приготовлялъ себѣ союзниковъ между сосѣдними народами. Людовикъ нѣмецкій не сомнѣвался въ намѣреніяхъ Ростислава: въ 867 г. онъ отдалъ приказъ военнымъ людямъ приготовляться къ войнѣ [2]). Въ слѣдующемъ году дѣйствительно начались военныя дѣйствія. Вмѣстѣ съ Моравами поднялись Чехи, Сербы-Лужичане, Бодричи и другіе славянскіе народы, терпѣвшіе иго Нѣмцевъ [3]). Изъ Моравіи вышло два войска, одно подъ предводительствомъ Ростислава, другое—племянника его, Святополка. Чехи вторглись въ Баварію, опустошили ее и забрали въ плѣнъ много женщинъ, Сербы напали на Турингію, жгли селенія, убивали поселянъ. Людовикъ не могъ собрать войско ранѣе августа 869 г.; маркграфъ шечской марки долженъ былъ до этого времени отражать Чеховъ,—Карломанъ, какъ начальникъ восточной марки и герцогъ Баваріи, воевать 868 г.

его на борьбу съ папой; но вѣроятнѣе, что она составлена была для папы—Dümmler, Geschichte des Ostfränk. Reichs II, s. 817, примѣч. 52.

[1]) Продолжительная и тяжелая война отвлекала все вниманіе моравскихъ князей; этимъ должно объяснять безучастіе ихъ къ судьбѣ Меѳодія.

[2]) Annales Bertiniani ap. Pertz I. a. 867.

[3]) Эта война представляетъ одинъ изъ замѣчательныхъ примѣровъ единодушнаго и, можетъ быть, по одному плану задуманнаго движенія. Трудно удержаться при подобныхъ случаяхъ отъ предположенія близкой связи въ тогдашнее время между всѣми Славянами, жившими по восточной пограничной линіи нѣмецкаго государства. Въ IX вѣкѣ полабскіе Славяне переходятъ Лабу, занимаютъ здѣсь земли и устойчиво располагаются на нихъ. Несомнѣнно, что безъ могущественной поддержки въ моравскихъ государяхъ они не могли бы успѣшно противостоять сильнѣйшему ихъ врагу. Если же полабскіе Славяне въ концѣ IX вѣка одерживаютъ очевидный пере-

съ Моравами [1]). Когда готово было королевское войско, составился такой планъ военныхъ дѣйствій: Людовикъ младшій съ Турингами и Саксами назначался противъ Сербовъ и Бодричей, Карломанъ съ Баварцами противъ Святополка, а самъ король съ Франками и Аллеманами хотѣлъ двинуться на Ростислава. Но болѣзнь заставила его измѣнить рѣшеніе и поручить свою часть войска младшему сыну, Карлу [2]). Карломанъ и Карлъ съ двухъ сторонъ напали на Моравію, и нигдѣ не встрѣтили сильнаго сопротивленія, Карломану удалось подойти къ столицѣ моравскихъ князей, Велеграду. Но городъ былъ окруженъ стѣною и охраняемъ княжескимъ войскомъ; королевичъ не рѣшился взять его и, опустошивъ окрестности, воротился назадъ, чтобы соединиться съ младшимъ братомъ. Оба войска сошлись въ южной части нынѣшняго градиштскаго края и потянулись въ Баварію [3]). Отступленіе Карломана и Карла объясняется славянскимъ обычаемъ обороны. Ростиславъ и Святополкъ не вступали въ открытое сраженіе, отступали передъ непріятелемъ въ глубь страны; непріятель вездѣ находилъ опустѣлыя селенія и недостатокъ продовольствія. Это заставляло его отступать, но тогда-то и начиналась настоящая война: постоянныя нападенія съ тыла, погоня за врагомъ до границы [4]). Нѣсколько удачнѣе ведена была война съ союзниками Ростислава. Людовикъ младшій принудилъ Сербовъ обратиться въ бѣгство, а Чеховъ, служившихъ по найму въ сербскомъ войскѣ, частію перебилъ, частію взялъ въ плѣнъ. Король Людовикъ, узнавъ о неудачномъ походѣ на Мора-

---

вѣсъ надъ Нѣмцами и распространяютъ по Лабѣ свои селенія, то и Моравія въ это время достигла политической самостоятельности и далеко раздвинула свои предѣлы.

[1]) Однимъ отрядомъ Моравъ предводительствовалъ Гундакеръ, невѣрный вассалъ Карломана. Въ первомъ же сраженіи онъ былъ убитъ. Это доставило королю столько удовольствія, что онъ приказалъ звонить въ колокола во всѣхъ регенсбургскихъ церквахъ.

[2]) Подробное изложеніе этой войны имѣется у фульдскаго лѣтописца и Гинкмара. Послѣдній, по своему образованію, положенію и знанію настоящаго хода дѣлъ, заслуживаетъ бо́льшаго вѣроятія. Его лѣтопись у Pertz. I. p. 452 — 515. О Гинкмарѣ, какъ лѣтописцѣ, Wattenbach, Deutschlands Geschichtsquellen I. ss. 150, 194. О фульдскихъ лѣтописяхъ ss. 151, 153; ср. Палацкаго, Dějiny I. стр. 144, примѣч. 89, 90, 91.

[3]) Annal. Fuld. a. 869. Hincmari annales подъ тѣмъ же годомъ.

[4]) Укрѣпленія состояли по преимуществу изъ насыпей, окоповъ, засѣкъ; за этими укрѣпленіями скрывалось войско, слѣдило за врагомъ и дѣлало на него неожиданныя нападенія: annal. Fuld. a. 849, a. 871; припомнимъ, что въ 855 г. нѣмецкое войско нашло Ростислава *firmissimo vallo munitum*, что *non parva multitudo hostium castra regis invadere cupiebat*, что потомъ Ростиславъ, *insecutus, plurima trans Danuvium finitimorum loca praedando vastavit*; въ письмѣ баварскаго духовенства, гдѣ многое напоминаетъ событія семидесятыхъ годовъ IX в., между постыдными качествами Славянъ указывается и то, что они прячутся за стѣнами въ своихъ селені-

вію, спѣшилъ заключить съ Ростиславомъ миръ, какъ бы ни были невыгодны условія этого мира [1]).

Въ этомъ же году начавшіяся смуты едва не низвели Моравію на самую крайнюю степень униженія. Какъ герцогъ Баваріи и маркграфъ восточной марки, Карломанъ не могъ отказаться отъ притязаній на нѣкоторыя права надъ Моравіей. За нѣсколько времени передъ тѣмъ искавшій дружбы Ростислава и съ помощію его достигшій настоящаго, почти независимаго положенія, онъ сталъ теперь сѣять раздоры между моравскими князьями. Святополкъ, племянникъ Ростислава, вошелъ въ тайныя сношенія съ Карломаномъ, поддался его убежденіямъ низвергнуть дядю и занять моравскій великокняжескій престолъ. Узнавъ о замыслѣ племянника, Ростиславъ отдалъ приказаніе задушить его. Но Святополкъ избѣгъ опасности, напалъ на Ростислава, взялъ его въ плѣнъ и отправилъ къ Карломану. Въ Регенсбургѣ, въ присутствіи короля, состоялся надъ Ростиславомъ судъ, которымъ назначена была ему смертная казнь. Король смягчилъ приговоръ, осудивъ Ростислава на ослѣпленіе и заключеніе въ монастырь [2]). 870 г.

Если Святополкъ, выдавая Нѣмцамъ своего дядю, надѣялся быть послѣ него полновластнымъ государемъ Моравіи, то онъ весьма ошибся въ своихъ ожиданіяхъ. Противъ него былъ и моравскій народъ, привыкшій къ правленію Ростислава и соединявшій съ его именемъ блестящее время побѣдъ, и самый союзникъ его по заговору, Карломанъ, который, низвергнувъ Ростислава, имѣлъ въ виду устранить отъ престола и его племянника. Мораване не признали Святополка своимъ княземъ и измѣннически выдали его Нѣмцамъ. Карломанъ ворвался въ беззащитную страну, безъ сопротивленія овладѣлъ городами и крѣпостями ея, разграбилъ государственную казну и княжескія сокровища въ Велеградѣ [3]). Не желая возстановленія княжескаго достоинства въ Моравіи, онъ поручилъ управленіе ею графамъ восточной марки, Виль-

---

яхъ, когда Франки весь міръ наполнили славой: illi toti mundo spectabiles apparuerunt, isti latibulis et urbibus occultati fuerunt; ср. Jirecek, Slovanské právo v Praze. 1863. § 20 Vojenstvi.

[1]) Hincmari annal. a. 870. ab expeditione hostili de Vinidis cum quibus praesenti et praeterito anno saepe cominus sui congredientes, aut nihil, aut parum utilitatis egerunt, sed damnum maximum retulerunt.... pacem sub quadam conditione apud Vinidos obtinere procuravit. Что перевѣсъ былъ дѣйствительно на сторонѣ Мораванъ, доказывается, кромѣ того, слѣдующими соображеніями: Ростиславова крѣпость упоминается опять подъ 871 годомъ, при ней Баварцы потерпѣли жестокое пораженіе; заговоръ противъ Ростислава и его низложеніе въ 870 г. были бы излишни, если бы онъ проигралъ въ войнѣ 868—69 гг.

[2]) Annales Fuld. a. 870; Hincmari annales a. 870.

[3]) Ibidem a. 870.

гельму и Энгильскальку [1]). Такимъ образомъ потеряна была только-что пріобрѣтенная тяжелыми трудами независимость. Нѣмцы хотѣли ввести въ Моравіи свои учрежденія, маркграфы стали ѣздить по странѣ, собирать дань, судить народъ своимъ судомъ; слѣдомъ за ними пасовское духовенство должно было начать латинскую проповѣдь, собирать десятину и вырывать сѣмена, брошенныя недавно греческими проповѣдниками [2]). Но для Моравань не пропало даромъ воспоминаніе о времени Ростислава. Еще недавно нѣмецкіе королевичи искали у нихъ защиты, пограничные графы сражались подъ предводительствомъ ихъ князя: они не могли снести теперь, чтобы маркграфы попирали ихъ свободу, теперь, чтобы маркграфы попирали ихъ свободу, оскорбляли народную гордость!

871 г. Оставался изъ княжескаго рода какой-то священникъ, по имени Славоміръ. Моравне заставили его принять на себя княжескую власть и позаботиться объ очищеніи страны отъ чужеземцевъ. Общая опасность соединила весь народъ и направила его силы къ одной цѣли — освобожденію отъ нѣмецкаго господства. Скоро стало не надежнымъ положеніе Вильгельма и Энгильскалька, съ трудомъ держались они въ защищенныхъ городахъ, ожидая помощи изъ Баваріи. А тамъ производился въ это время судъ надъ Святополкомъ. Не находя достаточно уликъ для обвиненія его въ измѣнѣ, и опасаясь, чтобы народное движеніе въ Моравіи не приняло опасныхъ размѣровъ, Карломанъ вздумалъ поручить Святополку усмиреніе Моравань и наказаніе Славоміра [3]). Горькимъ опытомъ пришлось извѣдать Святополку цѣну вѣрности и союза съ Нѣмцами; прикидываясь покорнымъ слугою Карломана, онъ задумалъ жестоко отомстить ему за свою обиду. Во главѣ нѣмецкаго войска онъ проникъ до самой столицы Моравіи, Велеграда; расположился лагеремъ подъ стѣнами его, какъ будто съ намѣреніемъ осадить городъ. Между тѣмъ вошелъ въ сношеніе съ гражданами и войскомъ, высказалъ имъ свое намѣреніе измѣнить Нѣмцамъ, внушилъ довѣріе Моравам и назначилъ имъ время, когда сдѣлать нападеніе. Нѣмецкое войско не подозрѣвало враждебныхъ сношеній и было совсѣмъ не готово къ защитѣ, когда Моравне напали на него. Многіе изъ Нѣмцевъ взяты были живыми въ плѣнъ, многіе перебиты; потеря ихъ была велика и не вознаградима. *Мало было семействъ въ Баваріи, Ракусахъ и Хорутаніи, которымъ бы не приходилось оплакивать своихъ близ-*

---

[1]) По догадкѣ Пертца это были сыновья того Вильгельма, графа остмарка, который упоминается между 820—853 гг. см. Dümmler, Über die südostlich. Marken s. 40.

[2]) Посланіе баварскихъ епископовъ къ папѣ Іоанну IX въ 900 году. Бильбасова, Кир. и Меѳ. I. стр. 143; Erben, Regesta № 54. Annal. Fuld. a. 870.

[3]) Не легко понять перемѣну въ отношеніяхъ, если принимать дѣло такъ, какъ оно разсказывается въ фульдскихъ лѣтописяхъ 870—1 г. Хотѣлось ли Карломану расположить къ себѣ Святополка и вознаградить за ложное подозрѣніе, или, какъ часто

кихъ. Радость Нориковъ о многихъ прежде одержанныхъ побѣдахъ обратилась въ печаль и уныніе [1]). Карломанъ, пораженный неожиданнымъ оборотомъ дѣлъ и опечаленный погибелью своего войска, наскоро приказалъ собрать всѣхъ заложниковъ моравскихъ и выдать ихъ Святополку, но въ замѣнъ получилъ изъ Моравіи только одного Ратбода. Святополкъ, навлекшій на отечество много бѣдствій, взошелъ на престолъ несчастнаго Ростислава.

Можно было ожидать, что пораженіе при Велеградѣ еще сильнѣе, чѣмъ прежде, возбудитъ ненависть между враждующими сторонами. Святополкъ рѣшился крѣпко отстаивать то положеніе, которое пріобрѣла Моравія при его предшественникѣ. Слѣдуя примѣру Ростислава, онъ вошелъ въ переговоры съ Чехами и Славянами по Лабѣ и Одрѣ; породнился съ чешскимъ княжескимъ домомъ, женившись на чешской княжнѣ [2]). Въ 872 г. поднялись славянскіе народы по восточной границѣ нѣмецкаго государства. Въ маѣ было послано туринго-саксонское войско противъ Славянъ полабскихъ, но дѣйствія этого войска не имѣли никакого успѣха; потерпѣвъ неудачу, Саксы и Туринги въ безпорядкѣ бѣжали назадъ, славянскія женщины останавливали всадниковъ, срывали ихъ съ коней и сѣкли прутьями. Отрядъ, отправленный противъ Чеховъ, одержалъ побѣду надъ пятью лехами и нанесъ пораженіе чешскому войску, стѣснивъ его у Волтавы [3]). Въ Моравіи про- 872 г.

дѣлали Нѣмцы, выпустилъ онъ одного претендента противъ другого, чтобы ослабить ихъ и истощить народъ въ междоусобной войнѣ? См. Palacky, Dějiny I. str. 148.

[1]) Annal. Fuld. a. 871. Безпристрастный Гинкмаръ подъ этимъ же годомъ пишетъ: maximum damnum a nepote Resticii, qui principatum Vinidorum post eum susceperat, habuit (Людовикъ) in tantum, ut markiones cum plurima turba suorum perdiderit et terram, quam in praeteritis annis obtinuerat perniciose amiserit; Палацкій, говоря объ этомъ событіи, Dějiny I. str. 149, примѣч. 96, замѣчаетъ: сравниваютъ эту битву съ битвой Вара въ лѣсахъ тевтобургскихъ и Святополка — съ Арминіемъ; и дѣйствительно, много разительнаго сходства какъ въ средствахъ и сопровождающихъ обстоятельствахъ, такъ въ значеніи и результатахъ обоихъ этихъ событій. Но Арминій нашелъ описателя своего подвига въ Тацитѣ, Святополкъ въ фульдскомъ монахѣ,—и вышло различіе рѣзкое!

[2]) Съ брачнымъ поѣздомъ, направлявшимся изъ Чехіи въ Моравію, случилось одно происшествіе, изъ котораго можно заключить, что чешская марка въ 871 г. находилась на военномъ положеніи. Арно, епископъ вюрцбургскій и графъ Руодольтъ завидѣвъ пышный поѣздъ, погнались за нимъ и захватили 640 лошадей. Annal. Fuld. a. 871. г.—мѣсто весьма важное по описанію способа укрѣпленій, обычнаго у Славянъ. Слова лѣтописца Sclavi Marahenses nuptias faciunt, ducentes cujusdam ducis filiam de Behemis не указываютъ ни на Боривоя, ни на Святополка; но пышность поѣзда, постоянный союзъ и дружество съ этихъ поръ между Чехами и Моравами заставляютъ думать, что здѣсь говорится о княжеской свадьбѣ. Palacky I. стр. 150, примѣч. 17; Дудикъ, Mähren allgem. Gesch. I. s. 204.

[3]) Имена леховъ: Святославъ, Витиславъ, Гериманъ, Спитиміръ, Моиславъ и Горивой (Боривой). Это были старшины или жупаны, стоявшіе въ зависимости отъ

тивъ Святополка велъ дѣло Карломанъ; послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ сраженій, не надѣясь наличными силами побѣдить Моравaнъ, онъ просилъ у короля вспоможенія. Стянувъ главное войско внутрь страны, Карломанъ, чтобы обезопасить себѣ отступленіе, оставилъ на Дунаѣ флотъ съ припасами; военный планъ Святополка разсчитанъ былъ на то, чтобы отрѣзать королевича отъ сообщенія съ Дунаемъ и сдѣлать для него невозможнымъ продолжительное пребываніе въ Моравіи. Съ этою цѣлію онъ отдѣлилъ значительный отрядъ отъ своего войска и послалъ его противъ Баварцевъ, стерегшихъ на Дунаѣ флотъ Карломана. Планъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ, Баварцы были разбиты, вся флотилія сдѣлалась добычею Моравaнъ, непріятелю отрѣзано было отступленіе. Святополкъ погналъ теперь Карломана къ Дунаю и малою войною уничтожилъ большую часть его войска [1]). Въ слѣ-
873 г. дующемъ году, перейдя изъ оборонительной войны въ наступательную, онъ переправился черезъ Дунай, овладѣлъ восточною маркой и постоянными нападеніями такъ стѣснилъ Карломана, что только быстрая помощь нѣмецкаго короля могла спасти его [2]). Людовикъ нѣмецкій прибылъ въ Регенсбургъ, и, не ожидая счастливаго исхода войны, рѣшился положить ей конецъ. Обѣ страны, опустошенныя и изнуренныя войною, одинаково нуждались въ мирѣ. Въ 874 г. заключенъ договоръ въ
874 г. *Форхгеймѣ*, которымъ опредѣлялись церковныя и политическія отношенія Моравіи на болѣе прочныхъ основаніяхъ; союзники Святополка также заключили миръ съ Нѣмцами [3]). Форхгеймскимъ миромъ признана была самостоятельность Моравіи въ политическомъ отношеніи [4]).

Въ это же время окончательно устроены были церковныя дѣла Моравіи и Панноніи. Съ 871 г. Моравія переживала весьма тяжелое время: земскій князь содержался въ плѣну, нѣмецкіе графы управляли страной, затѣмъ тянулась двухлѣтняя война. Паннонскій архіепископъ Меѳодій осужденъ былъ на заточеніе и два года содержался въ тем-

---

земскаго князя. Фульдскія лѣтописи a. 872 говорятъ о 5 лехахъ, а между тѣмъ насчитываютъ ихъ шесть. Палацкій, Dějiny I, str. 150, примѣч. 98, это противорѣчіе объясняетъ предположеніемъ, что писатель первой руки отмѣтилъ на полѣ имя земскаго князя, а переписчикъ внесъ и это имя въ текстъ.....

[1]) Annal. Fuld. a. 872.

[2]) Annal. Bertiniani (Hincmari) a. 873.

[3] Annal Fuld a 874.

[4]) Annal. Fuld. a. 874, такъ описываютъ условія договора. Посолъ Святополка, Iohannes presbuter de Venetiis, ut ei rex omni ambiguitate remota crederet, quicquid verbis dicebat, sacramento firmabat, videlicet ut Zventibald regi fidelis permaneret cunctis diebus vitae suae, et censum a rege constitutum per annos singulos solveret, si ei tantummodo quiete agere et pacifice vivere concederetur. Hincmari ann. 873: per missos suos Vinidos sub diversis principibus constitutos modo quo potuit sibi reconciliavit (Людовикъ). Что договоръ не могъ быть заключенъ на такихъ условіяхъ, какія указываетъ фульдскій

ницѣ [1]). Папа Адріанъ и его преемникъ, Іоаннъ VIII [2]), во время политическаго униженія Моравіи не принимали никакихъ мѣръ къ защитѣ правъ Меѳодія. Но когда Святополкъ своими побѣдами поставилъ Моравію на прежнюю политическую высоту, взволновалъ всѣхъ Славянъ, пограничныхъ съ Нѣмцами, изгналъ изъ Моравіи латинское духовенство, тогда папа обратилъ вниманіе на не законный поступокъ съ паннонскимъ архіепископомъ. Въ запискѣ о правахъ зальцбургской церкви на Паннонію [3]) баварское духовенство ссылалось на давность времени и на распоряженіе Карла Великаго, подчинявшее Паннонію зальцбургскому архіепископу. При образованіи независимаго отъ Баваріи паннонскаго архіепископата папа Адріанъ указалъ, а папа Іоаннъ развилъ и подтвердилъ *неотъемлемыя права* св. Петра на Иллирикъ и Паннонію [4]). Въ 874 г. Іоаннъ VIII послалъ въ Германію своего легата, епископа Павла анконскаго, съ полномочіемъ—устроить церковныя дѣла Панноніи. Въ грамотѣ, данной легату, такъ говорится о правахъ Рима: «Апостольскій престолъ издавна привыкъ совершать посвященія и опредѣленія не только въ Италіи и остальныхъ областяхъ запада, но и въ предѣлахъ всего Иллирика;» противъ семидесятилѣтней давности, на которую опиралось баварское духовенство,

---

лѣтописецъ, это уже можно видѣть изъ хода войны, весьма несчастливой для Нѣмцевъ; это же подтверждается и послѣдующими, особливо церковными отношеніями Моравіи. Palacky, Dějiny I примѣч. 99; Dudik, Mährens allgem. Gesch. I. ss. 208—10. Дюммлеръ, Geschichte des Ostfränkisch. Reichs II. s. 813, находитъ возможнымъ примирить два противорѣчивыя извѣстія—фульдскаго лѣтописца и Гинкмарово. Но взглядъ Дюммлера на форхгеймскій договоръ отступаетъ отъ взгляда славянскихъ ученыхъ; но его словамъ уже и то было значительнымъ униженіемъ для Нѣмцевъ, если они Святополка признали княземъ Моравіи, которая, послѣ низверженія Ростислава, управлялась маркграфомъ; выигрышъ Святополка все-таки былъ великъ, если онъ и обязался платить дань нѣмецкому королю.

[1]) Конецъ 3 главы 62 стр. этой книги; заточеніе Меѳодія продолжалось отъ весны 872 до осени 874 г. См. Dümmler, Geschichte, s. 814, примѣч. 48.

[2]) Первый съ 867 до ноября — декабря 872, второй съ 14 декабря 872 до 15 дек. 882 г.—у Jaffé, Regesta Pontif. Romanor.

[3]) Historia conversionis Carantanorum et de S. Methodio testimonium querulum у Копитара, въ Glagolita Glozianus. По соображеніямъ Дюммлера, Gesch. s. 817, она отправлена была къ папѣ въ 873 г.

[4]) По церковному западно-европейскому преданію одинъ изъ 70 учениковъ I. Христа, апостолъ Андроникъ, былъ сѣятелемъ христіанства въ западно-дунайскихъ странахъ и первымъ епископомъ сремско-паннонскимъ (Sirmium); въ IV в. сремскій епископъ распространилъ свою власть на всю Иллирію. Съ наплывомъ Гунновъ и Аваръ и самая епископія, и христіанство было уничтожено въ этихъ странахъ. Тѣмъ не менѣе Іоаннъ VIII схватился за епископію Андроника, какъ за достаточный поводъ къ подтвержденію своихъ притязаній. Замѣчательно, что даже въ письмѣ Коцела къ папѣ, жизнь Меѳ., стр 7, есть ссылка на старый епископскій престолъ св. Андроника. См. Лавровскаго, Кириллъ и Меѳодій, стр 337.

папа выставляетъ еще бо́льшую давность правъ римскаго престола [1]). «Многія разнообразныя и очевидныя указанія, писалъ онъ въ томъ же году къ королю Людовику, могли бы заставить твою мудрость убѣдиться, что паннонская епархія издревле отчислена была привиллегіями къ апостольскому престолу..... Только военныя смуты помѣшали нѣкоторое время посылать туда епископовъ, что и подало поводъ къ сомнѣнію. Права святой римской церкви неотчуждаемы, ихъ не уничтожаетъ никакое время, никакое раздѣленіе государствъ; да и самые римскіе законы въ церковныхъ дѣлахъ допускаютъ давность не иначе, какъ во сто лѣтъ [2])». Людовикъ не могъ ссориться съ папой изъ-за притязаній баварскаго духовенства и предоставилъ ему свободу въ устроеніи Панноніи [3]). Такимъ образомъ возстаніе баварскаго духовенства, не нашедши поддержки въ нѣмецкомъ королѣ, должно было остаться безплоднымъ. Грозное отлученіе, произнесенное Іоанномъ VIII ослушникамъ, заставило ихъ смириться [4]). По смерти архіепископа Адальвина, вручая зальцбургскую каѳедру епископу Титмару, Іоаннъ VIII могъ потребовать отъ него полнаго отрѣченія отъ Панноніи. Въ ноябрѣ 877 г. Титмаръ получилъ, какъ вѣрный и послушный сынъ римской церкви, знаки архіепископскаго достоинства [5]).

Слѣдствіемъ настойчивыхъ распоряженій папы Іоанна VIII было то, что архіепископъ Меѳодій получилъ снова свободу и вступилъ въ управленіе своею паствою [6]). Весьма вѣроятно, что *въ форхгеймскомъ договорѣ* принималъ участіе папа, склонивъ Людовика нѣмецкаго отказаться отъ вмѣшательства въ политическую и церковную жизнь Мо-

---

[1]) Erben, Regesta № 38.

[2]) Erben, Regesta № 37.

[3]) Въ 874 г. было личное свиданіе короля съ папой; при чемъ намѣренія папы могли быть подробнѣе развиты. Не нужно забывать, что въ рукахъ римскаго первосвященника была императорская корона, которою онъ располагалъ по своимъ соображеніямъ.

[4]) Жит. Меѳ. гл. 10. Въ округѣ зальцбургскаго архіепископа въ IX в. были: рѣзненскій, фризинскій, пасовскій и бриксенскій или себенскій епископы. См. Potthast, Supplement, s. 397. Зальцбургскій архіепископъ Адальвинъ умеръ 14 мая, 873 г., слѣдующій за нимъ Адальбертъ 6 апр., 874 г. — Potthast, s. 398; епископы: фризинскій Анно 9 окт. 845 г., пасовскій Германрихъ 2 янв. 874 г., себенскій Лантфридъ въ 875 г. Pothast, ss. 315, 381, 288. Изъ подписавшихъ жалобу на Меѳодія остался въ живыхъ только епископъ рѣзненскій, Эммерихъ, Potthast, s. 392.

[5]) Событія, касающіяся возведенія Меѳодія въ архіепископскій санъ, отношеній къ Меѳодію папы и борьбы Рима съ баварскимъ духовенствомъ изложены на основаніи сочиненія Дюммлера Die Pannonische Legende ss. 181—193; Ваттенбаха, Beiträge zur Geschichte der christlich. Kirche in Mähren und Böhmen, ss. 15 — 21; Лавровскаго, Кириллъ и Меѳодій, стр. 336 — 343; Бѣлевскаго, Monumenta Poloniae, объясненія къ Житію Меѳодія.

[6]) Что руководило Іоанномъ VIII, когда онъ задумывалъ устроить самостоя-

равіи и Панноніи [1]). Заключивъ миръ съ королемъ, Святополкъ пригласилъ къ себѣ Меѳодія и поручилъ ему высшеее церковное управленіе Моравіей [2]), изгнавъ изъ нея латинское духовенство. Церковныя права Меѳодія простирались не только на Моравію, но и на Паннонію, въ которой за два года передъ тѣмъ дѣятельность его была прервана баварскимъ духовенствомъ [3]). При содѣйствіи Горазда и другихъ славянскихъ учениковъ, Меѳодій сталъ распространять христіанство, строить церкви и умножать число священниковъ. Ближайшему свѣтскому начальнику Панноніи, Карломану, только дано было знать о возстановленіи древней паннонской епископіи [4]); онъ не могъ, по крайней мѣрѣ, открыто возставать противъ папскаго распоряженія. 875 г.

Когда политическое положеніе Моравіи, пріобрѣтенное долголѣтними усиліями ея князей и тяжелыми пожертвованіями народа, достигло желаемой высоты по отношенію къ иноплеменнымъ сосѣдямъ, тогда моравскій князь съ бо́льшимъ успѣхомъ сталъ стремиться къ распространенію своей власти между соплеменными народами. Моравія является въ это время носительницею такихъ признаковъ образованности—государство, церковное устройство, національное духовенство, — какихъ не могъ представить у себя ни одинъ славянскій народъ. И нужно признать, что христіанство много способствовало Святополку въ образованіи его обширной монархіи [5]). Еще въ 871 г. онъ вступилъ въ родство съ чешскимъ княжескимъ родомъ

тельную паннонскую архіепископію? — Извѣстно, что Болгарія была потеряна для Рима именно потому, что долго не соглашались папы дать ей церковное устройство по желанію Богориса. Усиленіе зальцбургской епархіи обширною провинціею противорѣчило политическимъ соображеніямъ папы, склонявшимся болѣе къ западной части франкской монархіи;—Reumont Alfred, Gesch. der Stadt Rom. II. ss. 211 — 212; Gregorowius, Gesch. der Stadt Rom III, ss. 189—190.

[1]) Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что передъ началомъ переговоровъ въ Форхгеймѣ Людовикъ имѣлъ свиданіе съ папой—Annal. Fuldens. a. 874.

[2]) Житіе Меѳ., стр. 8.

[3]) Папа хотѣлъ, чтобы церковная юрисдикція Меѳодія простиралась какъ можно дальше. Онъ убѣждалъ сербскаго князя Мутиміра подчиниться паннонскому архіепископу по *примѣру предковъ* — Erben № 40, Jaffé Regesta № 2259; герцога Карломана извѣщаетъ о томъ, что Меѳодій имѣетъ церковныя права и надъ Панноніей, Erben № 39. Съ другой стороны, нельзя не видѣть, что въ тоже самое время зальцбургскій архіепископъ продолжаетъ считать нижнюю Паннонію подлежащею его вѣдомству. Такъ Титмаръ въ 874 г. святилъ церковь въ Птуѣ (Pettovium); такъ, по смерти Коцела, часть Панноніи образовала отдѣльное княжество (Dudleipa), управляемое нѣмецкимъ графомъ. См. Die Pannonische Leg. s. 192; Ueber die südostlich. Marken, s. 42; Лавровск., 366—7.

[4]) Erben, № 39, Jaffé, № 2258.

[5]) Біографъ св. Меѳодія ставитъ въ близкую связь расширеніе политическихъ границъ Моравіи съ распространеніемъ христіанской вѣры. Житіе Меѳ., стр. 8. въ Чтеніяхъ, 1865 г. I.

женившись на чешской княжнѣ; родственная связь должна была между Чехами и Моравами, усилить сношенія естественнымъ слѣдствіемъ которыхъ былъ ихъ союзъ противъ Нѣмцевъ (872 — 4). Скоро затѣмъ князь чешскій Боривой и жена его Людмила приняли христіанство отъ архіепископа Меѳодія, тогда Чехія открыта была для проповѣдниковъ христіанской вѣры и подчинилась въ церковномъ отношеніи моравскому архіепископу [1]). Но вмѣстѣ съ церковнымъ вліяніемъ Моравія дѣлала успѣхи въ Чехіи и другаго рода: если Святополкъ совсѣмъ не лишилъ Боривоя княжеской власти, то во многомъ ограничивалъ его и подчинилъ страну его своей власти. Легенда разсказываетъ, что Святополкъ презрительно обращался съ Боривоемъ, изгналъ его изъ Чехіи и самъ управлялъ ею. Къ этому же времени нужно отнести крещеніе языческаго князя *въ вислѣ* [2]) и присоединеніе другихъ областей за Карпатами, какъ намекаетъ на то жизнеописатель Меѳодія [3]).

Распространіе господства Святополка моравскаго вело за собою проповѣдь христіанства въ подчиненныхъ странахъ. Но всѣ славянскія земли были еще ранѣе раздѣлены по епархіямъ нѣмецкихъ епископовъ, такъ что моравскій архіепископъ, какъ ранѣе въ Панноніи, такъ теперь въ Чехіи и за границами ея, долженъ былъ столкнуться съ нѣмецкимъ духовенствомъ. Хотя зальцбургское духовенство и было принуждено согласиться на уступку Панноніи, тѣмъ не менѣе пасовскій и регенсбургскій епископы могли ратовать противъ отторженія отъ нихъ Чехіи и Моравіи и противъ незаконнаго, съ ихъ точки зрѣнія, распространенія мораво паннонскаго архіепископства къ сѣверу [4]). Весь успѣхъ

---

[1]) Источники мало касаются этихъ отношеній; о славянскомъ источникѣ христіанства въ Чехіи говорятъ: a) славянское письмо и славянская литургія. См. Житье св. Вячеслава; — b) посвященіе древнѣйшихъ храмовъ имени св. Климента, освященіе Меѳодіемъ храма въ Лютомышлѣ—Codex diplomatic. et epistolar. Бочка I 32;—c) общее народное преданіе,—Cosma apud Pertz IX, Lib. I. 10, Lib. I. 14. См. также прим. 77 при хроникѣ Косьмы; «O pravnim pómeru Cech» статья Томка въ Casop. 1857, 350—74; Шафарикъ. т. II кн. 11. стр. 255, прим. 68; Лавровскаго, Кириллъ и Меѳ., стр. 368, прим. 81; Палацкаго, Dějiny I, стр 154—5.

[2]) Житіе Меѳодія. стр 8. Поганьскъ князь сильнъ вельми, сѣдя въ вислѣ, — ругашеся крьстяномъ и пакости дѣяше..... О Вислахъ читаемъ въ календарѣ XV вѣка: anno Domini 1445 civitas Visly funditus est per ignem cremata. Въ XIII в. еще Вислы извѣстны были Богуфалу: erat urbs famosissima in regno Lechitarum, nomine Vislicia, cujus olim princeps tempore paganismi fuerat Vyslaus decorus, qui et ipse de stirpe regis Popeli duxerat originem. Географъ баварскій называетъ народъ Vuislane; въ столицѣ Вислянъ, на Нидѣ, царствовалъ Vitislav или Vichevit. Упоминаемый здѣсь князь, можетъ быть, есть тотъ самый, о которомъ говоритъ Конст. Порфирородный—De administr. imperio c. 33,—что изъ Вислы переселился въ Захлумье; ср. примѣч. Бѣлевскаго при изданномъ имъ въ Monumenta Poloniae Житьи Меѳодія.

[3]) Жит. Меѳ., стр. 8 — 9: инъгда же пакы святоплъку воюющу на поганыя, и ничьсоже успѣющу, нъ мудящу.....

[4]) Чехія по церковнымъ дѣламъ должна была войти въ составъ рѣзненской епи-

дѣла свободной проповѣди христіанства греческаго обряда въ державѣ Святополка, несомнѣнно, зависѣлъ отъ личнаго расположенія князя къ своему архіепископу; если бы Святополкъ видѣлъ въ дѣятельности Меѳодія осуществленіе своихъ цѣлей, если бы на славянское богослуженіе смотрѣлъ какъ на необходимое средство къ сохраненію завоеванной самостоятельности; то онъ дорожилъ бы своимъ архіепископомъ и защитилъ бы его отъ всѣхъ нападеній. Но Святополкъ въ этомъ отношеніи былъ далеко ниже своего предшественника, Ростислава. Ему удалось сдѣлаться могущественнымъ властелиномъ, раздвинуть широко надъ сосѣдями свое господство, быть страшнымъ для враговъ и дать государству довольно прочное устройство; но онъ мало заботился о средствахъ, которыми достигалъ цѣли, его не одушевляла великая идея борьбы за свободу народа, свою власть онъ ставилъ выше общаго дѣла [1]). Нѣмецкое духовенство скоро снова нашло доступъ въ Моравію, успѣло проникнуть даже ко двору и войти въ довѣріе князя. Вызнавъ слабыя стороны Святополкова характера и потакая его страстямъ, оно возбудило въ неосмотрительномъ князѣ недовѣріе къ Меѳодію [2]). Жизнеописатель Климента такъ рисуетъ отношенія Святополка къ Меѳодію: «Святополка, человѣка грубаго и невѣжественнаго, обошедши коварствомъ, сдѣлали они (нѣмецкіе священники) всецѣло участникомъ своего ученія. Да и какимъ образомъ онъ, рабъ женскихъ удовольствій, не внималъ бы больше имъ, чѣмъ Меѳодію, отмѣчавшему гибельное для души зло въ каждомъ удовольствіи? Ибо что изобрѣлъ Евномій для привлеченія бо́льшаго числа учениковъ, то придумалъ также и безумный народъ Франковъ,— т. е. снисходить ко всѣмъ грѣхамъ. Святополкъ, развращенный ими, вовсе не обращалъ вниманія на Меѳодія, даже относился къ нему враждебно. И чего ужъ ни говорилъ ему съ ласкою, какими угрозами не устрашалъ князя Великій!» [3]). Стараясь раздуть неудовольствія между княземъ и архіепископомъ, враги Меѳодія очернили его въ глазахъ князя, будто онъ отступилъ отъ православія и недостоинъ епископскаго сана; распустили слухъ, что папа отнялъ церковную власть у Меѳодія и возвратилъ Моравію нѣмецкому духовенству [4]). При пап-

---

скопіи. Отдѣльные случаи обращенія Чеховъ были еще въ 845 г. Annal. Fuld. a. 845. Хотя крещеніе *14 ex ducibus Boemanorum cum hominibus suis* далеко еще не было обращеніемъ чешскаго народа, тѣмъ не менѣе рѣзненскому духовенству открывался доступъ въ страну, по крайней мѣрѣ въ тѣ жупы, старшинами которыхъ были упоминаемые у фульдскаго лѣтописца *duces*.

[1]) Palacky Dějiny I. стр. 152.

[2]) Жит. Меѳ.. стр. 9. Mährische Legende v. Dobrovsky, ss. 41—2.

[3]) Vita S. Clementis, ed Miklosich, p 7—8.

[4]) Жит. Меѳ., стр. 9.

скомъ дворѣ также нашлись люди, сочувствовавшіе стремленіямъ нѣмецкаго духовенства и убѣдившіе Іоанна VIII запретить Меѳодію бо-
878 г. богослуженіе на славянскомъ языкѣ [1]). Не обративъ вниманія на папское письмо, переданное ему легатомъ, епископомъ Павломъ анконскимъ, Меѳодій продолжалъ, по требованію совѣсти, исполнять свое дѣло. Но у него были постоянные соглядатаи, сносившіеся съ римскою куріей; донося объ ослушаніи Меѳодія, они вмѣстѣ съ тѣмъ взводили на него обвиненіе, что онъ отступилъ отъ православія и распространяетъ заблужденія между Моравами. И Святополкъ, довѣрявшій больше врагамъ Меѳодія, послалъ наконецъ къ папѣ пресвитера Іоанна для разрѣшенія его недоумѣній о православіи архіепископа Меѳодія. Въ іюнѣ
879 г. 879 г. папа отправилъ два письма въ Моравію [2]). «Мы слышали, писалъ онъ Меѳодію, что ты не то проповѣдуешь, что святая римская церковь приняла отъ самихъ апостоловъ, и вводишь народъ въ обманъ; поэтому приказываемъ тебѣ безъ всякихъ отлагательствъ явиться въ Римъ и лично объяснить, такъ-ли ты вѣруешь и учишь, какъ обѣщалъ предъ святою церковію». Въ письмѣ къ Святополку папа убѣждаетъ князя твердо держаться ученія римской церкви и отвергать, какъ ложное, всякое другое ученіе, кто бы ни проповѣдывалъ его, епископъ или священникъ; удивляется, что Меѳодій отступилъ отъ православія и успокоиваетъ князя, что къ пресѣченію зла уже приняты мѣры отозваніемъ въ Римъ Меѳодія. Ни мало не медля, архіепископъ Меѳодій предпринялъ третье путешествіе въ Римъ, его сопровождалъ довѣренное лицо моравскаго князя (Semisisna); въ концѣ 879 года они увидѣли папу Іоанна VIII.

Меѳодію пришлось имѣть дѣло съ человѣкомъ замѣчательнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Читая буллы папы Іоанна VIII, невольно удивляешься его дипломатическимъ способностямъ. Онъ умѣлъ выпутываться изъ такихъ затруднительныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ потерялся бы другой на его мѣстѣ. Въ труднѣйшихъ положеніяхъ для него пригодно было всякое средство; съ величайшимъ хладнокро-

---

[1]) Этого письма не сохранилось; не довольно точно опредѣлено и время, когда состоялось рѣшеніе о запрещеніи славянскаго богослуженія; о самомъ запрещеніи мы знаемъ изъ письма Іоанна VIII къ Меѳодію въ 879 году: «Нашимъ письмомъ, отправленнымъ къ тебѣ съ епископомъ анконскимъ, Павломъ, мы запрещали совершать божественныя службы на славянскомъ языкѣ, но дозволили или на латинскомъ или греческомъ». Относится ли это запрещеніе къ 878 г., когда Павелъ былъ посланъ въ Константинополь,—Бильбасовъ, Кириллъ и Меѳ., стр. 79, Dümmler, s. 193, примѣч. 7, или къ 874 г.—Лавровскій, стр. 375—80, 393—4—рѣшить трудно; извѣстно только. что это распоряженіе не было исполнено Меѳодіемъ.

[2]) Оба посланія писаны были въ одинъ и тотъ же день, въ іюнѣ 879 г. — Jaffé, Regesta №№ 2486, 2487; помѣщены у Эрбена подъ № 41, 42, Бильбасова, Кириллъ и Меѳодій I. стр. 129—131.

віемъ онъ заключалъ союзы и нарушалъ ихъ. Изъ страха передъ Сарацинами, въ надеждѣ получить утраченную Болгарію и для пріобрѣтенія союза въ Византіи, онъ не посовѣстился торжественно отлученнаго Фотія снова признать патріархомъ и почтить его похвалою. Слабые представители дома Каролинговъ, тратившіе всю свою силу во взаимныхъ раздорахъ, давали мало надежды Іоанну на содѣйствіе: тѣснимый съ одной стороны итальянскими герцогами, съ другой постоянными нападеніями Сарацинъ, не разъ папа обращалъ заискивающій взоръ на востокъ, гдѣ съ Василемъ I (867 г.) начала царствовать блистательная династія македонскихъ императоровъ. Въ продолженіе трудной десятилѣтней дѣятельности политика папы Іоанна VIII принимала разнообразныя направленія; въ его дѣйствіяхъ, письмахъ, порученіяхъ [1]) и т. п. проглядываетъ болѣе государственный человѣкъ, преслѣдующій политическія цѣли, чѣмъ тонкій богословъ. Едва ли найдется другой папа, написавшій столько отлученій, такъ страстно и неуклонно ведущій свое дѣло: но эта же страстность необходимо вела его къ непослѣдовательности, рѣзко выдающейся и въ отношеніяхъ къ Цареграду, и къ Моравіи. Въ 879 г., ко времени прибытія въ Римъ архіепископа Меѳодія, положеніе папы было изъ самыхъ затруднительныхъ [2]).

---

[1]) У Jaffé отъ 2243 до 2613 №.

[2]) Намъ кажется, что, не обративъ вниманія на политику Іоанна VIII вообще, нельзя понять его распоряженій по отношенію къ славянскому богослуженію и мораво-паннонскому архіепископу. Іоаннъ былъ избранъ въ папы 14 дек. 872 г.—Annal. Bertiniani (Hincmari) a. 872. Однимъ изъ первыхъ важныхъ дѣлъ его было коронованіе императорскою короною Карла Лысаго—17 дек. 875 г.,—за огромные подарки, какъ говорятъ современники, пріобрѣтшаго этотъ титулъ—Annal. Fuld. et Regino a. 877. По смерти императора Людовика II (+ 12 авг. 875 г.) въ Римѣ составились двѣ партіи, изъ которыхъ одна тянула къ восточной вѣтви Каролинговъ (нѣмецкіе короли), другая къ западной (франкскіе короли). Представителемъ восточной вѣтви Франковъ былъ Людовикъ нѣмецкій, западной—Карлъ Лысый. И папа Адріанъ, и Іоаннъ были на сторонѣ западной вѣтви, какъ болѣе сильной и обѣщавшей больше поддержки противъ итальянскихъ вассаловъ и Сарацинъ, тревожившихъ Римъ — Jaffé № 2241. Но Карлъ Лысый не оправдалъ ожиданій папы; внутренняя борьба партій, внѣшніе враги требовали издержекъ на наемъ войска. Въ 877 г. послѣдовало жестокое нападеніе Сарацинъ. Частію изъ страха передъ врагами, частію въ надеждѣ на торговыя выгоды, Салерно, Амальфи, Гаэта, Неаполь пристали къ нимъ. Вся страна до Рима была открыта опустошительнымъ набѣгамъ. Въ тоже время герцогъ Ламбертъ сполетскій и Гвидо, графъ Камерино, напали на папскія владѣнія и отрѣзали отъ Рима подвозъ съѣстныхъ припасовъ; за воротами Рима было все такъ опустошено, что нельзя было найти и слѣда сельской жизни. Всѣ воззванія папы къ Карлу Лысому и къ французскому духовенству оставались тщетны. Jaffé, Regesta №№ 2291, 2306, 2310, 2313, 2327. Самъ папа снарядилъ флотъ, командовалъ имъ и нанесъ непріятелю жестокое пораженіе; затѣмъ отправился на встрѣчу Карлу, который ѣхалъ тогда въ Италію. Смерть Карла Лысаго, 6 окт. 877 г., должна была дать перевѣсъ въ Римѣ *восточно-франкской партіи*; самъ папа какъ будто склонялся пе-

Уступая восточно-франкской партіи, желавшей видѣть императорскую корону на которомъ нибудь изъ дѣтей Людовика нѣмецкаго, сдѣлавъ въ угоду этой партіи запрещеніе славянскаго языка въ богослуженіи, въ тоже время папа видѣлъ, что восточно-франкскіе короли не будутъ въ состояніи защитить его отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Гораздо охотнѣе отозвался на призывъ его византійскій императоръ Василій, одержавшій побѣду надъ Сарацинами у береговъ южной Италіи. Сближеніе съ Византіей давало надежду возвратить Болгарію къ римской церкви, отторгнуть Далматинцевъ отъ церковнаго союза съ востокомъ. Всѣ эти надежды готовы были осуществиться въ 879—880 г. [1]); требовалось только много такту и изворотливости, а въ этихъ качествахъ не было недостатка у папы Іоанна VIII.

рейти на сторону этой партіи, входилъ въ переписку съ Карломаномъ, условливался о мѣстѣ переговоровъ съ нимъ—Jaffé, Regesta № 2364, 2366, 2374, 2388, но болѣзнь Карломана помѣшала этимъ переговорамъ. Припомнимъ, что къ 878 г. относится и запрещеніе славянскаго языка „въ богослуженіи, бывшее слѣдствіемъ усиленія восточно-франкской партіи. Послѣ неудачныхъ переговоровъ съ Карломаномъ еще болѣе усилилась опасность для папы. Весною 878 г. герцогъ Ламбертъ сполетскій съ маркграфомъ тусціанскимъ Адальбертомъ и многочисленными приверженцами восточной партіи явились подъ стѣнами Рима, заперли папу въ церкви св. Петра и, прикрываясь именемъ Карломана, требовали у папы признанія его защитникомъ церкви. 30 дней продолжалась осада, папа оставался непреклоннымъ, произнесъ отлученіе на Ламберта и Сполетанъ. Оставивъ Римъ, онъ отправился во Францію, короновалъ въ короли Людовика Косноязычнаго, 7 сент. 878 года, и, не находя поддержки въ западныхъ Каролингахъ, хотѣлъ было отнять императорское достоинство у дома Каролинговъ—Reumont, Gesch. der Stadt Rom II. s. 217, — сдѣлавъ корону императорскую своимъ личнымъ правомъ; съ 879 году замѣчается рѣшительный поворотъ въ пользу восточно-франкской вѣтви, папа примыкаетъ къ этой партіи и становится во главѣ ея, Jaffé № 2453, 2476, 2506, 2508, 2522; какъ извѣстно, швабскій король Карлъ Толстый, младшій сынъ Людовика нѣмецкаго, въ февр. 881 г. былъ коронованъ императорскою короною. Слѣдовательно, прибытіе въ Римъ Меѳодія совпадаетъ со временемъ усиленія нѣмецкой партіи въ Римѣ, а равно и со временемъ переговоровъ Іоанна VIII съ представителями ея—сыновьями Людовика нѣмецкаго. Но тщетны были надежды папы и на эту вѣтвь Каролинговъ. Одинъ Карломанъ могъ дѣйствительно, при своей энергіи и даровитости, войти въ виды папы и оказать ему рѣшительную помощь, но за болѣзнію онъ отказался отъ императорской короны. Отдаленный востокъ казался Іоанну VIII лучшимъ пособникомъ въ его затруднительномъ положеніи. Примирившись съ восточною вѣтвію Каролинговъ, онъ началъ сноситься съ византійскимъ императоромъ, сдѣлалъ ему уступки по дѣлу патріарха Фотія, не терялъ видовъ на Болгарію, не желалъ вооружить противъ себя и моравскаго князя крутыми мѣрами. Литературныя пособія о времени Іоанна VIII: Gregorowius, Geschichte der Stadt Rom im Mittelalther, III B. Stuttgart 1860 ss. 187 — 223; Reumont Alfred, Geschichte der Stadt Rom II B. Berlin, 1867 г. ss. 209—223.

[1]) Jaffé, Regesta №№ 2466, 2468, 2478, 2479, 2481, 2491. См. также Ваттенбаха, Beiträge zur Geschichte der christlich. Kirche, s. 22; Лавровскаго, Кириллъ и Меѳодій, стр. 431—2, Бильбасова I. стр. 83, 91.

Неизвѣстны ближайшія обстоятельства, которыми сопровождались объясненія св. Меѳодія съ папой. Можно только удивляться уступчивости и сговорчивости папы: онъ не замѣчалъ или казался не замѣчавшимъ существенной разницы въ вѣроученіи Меѳодія и западныхъ богослововъ [1]) и нашелъ возможнымъ, послѣ двукратнаго запрещенія, снова разрѣшить славянскій языкъ въ богослуженіи и оправдать Меѳодія. Съ Меѳодіемъ папа отправилъ къ князю Святополку письмо [2]), 880 г.
весьма замѣчательное по содержанію. Свидѣтельствуя въ немъ о правовѣріи моравскаго архіепископа, подтверждая за нимъ высшія церковныя права въ Моравіи и признавая славянскій языкъ годнымъ къ славословію Бога, наравнѣ съ еврейскимъ, греческимъ и римскимъ, Іоаннъ въ тоже время извѣщаетъ о рукоположеніи для Моравіи епископа изъ нѣмецкой партіи; разрѣшая вообще совершать литургію на славянскомъ языкѣ, онъ дѣлаетъ оговорку: «ради бо̀льшей торжественности читайте евангеліе на литургіи сначала на латинскомъ, потомъ на славянскомъ языкѣ, а если тебѣ (Святополку) болѣе нравится латинская мисса, то мы повелѣваемъ для тебя служить обѣдни на латинскомъ языкѣ». Весьма сомнительно, чтобы искреннее чувство руководило папой, когда онъ дѣлалъ эти распоряженія. Поставивъ епископомъ въ Моравію природнаго Нѣмца, Викинга, папа усиливалъ этимъ нѣмецкую партію при дворѣ Святополка, вносилъ снова не-

---

[1]) Житіе Меѳодія, стр. 9: старый врагъ... въздвиже стеры нань... иже болять иопаторьскою ересью. Здѣсь разумѣется догматъ о происхожденіи *Св. Духа и отъ Сына*, введенный римскою церковію. Первый опытъ этого ученія явился въ Испаніи въ 589 году и высказанъ на толедскомъ соборѣ. Западная церковь только къ началу IX вѣка черезъ Галлію познакомилась съ новымъ догматомъ; онъ сталъ распространяться съ тѣхъ поръ особенно, когда на аченскомъ соборѣ, въ 809 г., Карлъ Великій принялъ его подъ свое покровительство. Изъ предшественниковъ Іоанна VIII Адріанъ I и Левъ III признавали уже происхожденіе Св. Духа и отъ Сына, но Левъ III не одобрялъ вставку *filioque* въ никейскій символъ. Не имѣя возможности воспрепятствовать принятію этой вставки франкскими церквами, онъ приказалъ, для сохраненія точныхъ выраженій символа, вырѣзать его на двухъ серебряныхъ доскахъ—безъ вставки *filioque*. Послы папы Николая I. въ Болгаріи проповѣдывали символъ вѣры съ прибавкой. Церковная практика IX вѣка разрѣшила вопросъ о *filioque* такимъ образомъ, что и баварскіе епископы, обвиняя Меѳодія за выпущеніе вставки, были правы, и Меѳодій, не принимая ее и утверждая, что согласуется съ римскою церковью, оставался правымъ. Съ одной стороны, въ IX вѣкѣ собственно римская церковь еще не внесла въ никео-цареградскій текстъ символа прибавку *filioqu* и вообще на литургіи не пѣла еще *Credo*, съ другой стороны нѣмецкая церковь, слѣдуя постановленію толедскаго собора и другихъ двухъ соборовъ конца VIII вѣка, внесла уже эту прибавку и читала: *a Patre Filioque procedens*. Папа воспользовался такимъ положеніемъ вопроса и оправдалъ Меѳодія: Бильбасова, Кир. и Меѳ. 1, стр. 88—9; Лавровскаго 404—7; Dümmler, s. 195.

[2]) Erben, Regesta № 43, Бильбасова 1, стр. 131—4.

скончаемые раздоры и ставилъ въ сомнительное положеніе Меѳодія. Самъ же Святополкъ относился безразлично къ славянскому богослуженію, любилъ окружать себя пришлымъ духовенствомъ, былъ въ весьма близкихъ отношеніяхъ съ сыномъ Карломана, Арнульфомъ, получившимъ въ управленіе Каринтію и Паннонію [1]). Такимъ образомъ, со времени возвращенія Меѳодія въ Моравію, въ концѣ 880 года, начались для него новыя испытанія. Пользуясь значеніемъ при дворѣ и личнымъ
881 г. расположеніемъ Святополка, нѣмецкая партія и во главѣ ея Викингъ, поддерживаемый высшимъ нѣмецкимъ духовенствомъ и герцогомъ Арнульфомъ, старались, *потакая страстямъ дикаго и грубаго князя*, разсорить его съ Меѳодіемъ и снова возбудить къ нему недовѣріе. Даже пущена была въ ходъ грубая клевета, что посланіе, переданное Святополку Меѳодіемъ, подложно, что Викингъ имѣетъ секретныя порученія отъ папы, которыя выполнить онъ обязался клятвенно, что Меѳодій, наконецъ, не признанъ настоящимъ архіепископомъ [2]). Для разъясненія недоумѣній, возбужденныхъ этими толками, Меѳодій принужденъ былъ обратиться къ папѣ; онъ самъ, можетъ быть, былъ близокъ къ мысли, что Викингъ имѣетъ отъ папы порученія, неизвѣстныя ему, но близко относящіяся къ настоящему затруднительному положенію. Папа отвѣчалъ ему 23 марта 881 года [3]). Можешь судить, писалъ онъ, какъ мы соболѣзновали о тебѣ, узнавъ изъ твоего письма о случившихся съ тобою несчастіяхъ. О твоемъ правовѣріи засвидѣтельствовали мы нашимъ письмомъ къ князю Святополку, которое, какъ ты знаешь, было послано къ нему, а другого письма къ нему не было отправлено; и ни ему, ни *тому епископу* [4]), ни явно, ни тайно

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ будетъ сказано далѣе.

[2]) Хотя мы и не имѣемъ документа, гдѣ бы высказывались секретныя порученія Викингу, но многія обстоятельства заставляютъ думать, что Викингъ сдѣланъ былъ епископомъ намѣренно, въ противовѣсъ Меѳодію и что онъ надѣялся на сильную поддержку. Во 1-хъ, когда св. Меѳодій былъ въ Римѣ 879—880 гг., тамъ же мы встрѣчаемъ зальцбургскаго архіепископа Титмара—Jaffé, № 2527, Mansi, XVII. 174, Auctarium Garstense ap. Pertz, Script. IX a. 880; во 2-хъ, поведеніе Викинга и невниманіе папы къ жалобамъ Меѳодія, стоящее прямо въ разрѣзъ съ письмомъ къ Святополку 880 года, которымъ Викингъ былъ подчиненъ Меѳодію; въ 3-хъ, письмо къ Меѳодію 881 г., которымъ ему рекомендуется *не предаваться* слишкомъ скорби за всѣ искушенія, а лучше радоваться за нихъ, по примѣру апостола; въ 4-хъ, житье Меѳодія указываетъ, стр. 9, на особое порученіе папы Викингу: *намъ есть папежь власть далъ, а сего велитъ вонъ изгнати и ученіе его.* Съ 885 года онъ одинъ заправлялъ духовными дѣлами во всей архіепископіи Меѳодія; ср. Лавровскаго 432 — 440 стр.

[3]) Письмо это помѣщено у Эрбена подъ № 44, Бильбасова 1. стр. 135.

[4]) ....neque episcopo illi palam, vel secreto aliud faciendum iniunximus... Въ папскомъ письмѣ Викингъ не названъ по имени; но такъ какъ мы знаемъ Викинга за врага Меѳодіева, такъ какъ нѣтъ свидѣтельствъ, чтобы былъ посвященъ другой суф-

ничего не поручали мы. Письмо заключается приглашеніемъ Меѳодія явиться въ Римъ и обѣщаніемъ наказать Викинга, если бы онъ оказался виновнымъ. Но Меѳодій хорошо теперь понялъ намѣренія папы Іоанна и не рѣшился болѣе искать его покровительства; путешествіе въ Римъ казалось ему безполезнымъ послѣ того, какъ папа такъ невнимательно отнесся къ его жалобѣ [1]). Викингъ, безнаказанно сдѣлавъ подлогъ, продолжалъ злобно клеветать и выводить изъ терпѣнія своего архіепископа; при всей кротости и сдержанности Меѳодій наконецъ прибѣгъ противъ него къ церковной казни и произнесъ проклятіе [2]). Моравскій князь, преданный нѣмецкой партіи, готовъ былъ вступиться за Викинга: *онъ натянулъ уже лукъ, обнажилъ мечъ противъ Меѳодія, но пріостановился, — не спустилъ стрѣлы, вложилъ мечъ въ ножны* [3]). Скоро затѣмъ случились обстоятельства, значительно ослабившія вліяніе нѣмецкой партіи на Святополка и давшія свободу Меѳодію дѣйствовать самостоятельнѣе.

Въ періодъ мирныхъ отношеній къ Нѣмцамъ, съ 874 до 882 г., Святополкъ привлекъ къ союзу многихъ сосѣдей. Если только скудными и отрывочными свидѣтельствами [4]) можно подтвердить широкое распространеніе его господства, припомнимъ, что здѣсь дѣло шло у Славянъ со Славянами: въ современныя же лѣтописи записывались только тѣ случаи, когда Славяне приходили въ столкновеніе съ Нѣмцами. А у позднѣйшихъ лѣтописцевъ осталось воспоминаніе о зависимости отъ Моравіи польскаго народа [5]). Поэтому то и неудивительно, если славянскіе ученые полагаютъ, что Святополкъ распространилъ свою державу въ это время на востокѣ и сѣверѣ за Краковъ, по рѣку Стрый и Магдебургъ [6]). Политическія обстоятельства способствовали его властолюбивымъ замысламъ: Каролинги, при своей ограниченности, тратили силы на междоусобныя войны, ослабили надзоръ за пограничными марками и дали болѣе простору Славянамъ. 882 г.

фраганъ въ Моравію вскорѣ послѣ посвященія Викинга, то и остается признать, что здѣсь идетъ рѣчь именно объ немъ. Ваттенбахъ, Beiträge s. 25, Dümmler, Die Pannonische Legende, s. 196; Лавровскій, стр. 438 — 9.

[1]) Лавровскій, стр. 440—1; едва-ли основательно объяснять всѣ перекрещивающіяся интриги единственно дѣйствіемъ нѣмецкой партіи, устраняя вовсе сознательное участіе папы Іоанна VIII, какъ это дѣлается въ нѣкоторыхъ изслѣдованіяхъ.

[2]) Vita S. Clementis, p. II; Бильбасова, Кириллъ и Меѳодій, ч. II, стр. 283; письмо папы Стефана VI къ Святополку отъ 890 г.

[3]) Legenda Bulgarica, c. 5 у Бильбасова II, стр. 281—2; Vita S. Clementis, p. 9.

[4]) Здѣсь разумѣется союзъ съ Чехіей, имѣвшій слѣдствіемъ христіанское просвѣщеніе ея и отношенія Святополка къ «князю на вислѣхъ», по Меѳодіеву жит.

[5]) Thietmar Merseburg. apud Pertz., Scr. III. VI, 60: Boemii (Моравяне) regnante Zuetepulco duce quondam fuere principes nostri.

[6]) Palacky, Dejiny 1 str. 157—8; Шафарикъ, т. II, кн. II, стр. 301.

Сильный и энергическій Святополкъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходилъ своихъ ничтожныхъ современниковъ, *толстыхъ*, *лысыхъ* и *простоватыхъ* Карловъ каролингской династіи. 12 августа 874 г., умеръ императоръ Людовикъ II; по справедливости оплакивалъ его народъ, потому что съ того времени миръ и спокойствіе оставили Нѣмцевъ и Франковъ. Императоръ не имѣлъ потомства и не позаботился заблаговременно о преемникѣ. Было у него намѣреніе оставить корону старшему сыну Людовика нѣмецкаго, Карломану, самому способному между молодыми Каролингами; но образовавшаяся въ Италіи сильная партія [1]) рѣшилась послѣ него предложить корону Карлу Лысому; попытка Людовика нѣмецкаго устранить этого кандидата не удалась, и Карлъ былъ коронованъ. Вскорѣ затѣмъ, 28 августа 876 г., умеръ король Людовикъ нѣмецкій. Дѣти раздѣлили его государство такъ, что Карломану досталась Баварія, Паннонія и Хорутанія; Людовику (III) восточная Франція, Турингія и Саксонія; Карлу Толстому Аллеманія и Лотарингія. Въ качествѣ старшаго королевскаго сына Карломанъ въ 861 году управлялъ восточною маркою, а потомъ ему отдана была и Баварія. Сдѣлавшись теперь королемъ нѣмецкимъ, Карломанъ передалъ своему незаконному сыну Арнульфу управленіе провинціями Каринтіей и Панноніей [2]). Вскорѣ затѣмъ захворалъ онъ, цѣлый годъ лежалъ безъ употребленія языка, не имѣя возможности заниматься государственными дѣлами и поручивъ веденіе ихъ Арнульфу. По смерти его, 22 марта 880 г., Арнульфъ имѣлъ права на баварскую корону и всѣ отцовскія владѣнія: но Людовикъ III, король Франковъ, пользуясь еще обстоятельствами болѣзни Карломановой [3]), заставилъ присягнуть себѣ баварскіе чины и принудилъ Арнульфа довольствоваться Каринтіей и Панноніей. Два года спустя (882 г.) Арнульфъ, съ другими баварскими вельможами, долженъ былъ присягнуть императору Карлу Толстому (Людовикъ III умеръ 2 августа 882 г.) [4]). Этотъ императоръ заслу-

882 г.

---

[1]) См. стр. 75, примѣч. 2 въ этой книгѣ.

[2]) Арнульфъ былъ прижитъ отъ Ліутсвинды (Liutsvinda)... nobilissima quidem femina, sed non legaliter sibi desponsata. Dümmler, De Arnulfo Francorum rege, p. 3. По смерти Людовика нѣмецкаго, если не ранѣе даже, получилъ Арнульфъ въ управленіе Каринтію и Паннонію—безъ восточной марки, какъ показываютъ событія 884 года въ фульдскихъ лѣтописяхъ; Regino a. 880.

[3]) Дюммлеръ De Arnulfo, p. 7—8 говоритъ, что Людовикъ сдѣлалъ это по смыслу договора о раздѣленіи имперіи въ 817 году, по которому незаконныя дѣти исключались изъ наслѣдованія. Pertz, Leges, 1, p. 200.

[4]) «Этотъ Карлъ... имѣлъ мало мужества, еще менѣе разсудка. Онъ увеличилъ бѣдствія государства вмѣсто того, чтобы удалить ихъ. Въ то время, какъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ за огромныя суммы покупалъ онъ у Норманновъ миръ, который они хранили недолго, когда анархія въ государствѣ развивалась болѣе и болѣе, власть выпала сама собою изъ его безсильныхъ рукъ. Giesebrecht, Geschichte der Deutschen Kaiserzeit I. s. 160.

жилъ презрѣніе современниковъ за свои слишкомъ мелочныя душевныя качества. Сдѣланный имъ походъ противъ Норманновъ въ 882 г. еще болѣе унизилъ его и возвысилъ въ общемъ мнѣніи предводительствовавшаго Баварцами Арнульфа [1]). Частая смѣна властителей Германіи и Франціи вела за собою волненія въ пограничныхъ маркахъ, возстанія между вассалами.

Сильное движеніе обнаружилось въ восточной маркѣ. Надо думать, что должности и бенефиціи, даваемыя въ награду за вѣрную службу, при слабыхъ личностяхъ королевскаго дома, дѣлались въ нѣкоторыхъ родахъ наслѣдственными, если не юридически, то, по крайней мѣрѣ, фактически. Таково было положеніе графовъ восточной марки изъ роду Вильгельма и Энгильрады [2]); дѣти ихъ, Вильгельмъ и Энгильскалькъ, наслѣдовавъ отцу въ графскомъ достоинствѣ, въ 870 г. были дѣятельными помощниками Карломана въ проведеніи нѣмецкаго господства и нѣмецкаго устройства въ Моравіи. Но рѣшительная побѣда моравскаго князя надъ баварскимъ войскомъ положила конецъ ихъ господству въ Моравіи; въ битвѣ при Велеградѣ они, вѣроятно, и пали. Управленіе маркою передано было графу Арибо, обходя дѣтей прежнихъ графовъ. Но фамилія старыхъ графовъ была довольно численная, по Дунаю она имѣла обширныя владѣнія, пользовалась значеніемъ и связями въ Баваріи [3]). Посаженный королемъ графъ Арибо стоялъ имъ на дорогѣ: и вотъ поднялись дѣти Вильгельма и 883 г.
Энгильскалька, Мегингошъ, Веринтаръ, Энгильскалькъ и Пабо за свои права; они рѣшились или умереть, или получить отцовское достоинство. Мало уважая королевскую власть, самовольно лишили должности Арибо и выгнали его изъ марки. Онъ жаловался императору Карлу Толстому и снова получилъ маркграфскую должность. Не надѣясь на могущественную поддержку со стороны императора и снова тѣснимый тѣми же графскими дѣтьми, Арибо вступилъ въ союзъ со Святополкомъ и далъ ему въ заложники сына своего, Исанриха. Тогда Святополкъ ворвался въ восточную марку, захватилъ одного изъ графскихъ сыновей, по имени Веринтара и его родственника Везило; всѣ имѣнія ихъ по ту и другую сторону Дуная были разграблены и сожжены, сами они изувѣчены. Графскіе дѣти обратились за помощію къ Арнульфу, бывшему тогда въ Панноніи. Это было причиной разрыва между Арнульфомъ и Святополкомъ, состоявшими доселѣ въ дружественныхъ

---

[1]) Ann. Fuldens. a. 881—882; Erchanberti breviar: ap. Pertz SS. II, 330: Carlomanus filios non habuit, ne si tantum unum, nomine Arnulfum... qui adhuc vivit, et o! utinam vivat, ne exstinguatur lucerna magni Ludovici de domo domini.

[2]) Dümmler, Ueber die südostlichen Marken, s. 39.

[3]) Ann. Fuld. a. 884.

отношеніяхъ [1]). Впрочемъ и ранѣе того моравскій князь высказывалъ неудовольствіе противъ Арнульфа по слѣдующему случаю: «ты принимаешь къ себѣ враговъ моихъ; если ихъ не выдашь, намъ нельзя быть друзьями; твои вассалы злоумышляли на жизнь мою и искали у Болгаръ союза противъ моей земли: если это неправда, поклянись мнѣ [2])». Лѣтописи передаютъ о двухъ походахъ Святополка въ Паннонію, первый по-
884 г. походъ кончился опустошеніемъ верхней половины ея. Въ 884 г. военныя приготовленія Святополка и составъ войска его былъ удивительной численности; съ утра до вечера, стоя на одномъ мѣстѣ, можно было видѣть двигавшіяся въ Паннонію войска [3]). Безпощадны были и самыя военныя дѣйствія: двѣнадцать дней опустошалъ онъ страну и превратилъ ее въ пустыню. Въ нижней Панноніи, на рѣкѣ Раабѣ, бились графскія дѣти, Мегингошъ и Пабо, съ Святополковымъ войскомъ; битва была для нихъ несчастлива: сами они утонули въ рѣкѣ, большая часть ихъ войска взята въ плѣнъ, многіе плѣнники отпущены на свободу изувѣченными. Миротворителемъ является императоръ Карлъ Толстый. Онъ прибылъ въ восточную марку; близь Тульны, въ *Кенигштеттинѣ*, назначилъ мирные переговоры, на которые явился Святополкъ съ богатою свитою.

Выгоды, пріобрѣтенныя этимъ миромъ, были весьма важны для Моравіи. Очевидно, условія долженъ былъ предписывать побѣдитель; страны, завоеванныя его оружіемъ, не могли быть снова уступлены Нѣмцамъ; Арнульфъ, кажется, совсѣмъ былъ устраненъ отъ переговоровъ, что особенно было благопріятно для Святополка. Недовольный невыгоднымъ договоромъ Арнульфъ согласился на него только въ слѣдующемъ году [4]). Графъ Арибо, союзникъ Святополковъ, утвержденъ былъ маркграфомъ вост. марки; Паннонія и Хорутанія соединена была съ моравскимъ княжествомъ и въ политическомъ отношеніи, давно уже соединенная съ нимъ въ отношеніи церковномъ. Теперь держава Святополкова,

---

[1]) Незадолго передъ тѣмъ Святополкъ воспринималъ у Арнульфа сына, названнаго, по имени воспринимавшаго, Святополкомъ. Ann. Fuld. a. 884; Regino a. 890; Palacky, Dějiny 1, 158—9; Шафарикъ, т. II, кн. II, стр. 303, прим. 47. Съ 883 г. замѣтно расположеніе императора къ Святополку. Причина его заключается въ честолюбивыхъ замыслахъ Арнульфа и въ преимуществѣ личныхъ качествъ его, которымъ отдавали честь современники. Erchanberti brev. ap. Pertz Scr. II, 330. Такъ императоръ непосредственно вліялъ на мирные переговоры и *кенигштеттинскій* договоръ. См. Dudik, Mährens allg. Gesch s. 253—4.

[2]) Болгарское вторженіе должно было случиться въ 882 г.; Dümml. Südostlich. Mark., s. 48, прим. 1.

[3]) Tanta enim multitudine in isto itinere pollebat, ut in uno loco ab ortu usquead vesperum lucis exercitus eius praeterire cernitur. Ann. Fuld. a. 884.

[4]) Ann. Fuld. a. 885: Pax in oriente inter Arnolfo et Zuentibaldo... iusiurando constare firmatur; предыдущія событія описаны въ тѣхъ же анналахъ подъ 884 г.

начинаясь отъ самой Дравы къ Дунаю, простиралась на сѣверъ и востокъ далеко за предѣлы собственной Моравіи [1]). Съ этого времени Арнульфъ еще болѣе началъ подыскивать подъ императоромъ и стремиться самъ къ неограниченной власти [2]). Въ Святополкѣ онъ могъ имѣть хорошаго союзника при осуществленіи своихъ видовъ на корону. И дѣйствительно, помощь Славянъ была ему полезна, когда въ 877 г. онъ открыто рѣшился идти съ войскомъ Славянъ и Нориковъ въ Триръ, гдѣ находился тогда Карлъ Толстый [3]). Въ началѣ 888 г. онъ признанъ былъ пятью нѣмецкими народами королемъ ихъ, и принялъ въ Регенсбургѣ присягу въ вѣрности отъ всѣхъ чиновъ. 887 г

Теперь во главѣ нѣмецкаго и славянскаго міра стояли равные по личнымъ достоинствамъ люди. Какъ Святополкъ, такъ и Арнульфъ достигли власти не совсѣмъ чистыми средствами. Святополкъ измѣнилъ своему прежнему союзнику, императору Карлу, чтобы угодить другому, болѣе важному союзнику. Тотъ и другой не задумывались въ средствахъ, когда нужно было склонить врага къ уступкѣ. Пройденное Святополкомъ и Арнульфомъ поприще богато было приключеніями. 888 г.

---

[1]) Уже было говорено, что лѣтописцы не охотно передаютъ о политическомъ выигрышѣ Славянъ; напротивъ, искажаютъ истину или стараются по возможности скрыть ее. Таковы извѣстія фульдскаго лѣтописца а. 884, по которымъ Святополкъ «homo, sicut mos est, per manus imperatoris efficitur, contestatus illi fidelitatem iuramento». Палацкій, Dějiny I, стр. 159, прим. 115, вмѣстѣ съ Добнеромъ, объясняютъ извѣстіе фульдскаго лѣтописца такъ, что Святополкъ далъ присягу императору за Паннонію и Хорутанію; ср. Шафарика, т. II, кн. II, стр. 303—4, примѣч. 49. Сами же фульдскія лѣтописи, противъ воли, выдаютъ правду: подъ 892 годомъ есть извѣстіе, что когда снова возникла война между Арнульфомъ и Святополкомъ, послы Арнульфа къ Болгарамъ не могли идти сухимъ путемъ, черезъ Паннонію, propter insidias Zuentibaldi ducis; подъ 901 г. Хорутанія названа южною частью Моравіи: Interdum vero Ungari australem partem regni illorum Caruntanum, devastando invaserunt; при этомъ имѣетъ значеніе и свидѣтельство Константина Порфиророднаго (De administrando imperio, c. 40): Et rursus ad cursum fluminis extat Sermium (τὸ Σέρμιον), quod Belegrada abest duorum dierum itinere; inde Magna Moravia, cuius princeps olim fuit Sphendoplocus. Ср. Дюммлера, Ueber die Südostlichen Marken s. 48; De Arnulfo, p. 15; Dudik... s. 260.

[2]) Вѣроятно такое отношеніе Арнульфа къ К. Толстому и было причиною его мира въ 885 г. съ Святополкомъ; въ свою очередь миръ съ нимъ, можетъ быть, обусловливалъ помощь, которую оказалъ потомъ Святополкъ Арнульфу въ 887 году; скоро затѣмъ личные интересы ихъ пошли въ противоположныя стороны, и они опять становятся ожесточенными врагами.

[3]) Вообще къ этому времени замѣтна величайшая холодность къ Карлу; приближенные его идутъ къ Арнульфу, вызываютъ его ссадить съ престола больного и неспособнаго къ дѣламъ управленія императора; Карлъ, у котораго nihil, nisi vilissimae ad serviendum relictae sunt personae, по-неволѣ упрашиваетъ Арнульфа дать ему хоть небольшое мѣстечко въ Аламаніи для прокормленія; An. Fuld. a. 887. pars IV et V., et Regino.

Понимая и зная другъ друга, они едва-ли способны были даромъ дѣлать обязательныя взаимныя услуги. Оба были слишкомъ безпокойны, сильны и энергичны и, располагая большими военными силами, оба были опасны одинъ для другого. Въ первое время отношенія между ними были весьма прочныя, Арнульфъ какъ будто избѣгалъ случая оскорблять своего союзника: Арибо [1]), недавній врагъ Арнульфа, оставленъ въ прежнемъ достоинствѣ; дѣти Вильгельма и Энгильскалька вознаграждены графствами въ другихъ мѣстахъ [2]). Какъ высоко цѣнилъ Арнульфъ обязательную услугу Святополка, и какое вліяніе на него имѣлъ моравскій князь, показываетъ и тотъ случай, что папа Стефанъ VI обращался въ 890 г. къ Святополку съ просьбою побудить Арнульфа посѣтить Римъ и защитить Италію отъ злыхъ христіанъ и угрожающихъ язычниковъ [3]).

890 г. Въ мартѣ 890 года Арнульфъ и Святополкъ съѣхались для переговоровъ въ *Омунтесбергѣ*, въ Панноніи. О чемъ тутъ шло дѣло, чего хотѣлось тому и другому, сказать трудно, за недостаткомъ положительныхъ извѣстій. Но съ этого времени начались между ними сомнительныя неопредѣленныя отношенія, которыя повели къ войнѣ гибельной для Нѣмцевъ и Славянъ [4]).

Вѣроятно, требованія съ той и другой стороны были сложныя, потому что попытки къ переговорамъ безуспѣшно повторялись и въ слѣдующемъ, и въ 892 году, послѣ чего Арнульфъ уже начинаетъ искать
892 г. себѣ союзниковъ [5]). Въ 892 г., возвратившись изъ счастливаго похода

---

[1]) Упоминается въ 898 г. какъ маркграфъ (marchio) вмѣстѣ съ Люитпольдомъ. Annal. Fuldens.

[2]) Dümmler, Ueder die südostlichen Marken, s. 49, anmerk. 9.

[3]) У Эрбена подъ № 48; ann. Fuld. a. 890,

[4]) Переговоры въ Омунтесбергѣ вызваны были слѣдующими обстоятельствами: a) папа просилъ Святополка побудить Арнульфа къ походу въ Италію—Erben Reg. № 48, annal. Fuld. a. 890; b) частыя нападенія Норманновъ заставляли Арнульфа искать союзниковъ для войны съ ними—annal Fuld. 891; c) въ то время распространился слухъ о движеніи Угровъ къ Дунаю, и нужно было позаботиться Святополку и Арнульфу о защитѣ своихъ земель—Hormayr, Herzog Luitpold, München 1831. anmerk. 1, s. 1. Dudik, Mährens allgem. Geschichte 1. s. 295; d) Регино свидѣтельствуетъ — a. 890—ap. Pertz 1, что тогда уступлена была моравскому князю Чехія. Неправдоподобіе послѣдняго извѣстія бросается въ глаза при разсмотрѣніи событій 891 и 2 годовъ, когда Арнульфъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы примириться съ Святополкомъ, недовольнымъ имъ. Объ *уступкѣ* Арнульфомъ Чехіи въ 890 г. можетъ говорить только человѣкъ мало знакомый съ тогдашними дѣлами, каковъ и былъ Регино, подводившій факты подъ годы безъ всякой критики. См. Ueber die südostl. Mark. s. 49; статью Томка O pravnim pomeru Čech.; Palackého Dějiny str. 160, прим. 118; Шафарика, т. II, кн. II, стр. 255, прим. 68.

[5]) Ann. Fuld. a. 891, 892. Palacky, Dějiny 1, str. 162; Dümmler, De Arnulfo p. 61—62; Иречекъ, Oesterreichische Geschichte, ss. 204—5.

противъ Норманновъ, Арнульфъ двинулся къ востоку, надѣясь еще уладить дѣло со Святополкомъ; но Святополкъ не явился къ нему для переговоровъ. Раздраженный Арнульфъ составляетъ сильный союзъ противъ моравскаго князя. На югѣ былъ привлеченъ къ союзу Брацлавъ, управлявшій землею между Дравой и Савой [1]); Угры, искавшіе мѣстъ жительства въ дунайскихъ равнинахъ, вошли въ соглашеніе съ Арнульфомъ [2]) и были употреблены имъ противъ Моравань; на всѣхъ окраинахъ старался Арнульфъ удалить союзниковъ Святополка, такъ по его приказанію вюрцбургскій епископъ Арно врывается въ Чехію, чтобы отвлечь ее отъ союза со Святополкомъ, такъ онъ лишилъ чиновъ Поппо, графа сербской марки, опасаясь его измѣны [3]). Не видно, чтобы Святополкъ выходилъ въ открытое сраженіе противъ такого сильнаго врага: войско на время собрано было имъ въ укрѣпленныя мѣста, страна оставлена непріятелю. Четыре недѣли Нѣмцы и Угры опустошали Моравію и Паннонію; но при всемъ томъ Святополкъ и къ концу года столь же страшенъ былъ для Арнульфа, какъ и въ началѣ. Такъ послѣ похода 892 г. Арнульфъ отправляетъ посольство къ Болгарамъ, чтобы возобновить съ ними тульнскій договоръ и просить о запрещеніи ввоза соли изъ Болгаріи въ Моравію [4]); при этомъ послы его должны были идти весьма дальнею дорогою, черезъ землю Брацлава, такъ какъ вся Паннонія была закрыта для нихъ. На благопріятный для Святополка исходъ войны указываетъ и то, что недовольные Арнульфомъ вельможи продолжали искать у него убѣжища [5]): разумѣемъ несчастную судьбу потомковъ Вильгельма и Энгильрады. Энгильскалькъ, похитившій незамужнюю дочь Арнульфа, возбудилъ его негодованіе; но по-

---

[1]) Фульдскій лѣтописецъ упоминаетъ подъ 884 г. о зависимости его отъ Нѣмцевъ; подъ 892 о союзѣ его съ Нѣмцами противъ Святополка.

[2]) Hormayr, Herzog Luitpold, Anmerkungen, s. 1; тутъ приведены извѣстія объ Уграхъ изъ всѣхъ лѣтописцевъ; Annal. S. Gallens. Maiores, apud Pertz 1. 77; Ann. Fuld. a. 892; Liudprandi, Pertz Scr. III. 1, 13: Arnulfus interea... Hungariorum gentem in auxilium convocat... и потомъ порядочно-таки за это достается Арнульфу; Vidukindi, 1. 19: Imperante autem Arnulfo destructum est opus et via eis (Уграмъ) nocendi patefacta, eo quod iratus est imperator Centupulcho regi Marorum..; ср. Палацкій, Dějiny 1, str. 164, прим. 122. Интересно желаніе Дюммлера — «Ueber d. südostlich: Marken» ss. 58 — 9 — оправдать Арнульфа и доказать, что нападеніе Угровъ было случайное и не имѣло связи съ войной Арнульфа, веденною имъ противъ Святополка.

[3]) Ann. Fuld. a. 892; Ann. Alamanici a. 892.

[4]) Ann. Fuld. a. 892; военныя событія этого года вообще такъ перепутаны и извѣстія объ нихъ такъ разнорѣчивы, что трудно разсказывать объ нихъ съ положительностію; см. Hormayr, Herzog Luitpold, Anmerkungen, s. 2; Palacky, Dějiny 1. str. 165.

[5]) Ann. Fuld. et Alamanici a. 893; Dummler, De Arnulfo, p. 91—2.

томъ, снискавъ милость короля, своими грубыми поступками такъ озлобилъ баварскихъ дворянъ, что они рѣшились ослѣпить его. Его братъ Вильгельмъ, опасаясь за свою жизнь, вступилъ въ сношенія со Святополкомъ, но, обвиненный въ государственной измѣнѣ, наказанъ смертію; графъ каринтійскій, Руотбертъ, искавшій убѣжища у Святополка, былъ схваченъ и убитъ въ Моравіи со всѣми спутниками. Снова пытался Арнульфъ унизить врага моравскаго и снова, пограбивши страну, при отступленіи, долженъ былъ терпѣть неожиданныя нападенія, засады и съ трудомъ пробираться въ Баварію. Война еще не кончилась и въ 893 году: по приглашенію папы Формоза — поспѣшить на помощь—Арнульфъ не рѣшился самъ отправиться въ Италію, но послалъ сына своего Святополка [1]). Такимъ образомъ вопросъ, за кѣмъ останется верхъ, кто долженъ первенствовать изъ этихъ двухъ умныхъ и дѣятельныхъ государей, былъ еще
894 г. не рѣшенъ, когда въ 894 г. умеръ Святополкъ моравскій.

Мы удержимся произносить объ немъ какое-либо сужденіе; дѣятельность Святополка рисуется намъ въ извѣстіяхъ враговъ его и очерчена весьма слабыми красками. Изъ его подданныхъ никто не сохранилъ объ немъ ни одного слова; вообще трудно предлагать объясненія и побужденія въ событіяхъ того отдаленнаго и совершенно забытаго даже самими Моравами времени. «Нѣтъ недостатка извѣстій объ этихъ событіяхъ, но они весьма спутаны, часто противорѣчащи и, что́ всего хуже, весьма пристрастны. Здѣсь борются Нѣмцы противъ Славянъ, какъ Римляне противъ Карѳагенянъ; только эти, счастливые побѣдители, говорятъ и хвастаютъ, и преувеличиваютъ, изъ патріотизма передаютъ ложь и стушевываютъ истину: другую же сторону мы лишены возможности выслушать» [2]). Ограничимся же передачею того, что говорили о Святополкѣ старые дѣеписатели: съ одной стороны фульдскій лѣтописецъ и Регино, съ другой Константинъ Порфирородный и Косьма пражскій.

«Въ 894 году несчастнымъ образомъ кончилъ жизнь свою Святополкъ, князь моравскій, сосудъ вѣроломства, который хитростію и коварствомъ возмущалъ покой сосѣднихъ странъ и жаждалъ человѣческой крови; умирая, онъ завѣщалъ своимъ не миръ, а вражду» [3]). Писатель, нѣсколько далѣе жившій отъ театра военныхъ дѣйствій Свя-

---

[1]) Ann: Fuld. a. 893.

[2]) Schlözer, Несторъ. Russische Annalen. III. ss. 164—165.

[3]) Сличи съ этимъ слова тѣхъ же лѣтописей подъ 884 г.: inmaniter ac cruenter more lupi mactat, igne et ferro maximam partem devastat (т. е. Паннонія), и далѣе... hostiliter in Pannoniam hostilem exercitum infert, ut, si quid antea remaneret, nunc quasi ore lupi per totum devorasset...

тополка, современникъ его, Регино, называетъ моравскаго князя «мужемъ необыкновеннаго ума и хитрости». Но какимъ значеніемъ пользовался Святополкъ на далекомъ пространствѣ, это показываетъ намъ царственный лѣтописецъ Константинъ; нѣсколько разъ упоминаетъ онъ о Моравіи, вездѣ называя ее *великая Моравія* и великую Моравію связывая съ именемъ Святополка [1]). Вотъ его отзывъ о Святополкѣ: «князь моравскій Святополкъ былъ храбръ и страшенъ для сосѣднихъ народовъ; онъ имѣлъ трехъ сыновей и, готовясь къ смерти, раздѣлилъ страну на три части и каждому сыну далъ отдѣльную часть. Старшаго по возрасту назначилъ великимъ княземъ, остальныхъ двухъ подчинивъ его власти. Онъ убѣждалъ ихъ хранить миръ и согласіе на этомъ примѣрѣ: связавъ три прута, далъ ихъ переломить старшему сыну; когда этотъ не могъ сломать связки, предложилъ второму и затѣмъ третьему. Потомъ далъ каждому сыну по одному пруту изъ этой связки, и они легко переломили каждый свой прутъ. Указывая на этотъ примѣръ, онъ такъ говорилъ дѣтямъ: если вы останетесь въ любви и согласіи между собою, никогда враги ваши не одолѣютъ васъ и не плѣнятъ; если же, изъ честолюбія и несогласія, захотите каждый верховной власти, отказывая въ повиновеніи старшему брату, сами будете ослаблять другъ друга и сосѣди—враги совершенно уничтожатъ васъ» [2]). У родственныхъ славянскихъ народовъ, входившихъ въ составъ его великой державы, осталось воспоминаніе о Святополкѣ; хотя въ народномъ преданіи личность князя пріобрѣла уже оттѣнокъ миѳическій, но замѣчательно направленіе, въ которомъ разработывалась сказка. Косьма говоритъ о Святополкѣ: «Въ томъ же году, какъ крещенъ былъ Боривой, (894 году по Косьмѣ), пропалъ, какъ передаетъ молва, Святополкъ, царь моравскій, и болѣе не показывался»; далѣе Косьма, по своимъ соображеніямъ, объясняетъ, что Святополкъ мучился сознаніемъ несправедливости своей противъ Арнульфа, на котораго «онъ несправедливо и неблагодарно поднялъ вооруженную руку, забывъ, что Арнульфъ подчинилъ ему не только Чехію, но и другія страны отъ Чехіи до рѣки Одры, и по направленію къ Угріи до рѣки Грона»... «въ глухую, темную полночь, тайкомъ сѣлъ онъ на коня и, выбравшись изъ лагеря, направился къ одному мѣстечку на горѣ Цоберѣ, гдѣ, нѣсколько времени тому назадъ, три пустынника построили на его иждивеніе церковь, въ огромномъ непроходимомъ лѣсу. Доѣхавъ до этого мѣста, закололъ коня, мечъ воткнулъ въ землю и, при наступленіи дня, явился къ пустынникамъ; они не узнали его, постригли,

---

[1]) Constantin, De administrando imperio, edit. Anselmi Bandurii въ Imperium orientale. Paris 1711. T. I. c. XIII; c. XXXVIII; c. XL.

[2]) Constantin De administr. imperio c. XLI.

одѣли въ монашеское платье, и онъ жилъ съ ними, не открывая своего сана; только, когда почувствовалъ приближеніе смерти, объявилъ, кто онъ» [1]). Титмаръ межиборскій сохранилъ воспоминаніе о протяженіи моравскаго государства далеко на западъ и о зависимости отъ Святополка Славянъ полабскихъ до Магдебурга: «Мораване (у него Boemi) въ царствованіе Святополка были нашими господами. Наши предки платили ему каждогодную дань; онъ имѣлъ епископовъ въ своей странѣ, по имени Моравія [2])». Въ самой Моравіи сохранилось до сихъ поръ въ народѣ воспоминаніе о справедливости Святополка и близости его къ народу [3]). Регино, Видукиндъ, Косьма и Титмаръ даютъ ему царскій титулъ [4]).

Но важнѣйшимъ явленіемъ царствованія Святополка остается и останется не то, чего онъ достигъ своими усиліями, не его объединенная изъ славянскихъ народовъ держава, которая сразу, послѣ его смерти, и начала разлагаться; но то дѣло, противъ котораго онъ ратовалъ, дѣло не имъ начатое и которое онъ не переставалъ тормозить. Имя Святополка въ исторіи славянской церкви пріобрѣтаетъ совершенно другой оттѣнокъ, чѣмъ въ славянской исторіи вообще. Здѣсь, въ связи съ Меѳодіемъ, Святополкъ много теряетъ своей обаятельности и величія. Тутъ мы видимъ его жалкимъ орудіемъ нѣмецкой партіи, недальновиднымъ человѣкомъ, во всемъ довѣрившимся креатурѣ нѣмецкаго короля, Викингу, который обманываетъ его до самаго 893 г. Въ самомъ дѣлѣ, пристрастіе Святополка къ иностранцамъ военнаго и духовнаго сословія весьма выдается, при всей скудости извѣстій изъ того времени; ни архіепископъ Меѳодій, ни одинъ изъ его учениковъ, по смерти его, не вошелъ въ милость князя Святополка.

Съ 881 г. прерываются сношенія Меѳодія съ Римомъ; съ 882 г. началась жестокая война у Святополка съ Арнульфомъ; безъ сомнѣнія нѣмецкая партія тогда была менѣе сильна при дворѣ моравскаго князя; съ побѣдою Святополка и успѣшнымъ миромъ, закрѣпившимъ за нимъ всю Паннонію, въ 884 г., церковная власть Меѳодія должна была значительно расшириться. Мы не знаемъ, что дѣлала въ это время нѣмецкая партія: но ни у Арнульфа, ни у папы она ничего не

---

[1]) Cosmae, Chron. Boemorum. Lib. 1., 14, apud Pertz SS. T. IX; если выдѣлить изъ этой саги то, что заимствовалъ Косьма у Регино (неоправдываемыя исторіей отношенія Святополка къ Арнульфу), то останется чистое народное преданіе о Святополкѣ—сильномъ государѣ и распространителѣ христіанства; послѣдняя черта, можетъ быть, перенесена на него съ Ростислава.

[2]) Thietmar Merseburg. apud Pertz. SS. T. III., Lib. VI, 60.

[3]) Palacky, Dějiny I. str. 152, примѣч. 100.

[4]) Regino a. 890, 894; Vidukind. I. 19; Cosmas, 1, 14; Thietmar VI, 60.

могла выиграть, такъ какъ Святополкъ стоялъ на верху силы и могущества, и былъ ожесточенъ противъ Нѣмцевъ. Весьма важное значеніе имѣетъ здѣсь то свидѣтельство, по которому враги Меѳодія старались заподозрить его въ Греціи передъ императоромъ и патріархомъ, и что Меѳодій путешествовалъ передъ смертію въ Царьградъ: «злоба ихъ на этомъ не остановилась, но еще говорили: императоръ такъ недоволенъ имъ, что, еслибы онъ явился къ нему на глаза, то не миновалъ бы казни. Но царь прислалъ письмо къ Меѳодію и просилъ его принять на себя трудъ побывать въ Константинополѣ [1]).»

Путешествіе въ Царьградъ должно относиться къ промежутку отъ послѣдняго путешествія въ Римъ до смерти Меѳодія. Уклончивая политика папы, стараніе его угодить тѣмъ и другимъ, посвященіе въ епископы Викинга и почти безъ вниманія оставленная жалоба Меѳодія; ожесточенная война моравскаго князя съ Нѣмцами, поставлявшая Меѳодія въ необходимость прекратить апостольскія дѣла,—все это такія обстоятельства, которыя дѣлаютъ весьма возможнымъ путешествіе его въ Царьградъ [2]). Какъ скоро успокоились въ Моравіи отъ войны, опять появляются здѣсь слѣды дѣятельности Меѳодія: къ 884 г. относится освященіе имъ церкви въ Бернѣ [3]).

Когда замѣтили упадокъ силъ Меѳодія, спрашивали его: «кого ты хочешь назначить изъ учениковъ преемникомъ себѣ?» Онъ показалъ на одного изъ учениковъ, именемъ Горазда и сказалъ: «это изъ вашей страны благородный мужъ, хорошо наученъ латинскимъ книгамъ и православенъ». Когда въ вербное воскресенье народъ собрался въ церковь, онъ поручилъ князя и клириковъ, и весь народъ благодѣяніямъ царя и сказалъ: стерегите меня, дѣти, до третьяго дня [4]). Смерть его послѣдовала 6 апр. 885 г. Надъ нимъ совершена была служба на трехъ языкахъ: славянскомъ, латинскомъ и греческомъ, погребенъ въ Велеградѣ, въ церкви св. Дѣвы Маріи [5]).

---

[1]) Житіе Меѳ. стр. 10. «Абіе же шедшу ему тамо, пріятѣ его царь съ великою честью и радостію, и ученіе его похвали, удръжа отъ ученикъ его попа и діакона съ книгами. Всю же волю его створи, елико хотѣ, и не ослушавъ ни при чесомъ же; облюбль и, одаривъ вельми, проводи его паки славно до своего стола, тако же и патріархъ».

[2]) Отношенія двора византійскаго къ папѣ тогда опять начали колебаться; неудавшаяся попытка возвратить Болгарію повела римскихъ папъ къ угрозамъ греческому патріарху, а потомъ къ отлученію его. Лавровскій, стр. 446; 176 — 8; вообще же путешествіе Меѳодія въ Константинополь оспаривается западными учеными.

[3]) Erben, № 45.

[4]) Предсказаніе о смерти оправдывается и жит. Климента, гл. VI: *Τότε δὲ Μεθόδιος τῷ ἄρχοντι προεῖπε τὴν οἰκείαν τελευτὴν μετὰ τρεῖς ἐσομένην ἡμέρας...*

[5]) О времени смерти и мѣстѣ погребенія Меѳодія см. Лавровскаго, стр. 450—2; статью въ Москвитянинѣ, примѣч. 37.

Въ слѣдъ за смертію архіепископа Меѳодія начинается снова сильное движеніе нѣмецкой партіи при дворѣ Святополковомъ. Мы знаемъ, что Меѳодій самъ назначилъ себѣ въ преемники Горазда, но весьма не долго пришлось Горазду управлять моравской церковію: произошли событія, едва не уничтожившія все дѣло св. братьевъ и заставившія учениковъ его терпѣть преслѣдованія и спасаться бѣгствомъ изъ Моравіи. Въ 884 г. Святополкъ заключаетъ миръ съ Арнульфомъ, входитъ съ нимъ въ близкія отношенія, не прерывавшіяся до 892 года; другъ Арнульфа, Викингъ, долженъ былъ получить прежнее высокое значеніе у Святополка и усилить нѣмецкую партію. Едва-ли дѣло не было въ этомъ положеніи уже передъ смертію Меѳодія[1]). Князь Святополкъ не былъ ревностнымъ христіаниномъ, онъ не понималъ величія подвиговъ Меѳодіевыхъ и если терпѣлъ его, то только потому, что видѣлъ доброе вліяніе его на народъ и расположеніе въ народѣ къ славянскому богослуженію. Уже разъ онъ поддался обману Викинга и его партіи, усомнился и самъ въ правовѣріи своего архіепископа; теперь снова клевета противъ Меѳодія и его правовѣрія должна была найти доступъ къ нему. Нѣмецкая партія дѣйствовала и передъ папой. Въ половинѣ 885 г. на папскомъ престолѣ сидѣлъ Стефанъ VI. Съ согласія ли князя, или самовольно, только Викингъ хлопоталъ передъ новымъ папою объ утвержденіи себя въ правахъ паннонскаго архіепископа, при чемъ оклеветалъ Меѳодія и его ученіе. Положеніе папы было таково, что заставляло его заискивать у могущественнаго князя моравскаго и не входить въ изслѣдованіе обвиненій, взводимыхъ противъ Меѳодія. Надо думать, что въ Моравіи въ то время было весьма рѣзкое различіе въ вѣроученіи латинскаго и нѣмецкаго духовенства; вошли уже въ силу уклоненія между западною и восточною церковью, на установленіе и выясненіе которыхъ особенно настаиваетъ письмо папы Стефана[2]). Въ письмѣ къ Святополку, изложивъ подробно догматъ о происхожденіи Святаго Духа и отъ Сына, ученіе о постѣ,—папа продолжаетъ: «въ этомъ священномъ ученіи находимъ мы твердымъ и Викинга, достопочтеннаго епископа и любезнѣйшаго собрата, котораго и послали къ вамъ (къ Святополку) для управленія порученною ему церковью; ибо мы узнали вашу взаимную пріязнь и твою объ немъ заботливость. Искренне примите его и относитесь къ нему, какъ къ духовному отцу и своему пастырю, съ честію и должнымъ уваженіемъ.... Онъ приметъ

---

[1]) О проклятіи Меѳодіемъ Викинга свидѣтельствуетъ Vita S. Clementis, c. VII и моравская легенда.

[2]) Письмо помѣщено у Ваттенбаха въ Beiträge, ss. 43 — 7; у Эрбена подъ № 48, у Гинцеля въ кодексѣ; достовѣрность его оправдывается у Ваттенбаха, ss. 27 — 30, у Лавровскаго, стр. 459—67.

на себя попеченіе о церковныхъ дѣлахъ и духовныхъ должностныхъ лицахъ, и будетъ рукополагать ихъ... Мы весьма удивлены, услышавъ, что Меѳодій упорствуетъ въ неправославіи, затѣваетъ нестроенія и несогласія. Если это справедливо, мы осуждаемъ вполнѣ неправославіе его. Анаѳема же, изъ презрѣнія къ каѳолической вѣрѣ произнесенная, пусть обратится на главу того, кто изрекъ ее. Ты же и народъ твой невинны предъ судомъ Св. Духа, если безъ измѣненія содержите вѣру, проповѣдуемую св. римскою церковію. А что тотъ же Меѳодій рѣшился совершать священныя требы, таинства и литургію на славянскомъ языкѣ, запрещаемъ властію Божіею и нашею апостольскою, подъ страхомъ отверженія отъ церкви, дѣлать это, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда нужно дать наставленіе простому народу, прочитать евангеліе или апостолъ на этомъ языкѣ;... упорныхъ и неповинующихся, заводящихъ несогласія и соблазнъ мы позволяемъ извергнуть изъ нѣдръ церкви, какъ сѣятелей дурной травы, если они не исправятся послѣ двухъ внушеній; и, чтобы одна зараженная овца не испортила всего стада, повелѣваемъ во имя наше схватить ее и выгнать изъ земли вашей.» Съ такимъ полномочіемъ, добытымъ злобною клеветою, а можетъ быть и подкупомъ[1]), явился Викингъ въ Моравію, когда уже Меѳодія не было въ живыхъ[2]). Князь Святополкъ не былъ ревностнымъ христіаниномъ, въ тонкости догматическія онъ не могъ вмѣшиваться, партія нѣмецкая пользовалась уже прежде его особеннымъ расположеніемъ[3]); уважительный и почетный отзывъ папы о Викингѣ, подозрѣніе въ ложномъ ученіи, заявленное въ письмѣ на Меѳодія, были достаточными побужденіями для него дать нѣмецкой партіи полную свободу въ Моравіи. Викингъ съ своей стороны находилъ себя совершенно уполномоченнымъ папою поступать противъ «упорныхъ и неповинующихся» по произволу. У него всегда была притомъ поддержка въ Арнульфѣ, съ которымъ и Святополкъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, помогши ему въ 887 г. отнять королевскій престолъ у Карла Толстаго.

Положеніе славянской партіи въ Моравіи, по смерти архіепископа

---

[1]) Намеки на подкупъ римскихъ папъ въ дѣлѣ о славянской церкви появляются въ событіяхъ 900 года довольно опредѣленные; см. въ слѣдующей главѣ, по поводу письма баварскаго духовенства къ папѣ; у Ваттенбаха, s. 29, прим. 1.

[2]) По тону письма папы Стефана видно, что онъ еще не зналъ о смерти Меѳодія; опредѣляетъ точнѣе время составленія этого письма Dümmler, — Die Pannonische Legende, ss. 198—9, Лавровскій, стр. 461.

[3]) Описывая ожесточенную вражду религіозныхъ партій и преслѣдованіе учениковъ Меѳодія, жизнеописатель Климента продолжаетъ (глава 13): «а князь ничего этого не зналъ... онъ былъ въ отлучкѣ; если бы онъ былъ дома, то не поступили бы такъ съ исповѣдниками истины: ибо хотя онъ и часто покровительствовалъ Франкамъ, и былъ нрава полудикаго, но уважалъ и заслуги святыхъ мужей»; гл. 9—послѣ

Меѳодія, представляется въ слѣдующемъ видѣ [1]). Она была сильна своею численностію, но не вліяніемъ: до 200 священниковъ оставилъ Меѳодій въ своей епархіи [2]). Партія эта имѣла своего представителя въ Гораздѣ, еще самимъ Меѳодіемъ назначенномъ себѣ въ преемники. Гораздъ ратовалъ противъ незаконнаго самоуправства Викингова, защищалъ своего учителя. «Но дерзкая партія нѣмецкая устранила его отъ управленія церковію, и съ тѣхъ поръ ересь поднимаетъ голову и вооружается противъ православныхъ учениковъ Меѳодія». Существеннымъ различіемъ этихъ партій было ученіе объ исхожденіи Св. Духа, жарко защищаемое съ той и другой стороны; споры были такъ сильны, недовольство между партіями такъ велико, что дѣло едва не доходило до драки [3]); на ряду съ этимъ князя Святополка [4]) продолжали болѣе и болѣе вооружать противъ учениковъ Меѳодія. Чтобы положить конецъ борьбѣ партій, Святополкъ сдѣлалъ такое постановленіе, по которому несогласные съ ученіемъ нѣмецкаго духовенства лишалась покровительства законовъ [5]). «Достанетъ ли словъ разсказать», говоритъ жизнеописатель Климентовъ, «какъ воспользовались Нѣмцы своимъ перевѣсомъ? Одни вынуждали согласіе на измышленный догматъ, другіе ратовали за ученіе отцевъ; одни приготовились все предпринять, другіе все выстрадать. Стали безчеловѣчно мучить приверженцевъ Горазда, грабили жилища ихъ, соединяя нечестіе съ любостяжаніемъ, другихъ, обнаживши, влачили по колючимъ растеніямъ, и такъ поступали съ почтенными мужами и людьми, перешедшими уже за границы мужескаго возраста; а которые изъ пресвитеровъ и діаконовъ были молоды, тѣхъ продавали Жидамъ [6])... Тѣхъ же, которые имѣли санъ учительскій, какъ Гораздъ, уроженецъ моравскій, знатокъ греческаго и славянскаго языка, на-

---

рѣчи о св. Троицѣ: «князь едвали понялъ что изъ сказаннаго, на пониманіе вещей божественныхъ онъ былъ весьма тугъ съ одной стороны потому, что воспитанъ былъ по-варварски, или, короче сказать, безъ всякаго толку, съ другой потому, что умъ его разслабѣлъ отъ грязныхъ удовольствій, какъ было сказано»; самому Святополку влагаются слова: «я сознаюсь въ своемъ крайнемъ невѣдѣніи, я не далекъ въ предметахъ догматическихъ».

[1]) Главный источникъ есть Vita S. Clementis, edit. Miklos. Русскій переводъ у Бильбасова, Кир. и Меѳ. II ч. стр. 341.

[2]) Vita... c. VI... *δηλοῖ δὲ καὶ τὸ πλῆθος τῶν τε πρεσβυτέρων καὶ διακόνων καὶ ὑποδιακόνων, οὓς τελευτῶν διακοσίους τῇ ἐνορίᾳ τῆς οἰκείας ἐκκλησίας ἐγκατέλιπεν.*

[3]) Vita c. IX.

[4]) Ibidem, p. 14 ....*τὸν κονιορτὸν Σφεντόπλικον*...

[5]) Vita, c. IX p. 16: *εἰ γάρ τίς, φησι, φωραθείη μὴ πιστεύων κατὰ τὴν τῶν Φράγγων ἔκθεσιν, αὐτοῖς ἐκείνοις παραδοθήσεται χρησομένοις ὅ τι καὶ βούλονται*...

[6]) Vita c. IX, p. 16—17.

наченный Меѳодіемъ на епископскую каѳедру, какъ пресвитеръ Климентъ, мужъ краснорѣчивѣйшій, и Лаврентій, и Наумъ и Ангеляръ— тѣхъ и другихъ многихъ, заковавши въ цѣпи, бросили въ темницу. Только Богъ, утѣшающій униженныхъ, не оставилъ безъ помощи и этихъ св. мужей. Случилось сильное землетрясеніе; устрашились жители города, удивлялись и недоумѣвали, что́ бы значило это знаменіе. Подошедши къ темницѣ, они увидѣли, что оковы спали съ заключенныхъ и они пользуются всею свободою. Потомъ обременили ихъ оковами, гораздо болѣе тяжкими; но по прошествіи трехъ дней опять произошло землетрясеніе и слышенъ былъ при этомъ голосъ съ неба, и спали съ заключенныхъ оковы. Ничего этого богопротивники не сказали князю, но подвергли праведниковъ тѣмъ же истязаніямъ [1]. Эти событія происходили въ отсутствіе князя, еслибы онъ былъ дома, не потерпѣли бы исповѣдники истины такихъ бѣдствій: хотя и былъ онъ особенно приверженъ къ Франкамъ, но боялся и святыхъ мужей, особенно небеснаго знаменія, три раза повторявшагося. Послѣ такихъ безчеловѣчныхъ мученій, не позволивши святымъ даже подкрѣпиться пищею, передали ихъ воинамъ съ приказаніемъ развести по разнымъ странамъ, прилегавшимъ къ Дунаю, присудивъ такимъ образомъ небожителей къ изгнанію изъ своего города. А воины вывели ихъ изъ города, раздѣли и тащили по дорогѣ обнаженными, мечами и копьями ударяли ихъ по плечамъ и по бедрамъ. Отведши далеко за городъ, оставили ихъ тамъ, а сами пошли въ обратный путь» [2]. Изгнанные изъ Моравіи, ученики Меѳодія направляются въ Болгарію. Они надѣялись найти въ ней успокоеніе, окольными путями пробирались туда, стараясь избѣгать людей, терпя недостатокъ въ пищѣ и одеждѣ; въ случаѣ опасности расходились по разнымъ мѣстамъ, по Божьему изволенію, чтобы больше странъ окрестныхъ просвѣтилось свѣтомъ Евангелія [3]. Въ Болгаріи они были представлены князю Борису и съ радостію приняты имъ. Сюда пересажена была изъ Моравіи начальная славянская литература, принесшая въ Болгаріи успѣшный плодъ при царѣ Симеонѣ (+927 г.).

Семь лѣтъ Викингъ управлялъ Панноніею послѣ Меѳодія [4]; папы не поднимали голоса противъ его самовольнаго поступка съ учениками

---

[1]) Vita Clementis, c. XII, p. 17—18.

[2]) Vita S. Clementis, c. XIII.

[3]) C. XIV.

[4]) Vita S. Clem. XIV, примѣчаніе: Germanis Wiching, homo turbulentus et ambitiosus, ipsisque Bavaris invisus. Nam cum a. 894 Arnulpho se insinuasset pro Cancellario, isque eum creasset episcopum Passaviensem, a. 899 dejectus est ex illa sede a Salisburgensi episcopo. Объ немъ говоритъ хроника пасовская: Der war ein weltgescheiter Herr... Wird Bischof mehr durch Gewalt als Einhelligkeit; Ann. Fuldens. a. 899; объ немъ будетъ еще рѣчь въ слѣдующей главѣ.

Меѳодія; церковныя дѣла приведены были въ запутанное положеніе, Моравія наводнена нѣмецкимъ духовенствомъ. Въ 892 году завязалась война между Святополкомъ и Арнульфомъ, тогда Викингъ нашелъ неудобнымъ оставаться въ Моравіи и сдѣлался секретаремъ Арнульфа.

5) Угры. Разложеніе моравской державы. Угорскій погромъ. 895—907 гг.

Заключенный Арнульфомъ въ 892 г. союзъ съ Уграми противъ Моравaнъ имѣлъ весьма печальныя послѣдствія для Нѣмцевъ и Славянъ: Уграмъ указана была дорога въ Паннонію и далѣе на западъ; для прохода ихъ открыта была линія укрѣпленій [1]). Лѣтописцы не щадятъ за это Арнульфа и порицаютъ его горькими упреками: «когда Арнульфъ не могъ побѣдить Святополка, мужественно ему сопротивлявшагося, открывши весьма сильныя укрѣпленія, пригласилъ на помощь Венгровъ, народъ безпокойный, дерзкій, способный на всякое злодѣяніе, ищущій лишь убійства и грабежей... Увы! слѣпое честолюбіе царя Арнульфа; увы! несчастный и жалкій день [2])!» «Они (Угры), прогнанные за Дунай и окруженные высокой насыпью, не могли дѣлать своихъ обычныхъ набѣговъ; въ царствованіе же Арнульфа разрушено укрѣпленіе, и открыта была дорога имъ, потому что разгнѣванъ былъ императоръ на Святополка, царя моравскаго [3])..... Сколько бѣдствій, сколько несчастій нанесли они имперіи Франковъ, свидѣтельствуютъ города и страны, еще и доселѣ необитаемыя».

Угры или Мадьяры относятся къ финскому семейству народовъ; жили они сначала на Дону, и были подчинены Хозарамъ. Уграмъ близко родственны нѣкоторые народы по Волгѣ, Уралу, Иртышу и Оби; въ средніе вѣка было нѣсколько попытокъ у Угровъ отыскать и вызвать къ себѣ своихъ родичей за Волгой и Камой [4]), но этому мѣшали цари московскіе. Съ теченіемъ времени, освободившись отъ хозарской зависимости, съ примкнувшею къ нимъ ордою Хабаровъ, Угры поселились на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго моря; здѣсь, занявъ земли между Карпатами, Дунаемъ и Чернымъ моремъ, вошли они въ сношенія съ кіевскимъ княжествомъ [5]).

---

[1]) Hormayr, Herzog. Luitpold, s. 2, anmerk. 1.

[2]) Liutprandi, Antapodisis, apud Pertz SS. III. 1, 5, 13.

[3]) Vidukindi, 1 19, apud Pertz III.

[4]) Büdinger, Oesterreichische Geschichte 1, ss. 213—14; Карамзинъ, Исторія государства россійскаго 1. прим. 302.

[5]) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, 1. стр. 10—11.

Скоро Греки и Нѣмцы обратили вниманіе на воинственный народъ; Нѣмцы воспользовались ихъ помощію противъ Славянъ въ 892 году, Греки противъ Болгаръ въ 893 г. Но вскорѣ затѣмъ ни Нѣмцы, ни Греки не имѣли силъ противиться этимъ сосѣдямъ, и болѣе 60 лѣтъ Угры наводили ужасъ и были бичемъ всей Европы.

Когда Угры явились въ Италію и Германію, съ ужасомъ смотрѣли на нихъ Европейцы. Это были чудовища небольшого роста, со смуглымъ лицемъ, съ глазами въ глубокихъ орбитахъ, съ гладко обстриженною головою и тремя косами, покрытые шкурами невиданыхъ звѣрей. Общественное устройство ихъ было племенное; скотоводство, охота и рыболовство удовлетворяли всѣмъ ихъ жизненнымъ потребностямъ. Главное богатство ихъ состояло изъ быковъ и лошадей, которые лѣтомъ и зимой паслись подъ открытымъ небомъ; со стадами передвигались и хозяева ихъ съ одного мѣста на другое. Лошадь съ дѣтства была неразлучнымъ товарищемъ каждаго Угра; на лошадяхъ они постоянно сидѣли, путешествовали, отдыхали, размышляли и разговаривали. Употребленія шерсти и тканей они не знали, умѣли только выдѣлывать кожи добываемыхъ на охотѣ звѣрей. Особенно обратило на себя вниманіе лѣтописцевъ военное искусство Угровъ. Съ шумомъ появлялись они на лошадяхъ, покрытыхъ желѣзными панцырями или попонами изъ звѣриныхъ шкуръ, съ дротикомъ за плечами, съ лукомъ и стрѣлами въ рукахъ. Въ метаніи стрѣлъ пріобрѣтали они съ дѣтства замѣчательное искусство; на всемъ скаку съ изумительною вѣрностію они попадали въ цѣль; избѣгали рукопашнаго боя и предпочитали биться съ непріятелемъ издали. Поэтому рѣдко они давали правильное сраженіе и еще рѣже предпринимали осаду укрѣпленій. Если непріятель спасался въ укрѣпленное мѣсто, они, спрятавшись, выжидали удобнаго случая захватить его, или отрѣзывали подвозъ съѣстныхъ припасовъ. Не большими сомкнутыми рядами нападали они, но раздѣленные на маленькіе отряды, и всегда оставляли часть войска въ засадѣ. Отъ того-то всѣ ихъ движенія отличались быстротою, и это давало имъ возможность сообщать борьбѣ новый и неожиданный оборотъ. Минутная побѣда обманывала непріятеля, и часто онъ, считая себя побѣдителемъ, при новомъ нападеніи, терпѣлъ жестокое пораженіе. Если непріятель былъ разбитъ и обращенъ въ бѣгство, не прежде переставали они преслѣдовать его, какъ немилосердно перебивъ до послѣдняго человѣка; потомъ возвращались собирать добычу. У нихъ была вѣра, что всѣ, павшіе на землѣ отъ ихъ меча, на небѣ будутъ служить имъ, какъ рабы; отъ того они не имѣли плѣнныхъ и ничто не могло спасти жизнь взятому ими въ схваткѣ [1]).

---

[1]) Характеристика Угровъ у Jirecek, Oesterreichische Geschichte für das Volk ss. 213—22; Giesebrecht, Gesch. d. Deutschen Kaiserzeit 1. ss. 169 — 70.

Вотъ эта-то дикая орда Угровъ была употреблена Нѣмцами противъ Славянъ; средство удалось, какъ нельзя болѣе: моравская держава пала подъ ихъ ударами, но Угры не удовлетворились Панноніей и Моравіей [1]).

894 г. Послѣ Святополка осталось три сына [2]); младшіе должны были владѣть своими удѣлами въ зависимости отъ старшаго брата, Мойміра II. Весьма въ тяжелыхъ обстоятельствахъ получилъ Моравію Мойміръ; война съ Арнульфомъ еще не была кончена, да и воевать счастливо съ Арнульфомъ могъ только опытный боецъ; Угры перешли изъ области по-тисской къ Дунаю, ворвались въ нижнюю Паннонію, производили здѣсь жестокія убійства и насилія. При такихъ обстоятельствахъ состоялся миръ у Нѣмцевъ со Славянами, осенью 894 г. По всему видно, что миръ былъ невыгоденъ для Моравіи; въ слѣдую-
895 г. щемъ году, въ серединѣ іюля, являются къ Арнульфу въ Регенсбургъ, всѣ князья чешскіе, бывшіе прежде подъ властію Святополка, клянутся ему въ вѣрности [3]) и дѣлаются его вассалами; въ тоже время Бодричи пришли къ нему съ дарами и просили у него мира. Святополковичи должны были молча смотрѣть на поступокъ Чеховъ и не обнаружили ничѣмъ своего недовольства: Арнульфъ скоро затѣмъ отправляется въ Италію, по приглашенію папы Формоза. Отпаденіе Чехіи, безнаказанное опустошеніе Панноніи, невыгодное перемиріе съ Арнульфомъ сразу обозначили отсутствіе сильной руки, правившей страною. Не ограничиваясь внѣшнимъ униженіемъ, Арнульфъ употреблялъ еще и другія средства къ болѣе вѣрному ослабленію Моравіи. Нужно вспомнить, что Викингъ, довѣренное лицо покойнаго моравскаго князя, домашній человѣкъ его, съ 893 г. является секретаремъ при дворѣ Арнульфа. Нетрудно предположить, что, зная хорошо и семейныя отношенія дома Святополкова, и внутреннее состояніе страны, онъ весьма много помогъ Арнульфу дѣйствовать въ Моравіи и скрытными путями. Нельзя сомнѣваться, что братская распря между моравскими князьями началась и поддерживалась при содѣйствіи и подстрекательствѣ Арнульфа; извѣстно, что князь Мойміръ высказывалъ Арнульфу свое неудовольстіе на то, что при нѣмецкомъ дворѣ принимаются его измѣнники. Внутреннія волненія въ Моравіи начались конечно вскорѣ по смерти Святополка; иначе трудно себѣ объяснить, почему такъ холодно и спокойно относился Мойміръ II къ отпаденію великихъ областей,

---

[1]) Vidukĭ. 1. 19.

[2]) У Константина Порфиророднаго въ De administr. imperio, c. 41, упоминается о трехъ сыновьяхъ; нѣмецкія хроники знаютъ только Мойміра и Святополка, напр. Annal. Fuld. a. 898; третій сынъ названъ у Дудика въ Mährens Geschichte, въ началѣ V главы, s. 320,—Святобоемъ; ср. Palacky, Dějiny 1, стр. 166, примѣч. 125.

[3]) Ann. Fuld. a. 895.

входившихъ въ составъ державы отца его. За переходомъ Чехіи въ зависимость Арнульфа слѣдуютъ сношенія Бодричей и потомъ отпаденіе Сербовъ [1]); Паннонія блатенская снова дѣлается нѣмецкой провинціей и ввѣряется Брацлаву [2]). Въ 897 г. открылась война между Чехами и Моравами, первые идутъ къ Арнульфу и просятъ его заступничества противъ враговъ своихъ, Моравъ. 897 г.

Восточная марка и наблюденіе за Моравіей поручены были Арнульфомъ маркграфу Люитпольду, его родственнику по матери. Люитпольдъ пользовался огромнымъ вліяніемъ и широкою властію, которая простиралась на восточную марку, Каринтію, Чехію и земли по Энжѣ [3]). Его обширную власть дѣлилъ съ нимъ графъ Арибо, братъ его [4]). Этотъ послѣдній, конечно, съ соизволенія Арнульфа, принималъ дѣятельное участіе во внутреннихъ волненіяхъ Моравіи, поддерживалъ императорскую партію, когда возникла жестокая усобица между Святополковичами [5]). Въ это время баварское войско вступило въ Моравію и опустошило большую часть страны; въ слѣдующемъ году повторилось подобное же вторженіе Баварцевъ. Императорская партія, представителемъ которой былъ Святополкъ, братъ Мойміра II, была слаба въ сравненіи съ національной; Святополкъ, осажденный въ одномъ городѣ, былъ освобожденъ только съ помощію баварскаго войска [6]). Тогда партія Мойміра или національная взяла перевѣсъ; положеніе ея не было еще затруднительно и въ 899 г., когда сынъ графа Арибо, Исанрихъ, открыто возсталъ противъ Арнульфа, сносился съ Мойміромъ и при его содѣйствіи утвердился въ маркѣ [7]). Больной Арнульфъ лично велъ противъ Исанриха войско, взялъ его въ плѣнъ; но по дорогѣ въ Регенсбургъ плѣнникъ нашелъ случай обмануть стражу и снова искалъ 898 г 899 г.

---

[1]) Ann. Fuld. a. 897.

[2]) Ibidem, a. 896.

[3]) Dümmler, Ueber die südöstlichen Marken, ss. 50—52; о вліяніи его свидѣтельствуютъ грамоты, приведенныя у Эрбена, напр. подъ № 57.

[4]) Terminalis comes (Арибо) въ грамотѣ у Эрбена, подъ № 53; fratres marchiones suos Luitpoldum et Aribonem—Hormayr, Herzog Luitpold, Anmerkungen, s. 2.

[5]) Ann. Fuld. a. 898.

[6]) Ibidem, a. 899.

[7]) Ann. Fuld. a. 899. Что положеніе Моравіи тогда было совсѣмъ еще не отчаянное, видно какъ изъ обстоятельствъ съ Исанрихомъ, такъ и изъ дальнѣйшихъ попытокъ Мойміра къ церковному устройству Моравіи. Не отпаденіе Чехіи, не потеря Панноніи, не усобицы въ княжескомъ домѣ погубили Моравію, а интриги Нѣмцевъ и Угры. Дудикъ весьма много значенія придаетъ первымъ обстоятельствамъ. Моравія, по его словамъ, пала бы сама собою, и безъ Угровъ, см. Mährens allgemeine Geschichte 1, 320—25; 345. Мойміръ II не терялся въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, сознательно ослаблялъ нѣмецкую партію въ Моравіи и, какъ только нашелъ время, возстановилъ церковное управленіе; въ пользу Мойміра отзывается Палацкій, Dějiny 1. стр. 167—8.

покровительства у моравскаго князя. И по смерти Арнульфа, [1]) даже
900 г. въ виду грозящей опасности отъ Угровъ, Баварцы, въ союзѣ съ Чехами, предпринимали походъ на Моравію, три недѣли безпощадно жгли и грабили ее; только равно обоимъ врагамъ угрожавшая опасность отъ Угровъ заставила ихъ подумать объ мирѣ въ 901 г. [2]).

Весьма отрывочныя и неполныя извѣстія фульдскихъ лѣтописей объ отношеніяхъ Нѣмцевъ къ Славянамъ при дѣтяхъ Святополка восполнятся частію документомъ, происхожденіе котораго обязано поднятію церковнаго вопроса въ Моравіи. Въ послѣдній годъ жизни Святополка Викингъ оставилъ Моравію, въ которой онъ семь лѣтъ управлялъ церковными дѣлами на правахъ паннонскаго архіепископа; онъ занялъ при Арнульфѣ должность придворнаго канцлера, а потомъ, въ 898 г., при посредствѣ того-же Арнульфа, получилъ пасовскую епископскую каѳедру. Явленіе весьма странное въ церковныхъ лѣтописяхъ, что духовное лице съ архіепископской каѳедры переходитъ на епископскую [3]). Паннонская каѳедра оставалась незамѣщенною съ 893 г. Смуты въ Моравіи по смерти Святополка, сопровождавшіяся частыми походами Баварцевъ, давали Нѣмцамъ надежду, что и церковная, и политическая независимость Моравіи клонится уже къ упадку, что скоро настанетъ время господства ихъ въ Моравіи, какъ это было въ 870 или 871 гг. Когда въ 901 г. заключали они миръ съ Моравами, въ переговорахъ принималъ участіе назначенный вмѣсто Викинга на пасовскую каѳедру епископъ Рихгаръ,—вѣроятно тогда дѣло шло и о церковномъ положеніи Моравіи, ея подчиненіи зальцбургскому архіепископу [4]).

Понятно, какъ должно было обезпокоиться нѣмецкое духовенство при неожиданномъ вмѣшательствѣ папы Іоанна IX въ дѣла моравской церкви. Вѣроятно по просьбѣ Мойміра II, папа отправилъ въ Моравію архіепископа и двухъ епископовъ; они должны были устроить запутанныя церковныя дѣла въ Моравіи и образовать изъ нея церковную провинцію, въ зависимости отъ папскаго престола. Какъ происходило это дѣло, мы не знаемъ; сохранилось только письмо баварскаго духовенства, вызванное папскимъ распоряженіемъ. Время составленія этого замѣчательнаго посланія относится къ промежутку времени между 21 января и серединою іюля 900 г. [5]). Оно составлено на собраніи всего духовенства,

---

[1]) Арнульфъ умеръ 8 декабря 899 года.

[2]) Ann. Fuld. a. 901.

[3]) Vibingus, Alamannus quidam, contra instituta patrum, primum Maravensis ab apostolico destinatus episcopus, rege concedente successit (Энгильмару на пассовской каѳедрѣ). Sed non multo post a Deotmaro archiepiscopo... canonicali iudicio abiectus est — Ann. Fuld. a. 899.

[4]) Ann. Fuld. a. 901.

[5]) 21 января вступилъ на престолъ Людовикъ Дитя, упоминаемый въ посланіи, въ серединѣ іюля умеръ Іоаннъ IX.

потому что подписались подъ нимъ архіепископъ и пять его суффрагановъ; это могло быть въ Рисбахѣ, гдѣ, какъ показываетъ одинъ документъ, было въ томъ году собраніе дворянства и духовенства, возвращавшагося изъ похода на Моравію, предпринятаго въ союзѣ съ Чехами [1]). Весьма любопытно сопоставить посланіе 900 г. со всѣмъ тѣмъ, что мы знаемъ объ отношеніяхъ Нѣмцевъ къ паннонской архіепископіи и моравскимъ Славянамъ. Тутъ холодно и безъ стыда отрицаются общеизвѣстные факты; искажаются событія и выступаютъ наружу безчестныя отношенія Нѣмцевъ къ Славянамъ. Вся исторія Святополка моравскаго и архіепископа Меѳодія лишена въ этомъ памятникѣ всякаго значенія для государственной жизни Моравіи и представляется временемъ мятежа, анархіи и языческаго отступничества. Но послушаемъ самихъ нѣмецкихъ епископовъ [2]). «Пришли отъ васъ, пишутъ они папѣ, три епископа: Іоаннъ архіепископъ и епископы Бенедиктъ и Даніилъ въ землю Славянъ, называемыхъ Моравами; но земля эта со всѣми ея обитателями подвластна королямъ нашимъ и народу нашему, и намъ, какъ въ церковномъ отношеніи, такъ и относительно дани: ибо мы обратили ихъ и сдѣлали изъ язычниковъ христіанами. Поэтому-то пасовскій епископъ, въ епархіи котораго находится земля этого народа, съ самаго обращенія ихъ въ христіанство, когда хотѣлъ и когда требовали того обстоятельства, безъ всякаго препятствія являлся туда, неоднократно созывалъ синоды изъ своего и тамошняго духовенства, и съ полномочіемъ исправлялъ все, что нужно было, и никто не сопротивлялся ему открыто. И наши маркграфы, пограничные той землѣ, дѣлали тамъ постоянно свои собранія, налагали наказанія и собирали подать, и нигдѣ не встрѣчали сопротивленія [3]); но вотъ овладѣлъ діаволъ сердцами ихъ (Моравъ), и они оставили христіанство, уклонились отъ всякой правды, начали вызывать къ борьбѣ и жестоко отбиваться, такъ что и епископамъ, и проповѣдникамъ заградили путь туда, и дѣлали они по произволу своему, что

---

[1]) Dümmler, Ueber die südöstlichen Marken, s. 58, примѣч. 3.

[2]) Такъ какъ посланіе это написано слишкомъ въ партіозномъ духѣ, и представляетъ идеалы противоположной партіи, то не безопасно пользоваться его данными для исторіи Моравіи. Оно и должно разсматриваться какъ источникъ для исторіи Моравіи только съ весьма большимъ ограниченіемъ; провѣркою его должны служить сухія замѣтки лѣтописца; издано у Эрбена, подъ № 54, у Гинцеля въ кодексѣ, у Бильбасова, Кириллъ и Меѳ., ч. I. стр. 143 — 9.

[3]) Очевидно, все это чистая ложь: только въ 870 и 871 г. могли пасовскіе епископы имѣть претензію на управленіе въ Моравіи; въ послѣдующее же время, когда Моравія добыла себѣ политическую и церковную независимость, этого не могло быть. Отцы совершенно опустили изъ виду договоры 874 и 884 годовъ, безславные для Нѣмцевъ; о правахъ маркграфовъ въ Моравіи — тоже чистая выдумка; мы видѣли, что даже при Моймірѣ II графъ восточной марки, Исанрихъ, держитъ себя

хотѣли [1]). Нынѣ же, что̀ кажется намъ грустнымъ и невѣроятнымъ, къ бо̀льшему оскорбленію еще хвастаютъ, что сто̀или имъ эти епископы немало денегъ»... Далѣе указывается на незаконность распоряженій посланныхъ папою епископовъ въ чужой епархіи... «Предшественникъ вашъ при князѣ Святополкѣ посвятилъ епископа Викинга. Но онъ не поручилъ ему той древней пасовской епископіи, а послалъ къ новообращенному народу, покоренному княземъ. Когда ваши легаты вошли въ близкія отношенія съ этими Славянами, то они обвиняли насъ и безславили, клеветали, сколько могли, потому что не кому было защищать насъ.., наговаривали, что мы и съ ними не ладимъ;—хотя это правда, но причина неудовольствій заключается не въ насъ, а въ ихъ испорченности. Когда начали они нерадѣть къ христіанству, отказались платить государямъ королямъ нашимъ и ихъ чиновникамъ опредѣленную дань и взялись за оружіе; тогда вспыхнулъ у нихъ мятежъ. И если позволительно обращать въ рабство покоренныхъ оружіемъ, то, въ силу военнаго права, волей-неволей они должны будутъ подчиниться нашему царству. Поэтому мы препоручаемъ вамъ быть осмотрительными и предпочитать другимъ мѣрамъ мѣры уравновѣшивающія, чтобы рабское племя не усиливалось на счетъ благороднаго. Императоры и короли, предки свѣтлѣйшаго государя нашего Людовика, произошли отъ христіанскаго народа Франковъ, моравскіе же Славяне произошли отъ презрѣнныхъ язычниковъ. Тѣ могущественно охраняли римскую республику, эти грабили ее; тѣ укрѣпляли христіанское царство, эти ослабляли его; тѣ весь міръ наполнили славой, эти прячутся за стѣнами въ селеніяхъ своихъ; сила тѣхъ поддерживала апостольскій престолъ, отъ набѣговъ этихъ страдало христіанство». Между разными дурными качествами Славянъ выставляютъ: «они приняли къ себѣ огромное множество Угровъ, по обычаю ихъ обстригли свои лжехристіанскія головы, и натравили ихъ на насъ христіанъ, да и сами нападали: и однихъ уводили въ плѣнъ, другихъ убивали, иныхъ томили въ темницахъ жестокимъ голодомъ и жаждою, безчисленное множество довели до раззоренія, и славныхъ мужей, и честныхъ женъ осудили на рабство, церкви Божіи сожгли и

довольно независимо отъ Арнульфа, заключаетъ союзъ и ищетъ поддержки въ Моравіи; да и ранѣе графы восточной марки чаще заключаютъ союзы съ Моравіей, чѣмъ остаются вѣрными нѣмецкому королю. Впрочемъ, Мораване, живущіе на границахъ нѣмецкихъ марокъ, судились во все время судомъ маркграфскимъ, какъ показываетъ грамота Арнульфа отъ 898 года на право суда надъ Моравами въ жупѣ Крушвицы, помѣщенная у Эрбена подъ № 53 и др.

[1]) Съ этой точки смотрятъ нѣмецкіе епископы на періодъ политической и церковной независимости Славянъ; ср. съ этимъ письмо папы Стефана VI въ концѣ предшествующей главы.

всѣ зданія истребили; такъ что во всей Панноніи, нашей огромной провинціи, едва-ли найдется одна церковь, что̀ могутъ подтвердить епископы, посланные вами, еслибы они захотѣли сказать правду, много путешествовавшіе и видѣвшіе всю раззоренную землю. Когда же мы узнали, что Угры вторглись въ Италію, видитъ Богъ, какъ искренно мы желали помириться со Славянами, обѣщая имъ во имя Всемогущаго забвеніе всѣхъ бѣдъ, намъ нанесенныхъ, и возвращеніе всего, что̀ оказалось бы у насъ принадлежавшее имъ; мы желали, чтобы они пощадили насъ хоть на то только время, пока мы будемъ въ походѣ въ Ломбардію, чтобы защищать престолъ св. Петра и съ Божіею помощію освобождать народъ христіанскій [1])... Общая скорбь и великая печаль обдержитъ всѣхъ жителей Германіи и Норика о томъ, что единство церкви нарушено.., одно епископство раздѣлилось на пять».

Неизвѣстно, какія послѣдствія имѣлъ этотъ протестъ, отозвался ли на него папа, или нѣтъ. Видно, что главная цѣль посланія была доказать неотъемлемость правъ зальцбургской церкви на Панноніи. Потому нѣтъ никакого намека на распоряженія Николая I и Іоанна VIII относительно славянской церкви, проходится молчаніемъ и апостольская дѣятельность архіепископа Меѳодія. Каѳедра его болѣе 10 лѣтъ оставалась не занятою, латинскому духовенству удалось уже ранѣе заподозрить, въ глазахъ папъ, Меѳодія, такъ что вся его дѣятельность, съ этой точки зрѣнія, могла считаться неправильною и ничтожною. Труднѣе было обойти епископство Викинга, тутъ сдѣланъ замѣчательный изворотъ: Викингъ совершенно выдѣленъ изъ занимающаго ихъ вопроса, онъ посвященъ былъ вовсе не въ область, принадлежавшую пасовской каѳедрѣ, но къ новопросвѣщенному народу, только что укрощенному войною и обращенному изъ язычества въ христіанство; отсюда заключаютъ, что онъ не былъ епископомъ суффраганомъ и его область не стоитъ въ связи съ каѳедрой пасовской и Моравіей [2]). Не совсѣмъ въ чистомъ свѣтѣ рисуется здѣсь и римская курія; въ двухъ мѣстахъ посланіе даетъ право предполагать подкупъ ея. Зная, что матеріальныя выгоды руководили римскою куріею почти во всѣхъ столкновеніяхъ ея со Славянами, что сборъ дани со Славянъ является весьма выдающимся фактомъ въ самомъ посланіи нѣмецкаго духовен-

---

[1]) Сопоставьте слѣдующія извѣстія, чтобы опредѣлить, насколько есть тутъ правды: Ann. S. Gallens. major. et Annal. Alamanici a. 899: Agareni Italiam intraverunt; походъ Угровъ въ Италію былъ весною 899 и продолжался до 900 года; около этого же времени предпринимали Баварцы два похода на Моравію, одинъ 898 года, другой, продолжавшійся три недѣли, 899 г.; въ 900 году Угры вторгаются уже въ Панноніи и Нѣмцамъ нечего было заботиться объ Италіи; см. Ann. Fuldenses подъ указанными годами.

[2]) Между тѣмъ извѣстно, что именно въ Нитрѣ, каѳедральномъ городѣ Викинга, зальцбургскій архіепископъ Адальрамъ святилъ церковь (около 836 года).

ства, мы не имѣемъ причинъ сомнѣваться именно въ такомъ объясненіи слѣдующихъ мѣстъ. «Варварскіе набѣги язычниковъ не позволили ни самому мнѣ представить вамъ, ни чрезъ другихъ послать причитающіеся сборы. Но такъ какъ по милости Божіей Италія освобождена, то, при первой же возможности, обѣщаюсь препроводить ихъ къ вамъ». Въ этомъ обстоятельствѣ нельзя не признать по крайней мѣрѣ нѣкотораго объясненія, что папа легко примирился съ притязаніями зальцбургскаго духовенства на Моравію и Паннонію [1]). Другое обстоятельство, наводящее на тоже предположеніе, это *хвастовство* Мораванъ, что̀ имъ не мало-таки стоили эти епископы.

И изъ этого письма, и изъ фульдскихъ лѣтописей видно, что до 899 года Моймiръ II еще не терялъ надежды на благопріятный исходъ дѣлъ: онъ обращался къ папѣ, просилъ его о высылкѣ епископовъ для устройства страны, вошелъ даже въ сношенія съ Уграми и нанималъ ихъ въ военную службу, имѣлъ еще силу поддерживать нѣмецкаго маркграфскаго сына въ его стремленіяхъ утвердиться въ маркѣ [2]); главнаго врага онъ видѣлъ въ Нѣмцахъ. И дѣйствительно, занятый и ослабляемый вторженіями Нѣмцевъ (898—901 г.), онъ не могъ ни сдѣлать приготовленій, ни выставить достаточной силы противъ Угровъ.

Послѣ вторженія въ Паннонію въ 894 г., Угры до 900 г. не имѣютъ столкновеній со Славянами; можетъ быть Моймiръ уступкою нѣкоторыхъ областей принужденъ былъ купить у нихъ миръ, чтобы выдержать внутреннюю борьбу съ нѣмецкой партіей, и потомъ внѣшнюю съ Баварцами [3]). Возвратившись изъ похода на Италію, Угры отправляютъ въ Регенсбургъ посольство ко двору Людовика Дитяти; но предложенія ихъ не были приняты [4]). Тогда двумя отрядами идутъ они на Паннонію и вост. марку; одинъ отрядъ опустошилъ Паннонію, другой прошелъ Баваріей до Энжи. Герцогъ Люитпольдъ, могущественный маркграфъ всѣхъ славянскихъ марокъ въ то время [5]), поспѣшилъ на встрѣчу врагу и разбилъ его на лѣвомъ берегу Дуная. Повторяется постепенный и сильный напоръ Угровъ на Моравію и Паннонію; они осаживаются въ Хорутаніи въ 901 году, отъ Тиссы доходятъ до Мора-

---

[1]) Снеси у Лавровскаго, стр. 488—98.

[2]) Ann. Fuldens. a. 899.

[3]) На довольно дружелюбныя отношенія съ Уграми указываютъ слова посланія баварскаго духовенства, что Славяне принимали Угровъ въ военную службу и перенимали ихъ обычаи (стриженіе волосъ); ср. Palacky Dějiny 1, стр. 171.

[4]) Есть предположеніе, что Угры были подкуплены для вторженія въ Италію; намекъ на это есть и въ письмѣ баварскаго духовенства; ср. Дудикъ, Mährens allgem. Geschichte, 1. 347.

[5]) Herzog Luitpold, s. 4 Anmerkungen; вообще здѣсь собраны и оцѣнены всѣ извѣстія о походахъ Угровъ.

вы,... и вскорѣ затѣмъ имя Моравіи безслѣдно пропадаетъ изъ лѣтописей. Не сохранилось извѣстій, что̀ предпринималъ противъ Угровъ князь Мойміръ, не знаемъ даже, когда Угры одержали надъ нимъ рѣшительную побѣду. Есть основанія думать, что общая опасность отъ Угровъ сблизила Нѣмцевъ и Славянъ [1]), что моравскій князь палъ въ той же битвѣ съ Уграми, въ которой и герцогъ Люитпольдъ. Изъ тогдашнихъ людей только герцогъ Люитпольдъ понималъ всю опасность угорскаго сосѣдства. Послѣ сраженія съ Уграми въ 900 году, онъ сейчасъ же приступаетъ къ сооруженію крѣпости на Энжѣ—Энсбурга [2]), дѣлается опекуномъ короля Людовика; другой королевскій родственникъ, графъ Сигхартъ, строитъ крѣпость Эберсбергъ на Иннѣ. Но многіе не думали о грозящей опасности; при дворѣ заняты были соперничествомъ и распрями, Людовикъ разбиралъ ссоры и мирилъ своихъ любимцевъ [3]). Набѣги угорскіе какъ будто нисколько не измѣнили существующаго порядка: на Дунаѣ все еще происходила живая и дѣятельная торговля. Король Людовикъ, по жалобамъ баварскихъ епископовъ, аббатовъ и графовъ на незаконныя притѣсненія относительно таможенной пошлины, поручилъ маркграфу Арибо съ другими чиновниками восточной марки изслѣдовать это дѣло. Королевскими повѣренными были архіепископъ Титмаръ, епископъ Бурхардъ и графъ Оттокаръ. На собраніи въ Раффельштеттинѣ они наводили справки о томъ, какія были пошлины на Дунаѣ со времени Людовика нѣмецкаго до Арнульфа: *ибо обычная дань и должна была сдѣлаться законною* [4]). Раффельштеттинскій торговый договоръ, любопытный вообще для исторіи торговли и производительности въ придунайскихъ странахъ, показываетъ, что между 903 годомъ (смертью епископа Рихара пасовскаго) и 907 (большою угорскою битвой) Дунай былъ открытъ для свободной торговли Нѣмцамъ и Славянамъ, и что между тѣми и другими были тогда мирныя отношенія.

Баварцы сдѣлали непростительную ошибку, вооружившую Угровъ и ускорившую кровавую развязку. Они пригласили къ себѣ на пиръ начальниковъ угорскихъ и умертвили ихъ. Въ 907 году произошла 907 г.
ужасная битва Нѣмцевъ съ Уграми; объ отдѣльной битвѣ ихъ съ Моравами не упоминается въ лѣтописяхъ. Остается предполагать, что тамъ же, гдѣ палъ цвѣтъ нѣмецкаго дворянства и духовенства, тамъ же и Моравне оставили свои лучшія силы, потерпѣвъ полное пора-

---

[1]) Документъ о пошлинѣ на Дунаѣ, помѣщенный у Эрбена подъ № 58.
[2]) Annal. Fuld. a. 900.
[3]) Büdinger, Oesterreichische Geschichte, s. 222.
[4]) Erben, Regesta, № 58.

женіе [1]). Самостоятельность Моравіи пала, населеніе ея весьма ослаблено, Угры заняли всю ея территорію. «По смерти Святополка... Угры совершенно истребили Мораванъ, заняли страну ихъ и владѣютъ ею до настоящаго времени», писалъ Константинъ Порфирородный; одна часть населенія, пережившаго этотъ погромъ, разбѣжалась по сосѣднимъ странамъ, особенно къ Болгарамъ, Туркамъ и Хорватамъ [2]).

---

[1]) Подробное описаніе этой битвы у Авентина сомнительно по отношенію къ источникамъ, на основаніи которыхъ оно составлено. См. Dümmler, Ueber die südöstl. Marken прибавленіе IV; Hormayr, Herzog Luitpold, Anmerkungen, ss. 5—6, 907 и 908 годы; лѣтописныя извѣстія находятся въ Annal. S. Gallens. Major. a. 908, Ann. Alaman. a. 907; Continuat. Reginonis a. 907; дальнѣйшіе походы Угровъ на Баварію и Саксонію приведены сполна у Гормайра въ указанномъ сочиненіи.

[2]) У Константина Порфиророднаго объ опустошеніи Моравіи въ XLI, XIII, XXXVIII и XL главахъ (De administrando imperio); сравни Дюммлера, въ Archif für Kunde Oesterreichisch. Geschichts — quellen статью Die Pannonische Leg. и въ ней Excurs Über die Nationalität der alten Mährer.

III. ОБЪЕДИНЕНІЕ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ ПОДЪ ЧЕШСКИМИ КНЯЗЬЯМИ. 895—999 гг.

1) Собираніе чешской земли [1]).

Чехія не сразу явилась цѣльнымъ, единымъ государствомъ, управляемымъ князьями Премысловцами. Первоначальная внутренняя исторія Чехіи представляетъ, на сколько можно судить по туземнымъ источникамъ, ту существенную особенность, что однѣ изъ ея частей стремились къ самостоятельности и независимости, другія насильно или по договору притягивались къ одному центру — старой области князей рода Премыслова. Чужеземные лѣтописцы отмѣчали лишь внѣшнія явленія жизни славянскихъ государствъ, и при томъ только тѣ изъ нихъ, которыя вели къ столкновенію Славянъ съ иностранцами; внутреннія же событія, упорная и продолжительная работа, подготовлявшая ихъ и совершавшаяся на почвѣ славянскихъ народовъ, были ими или не досмотрѣны, или оставлены безъ вниманія. Мы уже имѣли случай убѣдиться, какъ неполна, непонятна и въ сколькихъ предположеніяхъ нуждается лишь на иностранныхъ источникахъ основанная исторія государства моравскаго. Нѣсколько счастливѣе въ этомъ отно-

---

[1]) Источники. Cosmas, Chronica Boemorum, ap. Pertz, SS. IX. Зеленогорская рукопись, изд. Шафарика и Палацкаго въ Die ältesten Denkm. d. Böhmisch. Sprache. Краледворская рукопись, изд. Некрасова, Спб. 1872 г. Жизнеописанія: 1) св. Вячеслава, изд. Востокова, такъ же Ганки въ Casop. 1830 г. и у Pertz Scr. IV. 2) Людмилы, изд. Ваттенбаха въ Beiträge zur Geschichte; Менкена въ SS. rer. Germanic. III. p. 1808. 3) Св. Войтѣха, изд. Pertz SS. IV. Пособія. Важнѣйшія—труды профессора Томка, рядъ статей, помѣщенныхъ въ Casopis—Ceského Museuma; Apologie

шеніи, что касается до занимающей насъ эпохи, народъ чешскій. Кромѣ иностранныхъ лѣтописей, гораздо болѣе численныхъ, чѣмъ для исторіи Моравіи, сохранились еще для исторіи Чехіи свидѣтельства туземныя. Понятно, что, при пособіи этихъ послѣднихъ источниковъ, свѣдѣнія наши могутъ быть полнѣе и изложеніе отчетливѣе. Предметомъ первой главы будетъ разсказъ о томъ, какимъ образомъ отдѣльныя части Чехіи мало по малу сливались въ одну государственную единицу. Она должна служить дополненіемъ къ исторіи Моравіи, такъ какъ объ объединеніи Моравіи не сохранилось никакихъ извѣстій, да и вообще многія явленія моравской жизни могутъ быть объяснены только сравненіемъ ихъ съ подобными же явленіями у другихъ славянскихъ народовъ.

Каждое славянское государство постепенно слагалось изъ весьма мелкихъ частей: родовъ, общинъ, колѣнъ, первоначально жившихъ самостоятельно. Эпоха родового быта кроется въ глубокой древности, слѣды общиннаго устройства видны въ древнихъ юридическихъ памятникахъ славянскаго племени. Роды и общины, сливаясь, образуютъ одно государство, одинъ народъ. Въ IX в. Чехія раздѣлена была на множество колѣнъ, изъ которыхъ каждое имѣло своего старшину, стремилось къ достиженію собственныхъ выгодъ и представляло отдѣльное, въ себѣ замкнутое цѣлое. Древнее устройство общественной славянской жизни предполагаетъ отдѣльнаго представителя не только въ каждомъ славянскомъ колѣнѣ, но и представителей или старшинъ въ каждомъ родѣ и семьѣ, входящихъ въ составъ его. «Всякій управляетъ своей челядью.., а если умретъ глава рода, дѣти.... выбираютъ себѣ изъ роду владыку.» Родовой старшина заправлялъ внутренними дѣлами рода, заботился объ его благосостояніи и сохраненіи его правъ въ отношеніяхъ съ другими родами; платилъ подати, ходилъ въ общественныя собранія, и имѣлъ голосъ за весь свой родъ. Когда, при размноженіи членовъ рода, забылась между ними родовая связь, тогда произошла община, представлявшая тоже какъ бы одно цѣлое, владѣвшее извѣстною собственностію, имѣвшее своего представителя. Таковы были извѣстныя въ IX вѣкѣ жупы и представители ихъ жупаны, подчиненные князю и управлявшіе, въ зависимости отъ него, своею жупой. Все общественное устройство Чехіи времени князей Премысловцевъ основывалось главнымъ образомъ на раздѣленіи земли на жупы или краи. Оно не обусловливалось, однако, волею князя, но было стародавне, какъ плодъ самой жизни

---

der ältest. Gesch. Böhmen, помѣщенная въ Abhandlung. der königlich. böhmisch. Gesellsch. Prag. 1865; Jirecek, Slowanské Pravo v Cechach a na Morave; Wocel, Pravek zeme Ceské, v Praze. 1866, Druhé oddeleni; Palacky, Dejiny národu Ceského. W Praze. 1848.

славянской. Каждое колѣно, образовавшее чешскій народъ, заключало въ себѣ нѣсколько жупъ, смотря по численности его, и каждая жупа имѣла свой отдѣльный жупный городъ и свое управленіе. Весьма вѣроятно, что не всѣ колѣна въ одно и тоже время поселились въ Чехіи. [1]) Нѣкоторыя изъ нихъ, занявъ лучшія и плодороднѣйшія мѣстности, должны были скоро усилиться и оказать вліяніе на сосѣдей, пользовавшихся менѣе благопріятными условіями.

---

[1]) Принято поселеніе Славянъ въ Чехіи относить ко времени послѣ 451 года по Р. Хр., когда Маркоманны и ихъ сосѣди, Квады, примкнули къ огромному войску Аттилы, направлявшемуся въ Галлію, и когда въ Чехіи осталось только небольшое число ихъ, легко подчиненное новыми поселенцами—Palacky, Dejiny národu Ceského 1. str. 91 — 2. Въ 494 году часть Геруловъ, въ слѣдствіе понесеннаго ею пораженія отъ Лонгобардовъ, искала новыхъ мѣстъ поселенія на сѣверѣ, при этомъ она проходила черезъ земли, заселенныя Славянами, получивъ отъ нихъ свободный пропускъ; Procopius, De bello Gothico. 11, 15. Но невѣроятно, чтобы всѣ колѣна, образовавшія чешскій народъ, поселились въ одно и тоже время. У Косьмы пражскаго, древнѣйшаго свидѣтеля о жизни Чеховъ, сохранились преданія, касающіяся только колѣна, поселившагося близъ Праги и называемаго Чехами; другія колѣна и другія мѣстности входятъ въ исторію постепенно, теряя свою особность и втягиваясь мало-по-малу въ область князей пражскихъ. До тѣхъ поръ, нужно полагать, каждое колѣно жило отдѣльною жизнію, на отдѣльной территоріи, не стоя въ связи съ колѣномъ Чеховъ пражскихъ. Можно представить положительныя доказательства въ пользу того, что было нѣсколько осадковъ поселеній въ Чехіи. Съ появленіемъ Аваръ начинаются враждебныя столкновенія ихъ со Славянами. Дулѣбы испытали всю тяжесть аварскаго ига; но Дулѣбы сосѣдили съ Бужанами и занимали земли по рѣкѣ Стыру. Скоро они совсѣмъ исчезаютъ изъ указаннаго мѣста, гдѣ, вмѣсто нихъ, появляются Волыняне и Хорваты. Потомъ мы встрѣчаемъ Дулѣбовъ въ Чехіи, уже занятой другими колѣнами, они поселились въ южныхъ ея частяхъ и выстроили города на востокъ отъ Волтавы. «Сказанное о поселеніи Дулѣбовъ, говоритъ Лелевель, покажется гипотезой для тѣхъ, которые возводятъ населеніе Чехіи ко временамъ болѣе отдаленнымъ; но и ихъ мнѣніе не менѣе предположительно, если они хотятъ очень рано запереть входъ въ Богемію для другихъ племенъ; колонизація совершается послѣдовательно. La colonisation par de petits trains de cultivateurs innomés, connus par leur appellation générique de Vendes, s'opérait lentement; pour une colonisation nationale il faut un vénement; elle ne distille pas goutte à goutte, ordinairement elle se consomme à la fois. La Bohême peuplée par ces deux sortes de colonisations, contient plusieurs assiettes nationales, dont celle des Doulèbes est une de plus prononcées. Pour elle il fallait un événement, l'histoire en présente un, il-n'y-a pas lieu d'inventer un autre... L'apparition successive des Doulèbes est trop compacte, pour n'être pas la conséquence ou d'une double existence, ou d'un déplacement par quelque événement... Le gros de la nation reparût en Bohême accompagné probablement de Chrobates, qui voulurent partager son sort». Lelevel. Géographie du moyen âge. T. III, p. 37—8. Можно допустить, что и другія колѣна, избѣгая чужеземнаго господства, разселялись въ разныя стороны. Что движеніе Славянъ совершалось въ продолжительный періодъ времени, важное свидѣтельство на это имѣется у Константина Порфиророднаго въ разсказѣ его о переселеніи Сербовъ и Хорватовъ на югъ изъ Бѣлосербіи и Бѣлохорватіи, т. е. изъ странъ за Карпатами. De administrando imperio, cc. XXX, XXXI.

Чехами собственно называлось колѣно, поселившееся близъ Праги. Это было болѣе сильное колѣно, ранѣе другихъ выступившее на историческое поприще. Оно рѣзко отличается отъ другихъ, сосѣдавшихъ съ нимъ колѣнъ, входитъ съ ними въ непріязненныя отношенія, имѣетъ свои опредѣленныя границы. Занимало оно середину земли, между рѣками Огрой и Волтавой [1]). Около этого колѣна и территоріи, имъ занимаемой, сосредоточиваются народныя чешскія преданія, сохранившіяся у Косьмы и въ пѣсняхъ. На горѣ Рипѣ [2]) остановился Чехъ со своими полками [3]), и заложилъ здѣсь поселеніе. Въ лѣсахъ збѣченскихъ стоялъ Краковъ, городъ, поросшій лѣсомъ во время Косьмы, отечественный городъ Крока, перваго извѣстнаго властителя Чехіи, *человѣка совершенно безупречнаго* [4]). Тета строитъ Тетинъ, укрѣпленный замокъ, на скалѣ, возвышавшейся надъ рѣкою Мжею. Любуша, *лучшая между женщинами, предусмотрительная въ совѣтѣ...., въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ ни съ кѣмъ несравнимая..*, построила на краю лѣсовъ збѣченскихъ городъ Любушинъ; Кази воеводила изъ города на Осѣкѣ; еще во время Косьмы можно было видѣть высокій холмъ на рѣкѣ Мжѣ,—насыпанный въ память правленія Кази [5]). Любушѣ приписывается и устройство Праги, *города славою до звѣздъ превозносящагося* [6]). Не далеко отъ Праги было поле турское, на которомъ при Некланѣ происходила битва между Чехами и Властиславомъ лучанскимъ; въ Лѣвомъ-Градцѣ Некланъ и его приближенные, запуганные Властиславомъ, ожидали исхода сраженія между Чехами и Лучанами [7]); тутъ была построена первая христіанская церковь въ Чехахъ. Въ Будечѣ, въ полутора миляхъ отсюда, учился латинскимъ книгамъ св. Вячеславъ [8]). Центромъ колѣна чешскаго и столицею князей его былъ Вышеградъ; противъ него, на лѣвомъ берегу Волтавы, Дѣвинъ [9]). Земля, заселенная Чехами, раздѣлялась на девять жупъ, въ каждой жупѣ

---

[1]) Cosmas, Chronica Boemorum. L. I. c. 2. ap. Pertz, Script. IX.

[2]) Mons s. Georgii inter ostia Egrae et Moldavae fluviorum situs — замѣчаніе при Перцевомъ изданіи Косьмы 1. 2.

[3]) Рукопись Зеленогорская: Stara roda Tetvy Popelova, jen-ze pride s plky s Cechovymi; полкъ здѣсь однозначуще съ родомъ—племенемъ, какъ показываетъ употребленіе этого слова въ другихъ случаяхъ. О различныхъ терминахъ къ обозначенію различныхъ понятій, относящихся къ роду, старшинѣ, общинѣ, см. Jirecek, Slovanské Pravo, § 15, str. 70 — 74; Шафарикъ и Палацкій, Die ältesten Denkmäler der Böhmischen Sprache, объясненіе къ стиху 25.

[4]) Vir ad unguem perfectus... Cosmae 1. 3.

[5]) Cosmae, 1. 4

[6]) Ibidem 1. 9.

[7]) Cosmae, 1. 10; сравни пѣсню Властиславъ и Честиміръ.

[8]) Житіе Вячеслава, изд. Востокова.

[9]) Cosmae, 1. 10.

былъ свой городъ, по которому она и называлась [1]). Граничили Чехи къ сѣверо-западу и сѣверу съ колѣномъ Лучанъ.

Лучане стоятъ отдѣльно отъ Чеховъ, какъ другое, не принадлежавшее къ нимъ колѣно [2]); это было могущественное колѣно, гордаго характера, обладавшее большимъ воинственнымъ задоромъ. Во время Косьмы помнили еще воинственнаго Властислава, князя лучанскаго, *человѣка чрезвычайно коварнаго... Часто онъ нападалъ на Чеховъ и, сопутствуемый марсомъ и религіозными ауспиціями*, всегда побѣждалъ ихъ; землю Чеховъ опустошалъ пожарами, убійствомъ и грабежемъ. Зерно Лучанъ было въ жупѣ жатецкой (Satec), въ *мѣстности, называемой Лука, прекрасной на видъ, весьма плодородной, на широкое пространство покрытой пастбищами.., сильно населенной*. Страна Лучанъ раздѣлялась на пять жупъ. Безъ сомнѣнія у Лучанъ было не мало и городовъ, но они всѣ были уничтожены, когда Чехи при Некланѣ одержали надъ ними верхъ. Города, построенные здѣсь Чехами, были Драгушъ [3]), на берегу Огры, вблизи монастыря св. Маріи; потомъ Жатецъ, упоминаемый въ первый разъ въ 1004 г., при описаніи войны между Яроміромъ и Болеславомъ польскимъ.

Лемучи колѣно, разсѣвшееся до самой середины лѣса [4]), окружавшаго Чехію. У Косьмы и въ грамотахъ вмѣсто колѣннаго имени употребляется имя жупы, входившей въ составъ его; ко времени Косьмы уже утратилось имя Лемучей. Изъ жупы бѣлинской, колѣна Лемучей, происходилъ Премыслъ, родоначальникъ чешскаго княжескаго дома. Лемучи изъ жупы бѣлинской и лютомерицкой издавна были въ дружественной связи съ Чехами пражскими: Властиславъ лучанскій, намѣреваясь воевать съ Чехами, строитъ крѣпость между этими двумя жупами, чтобы сдѣлать ихъ неспособными помочь своимъ союзникамъ [5]). Три жупы: бѣлинская, лютомерицкая и дѣчская упоминаются въ грамотахъ Бревновскому монастырю всегда одна за другою; въ учредительной грамотѣ пражской епископіи эти три жупы понимаются, какъ

---

[1]) Статья профессора Томка въ «Casopis Ceskeho Museum, 1858 года», «O starém rozdêleni Cech na zupy..., см. тутъ жупы архидіаконата пражскаго.

[2]) Cosmae, 1 10... consertum est inter Boemos et Luszanos; см. при этомъ примѣчаніе 79 къ первой книгѣ хроники Косьмы.

[3]) Cosmae, 1. 13.

[4]) Вѣроятно, это лѣсъ, называемый у Титмара, VI. 8 Miriquidui, нынѣшнія Рудныя горы; преданіе объ одномъ замкѣ, Lemus, могло бы указывать на положеніе колѣна близъ Lovositz. Lelevel, Géographie du moyen âge, T. III, p. 27. Колѣна, населявшія Чехію, записаны у географа баварскаго, у Косьмы подъ 1086 г. и въ первыхъ главахъ первой книги его хроники.

[5]) Cosmae, 1. 10. Hic condidit urbem Wlastislav... in confinio duarum provinciarum Belina et Lutomerici, et posuit in ea viros iniquos, ob insidias utriusque populi, quia hii adiuvabant partes Boemorum...

одно цѣлое [1]). Знаменитые города этого колѣна; Стадицы, отечественный городъ Премысловцевъ, на берегу рѣки Бѣлины и Властиславовъ городъ между бѣлинскою и лютомерицкою жупами.

Сѣверныя границы Чехіи занимало колѣно *Пшовинъ*. Они получили свое имя, вѣроятно, отъ селенія Пшовъ, на мѣстѣ нынѣшняго Мельника. Отсюда происходила св. Людмила, супруга князя Боривоя [2]). Хотя у Косьмы отецъ ея, Славиборъ, не названъ именемъ dux, какое дается, напримѣръ, Властиславу, но, по всей вѣроятности, онъ былъ колѣннымъ княземъ Пшованъ [3]).

Хорваты, раздѣленные на двѣ жупы [4]), колѣно, занимавшее весьма широкое пространство, начиная отъ сосѣдства съ Лемучами, до границъ моравскихъ. Драгоміра, по умерщвленіи св. Вячеслава, ищетъ убѣжища у Хорватовъ [5]). Въ X вѣкѣ былъ здѣсь удѣльнымъ княземъ Болеславъ, братъ св. Вячеслава, построившій городъ на Лабѣ, названный по его имени Болеславлемъ. Хорватами владѣлъ домъ Славниковцевъ, княжескій столъ которыхъ былъ въ Любицѣ. Это былъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ княжескихъ родовъ, подъ властію котораго находилась большая часть земли чешской. Другой правящій родъ у Хорватовъ былъ родъ Доброславичей, жившій въ нынѣшнемъ Градцѣ. Любимыми именами въ этомъ родѣ были Лютоборъ и Ратиборъ, два имени, встрѣчающіяся въ Зеленогорской рукописи: «*Ратиборъ отъ горъ Крконошей и Лютоборъ съ Доброславска холмца.* Важные города колѣна Хорватовъ: Любица, гдѣ былъ столъ князей любицкихъ; Доброславскій холмецъ, нынѣшній Королевскій Градецъ; Житомерь, гдѣ былъ Радславъ злицкій, потерявшій независимость при Вячеславѣ. Съ теченіемъ времени домъ Славниковцевъ изъ Любицы объединилъ подъ своею властію обширныя области и нѣсколько колѣнъ. Сила этого дома была

---

[1]) Перечисленіе ихъ, вмѣсто нормальнаго порядка отъ запада къ востоку, идетъ обратно: восточные Дѣчане упомянуты ранѣе, западные Лемучи позднѣе, совершенно безъ нужды упомянуты Лютомеричи, жившіе не на границахъ: Termini autem eius occidentalem versus hii sunt... daciane, lutomerici, lemuzi usque ad mediam silvam, qua Bohemia limitatur.

[2]) Cosmae, 1. 15. У Боривоя было два сына... ex ea, quae fuit filia Zlavoboris comitis de castello Psov. Christiani, Legenda de S. Ludmila: Castellum Psov, provincia Slavonum, quae Passov antiquitus nuncupabatur, nunc a modernis ex civitate noviter constructa Mielnick vocitatur...

[3]) Apologie der ältesten Geschichte Böhmen, статья Томка, помѣщенная въ Abhandlungen der Königlichen böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften. Prag, 1865 г. s. 21.

[4]) Crovati et altera Chrovati — въ учредительной грамотѣ пражской епископіи. Они, вѣроятно, носили и другое имя, потому что папская грамота монастырю св. Георгія упоминаетъ вмѣсто нихъ Mocropsi et alia Mocropsi...

[5]) Житіе Вячеслава чешскаго.

на столько велика, что угрожала дому чешскихъ князей Премысловцевъ въ началѣ X вѣка. Славниковцы обладали извѣстной долей полноправности даже при такихъ сильныхъ земскихъ князьяхъ, какъ Болеславы I-й и II-й; имъ подчинены были жупы, начиная отъ средины Чехіи, почти отъ самой Праги, къ юго-востоку до границъ моравскихъ, къ югу до ракузскихъ границъ, со включеніемъ жупъ дулѣбской и нетолицкой [1]).

Въ фульдскихъ лѣтописяхъ, подъ 845 и 857 гг., есть такія извѣстія, изъ которыхъ можно вывести, что, кромѣ сохранившихся въ историческихъ памятникахъ названій разныхъ чешскихъ колѣнъ, было еще не мало такихъ, память о которыхъ совсѣмъ пропала. Это были колѣна, вѣроятно, еще до усиленія дома Славниковцевъ потерявшія свою первоначальную независимость и подчиненныя князьямъ чешскимъ [2]); ясное доказательство существованія такихъ колѣнъ, въ послѣдствіи утратившихъ свое имя, можно видѣть въ Дулѣбахъ. У Косьмы они упоминаются уже совершенно особо, безъ раздѣленія ихъ на жупы, чего нужно было бы ожидать по аналогіи съ другими колѣнами. Можетъ быть, что жупанъ Вистрахъ [3]) былъ собственно княземъ Дулѣбовъ, если жупу виторажскую, гдѣ жилъ онъ и сыновья его, принять за часть области того колѣна, которое раздѣлялось на жупы виторажскую и дулѣбскую [4])... Юго-западная часть Чехіи вообще сохранила

---

[1]) Границы владѣній Славника см. у Косьмы, 1. 27: Huius tam insignis ducis metropolis fuit Lubic; habuit autem sui principatus hos terminos: ad occidentalem plagam (contra Boemiam) rivulum Surina et castrum, quod est situm in monte Oseca iuxta flumen Msam. Similiter plagam ad australem (contra Theutonicos orientales) has urbes habuit terminales: Hinov, Dudlebi, Netolici usque ad mediam silvam. Item solis ad ortum (contra Moraviae regnum) castrum sub silva situm nomine Luthomisl usque ad rivulum Svitawa, qui est in media silva. Item ad aquilonalem plagam (contra Poloniam) castellum Cladzco, situm iuxta flumen nomine Nizam. Всего труднѣе въ этомъ описаніи княжества Славника опредѣлить, конечно, западныя границы. Не будемъ далеки отъ правды, если примемъ, говоритъ проф. Томекъ, что жупа камыцкая простиралась съ давнихъ поръ отъ Волтавы до горъ Брды. Эти горы отдѣляли, безъ сомнѣнія, жупу камыцкую на западѣ отъ Тетина, а рѣка Мжа отъ жупы пражской. Жупнымъ городомъ въ камыцкой жупѣ во времена Славника былъ городъ на горѣ Осѣкѣ; рѣчку Журину, какъ западную границу владѣній, можно искать между Камыцкомъ и Тетиномъ. O panstvi rodu Slavnikova v Cectach, Casopis... 1852, svazek IV, стр. 55.

[2]) Жупаны колѣнъ, сосѣдившихъ съ Нѣмцами, дружатъ съ королемъ нѣмецкимъ, какъ это видно изъ крещенія 14 жупановъ чешскихъ въ Регенсбургѣ. Можетъ быть, они хотѣли этимъ выиграть себѣ больше свободы, чѣмъ какою пользовались въ зависимости отъ князя чешскаго; на тоже соображеніе наводитъ и случай, разсказанный подъ 857 годомъ.

[3]) Annales Fuldenses, a. 857.

[4]) Томекъ, Apologie d. ältesten Gesch. Böhmen, s. 23.

весьма мало признаковъ, по которымъ бы можно было судить о колѣнномъ расположеніи здѣсь народа чешскаго—доказательство, что она ранѣе другихъ частей подверглась вліянію князей земскихъ, а потомъ Славниковцевъ.

На западѣ Чехіи, по рѣкамъ Отавѣ и Радбузѣ, въ нынѣшнихъ округахъ прахенскомъ и плъзенскомъ, сидѣло тоже особое колѣно, весьма рано утратившее свою самостоятельность. Указаніе на него встрѣчается въ Зеленогорской рукописи; тутъ представители этого колѣна — *Стяглавъ на Радбузѣ и Хрудошъ на Отавѣ*—названы потомками Тетвы Попелова — «jen-že pride s plky s Čechovymi v sie-že žirné vlasti.» Колѣно *Седличане*, тоже весьма рано утратившее свое имя и независимость, упоминается въ рукописи Зеленогорской, какъ имѣющее собственнаго князя, *«Радованъ отъ Камена-моста»*. Память о Радованѣ сохранялась долго въ тѣхъ мѣстахъ: въ грамотѣ 1226 г. говорится о бродѣ радовановомъ и о мостищѣ въ болотѣ [1]); можно видѣть указаніе на это имя и въ нынѣшнемъ названіи селенія *Radansfurt*, *Rodisfurt;* около первой половины IX вѣка Седличане попали въ зависимость къ Франкамъ.

Исторія застаетъ Чехію еще не успѣвшею объединиться подъ земскими князьями изъ рода Премысловцевъ. Въ иностранныхъ современныхъ лѣтописяхъ и князь пражскій, и отдѣльные представители колѣнъ называются часто одинакими титулами: dux regulus [2]). Общинная самостоятельность, много уже утратившая, продолжала однако обнаруживаться и въ IX вѣкѣ, то въ самовольномъ уклоненіи колѣнныхъ князей подъ власть сосѣдей Нѣмцевъ, то въ наслѣдственности княжескаго достоинства у такого колѣна или жупы, которая стояла уже подъ верховною зависимостію земскаго князя. Многими отдѣльными частями земли чешскіе князья управляли еще посредственно, черезъ колѣнныхъ князей. Чехія была раздѣлена на многія области, по соотвѣтствію съ древнимъ расположеніемъ колѣнъ, каждая изъ этихъ областей имѣла своего представителя въ лицѣ старшины, который у иностранцевъ и носилъ титулъ dux. Власть колѣнныхъ старшинъ была иногда наслѣдственна, какъ то видно на примѣрѣ жупы виторажской и дома Славниковцевъ. Но уже стремленіе ихъ съ помощію Нѣмцевъ

---

[1]) У Иречка въ «Slovanské Pravo», стр. 57: v listiné Doksanske od roku 1226, kde se mluvi: a vado Radovani usque ad pontem paludum, quod mostiste dicitur.

[2]) Annales Laureshamens. a. 789: Tunc Carlus rex iterum per Saxoniam pervenit usque ad Sclavos, qui dicuntur Vilti, et venerunt reges terre illius cum rege eorum Tragvito ei obviam... Annales Fuldenses, a. 845; ibidem a. 856; ibid. a. 857; ibid. a. 871, 872, 895; ...de Sclavania omnes duces Boemaniorum, quos Zuentibaldus dux a consortio et potestate Baioaricae gentis per vim dudum divellendo detraxerat.., quorum primores erant Spitignewo, Vistizla ...ad regem venientes... per manus, prout mos est, regiae potestati se subdiderunt; ibidem a. 897.

улучшить свое положеніе, въ союзѣ съ ними, а иногда и въ подчиненіи добиться бо̀льшихъ правъ, чѣмъ тѣ, которыми они пользовались отъ чешскаго князя, показываетъ существованіе надъ ними довольно сильнаго гнета со стороны земскаго князя. Слѣдовательно, въ IX в. внутренняя исторія Чехіи съ одной стороны представляетъ усилія земскихъ князей распространить непосредственную власть свою на всѣ области страны, съ другой стремленіе отдѣльныхъ частей сохранить свою особность и права на самоуправленіе. Изъ столкновенія этихъ противоположныхъ силъ внѣшняя исторія Чехіи IX, а частію и X вв., получаетъ тотъ своеобразный и довольно неопредѣленный характеръ, какой сохранили и передали иностранныя лѣтописи.

Каждое колѣно было раздѣлено на нѣсколько жупъ, имѣвшихъ своихъ жупныхъ старшинъ. Если князья стремились къ самоуправленію, то и жупы, какъ корпораціи, хотя и слабѣйшія, сравнительно съ колѣнными, но имѣющія также свое управленіе и своего старшину, могли желать возможно меньшей зависимости отъ колѣнныхъ князей. При широкомъ жупномъ дѣленіи, Чехія могла бы раздробиться на безконечно малыя части, еслибы не сдерживала ихъ власть колѣнныхъ князей. Послѣдніе, по своей волѣ, назначали и отмѣняли жупныхъ старшинъ, какъ своихъ чиновниковъ; къ этому же сводятся и усилія чешскихъ земскихъ князей этого періода, т. е. къ тому, чтобы замѣнить колѣнныхъ старшинъ своими чиновниками, посредственное управленіе землей сдѣлать непосредственнымъ. Но что и жупанамъ удавалось иногда закрѣпить за своимъ родомъ жупанство и потомъ стать во враждебныя отношенія къ колѣннымъ князьямъ, показываетъ случай, упоминаемый въ фульдскихъ лѣтописяхъ подъ 845 г. Четырнадцать жупановъ или старшинъ (duces), крестившихся при регенсбургскомъ дворѣ, не могли быть князьями отдѣльныхъ колѣнъ. Если бы это были колѣнные князья, ихъ крещеніе не осталось бы въ такой мѣрѣ безслѣднымъ и малозначущимъ для христіанства въ Чехіи, какъ это случилось съ крещеніемъ четырнадцати старшинъ. Надо думать, что это были мелкіе владѣтели частей колѣна, жупъ, и примѣръ ихъ нисколько не вліялъ на христіанское просвѣщеніе цѣлой страны [1]). Властиславъ, князь лучанскій и Славники, безъ сомнѣнія, имѣли въ своемъ княжествѣ неограниченную власть надъ жупанами, ставили и смѣняли ихъ по своей волѣ, сдерживая стремленіе жупъ разползтись въ разныя стороны. Въ болѣе широкомъ смыслѣ тоже дѣлали князья дома Премысловцевъ: непосредственно управляли они Чехами и другими, съ теченіемъ времени, примыкавшими къ нимъ колѣнами, и посредственно управляли многими колѣнами, имѣвшими еще своихъ старшинъ (князей).

Старая область, прямо и непосредственно подчиненная чешскому

---

[1]) Ср. Apologie d. ältest. Gesch. Böhmen, ss. 23 — 4.

земскому князю была область, занятая колѣномъ Чеховъ или Пражанъ. Здѣсь съ незапамятнаго времени должны были существовать тѣ же порядки, какіе были при Косьмѣ и позднѣе. Отдѣльныя жупы управлялись княжескими людьми, которыхъ онъ назначалъ и смѣнялъ по произволу; таковы были, извѣстные изъ позднѣйшаго времени: собственно жупанъ (comes), какъ высшій начальникъ жупы, судья (judex), завѣдывавшій княжескими доходами (camerarius), — хозяйствомъ (villicus) и лѣсничій (venator). Въ каждой жупѣ князю принадлежала обширная поземельная собственность, жупный городъ вмѣщалъ въ себѣ представителей его власти. Такова была форма правленія до самаго Болеслава съ тѣмъ развѣ различіемъ, что въ ранній періодъ было больше мѣста народной свободѣ, представительству жупъ, чѣмъ позже, когда изъ княжескихъ чиновниковъ развилась родовая придворная аристократія, гнетомъ легшая на народъ.

Исторія сохранила нѣсколько намековъ, по которымъ можно прослѣдить, въ извѣстной степени, постепенное расширеніе области князей Чеховъ пражскихъ и присоединеніе къ нимъ разныхъ колѣнъ.

Въ разсказѣ о войнѣ между Некланомъ и Властиславомъ, Косьма упоминаетъ [1]), что жупы бѣлинская и лютомерицкая были на сторонѣ князей Премысловцевъ: это указываетъ на давнюю связь колѣна Лемучей, къ которому принадлежали эти жупы, съ Чехами пражскими. Припомнимъ, что̀ говоритъ у Косьмы Любуша, посылая избранныхъ изъ народа искать ей супруга, а себѣ князя: «вонъ, за тѣми горами есть небольшая рѣка, по имени Бѣлина, на берегу ея городъ, именемъ Стадицы...; тамъ вы найдете себѣ князя, который пашетъ на двухъ разношерстныхъ быкахъ, имя ему Премыслъ». Существовало у Чеховъ преданіе, выводившее княжескій родъ изъ другого колѣна; указывая на происхожденіе Премысла изъ колѣна Лемучей, оно тѣмъ самымъ даетъ понять, что Лемучи въ глубокой древности, по брачному союзу, вошли въ политическій союзъ съ Чехами пражскими. Безъ сомнѣнія, новоприсоединившееся колѣно получило управленіе, соотвѣтственное управленію всего княжества, надъ которымъ простиралась непосредственная власть Премысловцевъ. Соединеніе разныхъ колѣнъ въ одно цѣлое въ слѣдствіе брачнаго союза княжескихъ родовъ было довольно не рѣдко. Князь Боривой женился на Людмилѣ, дочери Славибора, князя пшованскаго [2]); съ этимъ вмѣстѣ Пшоване утратили свою самостоятельность. Потому ли, что не оставилъ Славиборъ мужескаго потомства, или по другимъ причинамъ, только Пшоване вошли въ непосредственную зависимость князей чешскихъ; извѣстно, что

---

[1]) Cosmae, Lib. 1. 10.
[2]) Cosmae, 1. 15.

младшій внукъ св. Людмилы, Болеславъ I, имѣлъ тутъ свой удѣлъ и выстроилъ новый городъ, Болеславль [1]).

Но болѣе обыкновенный и чаще встрѣчающійся способъ распространенія власти князей чешскихъ было принужденіе военною силою, при чемъ побѣжденныя колѣна лишались самоуправленія и получали княжескихъ управителей. Одна кровавая драма этого рода сохранена изъ давнихъ временъ Косьмою, другая совершилась при Болеславѣ II въ княжескомъ родѣ Славниковцевъ. Не спѣша, пользуясь только благопріятствующими обстоятельствами, выступали князья чешскіе противъ самоправности отдѣльныхъ колѣнъ, собирая такимъ образомъ силы, которымъ потомъ должны были уступить всѣ другіе князья. Во время Неклана [2]), лучанскій князь Властиславъ нѣсколько разъ ходилъ войною на Чеховъ, опустошалъ огнемъ и мечемъ не только собственную область ихъ, но и области Лемучей, бывшихъ въ союзѣ съ Чехами. Чтобы держать Лемучей въ постоянномъ страхѣ и покорности, онъ построилъ между двумя жупами—бѣлинскою и лютомерицкою—крѣпость, названную, по его имени, городомъ Властиславомъ. Гордость завела его такъ далеко, что онъ задумалъ овладѣть и всею Чехіею. Князь чешскій Некланъ, трусливый, какъ заяцъ, по словамъ Косьмы, быстрый на ноги, какъ леопардъ, ужаснулся страшной войны и, притворившись больнымъ, заперся въ Лѣвомъ-Градцѣ, поручивши войско храброму полководцу Честиміру (по пѣснѣ), или Тыру (по Косьмѣ). На полѣ турскомъ произошла рѣшительная битва Лучанъ съ Чехами. Властиславъ былъ убитъ, и его войско уничтожено. Чехи пошли въ область Лучанъ, разрушили въ ней города и собрали много добычи. Но Некланъ не имѣлъ намѣренія подчинить себѣ Лучанъ; онъ приказалъ только разрушить ихъ крѣпости, и, чтобы поставить Лучанъ въ невозможность вредить на будущее время князьямъ чешскимъ, построилъ для нихъ новый городъ, Драгушъ, въ долинѣ рѣки Огры. У нихъ сохранялось даже княжеское достоинство; Некланъ заботился о воспитаніи сына Властиславова, поручивъ мальчика своему бывшему учителю [3]). Но вскорѣ за тѣмъ сынъ Властислава былъ убитъ, и пять

---

[1]) Cosmae, 1. 17 о Вячеславѣ говорится, что онъ fraterna fraude martirizatus Boleslav in urbe (Bunzlau).

[2]) У Косьмы въ такомъ порядкѣ представляется рядъ князей чешскихъ: Премыслъ, Незамыслъ, Mnata, Vogen, Unezlau, Crezomisl, Neclan, Gostivit; Gostivit autem genuit Borwoy, qui primus dux baptizatus est..; далѣе слѣдуетъ рядъ историческихъ князей—Cosmae, 1. 9 и 10; правленіе Неклана можно относить ко времени предъ 843 годомъ; вѣроятнѣе, что до этого года случилось подчиненіе Лучанъ, чѣмъ послѣ. Apologie d. ältest Gesch. Böhmen, s. 53.

[3]) Cosmae, 1. 13. У этого учителя, «родомъ Серба, именемъ Дуринга, мужа самаго гнуснаго, который былъ злѣе звѣря лютаго, воспитывался самъ Некланъ».

жупъ колѣна Лучанъ получили устройство, соотвѣтственное устройству прочихъ областей, непосредственно подчиненныхъ князю чешскому.

При вступленіи на чешскій престолъ Болеслава I, мать его, Драгоміра [1]), убѣжала къ Хорватамъ; князь посылаетъ за ней въ погоню, но посланные не могли догнать ее. Изъ этого можно видѣть, что Драгоміра тогда считала себя безопасною въ предѣлахъ Хорватовъ' и что Болеславъ не могъ оттуда достать ее: то и другое предполагаетъ независимость хорватскаго колѣна за то время.

Во всей исторіи первыхъ чешскихъ князей встрѣчаемся мы съ явленіями, имѣющими то общее основаніе, что князьямъ земскимъ приходилось вести внутреннюю борьбу съ сильными колѣнными князьями и смѣлыми жупанами. Внутренніе раздоры въ странѣ часто вели къ внѣшнимъ столкновеніямъ, такъ какъ недовольные князья и жупаны обыкновенно искали поддержки у Нѣмцевъ. Земскіе князья, пріобрѣтая новыя силы въ колѣнахъ, вошедшихъ въ ихъ непосредственную зависимость, становились страшны для князей и жупановъ, обладавшихъ еще долею самостоятельности. Намъ остается остановиться на двухъ фактахъ этого рода, о которыхъ сообщаютъ Видукиндъ и Косьма [2]). Болеславъ I не даромъ носитъ прозваніе Укрутнаго, внутренняя дѣятельность Болеслава должна служить оправданіемъ даннаго ему названія. Вѣроятно, при немъ не легко было отстаивать старую вольность самостоятельнымъ колѣнамъ и жупамъ [3]). Одинъ изъ колѣнныхъ князей, по словамъ Видукинда, былъ Болеславу особенно почему-то опасенъ, и ему была объявлена война. Князь прибѣгаетъ къ помощи Саксовъ, но саксонское и турингское войско, посланное ему на помощь, было разбито Болеславомъ, и столица непокорнаго князя была такъ раззорена и опустошена, что еще во время писателя стояла въ развалинахъ. Къ X в. относится усиленіе и процвѣтаніе княжества Славниковцевъ. Только сыну Болеслава I, Болеславу II, удалось провести свою власть надъ всѣми колѣнами, образовавшими народъ чешскій; съ конца X вѣка уже не встрѣчается въ чешской исторіи такихъ правителей областями, которые бы не признавали надъ собой непосредственной власти земскихъ князей.

Судьба Славниковцевъ, владѣвшихъ многими славянскими колѣнами наслѣдственно и сохранившихъ княжескую власть при такихъ могущественныхъ земскихъ князьяхъ, какъ Болеславы, представляетъ

---

[1]) Legenda o svatém Wàclavu. Časop. 1830, стр. 454—462, изданная Ганкою съ латинскимъ изводомъ этой легенды Монтекассинскаго монастыря.

[2]) Widukindi Chronic. Lib. 11, 3; Cosmae, 1. 27.

[3]) Смотри о жестокомъ обращеніи Болеслава и его причудливыхъ капризахъ у Косьмы 1. 19 подъ 932 годомъ.

весьма замѣчательное и любопытное явленіе въ чешской исторіи. Славниковцы спокойно управляютъ областью, въ которой было не менѣе двадцати жупъ; ихъ земли доходятъ до самаго сосѣдства съ Прагой; членъ ихъ дома дѣлается пражскимъ архіепископомъ;—и это въ то время, когда чешскіе князья пріобрѣли уже значительныя силы, подчинивъ себѣ сосѣднія области, когда во всей землѣ чешской, за исключеніемъ частей, стоящихъ подъ домомъ Славниковцевъ, исполнялась одна ихъ воля. Любопытно посмотрѣть, какъ образовалась и чѣмъ поддерживалась въ Чехіи сила, почти равная силѣ земскихъ князей. Впрочемъ, нельзя отрицать, что и самое избраніе на пражскую каѳедру члена изъ дома Славниковцевъ, и мирныя отношенія между Славникомъ и земскими князьями много уже говорятъ въ пользу того мнѣнія, что Славниковцы не были вполнѣ самостоятельны, что они не болѣе какъ въ качествѣ верховныхъ жупановъ управляли жупами, входившими въ составъ ихъ княжества, признавая надъ собою зависимость князей чешскихъ, какъ высшей земской власти.

Читая описаніе границъ владѣній Славника у Косьмы, мы видимъ, что онѣ обнимали весь востокъ Чехіи, гранича на сѣверѣ съ Силезіей, на югѣ съ Австріей и Баваріей. Двадцать жупъ, входящихъ въ составъ княжества Славника, составляли по крайней мѣрѣ $^2/_3$ всей земли чешской. Изъ болѣе древнихъ преданій, записанныхъ у Косьмы, видно, что Славниково княжество въ древности не было такъ обширно. Нѣкогда на горѣ Осѣкѣ правила Кази; жупа, въ которой былъ этотъ городъ, принадлежала, слѣдовательно, ко владѣніямъ князей Премысловцевъ и только позже присоединилась къ княжеству любицкому. Въ Любушиномъ судѣ упоминаются Лютоборъ съ Доброславска холмца и Стрезиборъ съ Сазавы, они имѣли тогда независимыя отъ любицкихъ князей области и были или жупанами, или колѣнными князьями. Видно, что княжество любицкое расширялось понемногу и, безъ сомнѣнія, военною силою, частію на счетъ самихъ земскихъ князей, какъ видно на примѣрѣ осѣцкой жупы, частію на счетъ другихъ жупъ и колѣнъ. Извѣстно, что въ IX—X вѣкѣ колѣнные князья и жупаны часто выступали войной противъ земскихъ князей, находя себѣ поддержку, а можетъ быть и поощреніе у чужеземцевъ. Изъ числа такихъ были и жупаны любицкіе, предки Славника. Такъ какъ усиленіе этихъ жупановъ едва-ли могло случиться послѣ Вячеслава, при могущественныхъ Болеславахъ, то нужно предположить, что область любицкихъ князей въ болѣе ранній періодъ пріобрѣла то протяженіе, съ какимъ мы находимъ ее подъ Славникомъ. Злицкіе князья, предки Славника, владѣли небольшимъ колѣномъ; только съ теченіемъ времени къ нему примкнули сосѣднія колѣна, напримѣръ Дулѣбы, жупа виторажская и другія. Нельзя также относить усиленіе дома Славниковцевъ ко времени раньше IX в., когда

Чехія состояла въ союзѣ, а потомъ въ зависимости отъ Моравіи. Болѣе подходящимъ періодомъ можно указать время малолѣтства Вячеслава и правленія Драгоміры, когда страна была терзаема и внутренними волненіями, и придворными партіями. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ весьма высокой цѣны свидѣтельство жизнеописателя св. Войтѣха [1]), по которому родъ князей любицкихъ стоялъ въ свойствѣ съ королями нѣмецко-саксонскаго дома. Родство князей любицкихъ съ сильнымъ нѣмецкимъ домомъ объясняло бы намъ, какъ легко могли пользоваться домашними неустройствами Чехіи эти князья. Очень вѣроятно, что вторженіе въ Чехію баварскаго герцога Арнульфа въ 922 году имѣло, при другихъ, и эту цѣль — помочь князю любицкому противъ князя земскаго [2]). Съ этимъ согласуется и то направленіе, въ которомъ произошло расширеніе области князя любицкаго—главнымъ образомъ къ югу, въ сосѣдство съ Арнульфомъ. Нѣсколько времени спустя, идетъ на Чехію Генрихъ I [3]); причина его похода могла быть и въ томъ, что Чехи помогали Славянамъ полабскимъ, откуда происходила Драгоміра, а можетъ быть и въ томъ, что внутреннія волненія въ Чехіи давали Генриху надежду на легкое подчиненіе ея. Припомнимъ преданіе, записанное у Далемила, что Радславъ, злицкій князь, былъ во враждебныхъ отношеніяхъ съ Вячеславомъ чешскимъ, что они имѣли поединокъ, въ которомъ Вячеславъ остался побѣдителемъ. Связь между домашнею войною и нашествіемъ Нѣмцевъ на Чехію при Вячеславѣ оспаривать нѣтъ причинъ. Допустивъ же эту связь, мы облегчимъ себѣ пониманіе многихъ другихъ, послѣдовавшихъ затѣмъ, событій. Если дѣйствительно Вячеславъ во время вторженія Генриха и Арнульфа имѣлъ дѣло съ могущественнымъ внутреннимъ врагомъ, злицкимъ княземъ Радславомъ; то ему и оставался возможнымъ только одинъ способъ дѣйствія, покорность и подчиненіе нѣмецкому королю. Хотя Радславъ и былъ побѣжденъ въ поединкѣ, но за нимъ осталась власть и всѣ его земли: это могло случиться опять-таки только потому, что за Радслава стояли еще Генрихъ и Арнульфъ. При Вячеславѣ въ послѣдній разъ предки Славника являются въ открытой борьбѣ съ земскимъ княземъ; въ послѣдующей войнѣ Болеслава I съ Нѣмцами, князья любицкіе стоятъ на сторонѣ его. Мало того, Славниковцевъ и Премысловцевъ соединяла даже пріязнь и расположеніе; Славникъ имѣлъ благоразуміе и сохра-

---

[1]) Vita S. Adalberti apud Pertz, SS. IV p. 596; Томекъ, въ статьѣ O starém rozdelení Čech na župy... Časop. 1858, svazek IV, стр. 484, для объясненія этого родства предполагаетъ, что у Арнульфа баварскаго была другая дочь, кромѣ Юліоны, на которой и былъ женатъ отецъ Славника.

[2]) Auctarium Garstense и Лѣтописи зальцбургскія ap. Pertz XI. 565, 771.

[3]) Continuator Reginonis a. 928, apud Pertz I.

нить свою политическую власть, и не оскорблять земскихъ князей, чего не удалось его дѣтямъ. Причиною паденія дома Славникова были раздоры партій и особенное довѣріе Болеслава къ партіи Вершовцевъ. Въ концѣ X вѣка княжество Славниково соединяется съ княжествомъ Премысловцевъ; Ольдрихъ и Яроміръ были здѣсь удѣльными князьями [1]).

2) Обзоръ политическихъ и церковныхъ отношеній въ Чехіи до смерти Вячеслава. 895 — 935 гг.

Чешская исторія X в. имѣетъ совершенно иной характеръ, чѣмъ моравская исторія IX в. Въ военной силѣ и личной храбрости моравскіе князья находили средства къ борьбѣ съ Нѣмцами; для сохраненія политической независимости страны, они порвали церковный союзъ съ римскою церковію; для успѣшнѣйшаго исхода предпріятій заключали политическіе союзы съ сѣверными и восточными сосѣдями. Съ запада приставали къ Моравіи люди партіи, недовольной нѣмецкими королями, лишенные должностей графы, недовольные полученными удѣлами королевскіе сыновья. Вообще, на образованіе славянской державы, зерномъ которой была Моравія, главнымъ образомъ вліяла необходимость постоянной и упорной борьбы съ Нѣмцами; великоморавская монархія и выдержала этотъ характеръ до самаго паденія своего. Не такова была политика князей чешскихъ. Не было и у нихъ недостатка въ личной храбрости, въ военныхъ средствахъ; но у Чеховъ незамѣтно такой ожесточенной и неутомимой вражды къ Нѣмцамъ. Напротивъ, въ союзѣ и соглашеніи съ Нѣмцами, Чехи стремятся къ равнымъ политическимъ правамъ съ ними, постепенно стираютъ рѣзкое различіе между Нѣмцемъ и Славяниномъ, и достигаютъ того, что въ концѣ X вѣка лѣтописецъ не называетъ уже Чеховъ варварами, какъ называетъ онъ другихъ Славянъ. И духовное, и свѣтское просвѣщеніе Чехія охотно заимствуетъ у Нѣмцевъ; заодно съ ними вооружается противъ Угровъ, своихъ прежнихъ союзниковъ, втягивается въ общественную жизнь и окрашивается цивилизаціею Нѣмцевъ. И

---

[1]) При изложеніи этой главы пособіемъ служили статьи проф. Томка, помѣщенныя имъ въ Часописи чешскаго музея: 1) O panstvi rodu Slavnikova v Cechach, 1852. svaz. IV, стр. 41—61; 2) Svata Ludmila a Cechy za jejiho vêku, 1860, svaz. III, стр. 263—296; 3) O starém rozdeleni Cech na župy, 1858, стр. 222 — 252, 327 — 346, 475—500; Ганки, Legenda o Svatém Wàclavu, 1830, стр. 454 — 462; Палацкаго, O umuceni Sv. Wàclava, 1837, стр. 406—417; наконецъ весьма важная статья Томка— Apologie d. ältesten Gesch. Böhmen, 1—75.

когда сѣверные сосѣди Чеховъ, полабскіе Славяне, изнемогли въ неравной, геройской войнѣ, потерявши свою свободу и національность; — Чехамъ угрожала таже участь, если бы они не развили у себя культуры и учрежденій, поставившихъ ихъ на одинъ уровень съ сосѣдями. Чешскіе князья должны были имѣть дѣло съ могущественными императорами саксонской династіи, когда домашняя ихъ работа — ослабленіе политической власти колѣнъ—не была еще кончена, когда рядомъ съ властію земскихъ князей, существовала другая почти самостоятельная власть, домъ Славниковцевъ, родственный нѣмецкой королевской фамиліи, могшій всегда вызвать грозу на земскихъ князей.

Въ началѣ IX в. Чехія дѣлила одну и туже политическую судьбу съ Моравіей,—платила дань и находилась въ зависимости отъ Нѣмцевъ. Вступивши въ союзъ съ Моравіей, а потомъ въ зависимость отъ нея, Чехи перестали платить дань Нѣмцамъ, пока могучая рука Святополка моравскаго сдерживала разныя части его государства.

Черезъ годъ по смерти Святополка, въ 895 году, Чехи примкнули къ Нѣмцамъ [1]) и помогли имъ добивать своихъ сосѣдей, Мораванъ. Весьма вѣроятно, что они не обязались тогда платить дань Нѣмцамъ и вообще съ выгодою для себя воспользовались политическими обстоятельствами, обрушившимися на головы ихъ сосѣдей. Въ то время, какъ Угры производятъ опустошительные набѣги на Саксонію, Турингію и Баварію [2]), Чехи распространяются по Моравіи, лишенной части своего населенія, входятъ въ союзъ съ Уграми, выигрываютъ этимъ спокойствіе странѣ и возстановляютъ у себя порядокъ, нарушенный чужеземнымъ господствомъ [3]).

По смерти Святополка моравскаго (894 г.) Спитигнѣвъ, сынъ Боривоя,

---

[1]) Свидѣтельства: Annal. Fuld. a. 895; Regino a. 890: Anno dominicae incarnationis 890 Arnolfus rex concessit Zuentiboldo, Marahensium Sclavorum regi, ducatum Behemensium, qui hactenus principem suae cognationis ac gentis super se habuerant, Francorumque regibus fidelitatem promissam inviolato foedere conservaverant. Какъ относиться къ свидѣтельству фульдскаго лѣтописца и Регино, вопросъ этотъ разобранъ у Томка, въ Apologie, 62—63 и въ статьѣ O pravnim pomeru... Casop. 1857, стр. 350—374.

[2]) Походы Угровъ повторялись почти каждогодно, см. Hormayr, Herzog Luitpold Anmerkungen, ss. 6—8.

[3]) Разумѣемъ преданіе о томъ, что при Святополкѣ чешскіе князья были лишены верховныхъ правъ. На Чехію не наложило никакого тяжелаго отпечатка угорское сосѣдство; если нѣкоторые походы Угры и должны были дѣлать черезъ Чехію, то дѣло происходило какимъ-то мирнымъ путемъ, можетъ быть, по взаимному соглашенію. Вообще, хотя и нѣтъ положительныхъ данныхъ для сужденія о томъ, какъ относились Угры къ Чехамъ, но уже одинъ взглядъ на внутреннія отношенія Чехіи начала X вѣка долженъ убѣдить насъ, что Угры не обнаружили здѣсь ничѣмъ своего губительнаго вліянія; здѣсь вступаетъ въ свои права старая княжеская фамилія, былъ тутъ князь Вратиславъ, «великій славою» — „pene innumerorum hostium trium-

овладѣлъ княжескимъ трономъ своего отца; годы правленія его и брата его Вратислава можно опредѣлить только приблизительно. Послѣдній умеръ незадолго до мученической кончины Людмилы, случившейся 15 сентября 921 года. Если принять въ соображеніе извѣстіе житья Вячеслава, что онъ родился уже въ то время, когда Вратиславъ сидѣлъ на княжескомъ престолѣ, и при смерти отца имѣлъ 18 лѣтъ отъ роду, то вступленіе Вратислава на княжескій престолъ должно было случиться до 903 года; въ такомъ случаѣ время княженія Спитигнѣва падаетъ на промежутокъ между 895 и 903 годами. Внѣшнія обстоятельства, при которыхъ княжилъ Вратиславъ, были слѣдующія. Подъ ударами Угровъ пало великое моравское государство, составныя части его потянули къ другимъ центрамъ. Нѣмцы, подъ защиту которыхъ отдался въ 895 году Спитигнѣвъ, не въ силахъ были защищать и собственныхъ границъ. Малолѣтній Людовикъ III, потерявшій въ маркграфѣ Люитпольдѣ свою охрану, и самъ умеръ въ 911 году; сынъ маркграфа, Арнульфъ, стремился къ независимому господству въ Баваріи и Каринтіи, когда Нѣмцы выбрали себѣ въ короли Конрада франконскаго. Вратиславъ умѣлъ сохранить свою землю и отъ Угровъ, и возвратить ей политическую независимость отъ Нѣмцевъ. За Спитигнѣвомъ и Вратиславомъ сохранилась въ исторіи слава распространителей христіанства въ странѣ и устроителей храмовъ.

Изъ двухъ разныхъ источниковъ имѣемъ мы извѣстія о христіанскомъ просвѣщеніи Чехіи: одно изъ иностранныхъ лѣтописей, другое изъ туземныхъ преданій. Принято историками относить начало христіанства въ Чехіи и причисленіе ея къ регенсбургской діоцезѣ къ 845 году. Въ этомъ году, по свидѣтельству фульдскихъ лѣтописей, Людовикъ нѣмецкій приказалъ крестить въ Регенбургѣ 14 жупановъ (duces) чешскихъ и ихъ свиту [1]). Очевидно, эти 14 duces не могутъ быть ни чѣмъ другимъ, какъ жупанами, т. е. представителями жупъ или округовъ, стоявшими подъ верховною зависимостію земскаго князя, хотя фактически и пользовавшимися большою самостоятельностію. Если и допустить фактъ, какимъ онъ представляется, все-таки сомнительно вліяніе его на христіанское просвѣщеніе цѣлой Чехіи; даже обращеніе 14 жупановъ не предполагаетъ еще обращенія 14 жупъ. Еще менѣе можно выводить изъ этого совершенно изолированнаго, безъ всякой связи съ предыдущими событіями стоящаго, факта причисленіе

---

phator" — по житью Вячеслава; во время женской опеки надъ малолѣтними дѣтьми Вратислава выходятъ наружу извѣстныя уже намъ партіи съ тѣми же претензіями, противъ которыхъ боролись предшествующіе князья..; но нѣтъ ни одного намека на вторженіе Угровъ! См. Büdinger, Oesterreichische Geschichte, ss. 303—4.

[1]) Hludovicus 14 ex ducibus Boemanorum cum hominibus suis christianam religionem desiderantes suscepit et in octavis Theophaniae baptizari iussit.

Чехіи къ регенсбургской діоцезѣ. Въ слѣдующемъ же году за этимъ событіемъ начинается война у Чеховъ съ Нѣмцами. Если вспомнимъ, какъ часто въ IX и X вв. отдѣльные жупаны, недовольные своими князьями, прибѣгали къ помощи Нѣмцевъ и искали ихъ покровительства, то не можемъ не допустить предположенія, что крещеніе 14 жупановъ было скорѣе дѣломъ политическимъ. Въ послѣдовавшей за тѣмъ войнѣ у Нѣмцевъ съ Чехами счастіе болѣе благопріятствовало послѣднимъ; по окончаніи войны 14 жупановъ, какъ измѣнники, могли быть лишены своихъ областей. Трудно предположить, чтобы въ военное время баварское духовенство спокойно и успѣшно занималось проповѣдію христіанства въ Чехіи. Невѣроятно, чтобы князь чешскій допустилъ чуждое вліяніе въ части земли своей; еще невѣроятнѣе, чтобы причисленіе нѣсколькихъ жупъ къ регенсбургской діоцезѣ повело за собой причисленіе къ ней и цѣлой земли, когда земскій князь долго еще оставался въ язычествѣ. Гораздо вѣроятнѣе, что эти жупаны явились въ Регенбургъ уже какъ изгнанники, въ слѣдствіе предыдущихъ домашнихъ неустройствъ, а при этомъ обращеніе ихъ не могло имѣть никакого вліянія на христіанство въ Чехіи [1]).

Крещеніе князя Боривоя архіепископомъ Меѳодіемъ есть то важное событіе, съ которымъ старое народное преданіе связываетъ обращеніе чешскаго народа въ христіанскую вѣру [2]). Неизвѣстенъ годъ крещенія Боривоя; Косьма показываетъ 894, но тогда уже Меѳодія не было въ живыхъ. Трудно даже найти точку отправленія, чтобы приблизительно опредѣлить этотъ годъ, за исключеніемъ времени прибытія св. братьевъ въ Моравію и смерти Меѳодія, (863 — 885). Первая церковь, построенная Боривоемъ въ Чехіи, по преданію, была церковь во имя св. Климента, въ Лѣвомъ Градцѣ. Это извѣстіе носитъ характеръ достовѣрности, такъ какъ Лѣвый Градецъ есть одинъ изъ самыхъ древнихъ городовъ чешскихъ князей, отъ котораго уже въ XII вѣкѣ ничего не осталось, кромѣ этой церкви; да и самое названіе церкви во имя св. Климента, мощи котораго были принесены въ Римъ св. Кирилломъ, и названіе этимъ именемъ множества другихъ церквей въ Чехіи, весьма убѣдительно говорятъ за источникъ, откуда насаждено было христіанство въ Чехіи. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ политическою зависимостію Чехія вошла и въ церковную отъ Моравіи зависимость, и сдѣлалась областію архіепископской діоцезы Меѳодія. Вмѣстѣ съ христіанствомъ былъ принятъ въ Чехіи и славянскій языкъ въ богослу-

---

[1]) Томекъ, O pravnim pomeru... и Apologie, ss. 32—4.

[2]) Что Косьма могъ передать въ Lib. 1. 10, 14 дѣйствительно совершившійся фактъ, объ этомъ подробно говоритъ Томекъ въ Apologie, ss. 29 — 32, особенно конецъ 30 и начало 31.

женіи, какъ это было во всей архіепископіи Меѳодія. Доказательства на это слѣдующія:

1) Въ русскомъ житьи Вячеслава говорится, что Людмила, бабка его, отдавала его учиться славянскимъ книгамъ, что онъ читалъ по-славянски такъ скоро, какъ добрый епископъ.

2) Іоаннъ XIII пишетъ къ Болеславу чешскому въ 971 году, соглашаясь на устройство пражской епископской каѳедры: «только ты избери въ епископы клирика преимущественно знающаго латинскій языкъ, и не болгарскаго обряда.., и не славянскаго» [1]). Было бы излишне это ограниченіе и обусловливаніе, еслибы въ Чехіи въ ту пору не было лицъ, обнаруживавшихъ преимущественное расположеніе къ языку славянскому.

3) И послѣ учрежденія пражской епископіи не сразу исчезла въ Чехіи славянская литургія и языкъ. Святой Прокопій, подъ покровительствомъ князя Ольдриха, устроиваетъ монастырь, въ которомъ богослуженіе отправлялось исключительно только на славянскомъ языкѣ; учрежденіе его вызвало большое неудовольствіе со стороны латинскаго духовенства; самъ Прокопій былъ Чехъ и могъ изучить славянскій языкъ только на родинѣ [2]).

4) Вратиславъ II во все время княженія своего покровительствовалъ Сазавскому монастырю; разогнанныхъ во время Спитигнѣва II монаховъ созвалъ въ обитель и игумена этого монастыря, Божетѣха, весьма уважалъ и цѣнилъ. Этотъ князь хлопоталъ передъ папою Григоріемъ VII о допущеніи славянскаго богослуженія въ Чехіи, но получилъ отказъ. Изъ отвѣта папы видно, что Вратиславъ ссылался въ этомъ случаѣ на желаніе всего народа и мнѣніе благочестивыхъ людей [3]).

---

[1]) Erben, Regesta № 67. Verum tamen non secundum ritus aut sectam Bulgariae gentis vel Ruziae, aut Sclavonicae linguae, sed magis sequens instituta et decreta apostolica, unum potiorem totius ecclesiae eligas in hoc opus clericum, latinis adprime literis eruditum...

[2]) Cosmae, a. 1032. Пустынникъ Прокопій (+ 1053), natione Boemicus, de villa Chotun, Slavonicis litteris a sanctissimo Quirillo episcopo quondam inventis et statutis canonice admodum imbutus... основалъ Сазавскій монастырь; латинское духовенство какъ самого Прокопія, такъ и братію его multiphariis vituperiis publicabant, scilicet dicentes, per Sclavonicas litteras heresis secta ypochrisisque esse aperte irretitos ac omnino perversos. См. у сазавскаго монаха, продолжателя и частію распространителя Косьмы. p. 149, 151.

[3]) Literae Gregorii VII papae, de ritu Slavico in Bohemia a 1080 ...Quia vero nobilitas tua postulavit, quo secundum Sclavonicam linguam apud vos divinum celebrari officium annueremus, scias, nos huic petitioni tuae nequaquam posse favere... Non immerito sacram scripturam omnipotenti Deo placuisse quibusdam locis esse occultam, ne, si ad liquidum cunctis pateret, forte vilesceret et subjaceret despectui, aut prave intellecta a mediocribus, in errorem induceret. Neque enim ad excusationem juvat, quod quidam religiosi viri hoc, quod simpliciter populus quaerit, patienter tulerunt, seu incorrectum dimiserunt... Codex juris Bohemici, opera H. Jirecek, Pragae 1867, p. 20; ap. Erben. № 162.

Добровольное подчиненіе Нѣмцамъ въ 895 г. должно было повести за собой и присоединеніе Чехіи къ регенсбургской діоцезѣ. Хотя мы не имѣемъ объ этомъ никакого положительнаго свидѣтельства, но дѣйствительная принадлежность Чехіи къ регенсбургской епархіи доказывается какъ позднѣйшими свидѣтельствами, такъ и нѣкоторыми историческими соображеніями. Въ мимоходныхъ замѣткахъ у Косьмы можно видѣть, что современную Вячеславу Чехію онъ разсматриваетъ, какъ подчиненную въ церковномъ отношеніи епископу регенсбургскому. Вячеславъ строитъ церкви въ честь западныхъ святыхъ, весьма близокъ съ регенсбургскимъ епископомъ, который лично навѣщаетъ его въ Прагѣ [1]). Гумпольдъ, жизнеописатель св. Вячеслава, свидѣтельствуетъ положительно, что Чехія времени Вячеславова подчинена была архіепископу регенсбургскому Туто [2]). Въ 973 году, съ согласія св. Вольфганга и Оттона I, учреждена епископія пражская для всѣхъ земель тогдашняго государства чешскаго. Этимъ прекращалась зависимость Чеховъ отъ нѣмецкаго епископа, и оставалось только подчиненіе майнцкому митрополиту. Нѣмецкій король давалъ инвеституру епископамъ пражскимъ; но избраніе ихъ принадлежало собору духовенства и народу чешскому, и зависѣло главнымъ образомъ отъ князей чешскихъ. Подчинившись по дѣламъ вѣры латинскому духовенству, Чехи должны были принять и латинскій языкъ въ богослуженіи. Такъ, со времени Спитигнѣва, латинская литургія и латинское духовенство существовали въ Чехіи параллельно со славянской литургіей и духовенствомъ. Въ Будечѣ было главное пристанище латинскаго духовенства, какъ въ Лѣвомъ Градцѣ славянскаго: обучивъ св. Вячеслава славянскимъ книгамъ, Вратиславъ послалъ его въ Будечъ, гдѣ *начало дитя учиться латинскимъ книгамъ*. Въ Будечѣ, вѣроятно, была школа и разсадникъ латинскаго духовенства; тутъ, по словамъ Гумпольда, Спитигнѣвъ построилъ церковь въ честь св. Петра. Постройка этой церкви и посвященіе ея имени Петра должны стоять въ связи съ переходомъ Спитигнѣва изъ моравской архіепископіи восточнаго обряда въ нѣмецкую діоцезу латинскаго обряда. Въ жизнеописаніи Гумпольда особенно выдается просвѣтительная дѣятельность Спитигнѣва—обстоятельство указывающее на то, что Гумпольдъ черпалъ извѣстія о немъ изъ баварскихъ источниковъ, а для Баварцевъ важнѣйшее въ дѣятельности Спитигнѣва было именно обращеніе его къ церковной зависимости отъ нѣмецкихъ епископовъ. При этомъ проходится молчаніемъ кре-

---

[1]) Cosmae, 1. 18; только имя архіепископа регенсбурскаго у Косьмы Михаилъ, въ противоположность съ Гумпольдовымъ жизнеописаніемъ Вячеслава, гдѣ онъ названъ Tuto.

[2]) Gumpoldi, Vita s. Venceslai ap. Pertz, SS. IV. тутъ говорится, что и церковь въ Прагѣ освящалъ Tuto, и его «diocesi tota subcluditur Boemia» apud Pertz, Scriptor. IV, c. 15.

щеніе 14 жупановъ въ 845 году, такъ какъ оно не вело ни къ какимъ важнымъ результатамъ, ни словомъ не упоминается о христіанскомъ князѣ Боривоѣ и архіепископѣ Меѳодіѣ.

Спитигнѣвъ оставался вѣрнымъ Нѣмцамъ; нельзя то же сказать 895—903 гг.
о преемникѣ его, Вратиславѣ. При немъ не представляется ни малѣйшихъ признаковъ подданническихъ отношеній Чехіи къ нѣмецкимъ королямъ. Есть нѣкоторыя указанія, позволяющія думать, что Чехія пользовалась полною независимостью въ его время. Въ житьи Вячеслава Вратиславъ называется «великимъ славою», который весьма искусно управлялъ дѣлами и побѣдилъ несчетное множество враговъ [1]). Когда прекратился въ Германіи домъ Каролинговъ, чешскій 911 г.
князь могъ считать себя свободнымъ отъ всякаго обязательства и къ герцогу Арнульфу, захватившему власть въ Баваріи и Каринтіи, и къ Конраду, новому нѣмецкому королю. Весьма вѣроятно, что латинскіе епископы, присланные папой для церковнаго устройства Моравіи, послѣ угорскаго разгрома, нашли себѣ пріемъ у князя Вратислава. Доказательство можно видѣть въ словахъ жизнеописателя св. Вячеслава: «когда возрасло дитя (Вячеславъ), такъ что можно было захватить на его головѣ волосы, позвалъ Вратиславъ епископа со всѣмъ духовенствомъ. Во время литургіи, во храмѣ св. Маріи.., постригъ епископъ княжескаго сына»... Епископъ здѣсь названъ «етеръ»; едва ли бы такъ выразился жизнеописатель, еслибы онъ имѣлъ въ виду регенсбургскаго епископа, да и по ходу дѣла епископъ представляется бывшимъ тогда въ Прагѣ. Допустивъ, что Вратиславъ пересталъ признавать себя зависимымъ отъ Нѣмцевъ, мы легко поймемъ внѣшнія событія, относящіяся ко времени правленія Драгоміры, супруги Вратислава и первыхъ лѣтъ Вячеслава, — именно походы на Чехію: Арнульфа, баварскаго герцога, въ 922 и Генриха саксонскаго въ 928 годахъ. Арнульфъ былъ тогда могущественнымъ и полновластнымъ государемъ; епископъ регенсбургскій стоялъ подъ его покровительствомъ, а къ діоцезѣ этого епископа должна была принадлежать Чехія съ 895 г. Если Вратиславъ принялъ къ себѣ духовенство, вынужденное оставить опустошенную Моравію и предоставилъ ему церковныя дѣла своей страны; то регенсбургскій епископъ долженъ былъ видѣть въ этомъ нарушеніе своихъ правъ, и Арнульфъ, какъ свѣтскій глава почти всей тогдашней Баваріи, долженъ былъ позаботиться о возстановленіи правъ своего епископа. Такое можно представить возможное и достаточное

---

[1]) Legenda o sv. Waclvu, изд. Ганки, въ Casop. 1830 г.; тутъ же приведенъ латинскій изводъ этой легенды Монтекассинскаго монастыря: Quodam igitur tempore Bracislabus quidam regali insigniter potiens potestate eam (Pragam) residens principatus ui strenuissime curam gerebat..., pene innumerorum hostium triumphator.

объясненіе его похода на Чехію, о которомъ лѣтописецъ говоритъ весьма сухо и неопредѣленно [1]).

ок. 921 г. По смерти Вратислава начинается въ Чехіи бурный періодъ внутреннихъ смутъ и неурядицъ. Въ непродолжительное время пали жертвами этихъ волненій два члена княжеской фамиліи, святая Людмила и Вячеславъ. По всѣмъ соображеніямъ, какія можно вывести изъ разбора жизнеописаній Вячеслава и Людмилы [2]), умерщвленіе Людмилы не было плодомъ личныхъ неудовольствій между нею и Драгомірой, равно смерть Вячеслава не была только слѣдствіемъ личной вражды между нимъ и Болеславомъ. Въ предыдущей и частію въ послѣдующей исторіи Чехіи видную роль играютъ колѣнные князья и жупаны, независимые и сильные, открыто возмущавшіеся противъ земскихъ князей. Главную причину внутреннихъ волненій Чехіи, во время правленія Драгоміры, нужно искать въ тогдашнихъ партіяхъ. О причинѣ смерти Людмилы Ваттенбахова легенда не говоритъ, Менкеновская же представляетъ Драгоміру гордою и честолюбивою женщиною, стремящеюся ко власти и къ богатствамъ Людмилы [3]). По проискамъ Драгоміры, а вѣроятнѣе, придворной партіи, Людмила была устранена отъ дѣлъ и жила уединенно въ Тетинѣ. Однажды на дворецъ ея напалъ отрядъ подъ предводительствомъ Тунна и Гамона, людей только здѣсь и упоминаемыхъ; старая княгиня была убита ими 15 сентября 921 г. Убійцы не остались безнаказанны: весь родъ одного изъ нихъ былъ загубленъ, другому удалось спастись бѣгствомъ. Отсюда можно вывести, что Драгоміра не была виновна въ убійствѣ Людмилы. Скоро потомъ обнаружилась вражда между Драгомірой и придворными вельможами: они вооружаютъ юнаго Вячеслава противъ матери и поселяютъ раздоръ между нею и сыномъ [4]). Людмила пала, слѣдовательно, жертвою

---

[1]) Ann. Salisb., a. 922. Arnoldus dux Bavariae in Boemiam cum exercitu vadit; Палацкій говоритъ объ этомъ походѣ, Dejiny 1. стр. 228, ничѣмъ не мотивируя его; Томекъ въ статьѣ Svata Ludmila, въ концѣ ея, и въ Apologie.... ss. 66 — 7 придаетъ походу именно эту цѣль—возстановленія правъ регенбургскаго епископа.

[2]) Легендъ о св. Вячеславѣ насчитывается весьма не мало. Добровскій въ 1819 году, взявъ тогда извѣстныя, насчиталъ ихъ не менѣе 14, начиная отъ X вѣка—легенды, современной Оттону II до Карла IV, бывшаго тоже біографомъ Вячеслава. Мнѣ удалось воспользоваться русскою легендой и гумпольдовою, также житьемъ, помѣщеннымъ въ Vybor z literatury ceske, стр. 310 и д. Жизнеописанія Людмилы — у Ваттенбаха, въ Beiträge zur Geschichte der christlichen Kirche; у Менкена въ Scriptores rerum Germanicarum III, 1808; въ Vybor z literatury Ceske.

[3]) Менкеновская легенда.... Consilium egit principis mater cum consiliariis suis iniquis et exosam coepit habere socrum suam Ludmilam. Dicebat enim: ut quid mihi haec quasi domina? perdam eam et heres ero omnis substantiae ejus, ac cum libertate regnabo.

[4]) Русское житье Вячеслава.... Разгордѣлись чешскіе мужи и начали ссориться межъ собою: молодъ былъ князь ихъ. Но когда онъ выросъ,..... вошелъ дьяволъ въ сердца злыхъ совѣтниковъ его, они наговаривали Вячеславу: хочетъ тебя убить

ненависти жупановъ къ княжескому роду и, можетъ быть, къ христіанству, которое она старалась распространить [1]).

Первыя извѣстія о Вячеславѣ ставятъ его опять-таки въ столкновеніе съ партіей. Нашлись люди, старавшіеся снова раздуть усобицы въ княжескомъ семействѣ. Когда совершеннолѣтній Вячеславъ самъ сталъ править Чехіей [2]), младшій братъ его, Болеславъ, получилъ себѣ въ удѣлъ ок. 927 г.
область Пшованъ; здѣсь онъ построилъ городъ, названный, по его имени, Болеславлемъ. Стали доносить Вячеславу, что братъ его Болеславъ, съ матерью и со своими приверженцами, злоумышляютъ на жизнь его. Вячеславъ поддался на обманъ, заставилъ бѣжать Драгоміру въ Будечъ; но скоро созналъ свою опрометчивость, съ честію возвратилъ ее въ Прагу, и съ тѣхъ поръ относился къ ней съ самою нѣжною любовію. Среди придворныхъ смутъ выступаетъ на сцену, какъ видимъ, чешское дворянство, служащее при княжескомъ дворѣ и ищущее власти и богатствъ въ придворныхъ интригахъ. Нужно помнить, что колѣна, входившія въ непосредственную зависимость земскихъ князей, должны были выставить въ Прагу значительную долю богатыхъ родовъ, члены которыхъ дѣлались княжескими чиновниками, составляли придворную аристократію. Въ замѣнъ прежней самостоятельности и политической власти, они ищутъ какихъ нибудь занятій при дворѣ князей земскихъ; интриги первой половины X вѣка суть слѣдствіе централизаторской дѣятельности князей чешскихъ.

Въ жизнеописаніяхъ выставляется характеръ Вячеслава слишкомъ исключительнымъ. Гумпольдъ старается подѣйствовать на религіозное чувство читателей. Личныя черты князя стерты у него совершенно, остался одинъ религіозный идеалъ. Между тѣмъ не такимъ сохранило Вячеслава преданіе. Чехи смотрѣли на него, какъ на генія—покровителя страны, изображали его съ военнымъ знаменемъ, на конѣ, со всѣми аттрибутами храбраго воина. И мы уже говорили, что, по преданію, записанному Далемиломъ и сохранившемуся въ древней чешской легендѣ, въ первые годы своего княженія, Вячеславъ долженъ былъ выдержать борьбу съ Радславомъ злицкимъ. Щадя кровь под-

---

Болеславъ, съ нимъ за одно и мать, и воины его..... злые псы, посовѣтовавшіе Вячеславу выгнать мать свою безъ вины.....

[1]) Чешскіе паны распустили слухъ, что Людмила, изъ личной ненависти, была умерщвлена Драгомірой. Между тѣмъ, въ народномъ преданіи, въ продолженіе столѣтій, Драгоміра, какъ богоугодная супруга Вратиславова, пользовалась добрымъ воспоминаніемъ. См. Büdinger, Oesterreichische Geschichte, s. 307.

[2]) А когда онъ началъ править, трудно сказать; если въ 18 лѣтъ онъ еще не могъ, за малолѣтствомъ, сдѣлаться самостоятельнымъ правителемъ, то могъ имъ сдѣлаться въ 20, въ самомъ крайнемъ случаѣ въ 24; при первомъ предположеніи онъ бы княжилъ съ 923, при второмъ съ 927 года; см. Томка Apologie, s. 70. Времясчисленіе Палацкаго, Dějiny 1. str. 231—2, менѣе вѣроятно.

данныхъ, Вячеславъ предложилъ единоборство, которое и было принято Радславомъ. Но, намѣреваясь начать бой, Радславъ замѣтилъ двухъ ангеловъ на сторонѣ своего противника и крестъ, сіяющій надъ нимъ; тогда онъ потерялъ мужество и сдался. Оспаривать историческое основаніе этой легенды мы не имѣемъ причинъ: злицкій жупанъ былъ одинъ изъ предковъ любицкихъ князей; къ началу X в. должно относиться усиленіе этого дома. Мы ставили уже въ связь эту внутреннюю войну съ внѣшнею—съ походами Арнульфа и Генриха. Въ 927 году Генрихъ велъ войну со Славянами полабскими, побѣдилъ и Стодоранъ (Лютичи), изъ земли которыхъ происходила мать св. Вячеслава, Драгомира [1]); въ слѣдующемъ году, въ союзѣ съ баварскимъ герцогомъ Арнульфомъ, онъ вторгся въ Чехію [2]). Вячеславъ отступилъ передъ неравною силою, и Генрихъ дошелъ до самой Праги; тутъ обязался
928 г. чешскій князь къ извѣстному трибуту въ 500 марокъ и 120 быковъ. Съ тѣхъ поръ и въ церковномъ отношеніи Чехія должна была снова присоединиться къ регенсбургской епархіи. Къ объясненію уступчивости Вячеслава должны служить домашнія извѣстія о войнѣ съ злицкимъ княземъ, ставившей Вячеслава въ необходимость дробить свои силы.

Послѣдующее время правленія Вячеслава извѣстно новыми придворными смутами. Весьма вѣроятно, что многіе не были довольны уступчивостью князя и порицали его за постыдный миръ съ Генрихомъ. Вячеславъ выказывалъ къ Генриху искреннее расположеніе и взаимно пользовался уваженіемъ его. Главною заботою князя съ тѣхъ поръ сдѣлалось церковное устройство Чехіи, и нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ заискивалъ у государства, которое одно могло способствовать достиженію его цѣлей. Чехи, не имѣвшіе еще отдѣльнаго епископа, не иначе могли получить проповѣдниковъ евангелія, какъ отъ Нѣмцевъ [3]). Всею душею отдался Вячеславъ святому Эммераму, устроялъ во всѣхъ мѣстахъ храмы и богато надѣлялъ ихъ, приглашалъ и принималъ къ себѣ духовенство всѣхъ націй, уважалъ его и любилъ бесѣдовать съ нимъ [4]). Онъ заботился, чтобы безостановочно шла служба Божія во всѣ дни, *какъ у великихъ народовъ*, помогалъ всѣмъ убогимъ, кор-

---

[1]) Cosmae, 1. 15. Вратиславъ.... accepit uxorem nomine Dragomir de durissima gente Luticensi, et ipsam saxis duriorem ad credendum, ex provincia nomine Stodor.

[2]) Continuator Reginonis, a. 928: Heinricus rex Boemos hostiliter invasit, et praestante Deo fortiter superavit; въ соотвѣтствіи съ этимъ стоитъ извѣстіе Видукинда, 1. 35: Heinricus rex et Arnoldus dux Boemos vincunt. Объ этомъ же говоритъ Косьма подъ 1040 годомъ, разсказывая объ отношеніяхъ Генриха III къ чешскому князю Брячиславу I.

[3]) Palacky, Dejiny 1., стр. 234.

[4]) Много красокъ, живописующихъ эту сторону характера Вячеслава, разсѣяно въ гумпольдовой легендѣ, сс. 13, 15, 7; также въ русскомъ житьи его.

милъ и одѣвалъ бѣдныхъ, не давалъ въ обиду вдовъ и сиротъ, выкупалъ на свободу плѣнныхъ, особенно изъ духовнаго сословія. Между выстроенными имъ церквами особенно замѣчательна церковь св. Эммерама, патрона Саксовъ. Мѣсто для нея было выбрано среди Праги, между двумя старыми церквами, св. Маріи и св. Георгія. Этотъ храмъ построенъ былъ (930—931 гг.) съ особаго разрѣшенія епископа регенсбургскаго и освященъ имъ лично. Исключительная преданность князя христіанству и духовенству возбуждала неудовольствія и порицанія въ людяхъ, еще недавно оставившихъ язычество [1]), лучшія стремленія князя перетолковывались ими въ дурную сторону. Прибавимъ еще, что въ 928 году долженъ былъ получить окончательное разрѣшеніе вопросъ о любицкомъ княжествѣ, при чемъ многіе жупаны и богатые собственники, изгнанные военной силой изъ своихъ мѣстъ, должны были искать убѣжища при дворѣ князя Вячеслава, и увеличить собою число придворныхъ людей, желавшихъ наградъ и отличій... Такимъ искателямъ приключеній и вообще всѣмъ придворнымъ не могъ нравиться князь, который жилъ, какъ монахъ, радѣлъ только о пользѣ духовенства и дѣлалъ богатые вклады въ церковь. Такъ образовалась противъ Вячеслава сильная партія, жертвою которой палъ онъ.

Партія эта привлекла на свою сторону Болеслава, который, самъ стремясь къ господству, всталъ во главѣ ея. Составленъ былъ заговоръ на жизнь Вячеслава, привести его въ исполненіе предположено 935 г.
27 сентября 935 года. На этотъ день въ городѣ Болеславлѣ назначено было освященіе одной церкви, а на каждомъ подобномъ торжествѣ Вячеславъ присутствовалъ лично. Такъ какъ городъ находился въ удѣлѣ Болеслава, то заговорщики весьма легко могли здѣсь овладѣть особою великаго князя. Прослушавъ обѣдню, Вячеславъ хотѣлъ возвратиться въ Прагу, но Болеславъ со слезами удерживалъ его у себя переночевать. Утромъ 28 сентября 935 года послѣдовала мученическая кончина Вя- 28 сент.
чеслава [2]). Услышавъ о смерти сына, Драгоміра спаслась къ Хорватамъ, ближайшимъ сосѣдямъ удѣльнаго князя Болеслава; вѣроятно, въ то время Хорваты не стояли еще въ непосредственной зависимости земскаго князя и пользовались извѣстною долей самостоятельности. Затѣмъ Болеславъ вступилъ на княжескій чешскій престолъ.

---

[1]) Указаніе на языческіе обряды есть и въ Гумпольдовой легендѣ, с. 7.

[2]) Это время указано Палацкимъ, въ статьѣ: O umucení sv. Václava,... и въ Dějiny I, стр. 237, примѣч. 220.

3) Мѣры Болеслава I къ сохраненію народной свободы; его внутренняя дѣятельность [1]). 936 — 967 гг.

Съ избраніемъ Оттона I въ нѣмецкіе короли начинается новый періодъ нѣмецкой исторіи. Неудобоносима была и тяжела нѣмецкая корона того времени, не разъ уже отказывались отъ нея, предпочитая частную жизнь оскорбленіямъ и непослушанію бароновъ. Были тяжелы и для Оттона первые годы его правленія; но онъ съ мужествомъ перенесъ всѣ испытанія. Въ 936 году сдѣлался онъ нѣмецкимъ королемъ. Нѣсколько ранѣе, въ слѣдствіе кровавой катастрофы, овладѣлъ чешскимъ престоломъ Болеславъ. Рѣзче, чѣмъ когда-либо прежде, поставленъ былъ тогда вопросъ славянскій; суровыми мѣрами, желѣзными цѣпями сковывали Нѣмцы національную свободу Славянъ; въ подчиненіи ихъ Оттонъ видѣлъ міровую задачу Германіи. Подобно Римлянамъ, щадившимъ племя Гелленовъ, Нѣмцы времени Оттоновъ считали жестокостью относиться къ вѣроломству Норманновъ суровѣе, чѣмъ того требовала крайняя необходимость и безопасность имперіи; но относительно Угровъ и Славянъ они не допускали состраданія. «Къ стыду всего народа», въ августѣ 955 года, «плѣнные угорскіе князья были повѣшены передъ воротами Регенсбурга» [2]). 17 октября того же года на берегу Балтійскаго моря, въ долинѣ, между Пѣною и Раконицею, можно было видѣть ужасную картину: тамъ была выставлена голова славянскаго князя, Тага, вокругъ лежало 700 труповъ и между ними одинъ съ выколотыми глазами и вырваннымъ языкомъ [3]). Изъ Капуи писалъ Оттонъ маркграфамъ вендскихъ марокъ, Герману и Тидриху: «мы хотимъ, чтобы Ратари, если справедливъ слухъ, что они потерпѣли пораженіе, не имѣли отъ васъ пощады, ибо знаете, какъ часто они были вѣроломны, сколько бѣдъ нанесли намъ. Настойте всѣми силами, чтобы уничтоженіемъ ихъ покончить все дѣло. Мы сами, если будетъ нужно, придемъ къ вамъ на помощь» [4]). Силь-

936 г.

---

[1]) Источники для исторіи борьбы Славянъ съ Нѣмцами въ X в. Кромѣ лѣтописныхъ замѣтокъ, помѣщенныхъ ap. Pertz, Script. II—III, важны составители большихъ хроникъ: Vidukind, ap. Pertz, Scr. III; Adamus Bremensis ap. Pertz, Scr. VII; Thietmar, ap. Pertz, Scr. III; Cosmas, ap. Pertz, Scr. IX; Helmoldus, ap. Leibnit. Scr. rer. Brunsw. II. Пособія. Прекрасный обзоръ современныхъ событій по источникамъ представляютъ: Iahrbücher des Deutschen Reichs, herausgeg. v. Ranke I und II B-de. Спеціально до Славянъ — труды Шафарика и Палацкаго; Giesebrecht W., Geschichte der Deutsch. Kaiserz.; Giesebrecht L., Wendische Geschichten; Leutsch, Markgraf Gero; Zeuss, Die Deutschen... и др., на которыя будутъ ссылки въ своемъ мѣстѣ.

[2]) Gebhardi, Vita S. Udalrici c. 12, apud Pertz, SS. T. IV.

[3]) Vidukindi, Lib. III, c. 55, apud Pertz SS. T. III.

[4]) Vidukindi, Lib. III. c. 70.

ныя военныя средства для борьбы со Славянами заготовлены были еще Генрихомъ; военная колонизація, которой зачатки видимъ мы въ IX вѣкѣ, въ широкомъ смыслѣ примѣнена была теперь въ маркахъ славянскихъ—по Лабѣ и Одрѣ. Дѣятельные и неутомимые маркграфы, каковъ былъ, напримѣръ, Геро, стараются убить въ самомъ зачаткѣ пробивающееся воспоминаніе о національной свободѣ. Глубокій интересъ и сочувствіе возбуждаетъ почти непрерывная и упорная война, которую вели Славяне съ Нѣмцами, при весьма неравныхъ силахъ. Мы приведемъ нѣсколько событій изъ этой войны, чтобы охарактеризовать тогдашнія отношенія двухъ враждующихъ міровъ и понять политику князя чешскаго, которая не могла не стоять въ связи съ тогдашними дѣлами на сѣверѣ Чехіи.

На западъ отъ Одры, Бобра и чешскихъ Рудныхъ горъ жила вѣтвь славянскаго племени, за которою удержалось имя Славянъ полабскихъ. На сѣверѣ эта вѣтвь граничила съ Балтійскимъ моремъ, на востокѣ Одра и Боберъ отдѣляли ее отъ Славянъ польскихъ, на югѣ Кроконоши и Рудныя горы отъ Славянъ чешскихъ, на западѣ граница между Славянами и Нѣмцами начиналась отъ Сосновыхъ горъ, шла Салою до впаденія ея въ Лабу, потомъ Лабой къ устью Стекеницы, далѣе этой рѣкой, Травной, озеромъ Плонскимъ и Свентиной къ верхней Одрѣ, близь Киля [1]). Главные народы славянскіе, жившіе здѣсь, были слѣдующіе: 1) *Бодричи* [2]), жившіе между Балтійскимъ моремъ и Лабой, иначе называемые Рарожанами [3]), съ главнымъ городомъ Мекленбургомъ, *народъ закаленный, неутомимый и могущественный.* Съ Бодричами смежны были Вагры, западная ихъ отрасль, главный городъ которыхъ былъ Старъ-Городъ (Aldenburg). Вагры были весьма храбры, составляли передовой постъ всѣхъ славянскихъ поселеній на западѣ, сосѣдили съ Датчанами и Саксами и во всѣхъ войнахъ или сами оказывались зачинщиками, или, по крайней мѣрѣ, были участниками. Бывали у нихъ князья, соединявшіе подъ своею властію всѣхъ Бодричей [4]). Полабцы или Полабинги, за Лабой, отъ рѣки Бѣлы и Травны по самую Эльду, у нихъ былъ городъ Ра-

---

[1]) Шафарикъ, § 43, 1. Zeuss, Die Deutschen und die Nachbarstämme, ss. 654—660.

[2]) Abodriti и Obodriti, Annal. Fuld. a. 795, 858; Helmoldi 1. 12; Adami 11, 18; Apotriti у Титмара. Противъ названія этого народа Бодричами Лелевель замѣчаетъ: Je pense, que nous ne sommes pas autorisés à les appeler Bodrices, comme l'a fait Schafarjik, parce que la reproduction constante et unanime de tous les écrivains commence leur nom par «a» ou «o», il faut respecter cette voyelle: l'o est voyelle—consonne du slave, qui a sa valeur. Géographie du moyen âge, T. III, p. 22, примѣч. 21.

[3]) Adami Bremensis, Lib. II, c. 18. Ita dicti Adamo, ut videtur, de emporio eorum Reric, de quo vide Einhardi a. 808, 809.

[4]) Helmoldi, 1. 12.

тиборъ. Къ югу отъ Бодричей жили отрасли этого народа: Смолинцы, Глиняне, Враневцы [1]). 2) *Лютичи*, или Велеты, между Одрой, Балтійскимъ моремъ и Лабой [2]). Баварскій географъ насчитываетъ у нихъ 95 общинъ и четыре области. Рѣка Пѣна раздѣляла ихъ такъ, что Кишане и Черезпѣняне находились на сѣверѣ, Долинцы и Ратари на югѣ ея [3]). Сами они называли себя Велетами (Влъцы); у Франковъ и Саксовъ назывались Вильцами [4]). Эти два названія перешли изъ исторіи въ область народныхъ повѣствованій, какъ синонимы величины, ужаса, чудовищности. Велеты или Велетабы и Вильцы произвели еще третье названіе—Лютичи, которое явилось позднѣе: такъ называли ихъ обыкновенно чужестранцы. Можетъ быть это названіе обозначало политическое единство, федерацію колѣнъ [5]). 3) *Сербы*, въ нынѣшнихъ Лужицахъ и Саксоніи, къ нимъ принадлежали двѣ большія вѣтви Лужичанъ и Сербовъ собственно, и множество малыхъ. Лужичанами первоначально назывались обитатели жупы, именуемой Лужица, обнимавшей почти тоже самое пространство, что̀ и позднѣйшая нижняя Лужица. Въ послѣдствіи имя это перенесено и на ближайшіе края къ сѣверу и востоку, по самую Одру; напослѣдокъ перешло и на южные края, заселенные Мильчанами и Нишанами, и Лужица въ этомъ обширномъ смыслѣ возведена въ маркграфство и раздѣлена на верхнюю и нижнюю. Мильчане [6]) занимали пространство между нижней Лужи-

---

[1]) О Бодричахъ см. Шафарикъ, т. II, кн. III, стр. 145—155; Географъ баварскій: Linaa est populus, qui habet civitates VII. Въ 795 году Vitzan, князь Бодричей, въ походѣ противъ Франковъ, останавливался въ землѣ Глинянъ; 16 лѣтъ спустя, 811 г., Карлъ Великій перешелъ Лабу, чтобы вторгнуться въ страну Глинянъ; Глиняне и Враневцы жили *ultra Abodrites*; Враневцы получили имя отъ рѣки Варны, а сосѣди ихъ жили между Лабой и Стекеницей. Ихъ округъ имѣлъ очень значительное протяженіе, какъ видно изъ грамотъ Оттона 1.

[2]) Шафарикъ, т. II, кн. III, стр. 81. Vuilzi, in qua civitates XCV et regiones IV — Баварскій географъ, изд. Гормайромъ въ его Herzog Luitpold, s. 24; также у Шафарика, въ прибавленіяхъ, стр. 68.

[3]) Adami, Lib. II, 18. Mox habitant Chizzini et Circipani, quos a Tholosantibus et Retheris separat flumen Panis; тутъ же schol. 17: Chizzini et Circipani cis Panim fluvium habitant; Tholosantes et Retharii trans Panim fluvium; hos IV populos a fortitudine Viltzos appellant vel Leuticos; ср. Helmoldi, c. 2; Шафарикъ заподозриваетъ эти извѣстія и относитъ къ означенному народу, какъ сѣверныхъ сосѣдей, Велетовъ, обитателей острова Волина, Узноима и Раны, такъ и южныхъ, т. е. Укранъ, Рѣчанъ, Стодеранъ, Брежанъ, Спреванъ, Морочанъ. Слав. Древности, т. II, кн. III, стр. 123—4 и д.

[4]) Lelewel, Géographie du moyen âge, T. III, p. 23.

[5]) Vita S. Adalberti, c. 26; Thietmar, IV. 9, VI. 18: Hiis autem omnibus, qui communiter Liutici vocantur, dominus specialiter non praesidet ullus... и въ др. мѣстахъ у Титмара.

[6]) Milzane, civitates XXX, по словамъ баварскаго географа; главный городъ ихъ Будишинъ, нѣсколько разъ упоминаемый у Титмара.

цей, рѣкою Квисой, чешскимъ погорьемъ и Мишніей, почти до Черной Эльстры, иначе всю верхнюю Лужицу. Другія колѣна, принадлежавшія къ этому народу, были: Голешинцы, Нишане, Слубяне, Любушане, Низовцы или Нижане, Суслы или Сусельцы, Гломачи, Хутичи [1]).

Король Генрихъ I (919—936) приготовилъ грозныя средства къ войнѣ со Славянами; при немъ сдѣлано весьма много удачныхъ походовъ на Славянъ полабскихъ, Славяне чешскіе тоже были обязаны къ дани [2]). Видукиндъ и Титмаръ говорятъ, что Генрихъ заставилъ платить себѣ дань Бодричей, Вильцевъ, Гаволянъ, Гломачей, Ратарей и Чеховъ. Дѣйствительно, онъ началъ налагать тяжелое ярмо на сосѣдніе славянскіе народы. Побѣдивъ Сербовъ на Салѣ, онъ отодвинулъ за Лабу жившіе тутъ народы; на освободившейся землѣ поселилъ своихъ людей и обязалъ ихъ къ военной службѣ. Такъ основалъ Генрихъ военныя колоніи, чтобы постоянно держать на глазахъ и тѣснить къ востоку Славянъ. Для этого на границѣ строились новые и укрѣплялись старые города; такъ получилъ начало Кведлинбургъ, съ этою цѣлію обведенъ каменною стѣною Межиборъ. Въ Межиборѣ и его окрестностяхъ открыто было убѣжище для преступниковъ, чтобы населить городъ и сдѣлать его болѣе сильнымъ. Подозрительный народъ помѣщенъ былъ въ предмѣстьи города, между тѣмъ какъ въ самомъ городѣ былъ посаженъ отрядъ военныхъ людей. Такъ численно было населеніе предмѣстья, что, немного спустя, оно могло выставить 1000 человѣкъ на войну съ Чехами [3]). Этимъ молодцамъ и въ мирное время можно было промышлять грабежами,—на непріятельской только землѣ. Мѣста народныхъ собраній и торжищъ Генрихъ приказалъ укрѣпить или устроить ихъ за стѣнами города. Въ этихъ пограничныхъ крѣпостяхъ враги, при новыхъ нападеніяхъ, должны были встрѣтить сильный отпоръ, сюда могли сбѣгаться и всѣ окрестные жители при появленіи врага. Каждые 9 военныхъ поселенцевъ должны были выстроить въ городѣ домъ и магазинъ для съѣстныхъ припасовъ, куда приказано было доставлять третью часть всѣхъ плодовъ. Для этого они выбирали изъ своей среды одного и посылали его въ городъ, обязываясь обработывать

---

[1]) Упоминаніе обо многихъ изъ колѣнъ полабскихъ Славянъ есть у баварскаго географа и въ грамотахъ X и XI в. Полный обзоръ этого предмета у Шафарика, т. II, кн. III, въ частности о Лужичанахъ и Мильчанахъ стр. 157—175.

[2]) Continuator Reginonis, a. 921, 928, 931, 934; Annal. Hildesh. a. 930, 931, 934 Viduk. Lib. 1. c. 35, 36, 38; Thietm. 1. c. 6, 8. О Генрихѣ см. Ranke, Jahrbücher ss. 41 — 124.

[3]) Любопытны слова Видукинда, II. 3, мотивирующія эту военную мѣру Генриха; Rex quippe Heinricus cum esset satis severus extraneis, in omnibus causis erat clemens civibus; unde quemcumque videbat furum aut latronum, manu fortem.., et bellis aptum, a debita poena ei parcebat, collocans in suburbano Mesaburiorum, datis agris atque armis, jussit civibus quidem parcere, in barbaros autem, in quantum auderent latrocinia exercerent...

его участокъ и собирать съ него жатву. Служилые люди не должны были имѣть домовъ за городомъ, такъ какъ при первомъ нападеніи врага таковые могли быть разрушены. Важнымъ учрежденіемъ Генриха было еще то, что онъ обязалъ вассаловъ своихъ являться на войну на конѣ и такимъ образомъ ввелъ новый способъ военныхъ дѣйствій [1]). «День и ночь производились постройки въ пограничныхъ земляхъ...; все обводилось стѣнами и валами; быстро появились окруженныя стѣнами крѣпости, распространялись маленькія селенія, возстановлялись разрушенныя укрѣпленія; неожиданно возникло безчисленное множество жилищъ человѣческихъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ранѣе можно было встрѣтить развѣ одну хижину» [2]).

Четыре года проведено было въ приготовительныхъ работахъ по укрѣпленію марки и въ обученіи войска. Потомъ начата война съ ближайшимъ колѣномъ полабскихъ Славянъ — Гаволянами, жившими по берегамъ Гаволи и Шпре. Послѣ нѣсколькихъ сраженій, въ суровую зиму, добрался Генрихъ до главной крѣпости Гаволянъ, Бранибора (Brennaburg), построеннаго между рукавами Гаволи; расположился лагеремъ на льду и осадилъ городъ: голодъ, желѣзо и холодъ помогли ему, Гаволяне сдались побѣдителю [3]). Походъ продолжался на югъ, противъ Гломачей. Они не смѣли въ открытомъ полѣ противостоять королю и заперлись въ крѣпости Гронѣ, но на двадцатый день взята и эта крѣпость. Между Саксами и Славянами давно уже была сильная ненависть, и Саксы весьма сурово пользовались своею побѣдой. Городъ разграбленъ, мущины перебиты, дѣти распроданы въ рабство. Безостановочно шелъ Генрихъ къ югу и вторгся въ Чехію, пригласивъ на помощь баварскаго герцога Арнульфа [4]).

---

[1]) Ranke, Jahrbücher 1. ss. 148—9, 155—6; Giesebrecht, Geschichte d. D. Kaiserz. 1, ss. 233—4, 811. Городовое устройство Генриха имѣло образецъ свой въ учрежденіяхъ подобнаго же рода Эдуарда англійскаго. Видукиндово свидѣтельство 1. с. 35 какъ-будто заимствовано изъ закона, родственнаго съ законами Эдуарда о городовомъ устройствѣ: 1) ut ex agrariis militibus nonus quisque in urbibus habitet et caeteris confamiliaribus suis octo habitacula exstruat, frugumque omnium tertiam partem excipiat servetque, caeteri vero octo seminent et metant, frugesque colligant nono et suis eas locis recondant; 2) ut concilia et omnes conventus atque convivia in urbibus celebrentur; 3) ut praeter vilia nulla sunt extra urbes moenia. Городское устройство Эдуарда англійскаго послужило образцемъ для Генриха нѣмецкаго; городское устройство Болеслава польскаго также представляетъ черты сходства съ нимъ.

[2]) Giesebrecht, Geschichte 1. s. 223.

[3]) Vidukindi 1. 35; Ranke, Jahrbücher, 1. ss. 87—8.

[4]) Это уже указанный нами походъ 928 года, слѣдствіемъ котораго было политическое подчиненіе Чехіи Нѣмцамъ. Связь между походомъ на Чехію и войною съ сѣверными колѣнами Славянъ полабскихъ быть должна. Лѣтописцы, хотя рѣдко, но выдаютъ одну причину и одну цѣль волненій, упоминая подъ однимъ и тѣмъ же годомъ о возмущеніи у нѣсколькихъ народовъ.

Въ томъ же 928, или въ слѣдующемъ году, безъ личнаго участія Генриха, покорены Ратари, жившіе въ озерной области, на сѣверъ отъ Гаволи до Пѣны, потомъ Бодричи и Вильцы, жившіе на сѣверъ и западъ отъ Ратарей до Балтики. Въ короткое время Славяне между Лабой и Одрою были подчинены Нѣмцами [1]); въ области Ратарей основана была марка, надзоръ за нею порученъ графу Бернгарду.

Жестокость Нѣмцевъ въ обращеніи съ подчиненными и суровое устройство марки—были невоносимы для свободолюбивыхъ Славянъ. Бѣшено поднялись Ратари, напали на городъ Валислебенъ, лежавшій недалеко отъ Лабы. Хотя городъ и окрестности его были густо населены, но противъ множества враговъ онъ не могъ защищаться; Ратари взяли его приступомъ и перебили всѣхъ жителей. Это было знакомъ къ общему возстанію. Потушить его поручено было графамъ Бернгарду и Титмару, которые и начали дѣло осадой Ленчина [2]), занятаго Славянами. Четыре дня стояло лагеремъ саксонское войско подъ Ленчиномъ, на пятый пришли сторожевые и сказали, что вблизи стоитъ непріятельское войско, которое въ ночь намѣрено сдѣлать нападеніе на лагерь. Саксы рѣшились всю ночь стоять подъ оружіемъ и ждать нападенія; одни боялись сраженія, другіе ему радовались. Наступила ночь темная, съ проливнымъ дождемъ, препятствовавшая Славянамъ напасть на саксонскій лагерь. На зарѣ Бернгардъ рѣшился самъ сдѣлать нападеніе и далъ знакъ къ выступленію. Нѣмецкіе воины клялись во взаимномъ прощеніи обидъ и оскорбленій, давали слово не оставлять другъ друга безъ помощи. Взошло солнце, и съ развѣвающимися знаменами двинулись они впередъ. При первой сшибкѣ Бернгардъ подался назадъ. Потомъ онъ замѣтилъ, что, если у Славянъ конницы не болѣе, чѣмъ у него, то на ихъ сторонѣ значительный перевѣсъ въ пѣшемъ войскѣ; но пѣшее войско было приведено ночнымъ дождемъ и образовавшеюся грязью въ такое положеніе, что едва подвигалось впередъ. Былъ снова данъ знакъ къ сраженію, съ военнымъ крикомъ кидаются Саксы на враговъ. Густыми рядами стояли Славяне, ихъ нельзя было разстроить: только нѣкоторыхъ, отдѣлившихся изъ ряду, убивали Саксы. Много крови было уже пролито съ обѣихъ сторонъ; тогда Бернгардъ приводитъ въ движеніе отрядъ Титмара. Часть коннаго войска съ боку вторглась въ ряды Славянъ; они не выдержали неожиданнаго нападенія и обратились въ бѣгство, хотѣли было спастись въ Ленчинъ, но Титмаръ занялъ всѣ пути къ нему; въ отчаяніи кинулись они по откры-

---

[1]) Viduk. 1. 36. Cumque vicinae gentes a rege Heinrico factae essent tributariae, Apodriti, Vilti, Hevelli, Dalamanci, Boemi, Redarii...; тоже Титмаръ—1. 6; годъ покоренія Ратарей, Лютичей и Бодричей точно неизвѣстенъ.

[2]) Подробное описаніе у Видукинда 1. 36; Annal. Hildesheim. et Quedlinburg. a. 930; Ranke, I. ss. 92—93; Шафарикъ, § 43, 6, прим. 95.

той дорогѣ къ озеру *и... кого не нашло оружіе Сакса, тотъ потонулъ въ волнахъ его.* Не спасся никто изъ пѣхотинцевъ, убѣжали только нѣкоторые изъ конниковъ, война прекратилась потому, что не стало враговъ. Дѣло происходило 4 сентября 929 года. На слѣдующій день сдался Ленчинъ, подъ условіемъ сохраненія жизни его обитателямъ, которымъ приказано было выйти изъ города безоружными; женщины, дѣти, рабы, все имѣніе горожанъ досталось побѣдителямъ; всѣ военноплѣнные осуждены на смерть и казнены.

Въ 932 году сдѣланъ былъ походъ на Лужичанъ, жившихъ по обоимъ берегамъ Шпре. Тогда было положено начало пограничной крѣпости Мишнѣ и сдѣлано основаніе лужицкому маркграфству [1]). За Лужичанами были покорены Мильчане, раззоренъ ихъ городъ Лебуша, имѣвшій до 10,000 жителей, 10 воротъ и крѣпкія стѣны. «Много крови было пролито здѣсь, говоритъ Гизебрехтъ, потому что съ Вендами Генрихъ не церемонился. Уже цѣлыя столѣтія господствуетъ нѣмецкая жизнь между Лабой и Одрой; но она привилась на почвѣ, гдѣ каждый шагъ политъ кровью. То было желѣзное время, когда нѣмецкіе обычаи, языкъ и съ нимъ христіанство насаждаемы были въ этихъ странахъ. Какъ желѣзо, легла рука Саксовъ на Вендовъ и раздавила ихъ» [2]).

Во время этихъ событій, когда самыя отчаянныя усилія славянскихъ народовъ между Лабой и Одрой разбивались въ прахъ передъ желѣзною силою Нѣмцевъ, чешскій князь Вячеславъ съ лихорадочною поспѣшностію занимался церковнымъ устройствомъ своей страны. Не видѣлъ ли въ этомъ чешскій князь, слабый для успѣшной борьбы съ Нѣмцами, постоянно могшій опасаться измѣны со стороны безпокойныхъ жупановъ, единственнаго средства сохранить свой народъ и приготовить ему, по крайней мѣрѣ въ будущемъ, лучшую участь?

936 г. Въ 936 году въ войну съ Нѣмцами вовлечены и Славяне чешскіе; въ тоже время снова поднялись и Славяне полабскіе. Надежда возвратить потерянную независимость при новомъ нѣмецкомъ государѣ подняла Славянъ полабскихъ, опасность усилившагося вліянія Нѣмцевъ въ странѣ и желаніе сдѣлать господствующею въ государствѣ одну свою волю руководили Болеславомъ чешскимъ. Началась упорная и продолжительная война, почти безпрерывно, въ продолженіе 14 лѣтъ, веденная въ маркахъ сѣверной и чешской; не успѣютъ Нѣмцы утвердить свое господство надъ однимъ народомъ, какъ поднимается другой съ но-

---

[1]) Thietmar, I. 9. Ranke, Jahrbücher s. 101. оспариваетъ, впрочемъ, мысль, что тогда положено начало лужицкому маркграфству.

[2]) ... denn gegen Wenden liesz Heinrich das Schwert nicht in der Scheide... Giesebrecht, Geschichte 1. s. 230.

вымъ ожесточеніемъ [1]); Чехи выдержали борьбу и сохранили свободу, Славяне полабскіе изнемогли и понесли опять тяжелое иго. Болеслава повели къ разрыву съ Нѣмцами тѣ же обстоятельства, которыя уже издавна были причиною многихъ золъ и бѣдствій для Чехіи. Если Болеславъ хотѣлъ поднять княжескую власть въ Чехіи, что̀ было необходимо въ виду опаснаго усиленія сосѣдей, то ему нужно было уничтожить тѣ причины, которыя парализовали княжескую власть, т. е. обуздать своевольныхъ жупановъ и колѣнныхъ князей, которые интриговали въ Прагѣ и за границами Чехіи. Этого рода дѣятельностію занято было его княженіе отъ начала до конца. Чтобы наказать одного жупана, добровольно предавшагося Нѣмцамъ, Болеславъ началъ противъ него военныя дѣйствія [2]). На защиту жупана посланы были два отряда изъ Саксоніи и Турингіи; Болеславъ раздѣлилъ свои войска и въ одиночку уничтожилъ непріятелей. Потомъ вошелъ въ область непокорнаго жупана; не встрѣчая сопротивленія, бралъ крѣпость за крѣпостью и столицу его обратилъ въ развалины. Война, начавшаяся такимъ образомъ, продолжалась, какъ сказано, 14 лѣтъ; объ отдѣльныхъ столкновеніяхъ, вообще о томъ, какъ она велась, мы ничего не знаемъ; но уже самая продолжительность ея говоритъ, что счастіе было то на той, то на другой сторонѣ. Современныя лѣтописи о войнѣ Нѣмцевъ съ Болеславомъ упоминаютъ какъ бы мимоходомъ: вниманіе ихъ болѣе обращено на внутреннія волненія, интриги и заговоры при дворѣ Оттона. Если является извѣстіе о войнѣ со Славянами, то говорится слишкомъ обще, безъ указанія родового имени ихъ [3]). Можно, однако, замѣтить, что война съ Болеславомъ продолжалась до того времени, пока не прекратились волненія у Славянъ полабскихъ; когда же введено было прочное военное устройство въ маркахъ этихъ Славянъ, то произошло соглашеніе и между Оттономъ и Болеславомъ; война должна была происходить на границѣ, иначе трудно объяснить, почему Косьма не записалъ объ ней никакого воспоминанія; хотя, впрочемъ, относительно Болеслава I свидѣтельства Косьмы вообще весьма пристрастны и недостаточны [4]).

---

[1]) Köpke, Jahrbücher I, ss. 7 — 8.

[2]) Viduk. II. 3. timens sibi vicinum subregulum, eo quod paruisset imperiis Saxonum, indixit ei bellum... Thietm. 11. 1.

[3]) Таковы Видукиндовы извѣстія: Lib. 11. 4... intrat terminos barbarorum..; 11. 20... barbari autem labore nostro elati, nusquam ab incendio, caede ac depopulatione vacabant; c. 30... eo tempore barbarorum bellum fervebat; c. 40 ...obsides Bolizlavi ibi vidimus, quos populo rex praesentari iussit, satis super eis laetatus. Palacky, Dějiny 1. str. 241 — 2.

[4]) Достаточно указать Lib. 1. 17, 19, 21, гдѣ Косьма не находитъ словъ, которыя бы удовлетворительно выразили все его презрѣніе къ братоубійцѣ; между тѣмъ иностранные лѣтописцы гораздо справедливѣе относятя къ Болеславу I: Widukind, III. 8.

939—940 гг. Въ то время, какъ Саксы и Туринги разбиты были Болеславомъ, самъ Оттонъ ходилъ на Славянъ полабскихъ, «для обузданія ихъ жестокости». Веденіе дѣлъ противъ нихъ скоро было поручено Саксу Герману, младшему сыну графа Биллинга. Выборъ Оттона былъ весьма удаченъ, но онъ возбудилъ ропотъ между саксонскими дворянами, и только успѣшныя дѣйствія Германа должны были зажать ротъ недовольнымъ [1]). Германъ, принудивъ Славянъ къ дани, сдѣланъ былъ маркграфомъ на нижнемъ теченіи Лабы [2]). Когда противъ Оттона, въ самой Германіи, составилъ заговоръ братъ его Генрихъ [3]), Славяне воспользовались этимъ и жестоко отмстили Нѣмцамъ. Начало сдѣлали Бодричи; напавши на маркграфа Гайку или Гику, они истребили его войско и самого его убили. Оттонъ, еще не подозрѣвая опасности въ заговорѣ Генриха, сдѣлалъ на нихъ нѣсколько походовъ и довелъ ихъ до крайней степени бѣдствій. Продолжать противъ нихъ дѣло затѣмъ поручилъ графу Геро [4]). Марка этого маркграфа простиралась отъ Салы и средней Лабы до Одры. Здѣсь жили колѣна, частію совершенно подчиненныя уже Саксамъ и потерявшія самостоятельность, какъ Сербы, Гломачи; частію такія, которыя только силой принуждены были къ повиновенію и выжидали перваго случая стряхнуть съ себя иго. Это были: Мильчане, Лужичане, Гаволяне, Ратари и Укране. Съ тѣхъ поръ, какъ Геро получилъ марку, онъ не зналъ покоя. Если наступало спокойствіе, то оно казалось тяжелѣй войны. Славяне пытались убить его, но Геро самъ отплатилъ имъ тою же монетой: пригласилъ къ себѣ 30 старшинъ славянскихъ и, напоивши, перебилъ ихъ. Это кровавое дѣло было новымъ поводомъ къ возстанію; началась ожесточенная война съ обѣихъ сторонъ. Туго приходилось Славянамъ, говоритъ Видукиндъ, «тѣмъ не менѣе они предпочли войну миру и согласились лучше потерпѣть всевозможныя бѣдствія войны, чѣмъ лишиться любезной свободы. Ибо это народъ крѣпкій и выносливый въ трудѣ, привыкшій довольствоваться весьма немногимъ; что для нашихъ было бы тяжелымъ подвигомъ, то Славяне переносятъ съ удовольствіемъ. Проходило время, а Нѣмцы и Славяне бились съ перемѣннымъ счастіемъ—первые ради славы и широкой власти, послѣдніе ради свободы и постыднаго рабства» [5]). Но и теперь, въ виду общей опасности, при одновременномъ возстаніи почти всѣхъ пограничныхъ Славянъ, Нѣмцы находятъ возможность поль-

---

[1]) Viduk., Lib. 11. 4.

[2]) Это случилось въ 939—40 году; Palacky, Gesch. v. Böhmen, s. 212, Anm. 18.

[3]) Annal. Quedlinburg. a. 939; Viduk. 11. cc. 5—9; о честолюбивыхъ замыслахъ Генриха cc. 9—14.

[4]) Геро сдѣлался маркграфомъ послѣ Зигфрида; см. Leutsch, Markgraf Gero, ss. 23—4. Köpke, Jahrbücher 1, Excurs 12, s. 118 squ...

[5]) Viduk. 11. 20.

зоваться собственными же силами Славянъ. Тугуміръ, князь Гаволянъ, за подкупъ, измѣняетъ соотечественникамъ и сдаетъ Геро Браниборъ [1]). И сѣверныя колѣна Славянъ полабскихъ, бывшія въ маркѣ Германа, Вагры, Бодричи, Черезпѣняне, отъ Киля до Одры, по берегу Балтики, возставшія въ одно время съ колѣнами марки Геро, бились долго и упорно, но потомъ должны были уступить силѣ Нѣмцевъ. Такъ были бѣдны результатами самыя отчаянныя усилія Славянъ, такъ тщетно проливали они кровь свою и приготовляли себѣ еще тягчайшее иго.

Теперь Саксы стали полновластно распоряжаться въ землѣ Славянъ полабскихъ между Лабой и Одрою, и утвердились здѣсь постройкою новыхъ крѣпостей. Подъ именемъ марки стали понимать завоеванную область за старой границей государства, жители которой обязаны были къ дани. Дань платилась частію деньгами, частію натурой, отбывались разныя личныя повинности въ отношеніи къ королю и его вассаламъ. Король принялъ въ личную собственность только тѣ земли въ маркахъ, которыя сдѣлались праздными послѣ погибели князей и народныхъ старшинъ; земли эти онъ подѣлилъ между поселенными здѣсь вассалами и служилыми людьми, которые за пользованіе леномъ должны были отправлять военную службу [2]) и составлять военную стражу въ пограничныхъ крѣпостяхъ. Въ случаѣ сильнаго движенія въ маркахъ, на помощь къ нимъ приходило королевское войско. Эти служилые люди образовали постоянное войско на границахъ нѣмецкихъ, имѣвшее центры по городамъ. По городамъ раздѣлялись марки на множество бургвардовъ—имя, которымъ обозначался городъ съ его округомъ. Въ каждомъ городѣ начальствовалъ бурграфъ или каштелянъ, которому были подчинены военные люди, жившіе частію въ городѣ, частію въ предмѣстьи его или въ округѣ. Графы имѣли власть или надъ однимъ, или нѣсколькими бургвардами. Графы, каштелляны и весь служилый людъ стояли подъ управленіемъ маркграфа, облеченнаго полномочіемъ въ маркѣ, какъ того требовало постоянное ея военное положеніе. Геро былъ маркграфомъ въ южной маркѣ, Германъ въ сѣверной. Имъ принадлежала не только военная власть въ маркѣ, но и юридическая у всѣхъ покоренныхъ народовъ [3]). На время

---

[1]) Viduk. 11. 21; Köpke, Jahrbücher 1, ss. 42—3.

[2]) У лѣтописцевъ они называются militia, какъ у Видукинда 11. 4—placuit nouo regi novum principem militiae constituere; milites, Viduk. 11, 30—milites ad manum Geronis praesidis conscripti...

[3]) Объ устройствѣ вендскихъ марокъ см. Giesebrecht W., Gesch. der Deutschen Kaiserzeit 1. ss.: 298—299; 222—3; 281—234; 486—488; Giesebrecht L., Wendische Geschichten, s. 141—9; Leutsch, Markgraf Gero, s. 67 и д.; Köpke, Jahrbücher 1, s. 49 и 12 Excurs, ss. 121—3.

притихли Славяне полабскіе; тѣмъ временемъ вводилось между ними христіанство и основывались епископіи. Священникъ и воинъ шли рядомъ, съ одинаковою настойчивостію, для подчиненія ихъ.

946 г. Скоро послѣ того и Чехи должны были подчиниться необходимости и уступить Нѣмцамъ. Въ 946 году Болеславъ прислалъ къ Оттону заложниковъ, которыхъ съ радостію показывалъ король народу [1]; 950 г. но въ 950 г. перемиріе было уже нарушено, Оттонъ съ огромнымъ войскомъ подступилъ къ Прагѣ и осадилъ въ іюлѣ мѣсяцѣ новый, теперь старый городъ, защищаемый Болеславомъ, сыномъ Болеслава I [2]. Когда взята была эта часть Праги, Болеславъ отецъ, державшійся на другой сторонѣ Волтавы, не видѣлъ никакой возможности бороться съ королемъ, такъ какъ войска его были весьма значительны. Поэтому онъ явился къ лагерю Оттона, и тамъ, стоя подъ знаменами, вошелъ съ королемъ въ переговоры и заключилъ съ нимъ миръ [3]. Чешскій князь снова обязался къ дани, которую платилъ Генриху Вячеславъ; наблюденіе за Чехіей поручено было брату Оттона, герцогу баварскому, Генриху, котораго область соприкасалась съ Чехіей. Съ этихъ поръ твердый и прочный миръ установился между Нѣмцами и Чехами; у Оттона и Болеслава были одни и тѣже враги и друзья.

Въ чемъ состояло подчиненіе Чехіи нѣмецкимъ королямъ? Что Чехія подчинилась не на тѣхъ же условіяхъ, какъ полабскіе Славяне, это понятно само собою; въ ней остается земскій князь, ничѣмъ неограниченный во внутреннемъ управленіи, наблюденіе за вѣрностью Чехіи поручается лицу, облеченному властію герцога надъ цѣлою провинціей, королевскому брату. Но, говорятъ, чешскіе князья управляли Чехіей на правахъ вассальныхъ, какъ нѣмецкіе графы, бароны и т. п. Нѣмецкіе князья были вассалы, то есть чиновники королевскіе; имъ юридически принадлежало только то, что они получали отъ нѣмецкихъ королей и императоровъ. Если возникалъ споръ о взаимныхъ правахъ ихъ, князьямъ нужно было доказать, имѣютъ ли они и какимъ образомъ пріобрѣли это право? Чешскіе князья были верховными вождями своего народа; полноправность ихъ была такъ широка, какъ это было установлено договорами съ императорами нѣмецкими; юридическій приговоръ былъ такимъ образомъ на сторонѣ князей чешскихъ; чего императоры не могли доказать изъ договоровъ,

---

[1]) Viduk. 11. 40.

[2]) Viduk. 111. 8; Continuator Reginonis a. 950: eodem anno Boemiorum princeps Bolizlav regi rebellat, quem rex validissima manu adibat, suaeque per omnia ditioni subdebat.

[3]) Wid. III. 8;—sub signis stans, et regem audiens responsaque reddens, veniam tandem promeruit. Попытка объяснить слова Видукинда предложена у Палацкаго въ Dějiny, 1. str. 243—4, примѣч. 229, 231; Köpke, Jahrbücher, 1. s. 80, Anmerk. 2 и 3.

то имъ по праву и не принадлежало [1]). Если обратимъ вниманіе на то, какими правами фактически пользовались императоры въ Чехіи, то не увидимъ тутъ ничего такого, что̀ принадлежало къ самымъ обычнымъ отношеніямъ между императоромъ и его вассалами. Императоры никогда не имѣли судебной власти въ Чехіи, не пользовались никакими регаліями, не имѣли никакихъ доходовъ, за исключеніемъ стародавней подати, по произволу не распоряжались чешскими войсками, не имѣли права употреблять ихъ въ своихъ войнахъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда князья чешскіе добровольно соглашались на то, если угрожала опасность тому и другому народу [2]). Во всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ князь чешскій пользовался полною самостоятельностію, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда императоръ Генрихъ I вступился за чешскаго подданнаго (828 г.), и Оттонъ I за одного жупана, который, надѣясь на защиту Нѣмцевъ, противился земскому князю. Единственное право, пріуроченное себѣ нѣмецкими королями во внутреннихъ дѣлахъ Чехіи, было рѣшеніе дѣлъ о престолонаслѣдіи, поводъ къ чему подавали частыя распри въ княжескомъ домѣ. Но что и это право не имѣло историческихъ основаній, видно изъ закона о престолонаслѣдіи, изданнаго Брячиславомъ I [3]).

Еще продолжались почти каждогодные набѣги Угровъ на сосѣдей, но теперь нерѣдко приходилось имъ терпѣть сильныя пораженія. Въ 955 году явились при дворѣ Оттона угорскіе послы, подъ предлогомъ дружественныхъ переговоровъ, имѣвшіе намѣреніе ознакомиться съ состояніемъ дѣлъ въ Германіи [4]). Когда Оттонъ отпустилъ 955 г.

---

[1]) Что Чехія была нѣмецкимъ леномъ, основанія на это берутъ изъ тѣхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, гдѣ князья чешскіе клянутся въ вѣрности королямъ при подобномъ же обрядѣ, что̀ и вассалы, получавшіе ленъ. Факты этого рода суть: 1) въ анналахъ фульдскихъ, а. 895 сыновья Боривоевы поступаютъ въ подданство Арнульфа черезъ рукобитье; 2) Болеславъ I, по Видукинду, (III. c. 8), sub signis stans et regem audiens, responsaque reddens, veniam tandem promeruit; 3) Thietmar, V. 15; 4) Thietm., VI. 9. Но все это были особенные случаи, изъ которыхъ никакъ нельзя выводить правила для каждаго чешскаго князя, который нормально, по преемству, занималъ чешскій престолъ. Брячиславъ I говоритъ Генриху III, что онъ ничѣмъ не обязанъ передъ Нѣмцами, кромѣ того, что̀ установлено по договору съ сыномъ Карла Великаго—Cosmae, a. 1040; тотъ же Брячиславъ вводитъ законъ о престолонаслѣдіи совершенно независимо отъ Нѣмцевъ: inter meos natos sive nepotes semper major natu summum jus et solium obtineat in principatu. Cosmae, a. 1055; Codex juris Bohemici Иречка, Т. I, подъ № 9.

[2]) Подобный случай представляетъ война съ Уграми въ 950 году; тутъ въ войскѣ Оттона, по словамъ Видукинда III. 44, были «Boemi electi milites mille, armis potius instructi, quam fortuna»; также при Яромірѣ и Ольдрихѣ въ войнахъ противъ Болеслава польскаго.

[3]) См. примѣч. I; объ отношеніи Чеховъ къ Нѣмцамъ — уже нѣсколько разъ упомянутую статью Томка O pravnim pomeru Cech; Палацкаго, Dějiny I. str. 243—4.

[4]) Viduk III. 44.; а въ Германіи въ то время были весьма сильныя внутреннія

уже ихъ съ богатыми подарками, явились къ нему послы отъ герцога Генриха баварскаго съ извѣстіемъ, что Угры подступаютъ къ границамъ государства. Только немногіе Саксы могли сопровождать Оттона въ Баварію, на встрѣчу врагамъ, такъ какъ почти всѣ войска заняты были войною въ маркахъ. Между тѣмъ Угры разсыпались уже по Баваріи, вторглись глубоко въ Швабію; главное войско ихъ расположилось въ окрестностяхъ Аугсбурга, въ долинѣ Леха. Никогда еще они не нападали въ такомъ огромномъ количествѣ, простиравшемся до ста тысячъ; они хвалились, что не боятся ничего на свѣтѣ, если небо не обрушится на нихъ или земля не поглотитъ ихъ. Къ Оттону пристали Баварцы, Швабы и Франки съ той стороны Рейна; на помощь ему прислалъ и Болеславъ чешскій 1000 избранныхъ, хорошо вооруженныхъ воиновъ.

10 Августа 955 года, въ день св. Лаврентія совершено было торжественное богослуженіе въ лагерѣ Нѣмцевъ. Оттонъ далъ обѣтъ учредить епископію въ Межиборѣ, если Богъ поможетъ ему въ предстоящей войнѣ; воины исповѣдывали другъ передъ другомъ грѣхи свои, клялись не оставлять одинъ другого и слушаться начальниковъ; когда подняты были знамена, весело пошли они на непріятелей. На восемь отрядовъ (legio) раздѣлены были нѣмецкіе войска, при каждомъ отрядѣ состояла тысяча вооруженныхъ всадниковъ. Самый блистательный и самый сильный отрядъ былъ пятый, которымъ командовалъ самъ Оттонъ; передъ нимъ развѣвалось знамя съ изображеніемъ копья св. Архангела Михаила; кругомъ короля тѣснились герои — юноши, цвѣтъ храбрѣйшихъ изъ каждаго отряда. Угры обошли нѣмецкое войско; Оттонъ, явившись на мѣсто боя, увидѣлъ враговъ не только впереди, но и позади себя. Первому натиску подверглось то крыло, гдѣ стояли Чехи; въ нихъ пущены были тысячи стрѣлъ, потомъ съ ужаснымъ крикомъ напала конница: Чехи не выдержали, многіе перебиты и взяты въ плѣнъ, обозъ достался въ руки непріятелю. За Чехами подались Швабы, опасность угрожала всему войску, страхъ объялъ даже постарѣвшихъ въ битвѣ воиновъ. Тогда приказалъ Оттонъ храброму Конраду съ Франками попытаться пріостановить напоръ враговъ на задніе ряды. Отрядъ новобранцевъ, еще не видавшихъ въ глаза непріятеля, отдѣлился подъ его команду, готовый въ слѣдъ за нимъ идти на смерть. Угры были обращены въ бѣгство, плѣнные Чехи освобождены, и обозъ отнятъ снова. Теперь, когда все вниманіе

волненія, начавшіяся въ 952 и продолжавшіяся въ 953 и 954 годахъ, Thietm. II. 3; Doenniges, Jahrbücher I. подъ указанными годами; такое положеніе дѣлъ давало Уграмъ надежду на поживу. Извнѣ, въ маркахъ, кипѣла ожесточенная война со Славянами; замѣчательно, что въ этихъ крупныхъ событіяхъ не замѣшано имя Болеслава чешскаго.

могло быть обращено на враговъ, стоявшихъ впереди, взялъ Оттонъ щитъ, святое копье и вскочилъ на коня. Завязалась кровопролитная битва со всѣхъ сторонъ. Подались Угры, только самые храбрые изъ нихъ держались еще на мѣстѣ. Скоро и всѣ обратились въ поспѣшное бѣгство. Многіе старались скрыться по деревнямъ, разсѣяннымъ въ долинѣ; но нѣмецкіе воины преслѣдовали ихъ, зажигали зданія, въ пламени которыхъ бѣглецы находили ужасную смерть. Станъ Угровъ еще въ тотъ же день достался въ руки Оттона. Преслѣдованіе побѣжденныхъ враговъ продолжалось на другой и третій день битвы [1]).

Чешскій князь Болеславъ не участвовалъ самъ въ битвѣ при Лехѣ, онъ послалъ только Оттону вспомогательный отрядъ. Потерпѣвъ неудачу, Угры думали было вознаградить на Чехіи свои убытки; но были всѣ перебиты Болеславомъ, на границѣ выжидавшимъ исхода войны ихъ съ Нѣмцами. Тутъ попалъ въ плѣнъ къ Чехамъ предводитель Угровъ, Легель; тутъ потеряли они всю свою военную силу, такъ долго пугавшую христіанскую Европу. Скоро затѣмъ Угры принимаютъ христіанство и, воспользовавшись дарами гражданственности, образуютъ европейское государство и входятъ въ составъ европейскихъ народовъ.

955 годомъ заканчиваются свѣдѣнія наши о Болеславѣ I. Нѣтъ лѣтописныхъ данныхъ, отъ которыхъ бы можно было отправляться въ изложеніи его дѣятельности за послѣдніе 12 лѣтъ его жизни; но при преемникѣ его встрѣчаемся мы съ такими фактами, возникновеніе которыхъ, по всей вѣроятности, слѣдуетъ отнести ко времени Болеслава I. Такъ, въ первые же годы Болеслава II границы Чехіи представляются весьма много распространенными; за единственнымъ исключеніемъ [2]), не видимъ болѣе колѣнныхъ князей и жупановъ, вра- 955—967 гг.

---

[1]). Описаніе лехфельдской битвы находится у Видукинда III. 44, и у Титмара II. 4; что Нѣмцы не могли нанести Уграмъ полнаго пораженія, это видно уже изъ сравнительной малочисленности ихъ съ Уграми; конница угорская славилась своею быстротою и исправностію. По нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, Угры послѣ битвы были еще такъ сильны, что неуспѣхъ свой въ дѣлѣ съ Нѣмцами хотѣли вознаградить на Чехахъ; Otto rex cum Agarenis pugnabat in festivitate s. Laurentii, eosque Deo auxiliante devicit..... Et aliud bellum cum eis gerebatur a Poemanis, ubi comprehensus est rex illorum nomine Lele, extincto exercitu eius,—Annal. S. Gallenses major. apud Pertz I, a. 956. Противъ Видукиндова извѣстія о совершенномъ пораженіи Угровъ можно выставить еще свидѣтельство жизнеописателя св. Ульриха, apud Pertz, SS. IV p. 402: tantus tamen adhuc exercitus eorum remanebat, ut.... non pugna lacessitos eos redire aestimaverint...; только одно свидѣтельство Флодоарда говоритъ, что Болеславъ лично участвовалъ въ войнѣ Угровъ съ Нѣмцами. Flodoardi Annal. a. 955, apud Pertz, SS. T. III: contra quos (Ungaros) Otto rex cum Burislao,.. Sarmatarum principe, et Chonrado.... Ungarios delevit... Разборъ свидѣтельствъ см. у Doenniges, Jahrbücher. I. ss: 179—188, Excurs 2 и 3; описаніе ibidem, ss. 45—50. Деннигесъ полагаетъ, что Болеславъ чешскій лично участвовалъ въ этой битвѣ, ss. 47, 50.

[2]) Исключеніе составляетъ домъ Славниковцевъ, совершеннымъ подчиненіемъ

ждебныхъ земскому князю, такъ что является полная централизація всей чешской земли подъ непосредственною властію князей земскихъ. Расширеніе границъ Чехіи и распространеніе власти земскаго князя нужно отнести къ заслугамъ Болеслава I. Надо думать, что дѣло съ Уграми не кончилось въ 955 году однимъ пораженіемъ ихъ на границахъ чешскихъ. То обстоятельство, что̀ чешскій князь въ 955 г. имѣлъ одно и тоже дѣло съ Оттономъ, вооружившись противъ враговъ всего христіанства, выдѣляло его въ глазахъ Нѣмцевъ изъ среды другихъ не нѣмецкихъ народовъ, называемыхъ обычно варварами, и не могло не вліять на послѣдующія отношенія Нѣмцевъ къ Чехамъ. Безъ сомнѣнія къ этому времени нужно отнести завоеванія чешскаго оружія на югѣ и востокѣ Чехіи, о которыхъ говоритъ учредительная грамота пражской епископіи [1]). Послѣ побѣды надъ Уграми, Болеславъ перенесъ оружіе и въ землю ихъ, гдѣ жилъ соплеменный Чехамъ народъ, Мораване; сюда, въ Моравію, послѣ паденія моравскаго государства, должно было начаться сильное движеніе Чеховъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, если они получили здѣсь скоро перевѣсъ надъ старымъ, ослабленнымъ Уграми, населеніемъ [2]). Въ это же время завоевана восточная часть бывшаго государства Святополкова, страна между Дунаемъ и Татрами и нѣкоторыя жупы на сѣверъ отъ Татровъ [3]). Эти, такъ сказать, домашнія событія чешской исторіи не вошли въ фокусъ міросозерцанія иностранныхъ лѣтописцевъ, слѣдившихъ только за отношеніями Славянъ къ нѣмецкой имперіи. Туземный лѣтописецъ, Косьма, слишкомъ неблагопріятно отзывается о Болеславѣ I. Это было, пожалуй, въ характерѣ его монашескихъ воззрѣній—приписать дѣла отца—братоубійцы сыну, идеалу христіанскаго князя. Но и отрицательный отзывъ Косьмы о Болеславѣ [4]) даетъ понять направле-

---

земскому князю сохранившій еще тѣнь своей самостоятельности, но уже не могшій ни въ чемъ противиться ему.

[1]) .....Inde ad orientem hos fluvios habet terminos: Bug scilicet et Ztir cum Cracova civitate provinciaque (cui Vag nomen est), cum omnibus regionibus ad praedictam urbem pertinentibus, quae Cracova est. Inde..... usque ad montes, quibus nomen est Tatri.... Deinde.... addita regione Moravia, usque ad fluvium, cui nomen est Wag, et ad mediam silvam, cui nomen est Muore. Учредительная грамота пражской епископіи помѣщена у Косьмы, подъ 1086 годомъ и у Иречка, Codex juris Bohemici, подъ № 13.

[2]) Въ подтвержденіе этого можно сослаться на статью — въ Archif für Kunde Oesterreichisch. Gesch.. T. XIII,—Die Pannonische Legende, въ этой статьѣ отдѣлъ о національности старыхъ Моравань.

[3]) Palacky, Dějiny I. str. 250; учредительная грамота пражской епископіи.

[4]) Хотя и въ дѣятельности Болеслава I были черты, могшія возбудить сочувствіе Косьмы, но объ нихъ упоминается вскользь: это, напр., обреченіе Страхкваса монашескому званію и монашеская жизнь его въ Регенсбургѣ, въ монастырѣ св. Эммерама. Устройство города по римскому образцу, необходимаго Болеславу для успѣш-

ніе внутренней дѣятельности этого князя. Въ продолженіе 14 лѣтъ онъ ведетъ войну съ Нѣмцами; при этомъ является онъ въ своей странѣ такимъ же самостоятельнымъ и полноправнымъ государемъ, каковы были князья моравскіе—Ростиславъ и Святополкъ. Припомнимъ, какъ непрочно было до него положеніе княжеской семьи въ Чехіи, какъ интриговали при дворѣ и за границей чешскіе жупаны, называвшіеся у иностранныхъ лѣтописцевъ одинакимъ титуломъ съ земскимъ княземъ; во время Болеслава упоминается уже только одинъ случай измѣны. Въ лѣтописяхъ ему придается титулъ царя (Видукиндъ); всѣ его подданные, имѣющіе какую-либо власть, суть его служилые люди, чиновники, которыхъ онъ свободно назначаетъ на должность и удаляетъ. Всѣ колѣнные князья и жупаны, наблюдавшіе прежде интересы своихъ удѣловъ, призываются теперь къ служенію цѣлой странѣ, къ выполненію княжеской воли. Понятно, что для Болеслава не была легка внутренняя борьба, и побѣда не досталась ему разомъ. За суровое проведеніе своихъ цѣлей онъ получилъ прозваніе Укрутнаго (Saevus). Но только утвердивши на прочныхъ основаніяхъ свою власть, онъ могъ вывести Чехію изъ ея узкихъ границъ и поставить на дорогу болѣе широкую, указавъ ей будущность въ привлеченіи сосѣднихъ славянскихъ народовъ въ одинъ союзъ. Первую половину своего княженія Болеславъ провелъ въ войнѣ съ Нѣмцами, отвлекая ихъ силы отъ сѣверной марки, почти непрерывно стоявшей на военномъ положеніи; онъ измѣнилъ прежней политикѣ, когда увидѣлъ, что наличными силами нельзя бороться со врагами, что союзъ съ ними безопаснѣе сомнительной войны. Важное значеніе имѣетъ свидѣтельство Косьмы о постройкѣ Болеславомъ города *Romano opere*, объ участіи въ постройкѣ его жупановъ всей страны. Припомнимъ, что новый родъ укрѣпленій на границахъ ввелъ Генрихъ саксонскій, приготовляясь воевать со Славянами. Очевидно, Болеславъ строилъ у себя городъ по этимъ образцамъ и строилъ его на средства всей земщины. Но это было непривычно для Чеховъ, земскія работы Болеслава остались въ ихъ памяти до времени Косьмы, какъ тяжкое и несносное дѣло: «Мы главы народа, мы не хотимъ дѣлать по твоему приказанію, и отцы наши никогда не дѣлали подобнаго дѣла». И только чрезвычайная настойчивость и неумолимая суровость Болеслава могли сломить старыя патріархальныя преданія. Внутреннимъ объединеніемъ и утвержденіемъ единодержавія пріобрѣли Чехи ту силу при Болеславѣ, которую они обнаружили въ отношеніяхъ къ сосѣдямъ, въ завоеваніи Моравіи и Бѣлохорватіи и благодѣтельномъ вліяніи на Польшу.

ной борьбы съ Нѣмцами, выставляетъ Косьма (1. 19) какою-то дикою прихотью князя.

Достовѣрная польская исторія начинается съ тѣхъ поръ, какъ Нѣмцы въ своихъ завоеваніяхъ у полабскихъ Славянъ дошли до Одры; въ это же время польскіе князья Пястовичи распространили свою власть отъ Варты до Одры. На этой рѣкѣ послѣдовало столкновеніе между Нѣмцами и Поляками [1]). Въ 965 г. Мечиславъ, князь польскій, женился на дочери Болеслава чешскаго, именемъ Дубровкѣ [2]). Мечиславъ такъ полюбилъ ее, что, по ея убѣжденію, согласился оставить язычество и принять христіанство. Первымъ проповѣдникомъ въ Польшѣ былъ чешскій священникъ, онъ крестилъ князя и его приближенныхъ. Дальнѣйшее распространеніе и утвержденіе въ Польшѣ христіанства принадлежитъ Іордану, первому познанскому епископу, а также и св. Войтѣху пражскому. Родство княжескихъ домовъ повело къ частымъ сношеніямъ между Чехами и Поляками, къ союзу противъ общаго врага, оба народа являются иногда подъ однимъ княземъ.

Болеславъ I умеръ 15 іюня 967 года. Упоминаются четверо дѣтей его: Болеславъ и Страхквасъ, Дубровка и Млада, сдѣлавшаяся потомъ, подъ именемъ Маріи, игуменьей женскаго Юрьевскаго монастыря, въ Прагѣ.

4) Устройство епископскихъ каѳедръ въ славянскихъ земляхъ. Пражская епископія. Внѣшняя исторія Чехіи при Болеславѣ II, отношенія къ Германіи и Польшѣ. 967—992. гг.

Болеславу I наслѣдовалъ сынъ его, Болеславъ II, прозванный Благочестивымъ. Одною изъ первыхъ заботъ его была — имѣть въ Чехіи своего епископа. Но устройство новой епископской каѳедры нарушало старыя границы нѣмецкихъ епархій и встрѣчало сопротивленіе въ духовныхъ сановникахъ. Счастливому осуществленію мысли Болеслава II способствовало то, что она нашла себѣ поддержку въ императорѣ Оттонѣ. Императоръ Оттонъ I носилъ высокую идею — связать романо-германскій міръ въ одинъ политическій союзъ, христіанскими учрежденіями возстановить внутри его прочный миръ и совокупными силами западнаго христіанства подчинить и уничтожить язычество. Съ этою цѣлію, налагая ярмо зависимости на Славянъ, жившихъ между Лабой и Одрой, Оттонъ не менѣе ревностно заботился о христіанской

---

[1]) Мечиславъ появляется въ первый разъ въ борьбѣ съ саксонскимъ графомъ Вихманомъ, въ 963 году; свидѣтельства объ этомъ—у Видукинда, Lib. III. c. 66, 67. Геро, уже извѣстный врагъ Славянъ, первый наложилъ руку и на Мечислава польскаго.

[2]) О бракѣ Мечислава съ Дубровкой говорятъ: M. Gallus, lib. I. c. 5, изд. Бѣлевскаго, въ Monumenta Poloniae Historica; Thietmar, IV. 35, 36; Cosmas, 1. 27.

проповѣди между ними и прочномъ церковномъ устройствѣ въ земляхъ ихъ. Любимая мысль Оттона, которую онъ питалъ въ продолженіе 20 лѣтъ и выполнить которую препятствовали притязанія заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ высшихъ духовныхъ сановниковъ, была основать епископскую каѳедру въ Дѣвинѣ (Магдебургѣ), и подчинить ей, какъ всѣхъ новообращенныхъ Славянъ, такъ и тѣ епископскія каѳедры, которыя могли быть устроены въ земляхъ ихъ. Самое сильное сопротивленіе встрѣчалъ императоръ въ майнцкомъ митрополитѣ: учрежденіемъ дѣвинской епископіи у Майнца отнималась цѣлая провинція со всѣми ея доходами. Гальберштадтскій епископъ, въ епархіи котораго находился Магдебургъ, также не соглашался уступить желанію Оттона [1]).

Вскорѣ послѣ пораженія Угровъ, въ 955 году, черезъ Гадемара, аббата фульдскаго, Оттонъ испрашивалъ у папы согласія на устройство новыхъ епископій. Хотя папа Агапитъ незадолго передъ тѣмъ не только почтилъ митрополита Вильгельма почетнымъ титуломъ апостольскаго викарія въ Германіи и Галліи и утвердилъ за майнцкой церковью всѣ ея права и привиллегіи, но и далъ Вильгельму апостольское полномочіе отлучать отъ церкви всякаго, кто бы сталъ претендовать на права его; при всемъ томъ Гадемару какъ-то удалась цѣль посольства, онъ принесъ папскую буллу, разрѣшавшую королю устроять новыя епископіи по своему желанію. Эта булла вызвала архіепископа Вильгельма на рѣзко-оскобительное письмо къ папѣ, въ которомъ онъ рѣшительно возставалъ противъ папской непослѣдовательности и королевскихъ плановъ [2]). Преемникъ папы Агапита, Іоаннъ XII, успокоилъ Вильгельма и обѣщалъ охранять права его церкви. Такимъ образомъ мысль Оттона объ основаніи дѣвинской епископіи не должна была теперь осуществиться. Въ 962 году, получивъ изъ рукъ папы Іоанна XIII императорскую корону, Оттонъ снова хлопоталъ въ Римѣ о разрѣшеніи учредить въ Дѣвинѣ архіепископскую каѳедру для всѣхъ славянскихъ народовъ и епископскую въ Межиборѣ.

Папа согласился исполнить его желаніе и предоставилъ Оттону и его преемникамъ право сбора дани и десятинъ со всѣхъ язычниковъ,

---

[1]) Thietmar, II. 5... но Бернгарда, in cuius diocesi urbs prefata jacet, quamdiu vixit impetrare non potuit. Главные источники о церковныхъ учрежденіяхъ въ земляхъ Славянъ полабскихъ, сверхъ Титмара: Adami, Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum ap. Pertz SS. T. VII, Lib. II, 13, 24; Helmoldi Presbyteri, Chronica Slavorum ap. Leibnit., Scriptores rerum Brunsvicarum, II. p. 537 — 751. Важныя литературныя пособія: Giesebrecht. L, Wendische Geschichten ss. 165 — 177, 192 — 205; Giesebrecht W., Geschichte d. Deutsch. Kaiserz., во многихъ мѣстахъ отдѣла о царствованіи Оттона. Doenniges, Jahrbücher I. ss. 51, 87, 123, 138, 139—143: Excurs 4 и 13 Köpke, Excurs 11.

[2]) Отрывокъ изъ письма приведенъ у Гизебрехта въ Geschichte... 1. ss. 443—4.

какъ обращенныхъ, такъ и имѣющихъ обратиться. Объ этомъ дано было знать буллою отъ 12 февраля нѣмецкимъ митрополитамъ: майнцкому, трирскому, кельнскому и архіепископамъ зальцбургскому и гамбургскому. Но митрополитъ майнцкій и епископъ гальберштадтскій не хотѣли уступить папскому распоряженію. Оттонъ довольствовался тѣмъ, что щедро надѣлялъ имѣніями и правами монастырь св. Маврикія, приготовляя въ немъ будущую архіепископскую каѳедру. Въ 967 году, будучи снова въ Италіи, на соборѣ въ Равеннѣ, императоръ держалъ передъ отцами рѣчь, въ которой высказалъ, съ какими затрудненіями и опасностями сопряжено было обращеніе къ христіанству языческихъ Славянъ, указывалъ на крайнюю необходимость принять мѣры къ удержанію новообращенныхъ въ христіанской вѣрѣ. Соборъ опредѣлилъ, какъ того желалъ Оттонъ, что въ Дѣвинѣ всего удобнѣе устроить архіепископію для миссіи между Славянами, что Гавельбергъ и Браниборъ должны быть подчинены архіепископу дѣвинскому. Императору предоставлено было право устроить епископіи, если окажется возможнымъ, въ Межиборѣ, Жичахъ (Zeitz) и Мишнѣ. Еще въ Италіи императоръ узналъ о смерти обоихъ неуступчивыхъ противниковъ—митрополита Вильгельма и епископа гальберштадтскаго [1]). Такъ устроились благопріятныя обстоятельства, которыми Оттонъ и поспѣшилъ воспользоваться. Дѣвинская каѳедра поручена была человѣку, уже знакомому со Славянами; это былъ Адальбертъ, монахъ трирскаго монастыря, въ 961 году посланный въ Русь, по просьбѣ великой княгини Ольги, но въ слѣдующемъ же году возвратившійся безъ успѣха [2]). 18 октября 968 г. Адальбертъ получилъ отъ папы архіепископскій палліумъ, императоръ надѣлилъ новую каѳедру правами, равнявшими ее съ каѳедрами майнцкою, кельнскою и трирскою. Весною 973 года, посѣтивъ Дѣвинъ, императоръ сдѣлалъ богатыя приношенія церкви, состоявшіе изъ поземельной собственности, книгъ и драгоцѣнной утвари [3]).

Мы видѣли, какъ нелегко допускало нѣмецкое духовенство перемѣну въ своихъ епархіальныхъ границахъ: при всемъ искреннемъ желаніи императора, при всемъ согласіи папы, учрежденіе дѣвинской архіепископіи встрѣчало непреодолимыя преграды въ духовныхъ сановникахъ, терявшихъ долю своихъ правъ и доходовъ съ этимъ

---

[1]) 2 или 3 февраля 968 г. умеръ Бернгардъ, 3 марта Вильгельмъ,—Doenniges, Jahrbücher 1, s. 139, Anm. 3 и 4.

[2]) Annal. Hildesheim. a 960. a 968. apud Pertz, SS. T. III; Continuator Regin. a. 959, 961, 962; Doenniges, Jahrbüch. 1. s. 79.

[3]) Объ устройствѣ магдебургской архіепископіи см. Гизебрехта, Geschichte der D. Kaiserz. 1. ss. 442—5, 460, 491, 495—6, 558—563; Doenniges, Jahrbüch. I. Excurs 4.

учрежденіемъ. Приходилось или выжидать смерти настойчивыхъ лицъ, или вознаграждать ихъ надбавкою доходовъ и десятинами въ другихъ мѣстахъ.

Безъ сомнѣнія, еще до Болеслава II чешскіе князья заботились объ устройствѣ въ Прагѣ епископіи. Есть извѣстіе, что св. Вячеславъ собирался въ Римъ для переговоровъ объ этомъ дѣлѣ съ папою. Съ 895 г. Чехія входила въ составъ епархіи регенсбургскаго епископа, но онъ, какъ и всякій другой епископъ, крѣпко держался за свои церковныя, соединенныя съ доходами, права, и не могъ добровольно отказаться отъ Чехіи. Когда, въ 968 году, устроена была Оттономъ архіепископія для Славянъ, когда и польскій князь Мечиславъ получалъ уже своего епископа, Іордана,—Болеславъ сталъ настоятельнѣе хлопотать о церковномъ устройствѣ страны своей. Сношенія и переговоры съ папой завязались еще гораздо ранѣе. Вскорѣ по вступленіи на престолъ, Болеславъ отправилъ въ Римъ сестру свою, Младу, поручивъ 971
ей просить согласія папы на устройство епископіи въ Чехіи [1]). Папа пишетъ къ Болеславу въ 971 году: «Наша дочь... Млада, называемая также Маріей, между другими предложеніями, пріятными сердцу нашему, передала и твою просьбу, которою ты испрашиваешь нашего согласія на устройство епископской каѳедры въ твоихъ владѣніяхъ, въ честь и славу церкви Божіей. Мы приняли твою просьбу съ радостію и постановили, чтобы при церкви св. мученниковъ, Вита и Вячеслава, была каѳедра епископская. При церкви св. Юрія мы разрѣшили учредить монастырь бенедиктинскаго ордена, подъ управленіемъ дочери нашей, игуменьи Маріи». Вѣроятно, въ слѣдствіе настойчивыхъ требованій регенсбургскаго епископа, до 973 г. не было сдѣлано назначенія на пражскую каѳедру; когда же, по смерти епископа Михаила, на регенсбургскую каѳедру опредѣленъ былъ св. Вольфгангъ, ревностный проповѣдникъ христіанства между языческими Уграми, церковное освобожденіе Чехіи и устройство въ ней епископіи совершились безъ особыхъ затрудненій [2]). Окончательное рѣшеніе по поводу пражской епископіи сдѣлано было [3]) въ 973 году, въ Кведлинбургѣ, куда, на праздникъ пасхи, собрались всѣ чины духовные и свѣтскіе, гдѣ были и Болеславъ чеш-

---

[1]) Обстоятельство, послѣдовавшее вскорѣ по вступленіи на княжескій престолъ Болеслава II: отъ 971 года мы имѣемъ къ нему письмо папы, которымъ папа изъявляетъ свое согласіе на просьбу Болеслава. Письмо помѣщено у Эрбена въ Регестахъ, подъ № 67.

[2]) Св. Вольфгангъ сдѣлался регенсбургскимъ епископомъ 972 года; объ его участіи въ учрежденіи пражской епископіи говоритъ его жизнеописатель: Othoni, Vita S. Wolfgangi, Pertz VI.

[3]) По основательной догадкѣ Палацкаго, Dejiny I. стр. 257.

скій и св. Вольфгангъ [1]); здѣсь же, въ Кведлинбургѣ, получилъ отъ Оттона инвеституру и новый пражскій епископъ, Титмаръ, Саксъ по происхожденію, но долго жившій въ Прагѣ и вошедшій въ расположеніе князя [2]). Титмаръ принялъ посвященіе отъ майнцкаго митрополита, которому съ тѣхъ поръ подчинена была Чехія въ высшемъ церковномъ управленіи. Сдѣлано такъ, быть можетъ, съ тою цѣлію, чтобы вознаградить его за ту утрату, которую онъ понесъ чрезъ учрежденіе дѣвинской архіепископіи. Лѣтописецъ Косьма говоритъ о Титмарѣ, что онъ освятилъ много церквей и своею проповѣдническою дѣятельностію способствовалъ утвержденію христіанства въ Чехіи. Управлялъ онъ чешскою церковію до 982 года [3]).

Св. Вольфгангъ составилъ записку, опредѣлявшую границы пражской епископіи. Она имѣла бы весьма важное значеніе въ исторіи политической и военной дѣятельности Болеслава II, если бы сохранился ея подлинникъ. Но Косьма записалъ этотъ документъ уже въ подновленномъ видѣ, какъ представилъ его въ своемъ тяжебномъ дѣлѣ о границахъ пражской епархіи чешскій епископъ Яроміръ-Гебгардъ, братъ князя Вратислава. Во время княженія Вратислава II, въ 1063 году, Моравія выдѣлена была въ церковномъ отношеніи отъ Чехіи и получила своего епископа въ Оломуцѣ; въ 1086 г. Яроміръ-Гебгардъ жаловался на незаконность уменьшенія его епархіи и при этомъ ссылался на документъ, составленный св. Вольфгангомъ и утвержденный Оттономъ I и папою Бенедиктомъ VI [4]). По этой запискѣ, границы праж-

---

[1]) Annal. Hildesh. a. 973, Thietmar II, 20, Annal. Altahens., a. 973. Doenniges, Jahrb. I. s. 165.

[2]) Cosmae, I. 23.... vir mirae eloquentiae et literalis scientiae, nomine Dethmarus, presbiter promotione, monachus professione, olim in antea diebus causa orationis venerat Pragam....

[3]) Косьма говоритъ, что Титмаръ умеръ скоро послѣ посвященія, относимаго имъ къ 967 году... nec post multos dies, anno scilicet dominicae incarnationis 969, 4 Non. Jannuar. vinclis carnis absolutus.... Хронологія Косьмы тутъ ошибочна; что не въ 967 году было посвященіе Титмара, за это говорятъ лица, принимавшія участіе въ посвященіи и назначеніи его епископомъ. Во второй книгѣ своей хроники с. 37 Косьма приводитъ учредительную грамоту пражской епископіи, qui ab initio per totum Boemiae ac Moraviae ducatum unus et integer constitutus.... a papa Benedicto. Папа же Бенедиктъ занималъ папскій престолъ съ 19 января 972 по іюль 974 года, см. примѣч. 30 къ хроникѣ Косьмы, I. с. 22. и Potthast, Supplem. s. 262; св. Вольфгангъ сдѣлался регенсбургскимъ епископомъ тоже только въ 972 году—Potthast, Supplem. s. 392; что епископъ Титмаръ умеръ въ 982 году, объ этомъ говоритъ жизнеописатель св. Войтѣха; см. также Giesebrecht, Jahrbüch. II, Excurs II. и примѣч. 34 къ 24 главѣ 1 книги Косьмы.

[4]) Подлинную записку Вольфганга представилъ онъ, или нѣтъ? Палацкій и Шафарикъ принимютъ эту грамоту за подлинный историческій документъ; Иречекъ въ Codex juris Bohemici говоритъ объ ней съ сомнѣніемъ. Отрицаютъ ея достовѣрность: Дюммлеръ, въ Piligrim v. Passau, s. 174; Бюдингеръ, въ Oesterreichische

ской епископіи, а слѣдовательно и чешскаго государства далеко не заключались собственной Чехіей; на юговостокѣ въ составъ чешскаго государства входили нынѣшнія Моравія и земля угорскихъ Словаковъ до горы Матры; отсюда границы шли черезъ Татры рѣкою Стрыемъ до Львова и Бугомъ до границъ польскихъ; съ сѣвера къ западу рѣкою Пилицей и верховьемъ Варты къ Одрѣ, между Вратиславлемъ и Глоговымъ, потомъ черезъ Боберъ къ хребту Изерскому, такъ что на сѣверѣ Чехія обнимала, кромѣ верхней и средней Силезіи, южную часть собственной Польши. Такимъ образомъ Болеславъ II владѣлъ ближайшими къ Чехамъ народами по обѣимъ сторонамъ Татръ и Кроконошей; государство Святополково и бѣлая Хорватія были чешскими провинціями; Ятвяги и Русскіе были непосредственными его сосѣдями [1]). Никто не говоритъ, какъ и когда были сдѣланы такія широкія завоеванія, и мы можемъ только указать на фактъ, не имѣя средствъ объяснить его происхожденія.

По смерти Оттона I (7 мая 973 г.) принялъ въ свои руки власть осьмнадцатилѣтній Оттонъ II. Ему пришлось на первыхъ же порахъ испытать непріятности, какихъ немало испыталъ и отецъ его въ первые годы правленія: кровавую борьбу за тронъ съ близкими родственниками. Опаснымъ соперникомъ его былъ Генрихъ, герцогъ баварскій, двоюродный братъ его [2]). Баварское герцогство было тогда сильнѣйшее и обширнѣйшее между всѣми нѣмецкими герцогствами; герцогъ баварскій былъ весьма популяренъ, обладалъ даромъ краснорѣчія; вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ человѣкъ безпокойный, чувствительный къ интересамъ своего дома, даже мнимое нарушеніе его правъ принимавшій за личное себѣ оскорбленіе, отъ современниковъ получившій прозваніе Сварливаго. Поводомъ къ неудовольствіямъ было то, что на границѣ Баваріи Оттонъ образовалъ новое маркграфство противъ Угровъ и управленіе имъ передалъ двумъ братьямъ, Берхтольду и Люитпольду, изъ фамиліи Бабенберговъ [3]). Хотя они и должны были служить подъ знаменами Генриха, но, обязанные всѣмъ императору, мало оказывали повиновенія своему герцогу и были для него подозрительны. При содѣйствіи Авраама,

---

Gesch. 1, s. 314. Anmerk. 4; также Giesebrecht, Geschichte der D. Kaiserz. 1. ss. 838—9. Поддѣлка документовъ въ XI и X вв. была весьма обыкновенна; лучшимъ представителемъ этого мастерства служитъ Пилигримъ пасовскій. Объ его фабрикаціи документовъ см. Büdinger, Oesterr. Gesch. Excurs IV, s. 492 и д.; Pritz, Geschichte des Landes ob der Enus. Linz 1846, отдѣлъ о происхожденіи епископіи лавреакской, ss. 130—142.

[1]) Указаніе границъ—въ учредительной грамотѣ пражской епископіи, Cosmae a. 1086. Опредѣленіе границъ Чехіи у Палацкаго, Dějiny 1. str. 254—5.

[2]) Оба они были внуки Генриха I саксонскаго; отцы ихъ спорили за обладаніе императорскимъ трономъ; родовая вражда перешла и къ дѣтямъ; Thietmar, III. 3, 5.

[3]) Giesebrecht, Jahrbücher II s. 15 и Excurs 6.

епископа фризинскаго, составленъ былъ Генрихомъ заговоръ, въ которомъ приняли участіе славянскіе князья, Болеславъ II чешскій и зять его, Мечиславъ польскій [1]). Но скоро объ этомъ дошло до свѣдѣнія императора, Генрихъ позванъ былъ на судъ и заключенъ въ Ингельгеймъ, а епископъ фризинскій сосланъ въ корвейскій монастырь. Тогда же Оттонъ хотѣлъ наказать и славянскихъ князей, но былъ пріостановленъ опасными набѣгами со стороны Датчанъ. Въ 975 году предпринялъ онъ походъ на Чеховъ, прошелъ далеко въ глубь страны, но не успѣлъ принудить Болеслава къ покорности [2]). Важныя обстоятельства заставили его воротиться въ Германію; тамъ Генрихъ убѣжалъ изъ подъ стражи, нашелъ многихъ приверженцевъ и снова возмутилъ страну. Но при появленіи императора, Генрихъ вынужденъ былъ бѣжать къ своему союзнику, чешскому князю. Надъ нимъ заочно произведенъ былъ судъ, по которому баварскій герцогъ лишенъ должностей, объявленъ врагомъ страны, его приверженцы наказаны изгнаніемъ, конфискаціею имущества, а нѣкоторые смертію. Герцогство Баварія было передано Оттону швабскому; на счетъ Баваріи маркграфы чешской и восточной марки получили многія права и поземельныя владѣнія; тогда же марка Каринтія отдѣлена отъ Баваріи и образовала новое герцогство хорутанское [3]). Баварія такимъ образомъ была значительно ослаблена и лишена прежняго исключительнаго положенія.

975 г.

977 г. Лѣтомъ 977 г. Оттонъ предпринялъ второй походъ на Чеховъ, явно поддерживавшихъ врага его. Съ нимъ шло и швабско-баварское войско подъ предводительствомъ Оттона швабскаго. Императоръ жегъ чешскія селенія и шелъ въ глубь страны; но Оттонъ потерпѣлъ сильное пораженіе близь Плъзена; къ тому же во всемъ войскѣ распространились болѣзни. Это заставило Оттона прекратить походъ и возвратиться безъ желаемаго успѣха. Въ его отсутствіе въ Баваріи снова начались волненія: родственники Генриха Сварливаго, Генрихъ хорутанскій и Генрихъ, епископъ аугсбургскій, рѣшились поддержать въ Баваріи права его. Съ чешскимъ вспомогательнымъ отрядомъ явился въ Баварію и Генрихъ Сварливый; но подъ Пасовомъ союзники потерпѣли пораженіе отъ Оттона, подоспѣвшаго противъ нихъ изъ Чехіи [4]). Бо-

---

[1]) Annal. Hildesh. a. 974, Lamberti Annal. a. 974; Ann. Altahens. a. 974; для объясненія пріязни, существовавшей между баварскимъ и чешскимъ домомъ, Добнеръ, а за нимъ и Палацкій приняли догадку, что супруга Болеславова, Эмма, была дочерью бургундскаго короля, Конрада—Cosmae 1. 32,—другая дочь котораго, Гизела, была за Генрихомъ баварскимъ; Palacky, Dějiny I. str. 258; Giesebrecht, Iahrbüch. II, s. 16, Anmerk. 3. и Büdinger, въ Oesterreichische Geschichte 1. s. 315, Anmerk. 5, называютъ эту догадку безосновательною.

[2]) Annal. Veissemberg. et Lamberti, a. 975..., Beheimos vastavit et concremavit.

[3]) Giesebrecht W., Jahrbüch. II. ss. 32—34 и Excurs 7.

[4]) Thietmar, III. 5; Annal. Hildesheim. a. 976; Annal. Veissemb. et Altahenses,

леславъ чешскій прервалъ въ этомъ году сношенія съ Генрихомъ и завязалъ мирные переговоры съ императоромъ; примиреніе между ними послѣдовало въ 978 г., когда на праздникъ пасхи Болеславъ лично 978 г.
явился къ императору [1]). Въ мартѣ того же года, на сеймѣ въ Дѣвинѣ, герцогъ Генрихъ былъ снова осужденъ на изгнаніе изъ Баваріи и отданъ подъ надзоръ Фолькмара, епископа утрехтскаго; герцогъ хорутанскій лишенъ герцогства и сосланъ, подобному же приговору подверглись и другіе сообщники Генриха Сварливаго. [2]) Съ тѣхъ поръ, до смерти императора Оттона II (983 г.), Болеславъ находился въ мирныхъ отношеніяхъ съ Нѣмцами [3]).

Къ концу X в. въ политикѣ чешскихъ князей замѣчается важное измѣненіе. Если въ началѣ этого вѣка, для сохраненія своей свободы, Чехи необходимо должны были войти въ близкій союзъ съ Нѣмцами, то къ концу столѣтія необходимости союза съ ними уже не представлялось. Рядомъ съ Чехіей возникло другое славянское государство, которому въ ближайшемъ будущемъ суждено было оказать весьма сильное вліяніе на славянскій міръ и дать отпоръ притязаніямъ романо-германскаго міра. *Ляшская вѣтвь* славянскаго племени начала принимать участіе въ современныхъ политическихъ дѣлахъ ок. 963 г. Какъ и другіе западные народы славянскаго племени, Ляхи въ первый разъ упоминаются въ лѣтописи по случаю побѣдъ, одержанныхъ надъ ними нѣмецкимъ войскомъ. Послѣ подчиненія полабскихъ Славянъ, для наблюденія за ними, устроены были два маркграфства: южное и сѣверное; первое было поручено маркграфу Геро, второе Герману Биллингу. Оба маркграфства почти постоянно были въ военномъ положеніи, чему способствовали и внутреннія смуты въ самой Германіи. Сильное движеніе въ маркахъ началось съ того времени, когда сюда явились племянники маркграфа Германа Биллинга, Экбертъ и Вихманъ, обвиненные за участіе въ заговорѣ противъ Оттона I (955 г.). Преддагая свои услуги разнымъ славянскимъ на-

---

а 977; весьма хорошія свѣдѣнія объ этихъ событіяхъ даетъ Vita s. Udalrici, c. 28, ap. Pertz, SS. IV.

[1]) Lamberti Annal. a. 978, Annal. Altahenses, a. 978; тутъ извѣстія лѣтописныя перепутаны; трудно рѣшить, подготовили ли этотъ миръ невыгодныя обстоятельства Оттона или Болеслава, впрочемъ послѣднее довольно невѣроятно. Annal. Altahenses говорятъ о приниженномъ положеніи Болеслава: venit ad imperatorem Boleslaus cum paucis pacifice, per amicos suos et per semet ipsum supplicans, ut domum rediret...; но сношенія и переговоры съ Оттономъ должны были происходить до личнаго его съ нимъ свиданія. Весьма близкія и пріязненныя отношенія завязываются съ тѣхъ поръ у императора съ чешскимъ княземъ.

[2]) Annal. Quedlinburg. a 978; Thietmar, III. 5, Vita Udalrici, c. 28. Наказаніе ссылкою заключалось въ томъ, что обвиненный поручался надзору какого-либо надежнаго человѣка въ другой провинціи. Giesebrecht, Jahrb. II. s. 44.

[3]) Annal. Quedl., Veissemb., Lamberti, Altah. a. 983.

родамъ, которые воевали съ Нѣмцами, переходя отъ одного народа къ другому, въ продолженіи многихъ лѣтъ, они упорно держались противъ маркграфовъ, вызвали Славянъ къ болѣе ожесточенной войнѣ съ притѣснителями, а за отсутствіемъ внѣшней войны поддерживали и возбуждали внутреннюю [1]). Волненія въ маркахъ передались и къ народу, жившему между Вартою, Одрою и Вислою.

Въ 963 г. маркграфъ Геро напалъ на Лужичанъ и Мильчанъ, которые, хотя и сосѣдили съ его маркою, но еще не были покорены и находились въ союзѣ съ за-одрскими народами. [2]) Геро прошелъ въ этотъ походъ до Одры и остановился на границахъ Польши. Польскій князь Мечиславъ принужденъ былъ платить дань за земли между Вартою и Бобромъ [3]). На первыхъ же порахъ, послѣ подчиненія, Мечиславъ испыталъ крайнее оскорбленіе отъ маркграфа Годо [4]), который высокомѣрно обращался съ нимъ и не уважалъ его княжескаго достоинства. Но когда, въ открывшейся потомъ войнѣ, Нѣмцы понесли пораженіе, императоръ, бывшій тогда въ Италіи, порицалъ дѣйствія Годо и приказывалъ ему помириться съ Мечиславомъ [5]). Графъ Вих-

---

[1]) Viduk. III., начиная съ 51 главы, подробно описываетъ рядъ возмущеній въ маркѣ Германа, произведенныхъ его племянниками, Вихманомъ и Экбертомъ; Zeissberg, въ Archif für Oesterr. Geschichte 38 Band, «Miseco I der erster christliche Beherrsch. d. Polen», ss. 36 — 7.

[2]) Такъ выходитъ по изслѣдованіямъ Лейча, Markgraf Gero, s. 107.

[3]) Continuat. Regin. a. 963; Viduk. III. 66. 67; Thietmar, II. 9. Хорошее изслѣдованіе о Мечиславѣ—Miseco I, Цейссберга; Leutsch, Markgraf Gero, ss. 106—7; Roepell, Geschichte Polens. Hamburg, 1840, третье прибавленіе, ss. 618 — 621.

[4]) Маркграфъ Геро, раненный въ битвѣ съ Лужичанами въ 963 г., потерялъ тутъ сына своего Сигфрида. Это такъ огорчило старика, что онъ скоро оставилъ свой постъ, пошелъ въ Римъ на богомолье и на возвратномъ пути умеръ, 20 мая 965 года. Марка Геро была раздѣлена между многими графами, которые подъ его еще начальствомъ управляли отдѣльными частями ея. Дитрихъ сталъ графомъ Нордмарка, называвшагося въ послѣдствіи Altmark; ему подчинены были Лютичи и Гаволяне, народы по Гаволѣ до нижней Одры. Саксонская марка, на нижней Салѣ и Мульдѣ до Лабы, къ которой причислялись также нижнія Лужицы и Польша до Варты,—въ послѣдствіи марка Лужицы и восточная—была раздѣлена между двумя графами, Титмаромъ и Годо, послѣдній начальствовалъ надъ восточными областями, болѣе безпокойными. Турингская марка, отъ верховьевъ Салы до Лабы, изъ которой въ послѣдствіи образовалась марка мишенская, и отъ которой въ зависимости были верхнія Лужицы, раздѣлена была между тремя графами: Гунтеромъ, Вигбертомъ и Виггеромъ. Каждый изъ этихъ шести графовъ получилъ права, принадлежавшія прежде Геро, и владѣлъ леномъ въ своемъ округѣ. На случай возстанія они должны были собираться подъ знаменемъ Титмара, которому порученъ былъ верховный надзоръ за всѣми марками, съ титуломъ маркгерцога. См. Leutsch, Markgraf Gero, ss. 113 — 19; Giesebrecht, Geschichte... 1. 487—8, его же Jahrbüch. II. Excurs X; Zeissberg, Die Kriege K. Heinr. II mit H. Bol. I. v. Polen s. 269,—въ Sitzungsberichte der Kaiserl. Akad. der Wissensch. Wien. 1867.

[5]) Thitmar, 11. 19.

манъ, узнавъ, что Поморяне были недовольны польскимъ княземъ, явился къ нимъ на помощь, два раза выходилъ съ ними противъ Мечислава и побѣждалъ его. Черезъ нѣсколько времени (967) Вихманъ нашелъ новый случай къ войнѣ съ польскимъ княземъ, явившись на помощь къ Волинцамъ [1].

Стѣсняемый маркграфами, принуждаемый дѣлить свои силы для борьбы со внѣшними и внутренними врагами, польскій князь не могъ бы сохранить свободы своего народа, если бы онъ не вошелъ въ тѣсный политическій союзъ съ Чехами. Породнившись съ чешскимъ княжескимъ домомъ, принялъ онъ черезъ чешскихъ проповѣдниковъ христіанство, и съ помощію чешскаго оружія усмирилъ своихъ враговъ [2]. Мы видѣли, что Генрихъ Сварливый, домогаясь королевскаго вѣнца, опирался на содѣйствіе чешскаго и польскаго князей. Близкія отношенія между Болеславомъ и Мечиславомъ обѣщали прочное будущее для обоихъ молодыхъ государствъ. Скоро они могли играть довольно важную роль въ судьбѣ нѣмецкаго государства и пріобрѣсть во взаимной поддержкѣ значительныя выгоды. Таковы были событія 983 года, когда Нѣмцамъ угрожала большая опасность со стороны 983 г.
славянскихъ и датскихъ марокъ [3]. Славяне были выведены изъ терпѣнія жестокостію и высокомѣріемъ графа Дитриха [4]. Возмущеніе началось у Лютичей на Гаволѣ и нижней Одрѣ; 29 іюня явились они подъ Гавельбергомъ; городъ взятъ, охранявшій его отрядъ уничтоженъ, епископская церковь разрушена. Спустя три дня, въ глухую полночь, напали они на Браниборъ. Дитрихъ, защищавшій эту крѣпость, бѣжалъ; многіе изъ жителей перебиты, клиръ взятъ въ плѣнъ; трупъ епископа Додила, уже три года похороненнаго, вырытъ изъ земли, ограбленъ и снова брошенъ въ могилу. Поднялись Бодричи, подъ предводительствомъ князя ихъ, Местивоя; это были болѣе враги нѣмецкаго господства, чѣмъ христіанства; они дошли до Гамбурга, разграбили и разрушили городъ. Въ это же время чешское войско, подъ предводительствомъ графа Деда, овладѣло мѣстечкомъ Жичи и монастыремъ Кальве, похитивъ изъ монастыря Оду, дочь графа Дитриха, руки которой тщетно домогался Мечиславъ [5]. Поздно поднялись нѣмецкіе князья

---

[1]) О Волинцахъ—Vuloini по Видукинду, см. Leutsch, Markgraf Gero s. 123, Anmerk. 221; Шафарикъ, т. II, кн. III, стр. 49, 126; Zeissberg, ss. 43 — 4.

[2]) Markgraf Gero, Anmerk. 222; описаніе войны у Видукинда, III. с. 69.

[3]) Извѣстія у Титмара, III. 10, 11; Leutsch, Markgraf Gero, s. 134; Giesebr. Jahrb. II, ss. 91 — 2.

[4]) Gisebrecht, Jahrbüch. II, s. 99 и слѣд. Excurs XI.

[5]) Трудно утверждать, чтобы единственная цѣль нападенія была похищеніе дѣвушки; время выбрано весьма тяжелое для Германіи, когда императоръ былъ за границами ея (въ Италіи); здѣсь характеръ отношеній славянскихъ князей къ Нѣмцамъ

на защиту страны. Собралось войско подъ предводительствомъ Дитриха, имѣнія котораго всего болѣе пострадали. Къ нему примкнули со своими войсками графы мишенскій и лужицкій, многіе другіе графы и бароны, архіепископъ дѣвинскій и епископъ гальберштадтскій. Они молитвою и причащеніемъ приготовились къ битвѣ со Славянами. Битва была несчастна для Славянъ; но скоро за тѣмъ славянскіе народы, въ лицѣ своихъ князей, пріобрѣли снова вліятельное положеніе въ Германіи, и славянскія войска брали города и крѣпости нѣмецкія.

Со смертію Оттона II, 7 декабря 983 года, императорская корона должна была перейти на сына его, четырехлѣтняго Оттона, короованнаго еще при жизни отца королевскою короною. Прежде чѣмъ рѣшили нѣмецкіе князья, какъ поступить съ малолѣтнимъ королемъ, кого назначить ему въ опекуны, кому передать правленіе за его малолѣтствомъ,—выступилъ снова со своими притязаніями Генрихъ Сварливый, болѣе пяти лѣтъ содержавшійся подъ стражей въ Утрехтѣ. Въ
984 г. началѣ 984 года онъ явился въ Кельнъ, гдѣ жило королевское дитя подъ надзоромъ архіепископа Варина. Какъ законному опекуну и ближайшему родственнику, переданъ былъ малолѣтній король Оттонъ Генриху; имѣя на своей сторонѣ саксонскіе свѣтскіе и духовные чины [1]), другихъ, нерѣшительныхъ, Генрихъ склонялъ въ свою пользу подкупомъ и заманчивыми обѣщаніями. Съ королевскою пышностію онъ праздновалъ пасху въ Кведлинбургѣ; пригласилъ сюда своихъ приверженцевъ и принималъ отъ нихъ почести, приличныя королю. Здѣсь же мы встрѣчаемъ и его старыхъ союзниковъ, князей чешскаго и польскаго; вмѣстѣ съ ними былъ и Местивой, князь Бодричей. Но Генрихъ сильно ошибался, считая упроченнымъ свое дѣло. Въ то же самое время, какъ онъ въ Кведлинбургѣ принималъ отъ союзниковъ и приверженцевъ своихъ королевскія почести, собрались въ Гессебургѣ, недалеко отъ Вольфенбюттеля, враги его, приверженцы императорскаго дома, которые формально отказались отъ повиновенія ему и присягнули Оттону [2]). Когда и въ другихъ частяхъ Германіи Генрихъ не видѣлъ единодушной преданности и признанія своихъ правъ, когда его партія слабѣла все болѣе и болѣе, онъ не нашелъ другого исхода, какъ прибѣгнуть къ помощи чешскаго князя. Съ чешскимъ войскомъ, черезъ марку мишенскую, вторгнулся онъ съ востока въ Саксонію, дошелъ до Могельна, гдѣ соединился со своими друзьями. Мишенская марка

начинаетъ, кажется, высказываться яснѣе: не могли же они не пользоваться невзгодами Германіи; у Титмара описывается это какъ непріятельское нападеніе; ср. Palacky, Dějiny 1. str. 259; Thietmar, III. 11; IV. 36.

[1]) Annal. Hildesheim. a. 984; Lamberti a. 983.

[2]) Thietmar, IV. 2, 3; Annal. Hildesh. et Quedlinb. a. 984; Wilmans, Jahrb. II. s. 16; описаніе всего хода дѣлъ у Гизебрехта, Geschichte I. ss. 610 — 20 и д.

была погранична съ Чехіей, самая Мишна была важнымъ мѣстомъ въ стратегическомъ отношеніи. Изъ нея можно было дѣйствовать среди славянскихъ народовъ и угрожать Нѣмцамъ. Предводитель чешскаго войска, сопровождавшій Генриха, хитростію занялъ, на возвратномъ пути, Мишну и посадилъ въ ней чешскій военный отрядъ. Потомъ, чтобы выиграть расположеніе окрестныхъ Славянъ и удержать ихъ въ подчиненіи Болеславу, выгналъ изъ Мишны тамошняго епископа Фолькольда: такъ мало прививалось христіанство къ Славянамъ, такъ ненавистны имъ были десятинные сборы духовенства [1]). Овладѣвъ нѣмецкимъ городомъ, Болеславъ нашелъ, что небезопасно долѣе поддерживать Генриха, такъ какъ во всей Германіи получила перевѣсъ противная ему партія. Когда въ 985 г. малолѣтній Оттонъ дѣйствительно избранъ былъ въ короли подъ опекою матери своей Ѳеофаніи, славянскіе князья перешли на сторону сильнѣйшей партіи и явились 986 г
къ императрицѣ съ поздравленіями [2]).

Мечиславъ польскій измѣнилъ съ этого времени двадцатилѣтнему союзу съ чешскимъ княземъ и началъ преслѣдовать личные интересы, независимо отъ Болеслава. Такъ, въ знакъ особенной пріязни и расположенія, онъ подарилъ королю верблюда; такъ, онъ помогаетъ Ѳеофаніи устроить ея запутанныя дѣла въ славянскихъ маркахъ, совершаетъ съ Нѣмцами два похода противъ Славянъ полабскихъ [3]). Въ иныхъ отношеніяхъ стоитъ къ Нѣмцамъ Болеславъ II. Когда Ѳеофанія обратилась къ возстановленію порядка въ маркахъ, она увидала, что необходимо занять снова Мишну — этотъ сторожевой пунктъ и противъ Лужичанъ, и противъ Чеховъ. У Болеслава потребовали сдачи города, но онъ отказалъ. Въ 986 году, когда Мечиславъ употреблялъ всѣ средства войти въ расположеніе Нѣмцевъ и обязательно помогалъ имъ противъ своихъ собратьевъ, — въ Чехію идетъ саксонско-турингское войско. На этотъ разъ походъ не былъ удаченъ, въ слѣдующемъ году онъ опять повторился; только тогда Болеславъ принужденъ былъ отказаться отъ Мишны. Такимъ образомъ снова было возстановлено нѣмецкое господство между Лабой и Одрой. Нужно взвѣсить тогдашнія обстоятельства, чтобы понять необходимость уступки Болеслава. Безъ союзниковъ чешскій князь не могъ вести успѣшной борьбы съ Нѣмцами, а Мечиславъ находилъ болѣе выгоднымъ быть въ союзѣ именно съ ними [4]). Вѣрная служба его не осталась безъ награды; это ясно обнаружилось въ послѣдующихъ обстоятельствахъ.

---

[1]) Helmoldi, I. 14.

[2]) Thietmar, IV. 7. Zeissberg, Miseco I, s. 91, Anmerk. 2.

[3]) Ibidem IV. 7; Annal. Hildesh., Quedlinburg. a. 985, 986.

[4]) Объ его союзѣ съ Нѣмцами противъ Чеховъ свидѣтельствуютъ Annal. Lamberti, a. 986. Zeissberg, s. 92, Anmerk. 2.

Мы видѣли, что естественныя границы Польши, когда въ 963 году Мечиславъ столкнулся съ Геро, простирались до Одры, что притомъ за земли между Вартой и Одрой Мечиславъ обязался платить дань; теперь,
990 г. въ 990 году, Чехи и Поляки столкнулись между собою на Одрѣ. Весьма вѣроятно, что польскій князь получилъ за свою вѣрность именно землю за Одрой, часть Лужицъ [1]), на которую и князь чешскій имѣлъ притязанія. Болеславъ имѣлъ союзниковъ въ Лютичахъ, состоявшихъ въ давнемъ союзѣ съ нимъ и съ его предками [2]); Мечиславъ обратился къ помощи нѣмецкой правительницы, Ѳеофаніи. По приказанію ея, архіепископъ дѣвинскій Гизилеръ и весьма многіе саксонскіе графы вышли на помощь Мечиславу; сборнымъ мѣстомъ была жупа слубская, на правомъ берегу Одры, спорный пограничный пунктъ двухъ князей. Болеславъ чешскій, не вступая въ бой, предложилъ Нѣмцамъ миръ и просилъ ихъ посредничества въ переговорахъ съ Мечиславомъ; архіепископъ Гизилеръ, согласившись съ его предложеніемъ, распустилъ свои войска и пошелъ къ Одрѣ, гдѣ тогда находился Мечиславъ. Чешскій князь указывалъ Мечиславу, что его союзники — нѣмецкіе графы — теперь въ его рукахъ, что лучше безъ войны уступить спорную землю. Но переговоры не удовлетворили враждующихъ сторонъ, Болеславъ пограбилъ окрестности, овладѣлъ какимъ-то городомъ; неизвѣстно, чѣмъ кончилась эта война [3]).
991 г. Въ 991 году, союзники Болеслава, Лютичи, продолжали еще волноваться, выгнали изъ Бранибора какого-то Кизо, человѣка преданнаго интересамъ имперіи; но въ слѣдующемъ году самъ Оттонъ, имѣя вспомогательный отрядъ отъ польскаго князя, при личномъ участіи Болеслава чешскаго, идетъ подъ Браниборъ. Вѣроятно, къ тому времени дѣла между обоими славянскими князьями были улажены, такъ какъ преемникъ Мечислава, умершаго 25 мая 992 года, имѣя въ то время войну съ восточными сосѣдями, Славянами русскими [4]), долженъ былъ сдѣлать уступку въ пользу чешскаго князя.

---

[1]) Жупа слубская (Selpuli) подчинена Геро въ 963 г.; позже здѣсь занялъ Мишну и окрестныя жупы Болеславъ чешскій (985 г.), военныя дѣйствія 990 года сосредоточиваются въ жупѣ слубской; все ведетъ къ догадкѣ, что оба князя претендовали на эту землю—одинъ какъ на подарокъ отъ Нѣмцевъ, другой какъ на военную добычу; Leutsch, Markgraf Gero, s. 200; Büdinger, Oesterr. Gesch. s. 318; Zeissberg, Miseco I, ss. 93 — 94.

[2]) Thietmar, IV. 9; Annal. Hildesheim. a. 990. Wilmans, Jahrb. II, s. 67 и Excurs VIII.

[3]) Wilmans, Jahbüch. II, ss. 68—9; Zeissberg, Miseco I, s. 96, Anmerk. 2.

[4]) Annal. Hildesh. a. 991, 992; Quedlinb. a. 991; Thietm, IV. 15. Wilmans, Jahrbüch. II, s. 73, Anmerk. 2; Zeissberg, Miseco, s.... 98.

5) Внутренняя исторія Чехіи при Болеславѣ II, въ связи съ дѣятельностію епископа Войтѣха.

Въ Чехіи долго хранилось воспоминаніе о проповѣднической дѣятельности въ славянскомъ мірѣ святыхъ братьевъ, Кирилла и Меѳодія. При всѣхъ усиліяхъ нѣмецкаго духовенства подавить въ славянскихъ земляхъ память о дѣлѣ святыхъ братьевъ, заподозрить самое православіе ихъ, устранить славянскій языкъ изъ богослуженія,—временемъ появляются намеки, указывающіе на источникъ, откуда получило начало христіанство въ Чехіи. Политическія обстоятельства влекли Чехію къ ближайшему союзу съ сильными сосѣдями, со всѣхъ сторонъ окружавшими ее. Рядомъ съ государствомъ чешскимъ образовалась довольно опасная для него, другая сила славянская, въ польскомъ государствѣ; это послѣднее, въ концѣ X вѣка, дружнымъ союзомъ съ нѣмецкимъ правительствомъ, усилилось частію на счетъ Чехіи, частію на счетъ другихъ славянскихъ народовъ, къ границамъ которыхъ все болѣе и болѣе приближались Нѣмцы въ своихъ завоеваніяхъ на востокѣ. Съ юговостока скоро начала грозить Чехіи новая сила въ сильномъ государствѣ угорскомъ. Окруженные народами, сплотившимися уже въ государственное тѣло и искавшими средствъ къ усиленію на счетъ сосѣдей, Чехи неминуемо должны были войти въ политическій союзъ съ ними, если не хотѣли тратить свои силы и терять области въ неравной борьбѣ. Болѣе прочный союзъ могли бы они образовать вмѣстѣ съ Поляками, тогда бы они блистательно выполнили свою миссію относительно Славянства—задержать движеніе Нѣмцевъ къ востоку. Чешскіе князья не совсѣмъ поняли свою задачу: какъ они, такъ и высшее чешское дворянство съ бо̀льшею охотою поддерживали сношенія съ Нѣмцами, чѣмъ съ соплеменными имъ народами. Но этотъ союзъ въ скоромъ времени долженъ былъ обнаружить свои дурныя стороны. Извѣстно, что саксонская династія, объединивъ разрозненныя части Германіи, поставила себѣ широкую задачу—призвать къ новой жизни народы, приходившіе съ Нѣмцами въ соприкосновеніе и для выполненія этой задачи не щадила народныхъ вѣрованій и обычаевъ, не останавливалась ни передъ какими препятствіями. Такимъ образомъ, вредный для Славянства и для чешской національности союзъ могъ быть выгоднымъ и долженъ былъ поддерживаться лишь князьями и высшими слоями дворянства, въ массѣ же народа этотъ порядокъ вещей встрѣчалъ сильное сопротивленіе. Требовалось много настойчивости со стороны отдѣльныхъ лицъ, много ломки старыхъ преданій, чтобы поставить Чехію на новый, случайно намѣченный путь, уничтоживъ историческія преданія и измѣнивъ народныя вѣрованія, и замѣнивъ ихъ новыми, ни чѣмъ не коренившимися въ славянской жизни. Епископъ Войтѣхъ, первый западникъ въ славянскомъ мірѣ, всего болѣе хлопотавшій о распространеніи въ Чехіи

латинскаго христіанства, не оставилъ по себѣ доброй памяти ни у Чеховъ, ни у другихъ Славянъ. «Пришелъ Войтѣхъ Латинянинъ въ Мораву и въ Чехи, и Ляхи, разрушилъ вѣру правовѣрную и русскую грамоту отвергнулъ, а латинскую грамоту и вѣру утвердилъ» [1]).

Получивъ христіанство съ востока, Чехи привыкли слушать священное писаніе на родномъ языкѣ. Когда же, въ слѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, они вошли въ епархію нѣмецкаго епископа, обряды и обычаи восточнаго христіанства должны были уступить мѣсто соотвѣтствующимъ обрядамъ западнаго. Но при всемъ гнетѣ историческихъ обстоятельствъ, при всей настоятельности тѣснаго союза съ Нѣмцами, Славяне крѣпко отстаивали право слушать проповѣдь вѣры на родномъ языкѣ. Почему нѣкоторые изъ нѣмецкихъ епископовъ пытались помочь дѣлу, учась по-славянски и сочиняя проповѣди на этомъ языкѣ. Можно замѣтить, что эта мѣра казалась необходимою именно въ то время, когда сильнѣе обнаруживалась ненависть Славянъ къ навязанному имъ христіанству, когда они стали заключать между собою союзы, одновременно вооружаться и жестоко мстить церкви и ея служителямъ [2]). Епископъ межиборскій Титмаръ говоритъ о своемъ предшественникѣ, Бозо, что онъ писалъ на славянскомъ языкѣ, чтобы облегчить Славянамъ пониманіе христіанской вѣры [3]). Самъ онъ тоже зналъ славянскій языкъ, чему доказательствомъ служитъ его хроника, гдѣ во многихъ мѣстахъ приводятся, хотя и не всегда удачныя, объясненія славянскихъ словъ [4]). Епископъ Вернеръ велѣлъ изготовить себѣ книги на славянскомъ языкѣ, чтобы потомъ и самому писать по-славянски латинскими буквами и проповѣдывать на немъ [5]). Гельмольдъ, описывая проповѣдническую дѣятельность между Бодричами Бруно, замѣчаетъ, что онъ говорилъ проповѣди на славянскомъ языкѣ; ревностный покровитель проповѣдниковъ и самъ лучшій христіанинъ, князь Готшалкъ находилъ нужнымъ пояснять народу простымъ языкомъ то, что̀ было непонятнаго и темнаго въ проповѣдяхъ священническихъ [6]). Съ указанными свидѣтельствами нельзя не сопоставить того, что̀ говоритъ Косьма о встрѣчѣ епископа Титмара въ Прагѣ: «въ то время, какъ клиръ пѣлъ: Тебе Бога хвалимъ, простой народъ восклицалъ киріеэлейсонъ», а также и того, что говоритъ Титмаръ о Бозо, который былъ столько снисходителенъ къ Славянамъ, что писалъ проповѣди

---

[1]) Паннонское житье Кирилла, изд. Бодянскаго въ чтеніяхъ.

[2]) См. стр. 155, 157 въ этой книгѣ.

[3]) Thietmar, II. 23.

[4]) Фортинскій, Титмаръ мерзебургскій, стр. 60—61.

[5]) Vita Wernheri, ap. Pertz, Scr. XII, p. 226. libros Sclavonicae linguae sibi fieri iussit, ut latinae linguae character quem intelligebat ydiomata linguae Sclavorum exprimeret.

[6]) Helmoldi, 1. 83, 1. 20.

на языкѣ ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ позволилъ имъ (rogavit) пѣть киріе-элейсонъ.—Какимъ путемъ попало сюда киріе-элейсонъ, не есть ли это отголосокъ проповѣднической дѣятельности въ славянскихъ земляхъ греческихъ братьевъ? Тогда бы оно стояло въ связи съ другими явленіями, идущими изъ IX вѣка и продолжавшимся въ X и XI вѣкахъ, о чемъ было говорено въ своемъ мѣстѣ [1]). Вообще нельзя опускать изъ виду, что моравская держава обнимала весьма широкое пространство и простиралась до Дѣвина, что вездѣ на этомъ пространствѣ могъ и долженъ былъ господствовать славянскій языкъ и богослуженіе. Не даромъ же были безуспѣшны всѣ усилія Оттона — упрочить между Лабой и Одрой нѣмецкое церковное устройство. Притомъ латинскіе проповѣдники могли быть сильны только въ странахъ, завоеванныхъ нѣмецкимъ оружіемъ; на востокъ же отъ Лабы нѣмецкое оружіе проникло только во второй половинѣ X в., и здѣсь могли быть, въ одно и тоже время, и нѣмецкіе и славянскіе проповѣдники [2]).

По этой причинѣ ученіе Меѳодія должно было храниться еще въ Чехіи и Моравіи и находить благопріятный пріемъ въ Силезіи и Лужицахъ. Сохранилось преданіе, что въ окрестности Сгорѣльца (Zgorzelec) приходилъ самъ св. Константинъ, что онъ былъ въ королевской рощѣ (königshain), въ Яворникѣ, и поставилъ тамъ церковь на мѣстѣ тогдашняго капища. И долго благочестивые ходили сюда въ день св. Вячеслава на поклоненіе кресту, поставленному на горѣ яворницкой [3]). Хотя жизнеописатели Войтѣха и жалуются на недостатокъ вѣры и языческіе обычаи Чеховъ [4]), но нужно помнить, что это были

---

[1]) См. стр. 123 въ этой книгѣ.

[2]) «Бородатый греческій апостолъ, не руководимый политическими цѣлями, не угрожалъ самостоятельности странъ новокрещенныхъ; принадлежа къ патріархату константинопольскому, не старался увѣрить ихъ, что они должны подчиниться императорству; новообращенные видѣли себя членами великой Христовой церкви, а не подданными нѣмецкаго императора»... Lelewel, Polska wiekow srednich. T. II. str. 8

[3]) Bogusławskiego, Rys Dziejów Serbo-Luzyckich. 1861. str. 45—6.

[4]) Дѣйствительно, Чехія X в. была слаба въ христіанствѣ; объяснять этого нельзя тѣмъ, чѣмъ бы это легко было объяснить относительно, напр., Бодричей: тутъ сверху до низу, во всемъ населеніи, ненависть къ притѣснителямъ, желаніе, выждавши благопріятный случай, выместить злобу на церкви и епископѣ; въ Чехіи же нужно предположить другія причины холодности и невѣрія, и къ этимъ причинамъ можно отнести разрывъ сношеній съ востокомъ, откуда народъ привыкъ имѣть проповѣдниковъ, и ослабленіе проповѣднической дѣятельности въ чешскомъ народѣ; замѣчательно, что Войтѣха сочли за нужное отправить для образованія въ Магдебургъ т. е. за границу. Похвала Косьмы Вячеславу и Болеславу не противорѣчитъ этому: первый былъ мученикъ, второй основалъ пражскую епископію. Косьма хвалитъ ихъ за это, какъ Несторъ хвалитъ Владиміра за принятіе христіанства, хотя нельзя сказать, чтобы дѣйствительно въ Россіи такъ успѣшно распространилось и повсемѣстно утвердилось христіанство, какъ объ этомъ говоритъ Несторъ.

друзья и ученики его; при томъ же настойчивая, но крайне безслѣдная и неблагодарная дѣятельность Войтеха въ Чехіи сама по себѣ уже много говоритъ противъ этого человѣка. Войтѣху хотѣлось ввести въ Чехіи тѣже порядки, какіе онъ видѣлъ у Нѣмцевъ, среди которыхъ получилъ воспитаніе; но его планъ долженъ былъ оказаться безсильнымъ, въ соприкосновеніи съ силою, которой онъ совсѣмъ не хотѣлъ признать въ народѣ, силою обычая, преданія и исторіи. При проведеніи строгихъ правилъ и учрежденій западнаго христіанства въ Чехіи, ему не удалось найти точки опоры ни въ народѣ, ни въ князѣ чешскомъ. Мы постараемся доказать то и другое при изложеніи его дѣятельности [1]).

Войтѣхъ происходилъ отъ одной изъ первыхъ фамилій чешскихъ. Отецъ его былъ Славникъ, любицкій колѣнный князь, мать звали Стрезиславой. Родители Войтѣха были благочестивые христіане, особенно мать его, «чистая въ нравахъ и рѣчахъ, строгая въ постѣ, мать странныхъ и сиротъ, ничего не жалѣвшая для бѣдныхъ». Мальчикъ былъ чрезвычайно красивъ, и родители надѣялись, что его ожидаютъ блестящее положеніе и высокія государственныя должности [2]); но тяжкая болѣзнь, заставлявшая опасаться за самую жизнь Войтѣха, была причиною того, что онъ былъ обреченъ на служеніе Богу.

Первоначальные уроки грамоты Войтѣхъ бралъ у одного священника [3]), у него онъ научился читать и на память заучилъ псалтырь. Дальнѣйшее образованіе получалъ въ извѣстной тогда школѣ, при ново-основанной архіепископской каѳедрѣ въ Дѣвинѣ, состоявшей подъ управленіемъ знаменитаго Отрика, *Цицерона саксонскаго.* Дѣвинскій архіепископъ Адальбертъ въ октябрѣ 972 г. совершилъ надъ нимъ конфирмацію и, въ знакъ особеннаго расположенія, далъ ему свое имя. Девять лѣтъ прожилъ Войтѣхъ въ этой школѣ, окруженный съ дѣтства иноземцами; онъ успѣлъ въ это время отвыкнуть отъ своего народа, забыть родную землю и, сжившись съ чужими людьми, полюбить ихъ обычаи. Въ 981 г. умеръ архіепископъ Адальбертъ [4]), От-

---

[1]) Vita S. Adalberti, Joh. Canaparii, apud Pertz, SS. T. IV, p. 581—595; Vita S. Adalb., Brunonis... ibidem.

[2]) Уже не рѣдкость въ ту эпоху, что дѣти коронованныхъ особъ и члены богатыхъ семействъ вступаютъ въ духовное званіе; многіе члены императорскаго саксонскаго дома (архіепископъ кельнскій Вильгельмъ, Адельгейда и Матильда — аббатиссы) посвящали себя монашеской жизни; тоже самое видимъ и въ чешскомъ княжескомъ домѣ (Страхквасъ, Млада); знатные люди подражали въ этомъ случаѣ обычаямъ князей; высшія церковныя должности мало-по-малу переходятъ къ знатнымъ родамъ—явленіе, характеризующее средневѣковую церковь.

[3]) По житью, написанному Брунономъ; Канапарій ничего не говоритъ, у кого учился первоначально Войтѣхъ, гл. 3.

[4]) Annal. Veissemberg. a. 981.

рикъ оставилъ управленіе школой, въ томъ же году умеръ и Славникъ, отецъ Войтѣха;—всѣ эти обстоятельства заставили его оставить школу и возвратиться въ Чехію. Въ Прагѣ принялъ онъ санъ священника отъ тогдашняго епископа Титмара и заслужилъ его расположеніе.

Епископъ Титмаръ не былъ доволенъ плодами своей пастырской дѣятельности. Въ тяжкой болѣзни приходилось ему провѣрять свою прошедшую жизнь и съ безпокойствомъ сознавать, что не всегда съ самоотверженіемъ исполнялъ свои обязанности. Передъ самою смертію, когда у его постели собрались нѣкоторые изъ гражданъ и духовенства, между которыми былъ и Войтѣхъ, Титмаръ громко сознавалъ свое нерадѣніе объ обязанностяхъ пастыря, мучился сознаніемъ страшной отвѣтственности за грѣхи всего народа.... «И вотъ теперь сойду я въ преисподнюю, гдѣ червь мой не умретъ и огнь не угаснетъ!» Глубокое впечатлѣніе произвели на Войтѣха слова эти; въ туже ночь онъ одѣлся во власяницу, посыпалъ голову пепломъ, ходилъ по церквамъ, раздавая свое имущество убогимъ. Быстрая перемѣна совершилась съ нимъ.

Какъ образованный человѣкъ и членъ знатной фамиліи, Войтѣхъ еще при Титмарѣ пользовался значеніемъ и почетомъ въ Прагѣ. По смерти епископа (+ 2 янв. 982 г.), собравшійся не вдалекѣ отъ Праги, въ Лѣвомъ Градцѣ, народъ единогласно указалъ на Войтѣха, какъ способнаго занять епископскую каѳедру: «Кто же другой, какъ не землякъ нашъ Войтѣхъ? Его знатность, богатство и жизнь совершенно будутъ соотвѣтствовать этому сану. Онъ самъ отлично знаетъ, куда должно идти и съ благоразуміемъ будетъ устроять спасеніе нашихъ душъ». Войтѣхъ не отказался отъ выбора. Избранный народомъ въ пражскіе епископы, обыкновенно, отправлялся къ императору за инвеституроі; и Войтѣхъ съ чешскимъ посольствомъ явился на собраніе государственныхъ чиновъ Германіи въ Верону, гдѣ въ то время находился императоръ Оттонъ II, занятый войной съ Сарацинами [1]). Согласіе свое 983 г.
на избраніе Войтѣха въ пражскіе епископы Оттонъ выразилъ пожалованіемъ ему кольца и пастырскаго жезла; архіепископъ майнцкій, Виллигизъ, которому подчинена была Чехія по церковнымъ дѣламъ,

---

[1]) Thietmar III, 12, 14; Annal. Hildesh. a. 982; Cosmae I. 26. Избранный княземъ и народомъ епископъ долженъ былъ получить утвержденіе въ своемъ званіи отъ императора (инвеститура); такъ Титмаръ. . ad imperatorem christianissimum Ottonem ex parte ducis et tocius cleri atque plebis cum his transmittitur litteris —Cosm. I. 23.; такъ, послѣ избранія Войтѣха.., manus Boemiae cum electo pergit episcopo (ad Ottonem), ferens ex parte ducis legationem et tocius cleri atque populi petitionem, quo imperiali nutu eorum communem confirmaret electionem; igitur imperator condescendens eorum dignae petitioni dat ei annulum et pastoralem virgam. Cosmae I. 26. Таковы же извѣстія Косьмы подъ 997, 1068, 1091, 1098 гг.

29 іюня 983 г. совершилъ посвященіе Войтѣха въ епископы [1]). Вступленіе въ Прагу новаго епископа было весьма торжественно; клиръ и народъ встрѣтили его съ радостію и пѣснями. Еще не доѣзжая до Праги, Войтѣхъ сошелъ съ коня и босой, въ бѣдной одеждѣ, съ печальнымъ видомъ вступилъ въ ликующій городъ.

Въ то время, какъ Войтѣхъ началъ управлять чешскою церковію, совершились весьма важныя событія, отвлекшія вниманіе Болеслава II отъ домашнихъ дѣлъ: смерть Оттона II возбудила въ Германіи внутреннія смуты, сильное движеніе въ маркахъ. Чешскій князь примкнулъ къ претенденту на императорскую корону, Генриху баварскому, увлекся политическими событіями времени и не оказалъ новопоставленному епископу ни поддержки, ни поощренія [2]). Но епископъ Войтѣхъ не могъ нравиться Пражанамъ. Ихъ землякъ оказался совсѣмъ чуждымъ для нихъ человѣкомъ. Онъ строго и неумолимо сталъ преслѣдовать въ нихъ то, что не подходило подъ его идеалы или выработанные чужою жизнію, или осуществляемые лишь въ стѣнахъ монастырскихъ. Въ своей же землѣ онъ явился непризнаннымъ пророкомъ. По словамъ жизнеописателя [3]) Войтѣхъ велъ суровый образъ жизни. Только небольшую долю своихъ доходовъ отдѣлилъ онъ на удовлетвореніе личныхъ потребностей: большая же часть шла на дѣла благотворительности. Каждый праздникъ призывалъ къ себѣ неимущихъ, выспрашивалъ ихъ нужды и награждалъ ихъ; рѣдко ранѣе полудня успѣвалъ онъ ѣсть, никогда ранѣе полночи не ложился спать; постелью ему служили или голая земля, или власяница, и камень изголовьемъ. Никому лучше его не было извѣстно, кто, подъ какимъ именемъ и гдѣ лежалъ въ больницѣ, сколько выздоровѣло изъ больныхъ и сколько умерло. При такомъ широкомъ кругѣ дѣлъ милосердія онъ занимался еще ручнымъ дѣломъ, любилъ съѣсть то, что изготовилъ собственными руками.

При этомъ онъ не опускалъ изъ виду и главной своей обязанности-научить ввѣренный ему народъ вѣрѣ и возрастить его въ христіанской жизни. Но тутъ его аскетическій идеалъ совершенной преданности Богу и святости не допустилъ его съ надеждою и терпѣніемъ выжидать ростка отъ брошеннаго въ землю сѣмени. Онъ не могъ дать Чехіи прочнаго церковнаго устройства, такъ-какъ князю некогда было

---

[1]) Посвященіе пражскаго епископа обыкновенно совершалъ майнцкій архіепископъ. Такъ см. о посвященіи Титмара Cosmae 1. 23, о посвященіи Войтѣха. 1 26; жизнь Войтѣха, по Канапарію, гл. 8; ср. у того же Косьмы о посвященіи Тигдага подъ 997 годомъ, Иззо подъ 1023 г. Севера подъ 1030, Яроміра подъ 1068 годомъ.

[2]) Brunonis, Vita s. Adalberti, c. 10. Вспомнимъ, что, завладѣвъ Мишною, онъ гонитъ оттуда епископа Фолькольда; когда открылась война съ Нѣмцами, союзничаетъ съ языческими Лютичами.

[3]) Brunonis, Vita s. Adalb. c. 11.

подумать о церковныхъ дѣлахъ и войти въ интересы своего епископа. Строгій къ себѣ, Войтѣхъ не могъ хладнокровно относиться и къ чужимъ слабостямъ. Тяжело ему было переносить, «что̀ нераскаянный народъ служитъ своимъ страстямъ, что̀ люди, состоящіе въ родствѣ между собою, предаются плотскому грѣху, что̀ коренится еще въ его паствѣ многоженство, не прекращается торговля рабами—христіанами, которыхъ епископъ тщетно пытался выкупать и пускать на свободу. Въ праздничные дни граждане предавались языческимъ обычаямъ, дни поста проводили въ мірскихъ удовольствіяхъ. Самый клиръ не былъ въ строгомъ повиновеніи: клирики жили въ непозволительныхъ связяхъ съ женщинами, къ замѣчаніямъ епископа относились съ ненавистію и возбуждали противъ него вліятельныхъ людей» [1]). Всѣ эти обычаи, весьма понятные въ народѣ, еще не такъ давно обращенномъ, о духовномъ просвѣщеніи котораго было приложено весьма мало попеченій, вызывали съ его стороны нетерпѣливыя замѣчанія и своею неожиданностію возбуждали только неудовольствіе и даже ненависть къ нему. Войтѣхъ оказался въ затруднительномъ положеніи, котораго онъ не предполагалъ, принимая на себя управленіе чешскою церковію, и изъ котораго не могъ выйти безъ сторонней помощи. Но не имѣя сочувствія ни въ князѣ, ни въ высшемъ клирѣ, потерявъ уваженіе народа, онъ долженъ былъ сознаться въ своемъ безсиліи. Видя, что тщетны всѣ усилія его, что онъ болѣе вредитъ себѣ, чѣмъ приноситъ пользы народу, Войтѣхъ дошелъ до послѣдней степени безпокойства и отчаянія. Находясь въ такомъ настроеніи, однажды онъ увидѣлъ во снѣ Іисуса Христа, который съ укоризною повелѣвалъ ему встать: «Я былъ проданъ Іудеямъ, а теперь опять продаютъ меня... и ты спокойно спишь!» Еще больше встревожился Войтѣхъ этимъ видѣніемъ. Онъ не выдержалъ мучительной сердечной боли и рѣшился оставить паству. Случайно 989 г.
пришелъ тогда въ Прагу братъ княжескій, Страхквасъ, въ монашествѣ получившій имя Христіана. Войтѣхъ приглашаетъ его къ себѣ, жалуется на невѣріе и нерадѣніе народа, на нечистую связь и незаконныя супружества, неповиновеніе клира, надменность и несносное могущество пановъ [2]), сознается, что все это вынудило его оставить Прагу и никогда не возвращаться къ богоотступнической паствѣ. «Тебѣ приличнѣе управлять этимъ народомъ, тебѣ онъ будетъ лучше повиноваться, чѣмъ мнѣ. Съ помощію брата ты будешь имѣть возможность унизить гордыхъ, обличить нерадивыхъ, исправлять неповинующихся». Говоря такъ, онъ просилъ Страхкваса освободить его отъ обязанности исполнять, которую не хватило у него силъ. При этомъ онъ обѣщалъ скло-

---

[1]) Canaparii c. 12, Brunon. c 11.
[2]) Cosmae, l. 29.

нить папу на согласіе къ посвященію его» [1]). Но Страхквасъ отказался отъ этого предложенія.

Тѣмъ не менѣе Войтѣхъ пошелъ въ Римъ, чтобы оправдаться передъ папою въ своемъ поступкѣ:—ввѣренное мнѣ стадо не хочетъ слушать меня... это такая страна, гдѣ вмѣсто справедливости господствуетъ тѣлесная сила, вмѣсто закона страсти,—говорилъ онъ. Папа согласился съ его представленіями и позволилъ ему поселиться тамъ, гдѣ онъ найдетъ болѣе удобнымъ. Войтѣхъ съ радостію готовъ былъ переносить тяжелые подвиги и суровыя лишенія: раздавъ имѣніе, онъ рѣшился сдѣлать благочестивое путешествіе въ Іерусалимъ. Императрица Ѳеофанія, находившаяся тогда въ Римѣ, дала ему значительную сумму денегъ, на поминъ души императора Оттона II. Деньги Войтѣхъ принялъ, но въ слѣдующую же ночь роздалъ ихъ бѣднымъ. Тогда оставилъ онъ Римъ, взявъ съ собою младшаго брата Радима, Велиха и Радлу, бывшаго учителя своего, людей одинаково аскетически настроенныхъ и духовно-близкихъ между собою. Съ ними зашелъ онъ въ Мотекассино, монастырь бенедиктинскаго ордена. Здѣсь сказали ему, что нѣтъ заслуги въ ежедневной перемѣнѣ мѣстъ, что какъ волненіе бушующаго моря составляетъ бѣдствіе для мореплавателей, такъ и странствованіе грозитъ опасностію для переходящихъ съ мѣста на мѣсто; что примѣръ славныхъ мужей указываетъ на пребываніе въ одномъ мѣстѣ, какъ на лучшее средство къ духовнымъ подвигамъ. Тогда онъ рѣшился остаться въ монте-кассинскомъ монастырѣ и вступить въ число его братіи. Но здѣсь стали обращаться съ нимъ, какъ съ епископомъ, и требовать отъ него исполненія епископскихъ обязанностей. Войтѣхъ оставилъ этотъ монастырь и отправился въ михайловскій монастырь, въ Валлилукѣ, гдѣ тогда жилъ св. Нилъ, «дѣла котораго въ монашескомъ сонмѣ блистаютъ, какъ денница на небесномъ сводѣ. Подъ руководствомъ этого вождя множество учениковъ посвятило себя на служеніе Богу. Всѣ они, собственнымъ трудомъ снискивая пропитаніе, духовно подвизаются по правиламъ Василія Великаго». Войтѣхъ, пришедши къ св. старцу, палъ передъ нимъ на колѣни, долго лилъ слезы, прося совѣта и дружескаго утѣшенія. Но Нилъ не могъ принять его въ свою обитель и, указывая на Римъ, препроводилъ его въ монастарь Бонифація и Алексѣя, куда и далъ ему письмо на аббата Льва. Въ Римѣ приняли Войтѣха, вмѣстѣ съ Радимомъ, въ монашество; въ святую
990 г. субботу 990 г. дали они монашескіе обѣты [2]). Теперь-то начались

---

[1]) Это свидѣтельство, имѣющееся только у Косьмы, важно потому, что говоритъ о дурныхъ отношеніяхъ Войтѣха и къ князю; см. стр. 164, примѣчаніе 2. и текстъ къ этому примѣчанію. Чтобы понять, чего хотѣлъ Войтѣхъ и въ чемъ встрѣчалъ онъ затрудненія, нужно сопоставить послѣдующій характеръ его дѣятельности, когда дано было княземъ торжественное обѣщаніе не ставить ему преградъ.

[2]) Ego Adalbertus promitto stabilitatem meam et conversionem morum meorum et

счастливые дни для Войтѣха. Съ радостію онъ выполнялъ самыя трудныя послушанія, которыя возлагали на него; добродушно подчинялся всей монастырской братіи; съ неутомимымъ рвеніемъ прилежалъ къ молитвѣ и чтенію священнаго писанія, съ особеннымъ удовольствіемъ проводилъ время въ душеспасительныхъ разговорахъ съ аббатомъ и лучшими изъ братіи. Онъ совсѣмъ забылъ, среди этой жизни, свою паству; но не забылъ его князь Болеславъ [1]).

Мишенскій епископъ Фолькольдъ, съ согласія князя, пріѣзжалъ иногда въ Прагу и исполнялъ здѣсь епископскія обязанности [2]). Къ 992 г. Болеславъ снова мирится съ Нѣмцами, отстаетъ отъ союза съ Лютичами и обращаетъ вниманіе на церковное устройство страны своей. Три года пражская каѳедра оставалась не занятою, въ это время церковная организація, которою уже былъ весьма недоволенъ Войтѣхъ, вѣроятно, пришла еще къ бо̀льшему разстройству. Тогда князь Болеславъ и народъ чешскій обратились къ архіепископу майнцкому Виллигизу, съ просьбою употребить зависящія отъ него средства къ возвращенію на пражскую каѳедру ихъ епископа. Въ 992 г. отправилось въ Италію чешское посольство, во главѣ котораго стоялъ Христіанъ, братъ князя Болеслава, и Радла, близкій другъ Войтѣха. Они передали папѣ письма отъ князя и архіепископа, въ которыхъ излагалась просьба о возвращеніи въ Чехію Войтѣха. Но такъ какъ Вой- 992 г.

obedientiam secundum regulam S. Benedicti coram Deo et omnibus sanctis et abbate Augustino praesente. Erben, Regesta № 75.

[1]) Къ концу X в. монашество во Франціи и Италіи реформируется въ своихъ основаніяхъ. Во Франціи эту реформу произвели аббаты монастыря Клюни, основаннаго въ 910 году, Берно, Одо и Майолъ—воззваніемъ къ жизни монастырскихъ правилъ св. Бенедикта. См. объ этомъ у Гизебрехта, Geschichte d. Deutschen Kaiserz. I. 675—80. Въ Италіи церковная и монашеская жизнь тоже къ этому времени получила новый и высшій видъ. Только высшее удовлетвореніе она находила не во внѣшнихъ формахъ и учрежденіяхъ, но въ мистицизмѣ, и основаніе ей положили отдѣльныя личности. Первымъ лицемъ такого рода и былъ св. Нилъ; по духу и убѣжденіямъ похожъ на него Ромуальдъ, наполнявшій тогда славою сѣверную Италію. Онъ происходилъ изъ богатаго семейства и долго велъ роскошную и порочную жизнь. Тяжкое преступленіе, совершенное отцемъ его, пробудило его отъ прежней жизни и привело въ монастырь. Въ суровыхъ лишеніяхъ провелъ онъ многіе годы въ Венеціи, вмѣстѣ съ другимъ пустынникомъ, Марино; потомъ возвратился въ Италію и пытался здѣсь провести совершенное измѣненіе въ монастырскомъ уставѣ. Оттонъ III поручилъ ему монастырь Классе въ Равеннѣ; но требованія Ромуальда были такъ тяжки, что братія никакъ не могла выполнить ихъ, и онъ долженъ былъ отказаться отъ управленія монастыремъ. Все это были личности сильныя, широко распространившія свое вліяніе. Реформа коснулась и монастырей римскихъ: монастырь Бонифація и Алексѣя стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ съ монастыремъ св. Нила. Нашъ епископъ Войтѣхъ относится къ этому же разряду ревностныхъ реформаторовъ церкви и глубокихъ мистиковъ и аскетовъ, желавшихъ разомъ и безъ уступки проводить въ жизнь свои отшельническія теоріи.

[2]) Thietm., IV. 5.

тѣхъ не хотѣлъ уступить желанію Чеховъ, а посольство твердо настаивало на своей просьбѣ, то папа созвалъ въ Римѣ соборъ, на которомъ и рѣшено было возвратить Войтѣха на пражскую каѳедру. Впрочемъ, ему дано было позволеніе снова оставить Прагу, еслибы Чехи, «по обычному своему нечестію», не захотѣли слушать его.

Пышный и торжественный пріемъ приготовили въ Прагѣ возвращавшемуся епископу; на встрѣчу ему вышелъ князь и множество народа всякаго возраста и пола. Казалось, что всѣ затрудненія будутъ устранены, старыя неудовольствія и непріятности забыты [1]). Войтѣхъ желалъ ввести въ Чехіи христіанство со всѣми особенностями, выработанными въ немъ западомъ и поднять нравственную жизнь до той же высоты, на которой она стояла въ его монастырѣ; первый шагъ къ этому сдѣланъ былъ устройствомъ монастыря въ Прагѣ. Выходя изъ Италіи, онъ пригласилъ съ собою 12 монаховъ бенедиктинскаго ордена; но не зная еще, какой пріемъ ожидаетъ его самого, оставилъ ихъ на границѣ Чехіи ждать дальнѣйшихъ его распоряженій. Послѣ того, какъ князь и народъ чешскій выказали много расположенія къ нему, Войтѣхъ пригласилъ монаховъ и поселилъ ихъ въ Бревновѣ; такъ получилъ начало бревновскій монастырь, посвященный имени Бонифація и Алексѣя. Это была въ Прагѣ первая колонія монашествующихъ, разсадникъ вѣры и благочестія въ Чехіи, по мысли Войтѣха. Князь выказалъ все свое вниманіе къ этому дѣлу епископа: такъ, пожаловалъ бревновскому монастырю изъ своихъ княжескихъ доходовъ сумму въ 1500 денаріевъ на каждогодные расходы его [2]). Войтѣхъ получилъ отъ князя и другіе знаки его внимательности и довѣрія, которые вполнѣ должны были удовлетворить его благочестивую ревность. Такъ, ему дано было право расторгать супружества, которыя заключены были въ близкихъ степеняхъ родства, устроять церкви, гдѣ это необходимо; повсемѣстно вводить правильный сборъ десятины. Любимое созданіе Войтѣха—бревновскій монастырь—отъ князя надѣленъ землями и пожалованъ гражданскими привиллегіями, отъ папы одаренъ церковными преимуществами; настоятель этого монастыря получилъ митру и другія почетныя отличія [3]). Должно думать, что въ это время Чехія получила то прочное церковное устройство, съ которымъ мы встрѣчамъ ее въ XI в. [4]).

---

[1]) Vita Adalb., по Канапарію с. 18, по Бруно 15.

[2]) Erben, Regesta № 79.

[3]) Erben, Regesta №№ 77, 78, 80.

[4]) Cosmae подъ 1039 годомъ. Здѣсь встрѣчаются въ первый разъ указанія на раздѣленіе Чехіи по архидіаконатамъ, которое основывалось на старомъ дѣленіи по жупамъ. Томекъ въ своей статьѣ—O starém rozdělení Čech na župy... Časop. 1858, str. 222—252, говоритъ: «Не будетъ смѣлымъ соображеніе, что раздѣленіе земли на архидіаконства происходитъ отъ перваго времени пражской епископіи, по крайней мѣрѣ отъ св. Войтѣха, установителя церковнаго устройства въ Чехіи».

Спокойствіе Войтѣха не было продолжительно; не видѣлъ онъ въ своей паствѣ такихъ плодовъ, какихъ бы ему хотѣлось имѣть; все еще проглядывали старые пороки и нехристіанскіе обычаи [1]). Снова нарушилось довѣріе между пастыремъ и пасомыми. Еще худшая наступила пора, когда Болеславъ, смертельно раненный, долженъ былъ сложить съ себя управленіе дѣлами и поручить ихъ сыну своему, Болеславу III и совѣту пановъ. Тогда получилъ при дворѣ важное значеніе родъ Вершовцевъ, издавна соперничествовавшій съ родомъ Славниковцевъ. Болеславъ III заискивалъ расположенія членовъ этого рода и оказывалъ имъ явное предпочтеніе [2]). Скоро случилось обстоятельство, весьма тяжело подѣйствовавшее на Войтѣха и заставившее его снова оставить епископскую каѳедру. Одна знатная женщина обвинена была въ прелюбодѣяніи [3]); по чешскимъ обычаямъ оскорбленный мужъ имѣлъ право убить ее. Преступница прибѣгла къ епископу и просила у него защиты. Войтѣхъ отправилъ ее въ дѣвичій Юрьевъ монастырь, надѣясь, что она слезами покаянія очиститъ свой грѣхъ. Между тѣмъ толпа приверженцевъ оскорбленнаго мужа сдѣлала нападеніе на епископскій домъ и искала здѣсь женщину, принятую епископомъ подъ свою защиту. Войтѣхъ не побоялся явиться среди раздраженной толпы и сказалъ: «Если вы меня ищете, я передъ вами». Но начальникъ этой толпы, представитель рода Вершовцевъ, сказалъ: «Тщетна твоя надежда на мученичество и славную смерть. Погрѣшаетъ святость твоя, пожелавшая сдѣлать насъ виновниками въ грѣхѣ. Не исполнится твое желаніе, но совершится нѣчто болѣе печальное, потому что, если эта женщина не будетъ намъ сейчасъ же выдана, то въ нашихъ рукахъ твои братья, и мы выместимъ свой гнѣвъ на ихъ женахъ, дѣтяхъ и имуществѣ» [4]). Посредствомъ подкупа вывѣдавъ, гдѣ скрывается измѣнница супружеской вѣрности, ворвались они въ монастырь, схватили несчастную, тщетно старавшуюся у алтаря найти защиту и, когда мужъ не рѣшался казнить свою жену, передали ее для умерщвленія рабу.

Войтѣхъ увидѣлъ, что его заступничество не принесло никакой пользы женщинѣ, что церковныя права и святость алтаря страшно поруганы. Тяжелымъ и несноснымъ бременемъ стала для него его каѳедра; напрасно уговаривалъ его успокоиться Анастасій, аббатъ

---

[1]) Vita s. Adalb. Brunonis, c. 15.

[2]) Сдѣлавшись земскимъ княземъ, онъ выдалъ дочь свою за одного изъ Вершовцевъ. О слабости княжеской власти за это время свидѣтельствуетъ Косьма 1. 29; Et quia tunc temporis dux non erat suae potestatis, sed comitum, comites versi in Dei odium.... valde malum operabantur, facinus et iniquum.

[3]) По догадкѣ Добнера (Ann. ad Haiec. IV. 387) и за нимъ Палацкаго, Dějiny I str. 269, это была жена одного изъ Вершовцевъ; ср. Büdinger, Oesterreich. Gesch. 1, 325, Anmerk. 4.

[4]) Vita Adalb, Canapar. c. 19.

бревновскаго монастыря; онъ рѣшился снова оставить свою паству
995 г. (995 г.). Тамъ, на Авентинѣ, въ монастырѣ Бонифація и Алексѣя, жилось ему лучше, тамъ онъ спокойно занимался дѣлами спасенія; туда-то и теперь стремился онъ. Съ радостію привѣтствовала его монастырская братія и избрала своимъ аббатомъ, когда Левъ, настоятель этого монастыря, былъ отправленъ, въ качествѣ папскаго легата, въ Германію и Францію. Войтѣхъ погрузился въ блаженное созерцаніе и снова тихо потекла жизнь его. Разъ во снѣ онъ увидѣлъ два разряда святыхъ, одинъ въ пурпуровыхъ одеждахъ, другой въ бѣлоснѣжномъ одѣяніи, одинъ означалъ мучениковъ, другой святыхъ мужей, посвящавшихъ Богу свою жизнь; пища и питье тѣхъ и другихъ состояли въ вѣчной хвалѣ Создателя. Тогда же онъ услышалъ голосъ: «Тебѣ приготовлено мѣсто между тѣми и другими, ты будешь участвовать въ трапезѣ и почестяхъ ихъ!» Видѣніе это рѣшительно повліяло на дальнѣйшую судьбу Войтѣха.

996 г. Въ 996 г. король Оттонъ III, вышедшій уже изъ юношескихъ лѣтъ [1]), предпринялъ путешествіе въ Италію. Въ февралѣ собралось въ Регенсбургѣ войско для сопровожденія за Альпы молодого короля. Духовные князья лично, съ огромною свитою, были при войскѣ; въ серединѣ мѣсяца прибылъ сюда и самъ Оттонъ. Уже и тогда въ его душѣ происходила борьба мірообладанія съ отреченіемъ отъ міра. Разсказываютъ, что разговоръ съ Ромуальдомъ, аббатомъ монастыря св. Эммерама въ Регенсбургѣ, произвелъ на него глубокое впечатлѣніе. На низкой скамейкѣ сидѣлъ онъ у ногъ аббата, со слезами покаянія выслушивалъ его увѣщанія, каялся ему въ своихъ грѣхахъ и такъ потомъ говорилъ своимъ спутникамъ: «Воистинну Духъ Божій говоритъ устами сего мужа!» Въ Павіи онъ получилъ извѣстіе о смерти папы Іоанна XV, въ Равеннѣ назначилъ въ кандидаты на папскій престолъ родственника своего, Бруно, сына герцога хорутанскаго Оттона, который и избранъ былъ римскимъ духовенствомъ въ папы, подъ именемъ Григорія V. Новый папа 21 мая вѣнчалъ его въ Римѣ императорскою короною. Посѣщеніе Италіи не прошло даромъ для Оттона. Здѣсь такъ успѣшно удалось ему все устроить по своему желанію: возстановить нѣмецкое господство, освободить Римъ отъ власти Кресцентія [2]), близкаго человѣка поставить въ папы; здѣсь въ блистательномъ свѣтѣ явилось передъ нимъ императорское величіе [3]); между тѣмъ, по ту сторону Альповъ, безуспѣшная война со Славянами не вела ни къ какимъ добрымъ результатамъ. Оттонъ близокъ былъ

---

[1]) Annal. Quedlinburg. continuatio, a. 996.

[2]) Wilmans, Jahrbüch. II. s. 90. Excurs X.

[3]) Annal. Quedlinb., Hildesh. et Lamb. a. 996. Wilmans, Jahrb. II. s. 87—91.

къ мысли, что поприще его дѣятельности и есть именно Италія, и что онъ есть счастливый преемникъ западныхъ римскихъ императоровъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ за Альпами живѣе почувствовалъ онъ расположеніе къ аскетическимъ подвигамъ и мистицизму, признаки чего обнаруживались въ немъ и ранѣе. Лишь только узналъ онъ все значеніе мірского могущества, какъ овладѣло имъ настроеніе, въ которомъ все земное онъ готовъ былъ считать ничтожнымъ. Самыя противорѣчащія состоянія уживались въ душѣ этого, юноши, развившія въ немъ фантастическій взглядъ на жизнь, опасный для каждаго человѣка, но страшный въ государѣ съ обширною властію. Случилось такъ, что люди, съ которыми онъ сошелся здѣсь, могли только усилить и развить въ немъ это странное душевное настроеніе [1]).

«Этотъ христіаннѣйшій императоръ,—говоритъ объ Оттонѣ жизнеописатель Войтѣха [2]),—питавшій всегда величайшую любовь и имѣвшій ревностное попеченіе о рабахъ Божіихъ, часто во время пребыванія своего въ Римѣ разговаривалъ съ Войтѣхомъ и, сдѣлавшись другомъ его, съ охотою слушалъ бесѣды его». Понятно, какого рода были эти бесѣды. Не могло быть душъ болѣе родственныхъ, много общаго имѣли они, весьма тѣсные узы уваженія и любви связывали императора съ Войтѣхомъ.

Въ свитѣ императора находился и архіепископъ майнцкій Виллигизъ, знавшій событія въ Чехіи, какъ странѣ, подчиненной его верховному надзору. Онъ желалъ возвратить Войтѣха на пражскую каѳедру; но тамъ произошли обстоятельства, которыя уже не обѣщали Войтѣху добраго пріема въ его паствѣ. Мы упоминали, что, еще передъ оставленіемъ имъ Праги, Вершовцы грозили выместить свой гнѣвъ на его братьяхъ. Болѣзнь Болеслава II и особенное расположеніе къ этому роду заправлявшаго тогда дѣлами Болеслава III, способствовали усиленію Вершовцевъ; а вторичное самовольное оставленіе каѳедры должно было возбудить неудовольствіе противъ Войтѣха и его родни и въ самомъ князѣ. Однако Болеславъ II не допустилъ тогда вспыхнуть кровавой враждѣ между двумя сильными родами. Когда въ 995 г. изъ Чехіи отправленъ былъ вспомогательный отрядъ на помощь къ Оттону III, воевавшему тогда съ Бодричами [3]), находившійся въ этомъ отрядѣ старшій братъ Войтѣха, Собеборъ, жаловался королю Оттону

---

[1]) Giesebrecht, Geschichte... I. s. 675 и слѣд. s. 846; сравни стр. 167, прим. 1. Весьма любопытна въ этомъ отношеніи переписка Оттона III съ Гербертомъ, реймсскимъ архіепископомъ, см. объ этомъ Wilmans, Jahrbücher II. Excurs I, Abschnitt VI, s. 173, Anm. 4.

[2]) Vita Adalb. auctore Canapario, c. 22.

[3]) Annal. Hildesh. a. 995; Ann. Quedlinb. a. 995.

на притѣсненія и непріятности, которыя приходится переносить его роду. Самое живое участіе въ положеніи его принялъ польскій князь Болеславъ, также помогавшій Оттону въ походѣ на полабскихъ Славянъ; онъ пригласилъ Собебора въ Польшу, обласкалъ и наградилъ его. Но поступокъ Собебора оскорбилъ чешскаго князя [1]) и вызвалъ его негодованіе на всѣхъ Славниковцевъ, которые доселѣ пользовалась исключительнымъ положеніемъ въ странѣ, владѣли обширными помѣстьями, живя въ славной столицѣ князей любицкихъ — Любицѣ. Теперь пробилъ послѣдній часъ Славниковцевъ: 25 сентября 996 г. сдѣлано было нападеніе на Любицу, въ которой заперлись члены рода Славниковцевъ со своею ратью. Отчаянная защита ихъ оказалась безуспѣшною: городъ былъ взятъ, все населеніе его, мужеское и женское, избито, братья Войтѣха умерщвлены передъ алтаремъ, гдѣ искали они прибѣжища; ихъ богатства и помѣстья конфискованы [2]).

996 г.

Для Войтѣха это было весьма убѣдительнымъ доказательствомъ, что въ Прагѣ къ нему не расположены. И потому онъ отговаривался, сколько могъ, отъ возвращенія на свою каѳедру. Архіепископъ Виллигизъ доказывалъ на созванномъ по этому случаю соборѣ, что требованіе Чеховъ справедливо, что было бы грѣхомъ одну пражскую церковь оставлять вдовою, когда всѣ другія церкви имѣютъ пастырей. Голосъ его одержалъ верхъ, Войтѣху предстояло отправиться снова въ Чехію. Въ томъ случаѣ, если бы Чехи не захотѣли принять его, онъ имѣлъ право обратиться съ проповѣдію къ язычникамъ; трудиться на этомъ поприщѣ было давнимъ желаніемъ Войтѣха, для этого онъ выхлопоталъ себѣ титулъ архіепископа провинціальнаго. Такъ оставилъ онъ свой монастырь и примкнулъ къ торжественнему шествію Оттона III, возвращавшагося тогда же изъ Италіи. Войтѣхъ находился въ свитѣ его, имѣлъ возможность ближе познакомиться съ императоромъ — юношей, а этотъ почувствовалъ величайшее уваженіе къ боговдохновенному монаху и открылъ ему свое сердце [3]). «Съ нимъ долгое время проводилъ угодникъ Божій.... и ночью, такъ же какъ и днемъ, оставался его собесѣдникомъ. Дружество его къ императору вызвано было не любовію къ мірскимъ выгодамъ, а надеждою возжечь въ немъ желаніе небесныхъ благъ.... Онъ поучалъ

---

[1]) Какъ увидимъ, отношенія между Чехами и Поляками были тогда довольно натянутыя.

[2]) Cosmae, I. 29; Vita s. Adalb. Canap. c. 25.

[3]) Жизнь Войтѣха по Канапар. гл. 23; Cosmae I. 27; впрочемъ Косьма сохранилъ только тотъ фактъ, что была пріязнь между Войтѣхомъ и императоромъ: хронологическія данныя и обстоятельства, въ которыхъ выразилась эта пріязнь, у него спутаны. Giesebr. Gesch. der. Deutsch. Kaiserz. I. s. 687.

императора не придавать особенной важности своему достоинству, совѣтовалъ чаще приводить себѣ на память, что онъ смертенъ, что красота его обратится въ пепелъ, въ тлѣніе и пищу червямъ..., что нужно презирать блага настоящей жизни, а стремиться къ вѣчно пребывающимъ». Въ Майнцѣ видѣлъ Войтѣхъ чудный сонъ. Снилось ему, что онъ находится у своего брата, оставшагося въ живыхъ. Домъ былъ великолѣпный: крыша и стѣны его были бѣлы, какъ снѣгъ; здѣсь были приготовлены два ложа, одно для него, другое для его брата; но первое роскошно убрано, блистало пурпуромъ и шелкомъ, на изголовьѣ его была надпись: «это награда тебѣ отъ дочери короля». Этотъ сонъ растолкованъ былъ въ томъ смыслѣ, что дочь короля есть небесная царица, что эта награда есть награда за мученическую смерть. Еще разъ имѣлъ Войтѣхъ съ императоромъ продолжительный разговоръ, въ которомъ открылъ ему свои намѣренія; потомъ простились они навсегда такъ трогательно и съ такою скорбію, какъ отецъ съ сыномъ (въ октябрѣ 996 г.).

Войтѣхъ направился въ Польшу, къ князю Болеславу, высокому другу и патрону его семейства, у котораго нашелъ защиту и покровительство одинъ изъ его братьевъ. Для очищенія совѣсти, онъ послалъ отсюда спросить чешскаго князя, желаетъ ли онъ и его подданные принять къ себѣ ихъ епископа. Полученъ былъ отвѣтъ, что никто его не желаетъ; отвѣтъ этотъ утѣшилъ и обрадовалъ Войтѣха. Теперь онъ чувствовалъ себя совершенно свободнымъ отъ всѣхъ обязанностей къ своей епархіи и могъ такимъ образомъ безъ дальнѣйшаго отлагательства посвятить себя дѣлу, котораго давно желала душа его, дѣлу проповѣди у язычниковъ. Нѣсколько колебался онъ только относительно того, гдѣ начать проповѣдь: у Лютичей-ли, которые недавно стряхнули нѣмецкое иго и отпали отъ христіанства, или у другихъ языческихъ народовъ. Политическіе виды Болеслава клонились на сѣверъ, къ берегамъ Балтійскаго моря, гдѣ нѣкоторыя колѣна Поморянъ уже были покорены имъ, другія предполагалъ онъ покорить въ ближайшее время; въ сосѣдствѣ съ ними жилъ еще не покоренный и не обращенный народъ Пруссовъ. Проповѣдническая дѣятельность между ними приготовила бы поле для его оружія и политической власти; да и симпатіи Войтѣха болѣе склонялись къ дикимъ племенамъ, еще не слыхавшимъ о Христѣ: онъ желалъ трудиться на не початомъ полѣ, искалъ мученической смерти!

Зиму провелъ Войтѣхъ въ Гнѣзднѣ, столицѣ польской. Весною 997 г.
997 г., получивъ отъ князя судно и 30 человѣкъ провожатыхъ, отправился онъ по Вислѣ, сопутствуемый Радимомъ и однимъ священникомъ, по имени Венедиктомъ. Направляясь по теченію рѣки, Войтѣхъ доплылъ до Гданска, гдѣ вышелъ на землю; встрѣченный толпою народа, началъ между нимъ проповѣдь и многихъ крестилъ.

На слѣдующій день продолжалъ путь моремъ, направляясь къ востоку, къ землѣ Пруссовъ. Послѣ нѣсколькихъ дней плаванія судно остановилось при устьѣ одной рѣки, здѣсь высадился Войтѣхъ со своими спутниками. Когда мѣстными жителями замѣчено было появленіе на ихъ берегу незнакомыхъ людей, они потребовали у пришельцевъ немедленнаго удаленія и потомъ прогнали ихъ. Проповѣдники пошли вверхъ по рѣкѣ, но и тамъ не нашли никакого сочувствія къ своимъ словамъ. Уже Войтѣхъ сталъ отчаяваться въ успѣхѣ своего дѣла среди Пруссовъ, имъ овладѣло раскаяніе: почему онъ не остановился на Лютичахъ и не началъ между ними проповѣди; тутъ бы было устранено хотя одно затрудненіе, онъ могъ бы объясняться съ ними на понятномъ имъ языкѣ [1]). Подъ вліяніемъ такихъ мыслей онъ рѣшился воротиться снова къ Болеславу или Оттону и оттуда наравиться къ Лютичамъ. Тогда Радиму, неразлучному товарищу Войтѣха, явился сонъ, будто онъ вошелъ въ алтарь и тамъ увидѣлъ золотой сосудъ съ виномъ. Когда онъ взялъ этотъ сосудъ, чтобы нѣсколько отпить изъ него, быстро подошедшій служитель алтаря остановилъ его словами: «Не тебѣ назначено пить изъ сосуда, а Войтѣху». На слѣдующій день проповѣдники продолжали путь лѣсомъ, за которымъ открывалась широкая равнина.
2 апрѣля. Здѣсь, на свѣжей травѣ, Радимъ пѣлъ обѣдню, Войтѣхъ причастился тѣла и крови Христовой. За тѣмъ, утомленные путешествіемъ этого дня, путники опустились на траву и погрузились въ глубокій сонъ. Въ это время напала на спящихъ толпа раздраженныхъ язычниковъ [2]), и безъ труда овладѣла ими. Войтѣхъ просилъ своихъ спутниковъ не оказывать никакого сопротивленія врагамъ и самъ спокойно ожидалъ смерти. Ему вонзили въ грудь оружіе, нанесли еще шесть ударовъ, отъ которыхъ послѣдовала быстрая смерть. Голова святого была отдѣлена отъ туловища и тѣло унесено, какъ добыча. Мученическая смерть Войтѣха послѣдовала 23 апрѣля 997 г. Радимъ и Венедиктъ остались въ живыхъ и скоро были выпущены на свободу. Они возвратились въ Польшу и разсказали Болеславу о томъ, какимъ печальнымъ концемъ увѣнчалась безпокойная жизнь Войтѣха.

Когда происходило это въ Пруссіи, въ монастырѣ Бонифація и Алексѣя Іоаннъ Канапарій видѣлъ сонъ, предвѣщавшій ему смерть друга его, Войтѣха. Въ то же время преподобный Нилъ писалъ къ

---

[1]) Brunonis. Vita Adalb. c. 26, Canaparii c. 28.

[2]) Св. Войтѣхъ со своими спутниками ошибкой попалъ на священное поле Ромово; жрецъ капища считалъ это оскорбленіемъ святыни, см. Palacky, Dejiny I. str. 270 со ссылкой на Voigt, Geschichte Preussens I. 271; а можетъ быть и то правда, что братъ жреца былъ убитъ въ войнѣ съ Поляками, и онъ мстилъ Войтѣху за смерть своего брата.

нему: «Знай, любезнѣйшій сынъ, что другъ нашъ Войтѣхъ живетъ со св. Духомъ и скоро блаженнѣйшею смертію заключитъ временную жизнь» [1]).

6) Причины политическаго упадка Чехіи. 992—999 гг.

Не совсѣмъ благопріятны были обстоятельства Чехіи въ послѣдніе годы жизни Болеслава II. Въ продолженіе тридцати-двухлѣтняго правленія не разъ приходилось Болеславу мѣнять свою политику по отношенію къ сосѣдямъ. На глазахъ его выросло могучее государство польское, долго бывшее въ союзѣ съ нимъ, но потомъ отдѣлившееся и начавшее успѣшно преслѣдовать собственные интересы. Съ этихъ поръ историческія судьбы Польши и Чехіи, весьма много измѣнились. Вмѣсто того, чтобы во взаимномъ союзѣ искать спасенія противъ общаго имъ врага, они начали враждовать между собою: государство, обладавшее бо̀льшими силами, воспользовалось слабостію сосѣдняго государства,—сильнѣйшая Польша наложила руку на слабѣйшую ея Чехію. Болеславъ II еще держалъ въ своихъ рукахъ всѣ части обширнаго государства, и къ концу жизни его Чехія находилась въ тѣхъ же границахъ, что̀ и въ началѣ его княженія. Но вскорѣ послѣ его смерти мы находимъ Чехію ограниченною ея естественными предѣлами, слабою для борьбы съ сильнѣйшимъ ея соперникомъ, хладнокровно принимающею отъ Нѣмцевъ и Поляковъ рѣшенія судьбы своей. Нужно предположить особенныя обстоятельства, которыя подготовляли эти явленія, постепенно лишая Чехію значенія и вліянія. Прежде, чѣмъ перейти къ изложенію этихъ обстоятельствъ, нелишне будетъ замѣтить, что наши знанія о процессѣ распространенія Чехіи подъ Болеславами весьма ограничены; мы не можемъ сказать, когда и какъ вошла въ составъ ея Моравія и земля угорскихъ Словаковъ, въ какихъ размѣрахъ принадлежали къ Чехамъ Хорватія и области за Татрами. Точку отправленія въ сужденіи объ этомъ составляютъ только учредительная грамота пражской епископіи, да нѣсколько указаній изъ позднѣйшаго времени,—напр. завоеванія Болеслава польскаго, столкнувшагося въ Краковѣ со старыми господами этой области, Чехами, и еще нѣкоторыя указанія у Нестора. Быстро присоединились эти области къ Чехіи, но быстро были и отняты у ней Поляками.

Въ 992 г. умеръ князь польскій Мечиславъ, когда еще не кончена 992 г.
была начавшаяся между Чехами и Поляками война изъ-за обладанія землями на правой сторонѣ Одры [2]). Сынъ его Болеславъ I, по прозванію

---

[1]) Vita Adalberti, auctore Canapario c. 29.

[2]) Wilmans, Jahrb. II, s. 73, Anmerk. 2. Zeisberg, Miseco 1, s. 98—9, Anmerk. 4,

Храбрый, сначала слѣдовалъ, относительно Нѣмцевъ, отцовской политикѣ: также какъ и отецъ посылалъ дары императору, помогалъ ему въ войнѣ съ полабскими Славянами. За такую вѣрность и услужливость съ одной стороны онъ получилъ возможность усилить свои владѣнія на западѣ присоединеніемъ части Лужицъ, съ другой—распространить ихъ на счетъ языческихъ народовъ, Поморянъ и Пруссовъ, и раздвинуть здѣсь свою власть до береговъ Балтійскаго моря. Онъ сталъ уже простирать свои виды на Хорватію и Силезію, поддерживать домашнія несогласія въ Чехіи. Прикидываясь другомъ Нѣмцевъ, думалъ распространить свое вліяніе и на Славянъ полабскихъ, ведшихъ упорную и безпрерывную войну съ ними. Пригласивъ къ себѣ друга Оттонова, епископа Войтѣха, направляетъ и его благочестивое рвеніе въ свою пользу: посылаетъ съ проповѣдію именно къ тѣмъ народамъ, которые всего скорѣе должны были сдѣлаться его подданными и съ которыми уже начата была у него война. Такой умный и энергическій сосѣдъ, какъ князь польскій, скоро долженъ былъ сдѣлаться весьма опаснымъ для Чеховъ. Принявъ на себя выполненіе высокой задачи-объединить славянскій міръ и всѣ его силы двинуть противъ объединеннаго уже саксонскою династіей романогерманскаго міра, онъ шагнулъ далеко за естественныя границы Польши, переносилъ свою столицу то въ Прагу, то въ Кіевъ и стремился лмшить княжеской власти современныхъ ему Премысловцевъ. Еще около 992 г. начавшаяся между Чехами и Поляками война прекращена была лишь при содѣйствіи нѣмецкаго правительства; недовѣріе и взаимное нерасположеніе продолжали развиваться и расти между Чехами и Поляками. Еслибы чешскій князь чѣмъ нибудь возбудилъ въ Нѣмцахъ подозрѣніе, они сразу отвернули бы глаза отъ Чехіи, и опасность со стороны Польши для нея увеличилась бы; поэтому-то тотъ и другой Болеславъ остаются въ мирѣ съ Нѣмцами, посылаютъ вспомогательные отряды на помощь имъ.

Тяжелыми утратами поплатилась Чехія за событія 996—997 гг. [1]). Мы видѣли, какая глубокая пріязнь установилась между изгнанникомъ чешскимъ, св. Войтѣхомъ, и государями нѣмецкимъ и польскимъ. Нужно войти въ тогдашнія отношенія, въ расположеніе умовъ, въ глубокое религіозное движеніе, возбужденное во всѣхъ странахъ мученическою смертію св. Войтѣха [2]), обратить вниманіе на широко

---

[1]) Нелишне замѣтить, что и въ войнѣ 997 года, веденной Оттономъ противъ Лютичей, не упоминается объ участіи Чеховъ: можетъ быть уже тогда имѣли начало тѣ факты, съ которыми мы встрѣчаемся въ 999 году, т. е. совершенный разрывъ отношеній между Чехами и Поляками.

[2] Retibus fidei coepit Pannoniam, simul et Poloniam, ad ultimum dumin Pruzai

распространившуюся славу объ его чудесахъ, чтобы понять, какимъ нравственнымъ несчастіемъ должно было отразиться это на Чехахъ, и какъ они должны были пасть въ глазахъ друзей мученика, Оттона и Болеслава. По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что ласковый пріемъ, оказанный Болеславомъ Войтѣху въ 996 г., потомъ выкупъ тѣла его у Пруссовъ высоко подняли его въ глазахъ Оттона и доставили молодой Польшѣ весьма важныя преимущества, какъ церковныя, такъ и политическія [1]). Много также выгодъ пріобрѣла Угрія, которой только частію коснулась дѣятельность св. Войтѣха. Въ бытность свою у Чеховъ, онъ посѣтилъ угорскаго короля Гейзу, который предоставилъ ему всѣ средства проповѣдывать и крестить еще не обращенныхъ Угровъ. Въ это время родился у Гейзы сынъ, котораго крестилъ Войтѣхъ и назвалъ Стефаномъ. Хотя кратковременное пребываніе Войтѣха въ Угріи не могло имѣть рѣшительнаго вліянія на христіанское просвѣщеніе ея [2]), тѣмъ не менѣе около 1000 г. Угрія получила высокое мѣсто въ ряду европейскихъ государствъ, король Стефанъ принялъ отъ папы Сильвестра королевскій вѣнецъ и вошелъ въ близкія отношенія съ Нѣмцами. Въ тоже время отнимаются цѣлыя области у чешскаго князя, сокращается діоцеза пражскаго епископа, довольно большая часть ея подчиняется архіепископіи, посвященной имени св. Войтѣха, которая была поручена его брату Радиму, извѣстному также подъ именемъ Гауденція. Указанныя событія совершились въ слѣдствіе двухъ важныхъ обстоятельствъ: извѣстнаго уже намъ отрицательнаго отношенія Чеховъ къ дѣятельности епископа Войтѣха пражскаго и смерти князя Болеслава II, послѣдовавшей 9 февраля 999 г. Что касается до перваго,—ученики св. Войтѣха распространяютъ славу своего учителя въ Угріи и Польшѣ: изъ уваженія къ учителю, ученикамъ его оказывается вездѣ почетный пріемъ и поручаются важныя церковныя должности. Одинъ изъ его учениковъ былъ архіепископомъ въ Гнѣзднѣ (Радимъ); другой, тоже извѣстный уже намъ, Анастасій, аббатъ бревновскаго монастыря въ Чехіи, вскорѣ послѣ вторичнаго оставленія Войтѣхомъ Праги, во время домашнихъ неурядицъ Чехіи, погубившихъ весь родъ Славниковцевъ, удалился въ Угрію, гдѣ брошены были его учителемъ болѣе благодарныя сѣмена вѣры.

---

seminat verbum Dei.... умеръ Войтѣхъ мученическою смертію; Cosmae I. 31. Годъ смерти его у Косьмы неправильно означенъ 996. см. Palacky, Würdigung der alten Böhmisch. Geschichtschreiber, s. 28.

[1]) Здѣсь мы не входимъ въ подробное изложеніе польскихъ событій, что будетъ предложено въ другомъ мѣстѣ, а имѣемъ только указать на нихъ для поясненія причинъ политическаго упадка Чехіи.

[2]) Проповѣдническую дѣятельность въ Угріи продолжалъ Астрикъ, въ послѣдствіи архіепископъ угорскій. См. Endlicher, Rerum Hungaricarum Monum. Arpadiana, Vita Stephani, c. 4.

Здѣсь онъ сдѣлался сначала аббатомъ, а потомъ архіепископомъ [1]). Что до второго—преемникомъ Болеслава II былъ государь, какого не имѣла Чехія ни прежде, ни послѣ него. На ряду со своими современниками, сильными и дѣятельными государями Польши, Руси и Угріи, Болеславъ III, по прозванію Рыжій, не соединялъ въ себѣ никакихъ качествъ хорошаго правителя. Трусливый, недовѣрчивый, онъ имѣлъ много жадности, жестокости и мстительности, которымъ давалъ полную волю, отчуждалъ отъ себя народъ и не обращалъ вниманія на внѣшнія обстоятельства, угрожавшія Чехіи. Въ то время, какъ Болеславъ польскій, пользуясь смертію Болеслава II и нерасположеніемъ къ Чехіи римскаго императора, отнималъ у нея область за областью, Болеславъ Рыжій интриговалъ противъ своихъ братьевъ, подозрѣвая въ нихъ враговъ; приказавъ одного изъ нихъ оскопить, другого задушить, онъ заставилъ ихъ бѣжать за границу, подъ защиту Генриха баварскаго. Онъ не зналъ границъ въ жестокомъ обращеніи съ подданными [2]), въ слѣдствіе чего многіе изъ нихъ стали сноситься съ Болеславомъ польскимъ. А при тогдашнихъ стремленіяхъ Болеслава было весьма легко склонить его къ дѣятельному участію во внутреннихъ волненіяхъ Чехіи. Этими-то обстоятельствами, весьма дурно и круто повернувшими противъ Чехіи, объясняется, почему въ два года потеряла она свои обширныя владѣнія, почему княжескій престолъ сталъ быстро переходить отъ одного лица къ другому и почему сильные сосѣди стали принимать рѣшительное участіе во внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ ея.

Существенною и крупною чертою въ Болеславѣ II Косьма выставляетъ его благочестіе. Не мало дивится онъ, что̀ отъ такого скверного и испорченнаго дерева, какъ Болеславъ I, родился такой вкусный и прекрасный плодъ, какъ Болеславъ II, названный Благочестивымъ. «Князь этотъ былъ мужъ христіаннѣйшій, каѳолической вѣры, отецъ сиротъ, защитникъ вдовъ, утѣшитель плачущихъ, покровитель клириковъ и странныхъ, основатель церквей Божіихъ. Ибо, какъ читаемъ въ привиллегіи церкви св. Георгія, до 20 церквей основалъ онъ и надѣлилъ ихъ всѣмъ необходимымъ [3]); онъ былъ усерднѣйшій почитатель всего, что относится до вѣры и благочестія, никто при немъ не получалъ за деньги ни духовной, ни свѣтской должности. И въ битвахъ былъ онъ храбрѣйшимъ, къ побѣжденнымъ относился милостиво; но всего болѣе цѣнилъ спокойствіе и миръ. Было у него

---

[1]) Въ угорскихъ житьяхъ св. Стефана онъ извѣстенъ подъ именемъ Asericus,— Endlicher, Vita Stephani regis major. cc. 7, 8, въ Rerum Hungaricarum monumenta Arpadiana.

[2]) Thietmar, V. 7, 15.

[3]) Cosmae, I. 22.

много богатствъ, военныхъ орудій [1])... На сколько онъ распространилъ предѣлы своего государства, свидѣтельствуетъ объ этомъ учредительная грамота пражской епископіи». Можно указать здѣсь еще на свидѣтельство русской лѣтописи [2]) о князѣ Владимірѣ, изъ котораго видно, что составитель лѣтописи зналъ о сосѣдствѣ Руси и Чехіи въ концѣ X в.

---

[1]) Cosmae, I. 32.
[2]) Полное Собраніе Р. Л. т. I. стр. 54.

IV. ЗАПАДНЫЕ СЛАВЯНЕ ВЪ КОНЦѢ X И ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XI ВВ. БОЛЕСЛАВЪ ХРАБРЫЙ.

1) Описаніе земли и народовъ, вошедшихъ въ составъ державы Болеслава польскаго [1]).

Свѣдѣнія о странахъ, заселенныхъ Славянами, и о самыхъ народахъ славянскихъ пріобрѣтались и распространялись по мѣрѣ того, какъ Славяне входили въ сношенія съ сосѣдними народами. Извѣстія о древнѣйшей порѣ жизни каждаго славянскаго народа историкъ принужденъ заимствовать у иностранныхъ лѣтописцевъ. Поляки въ этомъ отношеніи не счастливѣе своихъ соплеменниковъ; первый національный лѣтописецъ, Мартынъ Галлъ, писалъ свою хронику тогда уже, когда въ народѣ не осталось почти никакихъ достовѣрныхъ преданій о первоначальной порѣ исторической жизни. И иностранные лѣтописцы даютъ удовлетворительныя свидѣтельства лишь отъ половины X вѣка, когда начались ближайшія сношенія Нѣмцевъ со славянскими народами, жившими между Одрой и Лабой. Весьма скудныя и отрывочныя извѣстія сообщаютъ о Польшѣ лѣтописцы, жившіе ранѣе X вѣка.

---

[1]) Источники. Einhardi Annales et Vita Car. Magni, ap. Pertz, I. II; Descriptio civitatum et regionum... изд. Lelevel, Géographie du moyen âge т. III, Шафарикъ въ приложеніяхъ; Adamus Bremensis, ap. Pertz, Scr. VII; Helmoldus, ap. Leibnit. Scr. rer. Brunsv. II; Начальная русская лѣтопись въ Полн. собр. Р. Л. т. I; Thietm. Merseburg. ap. Pertz, Scr. III. Пособія. Шафарикъ, Zeuss, Giesebrecht L., Wendische Geschichten, первыя страницы; Roepell, Geschichte Polens I. s. 1—17; Bogusławski, Rys Dziejów Serbo-Łużyckich, и др.

Современникъ Карла Великаго, Эйнгардъ [1]), говоритъ, что Балтійское море простирается отъ западнаго океана къ востоку, что длина его неизвѣстна, ширина же нигдѣ не больше 100,000 шаговъ, а во многихъ мѣстахъ и гораздо менѣе; что вокругъ него живутъ многія племена, южную сторону населяютъ, между другими народами, и Славяне, называемые также Вендами. Изъ рѣкъ, протекающихъ по вендской землѣ, упоминаются въ это время: Лаба и Висла, и между ними Пѣна [2]). Со времени Карла Великаго, до конца XI в., къ географіи славянскихъ земель, на югъ отъ Балтійскаго моря, прибавилось еще нѣсколько новыхъ данныхъ. Упоминается часть Балтійскаго моря — Ругіанское море; стали извѣстны рѣки, втекающія въ Лабу, напр. Эльда, Гавола, Шпре, черная Эльстра, также Одра съ ея притоками, Вартой и Бобромъ [3]). Въ XI столѣтіи славянскія земли получили ученаго географа въ лицѣ Адама Бременскаго. Онъ собралъ разбросанныя свѣдѣнія о славянскихъ земляхъ и первый сдѣлалъ систематическое описаніе ихъ [4]). «Славянская земля, обширнѣйшая провинція Германіи, населена Винулами [5]). Говорятъ, что она въ десять разъ больше нашей Саксоніи, особенно если причислить къ ней Чеховъ и Полянъ, которые живутъ за Одрою, такъ какъ они не отличаются ни языкомъ, ни одеждою [6]). Страна эта сильно вооружена, богата населеніемъ и плодородна, со всѣхъ сторонъ защищена естественными средствами — лѣсами или рѣками. Ширина ея простирается отъ рѣки Лабы до Скиѳскаго моря, а длина ея, начинаясь отъ гамбургской епархіи, по направленію къ востоку, идетъ до Баваріи, Угріи и Греціи. Тутъ живутъ многочисленные славянскіе народы». «Въ славянской землѣ находятся двѣ замѣчательныя рѣки: Одра, берущая начало въ моравскихъ горахъ, и Лаба, источникъ которой находится недалеко отъ истоковъ Одры. Обѣ рѣки текутъ по различнымъ направленіямъ. Одна, направляясь къ сѣверу, протекаетъ по странѣ Винуловъ до самой Юмны, гдѣ раздѣляетъ Поморянъ отъ Вильцевъ; другая течетъ на западъ, орошаетъ страну Чеховъ и Сер-

---

[1]) Einhardi, Vita Caroli Magni, c. 12.

[2]) Einh. Annal. a. 782; Vulfstan, котораго свидѣтельство приведено у Шафарика въ приложеніяхъ; Vita Caroli M. c. 15.

[3]) Giesebrecht L., Wendische Geschichten. I. s. 6.

[4]) Adamus Bremensis, Gesta Hammaburgensis ecclesiae Pontificum. apud Pertz, SS. VII.

[5]) Adamus, Lib. II, c. 18: a Vinulis incolitur, qui olim dicti sunt Vandali; это имя неизвѣстно другимъ писателямъ.

[6]) Интересно сопоставить слова Эйнгарда о томъ же предметѣ: omnes barbara ac feras nationes, quae inter Renum ac Visulam fluvios, oceanumque ac Danubium positae, lingua quidem paene similes, moribus vero atque habitu valde dissimiles.... perdomuit (т. е. Карлъ).

бовъ, раздѣляетъ потомъ язычниковъ отъ Саксовъ и вливается въ Британское море» [1]). «Одра самая важная рѣка славянской земли, при устьѣ ея находится знаменитѣйшій городъ Юмна, славная торговая пристань варваровъ и Грековъ, величайшій изъ городовъ Европы, который населяютъ Славяне съ другими народами, Греками и варварами; Саксы имѣютъ въ этомъ городѣ право гражданства, если только они не объявятъ себя христіанами». Но и Адамовы географическія знанія о славянской землѣ были весьма ограниченны. Говоря о Балтійскомъ морѣ, Адамъ утверждаетъ, что такъ названо оно жителями потому, что длинной полосой, на подобіе перевязи или пояса (balteus), тянется черезъ скиѳскія земли до самой Греціи [2]). Свои географическія показанія онъ заимствуетъ отъ другихъ лицъ: Норманны утверждаютъ, говоритъ онъ, что длина этого моря можетъ быть изслѣдована при благопріятномъ вѣтрѣ; многіе въ теченіи мѣсяца изъ Даніи достигали Острогарда русскаго [3]). Адамъ очень мало знаетъ о народахъ, жившихъ за Одрой. «Отъ Пѣны до Одры живутъ Вильцы и Лютичи; за Одрой же, какъ слышно, живутъ Поморяне; отсюда простирается обширнѣйшая земля Полянъ, которой границы, по разсказамъ, соприкасаются съ русскими грнаицами». Чѣмъ далѣе къ востоку, тѣмъ сбивчивѣе и неопредѣленнѣе свѣдѣнія Адама [4]). Такъ, по его словамъ, около береговъ Балтійскаго моря живутъ амазонки; онѣ дѣлаются беременными отъ выпитой воды или отъ соединенія съ чудовищами, которыхъ много въ той странѣ.

Черезъ сто лѣтъ послѣ Адама явился другой географъ, Гельмольдъ; въ своей хроникѣ Славянъ онъ обнимаетъ событія отъ 1066 до 1171 года, значитъ, продолжаетъ извѣстія Адама. Географическія его свѣдѣнія не идутъ дальше Адамовыхъ; продолжая исторію церкви, начатую Адамомъ и доведенную имъ до 1066 года, Гельмольдъ въ географическихъ указаніяхъ, въ опредѣленіи мѣстностей и именъ, рабски слѣдуетъ Адаму, повторяя и его ошибки. О странахъ славянскихъ за Одрой знаетъ онъ также мало, какъ и Адамъ, упоминаетъ о подчиненіи Болеславомъ польскимъ всей славянской земли, не вдаваясь объ этомъ ни въ какія подробности [5]).

Польскій лѣтописецъ, Мартынъ Галлъ, объясняетъ, почему Польша такъ долго не была описана и вообще мало была извѣстна. Польша, говоритъ онъ, находится въ сторонѣ отъ большихъ проѣзжихъ дорогъ,

---

[1]) Adamus, II. 19.
[2]) Adamus, IV. 10.
[3]) Adamus, IV. 11.
[4]) Таковы его извѣстія объ амазонкахъ. IV. 19.
[5]) Helmoldus, Chronica Slavorum ap. Leibnit., Scr. rer. Brunsw. Lib. I, c. 15.

и извѣстна развѣ только немногимъ, проѣзжающимъ для торговли въ Русь. Польша составляетъ сѣверную часть славянской земли, граничитъ на востокѣ съ Русью, на югѣ съ Угріей, къ югозападу съ Моравіей и Чехіей, къ западу съ Даніей и Саксоніей. Къ сѣверному морю сосѣдитъ съ тремя языческими народами: Селенками т. е. Лютичами, Поморянами и Пруссами. Страна эта весьма богата лѣсомъ, золотомъ и серебромъ, хлѣбомъ и мясомъ, обильна рыбой и медомъ; но особенно потому достойна вниманія, что̀, окруженная столькими народами христіанскими и языческими, подвергавшаяся нападеніямъ и всѣхъ ихъ вмѣстѣ и въ частности нѣкоторыхъ изъ нихъ, никогда ни кѣмъ не бывала совершенно подчинена. Страна эта имѣетъ здоровый воздухъ, почву плодородную; въ лѣсахъ ея много меду, рѣки кишатъ рыбами; воины въ ней храбры, земледѣльцы трудолюбивы, лошади крѣпки, быки пріучены къ плугу, коровы даютъ хорошій удой, овцы длинную шерсть [1])...

Гораздо скорѣе и полнѣе распространялись свѣдѣнія о народахъ, населяющихъ западныя славянскія земли. Этнографическими указаніями богаты и Гельмольдъ, и Адамъ Бременскій, и Эйнгардъ и другіе. Еще въ концѣ IX в. была составлена весьма полная таблица славянскихъ народовъ, жившихъ на сѣверъ отъ Дуная до самаго Балтійскаго моря [2]). Имѣя цѣлію указать, какіе славянскіе народы вошли въ составъ державы Болеслава Храбраго, мы должны сдѣлать оговорку, что въ извѣстіяхъ IX, X, XI вв. и далѣе приходится встрѣчать неодинакія народныя названія въ однихъ и тѣхъ же мѣстностяхъ; что нѣкоторыя народныя имена совершенно теряются, уступая мѣсто другимъ именамъ; что являются обобщающія названія для цѣлаго союза народовъ или колѣнъ, изъ которыхъ каждый ранѣе могъ встрѣчаться подъ своимъ родовымъ именемъ; между родовыми названіями берутъ перевѣсъ названія болѣе численнаго и сильнаго колѣна или народа, подавляя имена малочисленныхъ и слабѣйшихъ колѣнъ Въ собственной Польшѣ времени Болеслава одно колѣно обнаружило рѣшительный перевѣсъ, почему старыя названія другихъ колѣнъ, образовавшихъ народъ польскій, уже мало стали извѣстны. Племенное имя Славяне въ этомъ періодѣ еще не всѣми равно принято для обозначенія всѣхъ вѣтвей славянскаго племени, хотя и замѣтно бо̀льшее, сравнительно съ прежнимъ временемъ, употребленіе его.

---

[1]) M. Gallus, Chronicae Polonorum, ap. Pertz, Scr. IX. Prohemium. Прекрасный географическій обзоръ Польши сдѣланъ у Roepell, въ Geschichte Polens, ss. 1—17.

[2]) Descriptio civitatum et regionum ad septentrionalem plagam Danubii-баварскаго географа, составлено около 876 — 890 гг.; изд. у Шафарика въ приложеніяхъ и у Лелевеля въ Géographie du moyen âge T. III, съ разборомъ этого географа.

Составитель начальной русской лѣтописи выдаетъ Ляховъ и колѣна ихъ за вѣтвь славянскую: «Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзіи Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне [1])». Въ приведенномъ выше мѣстѣ Галлъ называетъ Польшу сѣверною частію славянской земли; по Адаму Бременскому, за Одрой живутъ Поляне [2]), между Одрой и Лабой Винулы. Константину Порфирородному извѣстны были эти страны подъ общимъ именемъ земли Бѣло-Сербовъ и Бѣло-Хорватовъ [3]). На сколько можно довѣрять извѣстію Константина о движеніи Славянъ съ сѣвера, изъ-за Татровъ, къ югу, это другой вопросъ [4]); для нашей цѣли имѣютъ значеніе только географическія его указанія. Такимъ образомъ въ X и XI вв. еще не можетъ быть рѣчи объ единичномъ названіи всей страны, вошедшей въ составъ Болеславовой державы, хотя и можно замѣтить предпочтеніе въ употребленіи нѣкоторыхъ названій. Больше употребленія видимъ за названіями *Ляховъ и Полянъ*. Въ нашей лѣтописи употребляется первое выраженіе о всѣхъ надвислянскихъ Славянахъ: «Ляхове же присѣдятъ къ морю Варяжьскому... Словѣни же... сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне»... Вмѣстѣ съ этимъ именемъ пріобрѣло широкое распространеніе имя Полянъ, и самая страна у Галла и Гельмольда называется *Polonia* [5]). Болеславъ въ современныхъ латинскихъ лѣтописяхъ называется dux Poleniorum. При томъ Поляне, какъ колѣно Ляховъ, жившее на западъ отъ Вислы, въ окрестностяхъ рѣки Варты, отъ верхней Нотечи по самую Одру, строго отличаются отъ другихъ колѣнъ ляшскихъ: Мазовшанъ, Поморянъ, Лютичей, Силезцевъ и другихъ. Но въ западныхъ, какъ современныхъ Болеславу, такъ и позднѣйшихъ, источникахъ, это названіе употребляется вообще обо всѣхъ колѣнахъ ляшской вѣтви, такъ какъ князь Полянъ соединилъ въ концѣ X и XI вв. всѣ эти колѣна въ одну державу.

Кромѣ Полянъ встрѣчается имя *Висляне*, въ тѣсномъ смыслѣ обозначавшее обитателей области рѣки Вислы, по преимуществу у верховьевъ ея; можетъ быть, это имя употреблялось исключительно иностранцами, не знавшими болѣе точнаго обозначенія имени народа.

---

[1]) Полное Собраніе Р. Л. т. I, стр. 3.

[2]) Adami, 1. 18.

[3]) Constantin, De administrando imperio c. XXXII.

[4]) Въ этомъ отношеніи извѣстіе его разобрано у Шафарика т. II, кн. II, стр. 179—189; также въ Casop. Ceského Mus. 1837, въ статьѣ O zemi gmenované Bojky, str. 23—36.

[5]) Galli Chronic, Prohemium, L. I, cc, 2, 4, 5; Helmoldi I. 15.

Во время архіепископа Меѳодія Вислянами правилъ языческій князь, который долженъ былъ подчиниться Святополку моравскому. Вислы или Вислица еще въ XIII в. не лишалась своей славы и извѣстности, какъ видно изъ словъ Богуфала [1]): «былъ славнѣйшій городъ въ царствѣ лехитскомъ, по имени Вислица; княземъ въ немъ во времена языческія былъ Виславъ красивый, происходившій изъ рода Попелова». Вѣроятно, это было главное поселеніе тѣхъ Вислянъ, которыхъ знали географъ баварскій [2]) и Альфредъ [3]). По словамъ этого послѣдняго, «на востокъ отъ земли моравской лежитъ земля Вислянъ».

Колѣно *Мазовшане*, обитавшее по берегамъ средней Вислы и имѣвшее города Варшаву и Плоцкъ, становится извѣстнымъ по источникамъ, сравнительно, позднимъ. О Мазовшанахъ упоминаютъ Несторъ и Мартынъ Галлъ (Mazovia, Mazovienses); въ позднѣйшихъ памятникахъ народъ этотъ называется *Мазурами*. Еще менѣе извѣстно о колѣнѣ *Куявовъ*, жившихъ между Полянами и Мазурами; этому колѣну принадлежалъ городъ Крушвицы, древнѣйшая столица ляшскихъ князей.

Къ половинѣ X в. названныя колѣна уже вошли въ составъ государства, образованнаго князьями изъ рода Пястова; столицей ихъ былъ городъ Гнѣздно въ землѣ Велико-Полянъ. Мечиславъ, которымъ собственно и начинается достовѣрная исторія Польши, уже владѣлъ этими колѣнами и стремился къ подчиненію другихъ народовъ, жившихъ къ сѣверу и западу отъ Велико-Полянъ; тутъ, около Одры, пришлось ему столкнуться (963 г.) съ завоевательными стремленіями Нѣмцевъ. Столкновеніе между Поляками и Нѣмцами произошло изъ-за народа, населявшаго страну, которую въ послѣдствіи принято называть Лужицами (верхнія и нижнія).

Силезское колѣно—одно изъ ближайшихъ къ Чехіи ляшскихъ колѣнъ. Въ XI в. Силезіей называлась собственно одна жупа [4]), имѣвшая границами на востокѣ Одру, на сѣверѣ жупу Дѣдошанъ, на югѣ и западѣ Требовлянъ и Бобранъ. Въ послѣдствіи всѣ, въ окрестностяхъ Одры находившіяся жупы, потеряли свои отдѣльныя имена и

---

[1]) Boguphalus, Chronicon Poloniae, ap. Sommersberg, Scr. rer. Silesiacar. 11. p. 37.

[2]) Географъ баварскій называетъ имя Vuislane, сдѣлавъ перечисленіе народовъ iuxta positos т. е. южныхъ; наряду съ Вислянами (послѣ нихъ) упоминаются Sleenzane, Lunsizi, т. е. Силезцы и Лужичане; очевидно, онъ помѣщаетъ ихъ именно на сѣверѣ; упоминаемый въ житьи Меѳодіевомъ «князь силенъ вельми, въ вислѣхъ сѣдяй», изгнанный Святополкомъ моравскимъ изъ своего княжества, есть, можетъ быть тотъ, переселившійся въ Захлумье, князь, о которомъ говоритъ Конст. Порфиророднный, De administr. imperio c. XXXIII.

[3]) Свидѣтельство Альфреда приведено у Шафарика, въ приложеніяхъ, стр. 65—68.

[4]) Thietm. VI. 38, VII. 44.

стали извѣстны подъ однимъ, всѣмъ имъ общимъ, названіемъ—Силезіи. Отдѣльныя жупы, о которыхъ можно найти упоминаніе за это время (X — XI в.), суть: *Дѣдошане* [1]), жупа, простиравшаяся на западѣ до земли Мильчанъ и рѣки Бобра, на сѣверѣ и востокѣ до Одры; *Бобране* и *Требовляне* [2]), по верхнему теченію рѣки Бобра; *Безунчане* [3]), у которыхъ, по словамъ баварскаго географа, были два города. Можетъ быть, это были обитатели округа города Бусинкъ, о которомъ упоминаетъ Титмаръ подъ 1015 г.; *Ополяне*, имѣвшіе, по словамъ баварскаго географа, 20 городовъ, жили въ окрестностяхъ Ополя, по верхнему теченію Одры [4]). Всѣ эти жупы колѣна силезскаго, какъ можно судить по приведенному мѣсту учредительной грамоты пражской епископіи, принадлежали Чехамъ и входили въ составъ пражской епископіи. Соединеніе ихъ съ Польшею было дѣломъ Болеслава I (999); ранѣе отецъ его, Мечиславъ, и Болеславъ чешскій имѣли много вражды и ссоръ изъ-за обладанія этими, прилегавшими къ Одрѣ, жупами.

На сѣверъ отъ Полянъ, къ самому Балтійскому морю, жили *Поморяне;* упоминаніе объ нихъ, какъ ляшскомъ колѣнѣ, находится у Нестора, въ его описаніи разселенія народовъ славянскаго племени. Адамъ Бременскій, описывая границы гамбургской епархіи [5]), говоритъ о Поморянахъ въ такой послѣдовательности словъ: «границы гамбургской епархіи, включая въ себя приморскіе славянскіе народы, доходятъ до рѣки Пѣны, которая составляетъ предѣлъ нашей діоцезы; за Пѣной живутъ Вильцы и Лютичи до самой Одры; за Одрой... живутъ Поморяне». Сѣверовосточная часть земли Поморянъ, находящаяся на самомъ берегу моря и прилегающая къ нынѣшней западной Пруссіи, называется по сю пору *Кашубіей*, обитатели же ея *Кашубами;* нарѣчіе ихъ весьма мало отличается отъ нарѣчія Полянъ [6])

---

[1]) Thietm. IV. 28—pagus Diedesisi; VII. 13; VI. 30; у баварскаго географа Dadosesani, civitates XX.

[2]) Послѣдняя упоминается только въ учредительной грамотѣ пражской епископіи: ad aquilonem hii sunt termini Slasane, Trebowane, Boborane, Dedosane usque ad mediam silvam; затѣмъ не встрѣчается никакого слѣда Требовлянъ въ этомъ мѣстѣ. Бобране жили по рѣкѣ Бобру, Thietm. VI. 19; имя народа упоминается только въ грамотѣ императора Генриха, по Косьмѣ; см. Шафарика, т. II, кн. II. стр. 208 прим. 78.

[3]) Thietmar, VII. 12.

[4]) Такъ можно заключить изъ словъ Шафарика; но Лелевель, разбирая баварскаго географа, говоритъ: Si l'on me dit qu'ils portent et indiquent le nom d'Opole de Silésie je ne puis guère contredire: mais l'ordre que le bavarois observe empêche à mon avis de sortir si loin du cercle étroit dans lequel il tourne. (Selpuli?). Géographie..... T. III, p. 36.

[5]) Adami, IV. 13.

[6]) Шафарикъ, т. II, кн. II, стр. 212.

Подчиненіе Поморянъ было едва ли не первымъ военнымъ дѣломъ Болеслава. У Поморянъ упоминаются города: Гданскъ и Колобрегъ; въ первомъ былъ съ проповѣдническими цѣлями св. Войтѣхъ, Гданскъ принадлежалъ уже тогда Болеславу [1]. Въ Поморьѣ учреждается потомъ колобрежская епископская каѳедра, и епископомъ ея назначается Рейнбернъ [2].

Этимъ бы можно было кончить описаніе колѣнъ ляшскихъ [3], составившихъ державу Болеслава Храбраго. Но такъ какъ политическая и завоевательная дѣятельность его не ограничивалась только объединеніемъ Польши и соединеніемъ въ одно цѣлое разрозненныхъ элементовъ ляшскаго народа, а выступала далеко за указанныя границы по направленію къ западу и къ югу и касалась существеннымъ образомъ Славянъ, жившихъ между Лабой и Одрой, то является потребность сдѣлать описаніе и этихъ Славянъ, жившихъ за Одрою, чтобы ознакомиться съ поприщемъ дѣятельности Храбраго, на которомъ онъ славно провелъ бо̀льшую часть своего правленія. Здѣсь очередь стоитъ за Сербами-Лужичанами. Въ продолженіе почти непрерывной пятнадцатилѣтней войны съ Нѣмцами, военныя дѣйствія съ той и другой стороны направляются къ этому пункту; тутъ выстраиваются новыя крѣпости для защиты страны; тутъ отличается Болеславъ и его вѣрное рыцарство неожиданными и быстрыми движеніями, ставившими въ рѣшительное недоумѣніе непріятеля.

На пространствѣ, ограниченномъ съ востока рѣкою Бобромъ, потомъ Одрою, до впаденія въ нее Варты, съ запада рѣкою Салою до впаденія ея въ Лабу, съ юга Кроконошами и Рудными горами, жилъ въ X и XI вв. народъ полабскій, Сербы-Лужичане. Окруженные съ трехъ сторонъ родственнымъ славянскимъ народомъ, они соприкасались съ Нѣмцами только на западѣ, на Салѣ. Мѣстность, занимаемая Сербами-Лужичанами, богата обширными равнинами, по которымъ протекаетъ много рѣкъ, вливающихся въ Лабу [4]. Чешскія горы, постепенно понижаясь по направленію къ Балтійскому морю, переходятъ наконецъ въ долины, оканчивающіяся озерами и болотами. Около горъ сосредоточиваются народныя преданія сербскія, таковы преданія о Бѣлобогѣ и Чернобогѣ—горахъ, посвященныхъ двумъ божествамъ, Громадникѣ—мѣстѣ сбора Сербовъ на войну, Любинѣ—мѣстѣ погребенія

---

[1]) Vita Adalberti, auctore Canapario, c. 27; adiit urbem Gidanic, quam ducis latissimo regna dirimentem maris confinia tangunt.

[2]) Thietm. IV. 28.

[3]) Объ обитателяхъ малой Польши будетъ рѣчь въ 4 главѣ этой части.

[4]) Лаба принимаетъ съ лѣвой стороны: Салу съ Эльстрою, Плису и Орлу, Мульду съ Каменицей и Яну; съ правой: Бѣлую и Черную Эльстру, Спреву въ соединеніи съ Гаволой. Одра принимаетъ Нису и Боберъ съ Квисою; Bogusławskiego, Rys Dziejów Serbo-Łużyckich. Petersb, 1861, str. 2—3.

семи королей, павшихъ при защитѣ отечества, Прашицѣ — горѣ прорицаній. Всѣ эти горы лежатъ въ окрестностяхъ Будишина. Земля Сербовъ — Лужичанъ не носила одного названія, не составляла одного государства; на ней жили разые роды, соединенные въ небольшіе союзы, называемые краями или жупами. Въ X и XI вв. обитатели ея извѣстны были подъ различными именами, изъ нихъ болѣе важныя: Лужичане, Мильчане и Сербы. *Лужичане*, названные такъ, вѣроятно, отъ лугъ, лужа, т. е. долина, низина, были колѣно, обитавшее на нижнемъ теченіи Спревы до гавольскихъ болотъ. Въ послѣдствіи имя это перешло и на ближайшія сосѣднія колѣна, на сѣверѣ и востокѣ, по самую Одру: на Слубянъ, Любушанъ, Жарованъ, Требовлянъ, Голешинцевъ, Лупянъ или Лупоглавцевъ и др. Имя это перешло и далѣе на югъ, напр. на Мильчанъ, и Лужица въ этомъ обширномъ смыслѣ возведена Нѣмцами въ маркграфство и раздѣлена на верхнюю и нижнюю [1]). Мѣстныя названія изъ области Лужичанъ весьма часто встрѣчаются у Титмара, въ описаніи войнъ Болеслава польскаго съ Нѣмцами. *Мильчане* жили на югъ отъ Лужичанъ, отъ рѣки Квисы до чешскихъ горъ и на западъ до черной Эльстры. Земля эта была театромъ ожесточенныхъ войнъ въ началѣ XI вѣка, такъ какъ Мильчане до этого времени никакъ не хотѣли подчиниться Нѣмцамъ. Изъ жупныхъ городовъ упоминаются: Будишинъ, Загостъ, Сгорѣлецъ. *Сербы* жили между Салой и Лабой, частію и на правой сторонѣ этой послѣдней рѣки. Изъ жупъ на правой сторонѣ Лабы самая извѣстная есть *Сербище* (нѣмецк. Zerbst), между Нутой и Лабой; *Нижане*, по обѣимъ сторонамъ Лабы, отъ черной Эльстры, черезъ Лабу, къ самой Мульдѣ. Изъ жупъ, лежащихъ на лѣвой сторонѣ, самыя древнѣйшія суть: *Жармунты*, между Салой, Лабой и Мульдой; *Коледичи*, *Житичи* окруженныя съ сѣвера и востока Лабой; *Суслы* или Сусельцы на рѣкѣ Мульдѣ, *Гломачи* на лѣвомъ берегу Лабы, въ окрестностяхъ города Мишны до рѣки Каменицы и др. [2]).

2) Положеніе западныхъ Славянъ въ концѣ X в.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію дѣятельности Болеслава Храбраго, нелишне будетъ бросить взглядъ на политическое положеніе западнаго славянскаго міра, во главѣ котораго пришлось встать

---

[1]) Объ управленіи этой страны Нѣмцами и о положеніи ея въ концѣ X вѣка см. стр. 154 этой книги. Баварскій географъ у Лужичанъ и Мильчанъ насчитываетъ по 30 городовъ.

[2]) При описаніи Сербовъ имѣлись въ виду: указанія Титмара въ разныхъ мѣстахъ его хроники; Шафарикъ, т. II, кн. II, стр. 155 — 175; Lelevel, Géographie du moyen âge T. III; Zeuss, Die Deutschen und die Nachbarstämme, ss. 642—6; 662 — 6 (о ляшской вѣтви); Bogusławskiego, Rys.... str. 5—6 и др.

ему. Въ IX в. западные Славяне имѣли весьма сильныхъ защитниковъ въ лицѣ государей моравскихъ, въ X в. чешскіе Болеславы, основавъ обширное государство, должны были стоять и стояли во главѣ западнаго славянскаго міра. Во второй половинѣ этого вѣка Болеславъ II, въ силу разныхъ обстоятельствъ, долженъ былъ въ тѣсномъ союзѣ и сближеніи съ Нѣмцами искать средствъ къ сохраненію свободы своего народа. Бодричи, Лютичи и Сербы-Лужичане вооружаются противъ навязываемаго имъ политическаго и церковнаго ига и, съ бо̀льшимъ или меньшимъ успѣхомъ, то всѣ разомъ, то въ одиночку, ведутъ ожесточенную борьбу съ притѣснителями. Тогда же выступившіе на историческое поприще Ляхи, пользуясь смутами среди прочихъ Славянъ, преслѣдуютъ исключительно свои цѣли, раздвигаютъ предѣлы своей страны, помогаютъ нѣмецкимъ императорамъ порабощать своихъ сосѣдей, Полабцевъ. Полное разъединеніе и обособленіе славянскихъ народовъ характиризуетъ послѣднюю четверть X в.; укажемъ нѣсколько примѣровъ.

Смерть императора Оттона II была тяжелымъ ударомъ для Германіи: послѣ него (983 г.) остался четырехлѣтній Оттонъ III, сынъ его, за малолѣтствомъ котораго императрица Ѳеофанія сдѣлалась правительницею. Малолѣтство Оттона подало поводъ къ смутамъ и честолюбивымъ искательствамъ дяди его, Генриха Сварливаго; правительница, византійскаго происхожденія, имѣла въ Германіи мало приверженцевъ; нѣмецкіе князья подѣлились на партіи. Тогда съ шумомъ и ожесточеніемъ поднялись марки противъ ненавистныхъ порядковъ. Порядки эти были такъ тяжелы, что сами Нѣмцы не скрываютъ этого. «Я слышалъ, говоритъ Адамъ Бременскій, какъ король датскій увѣрялъ, что Славяне давно бы обратились къ христіанству, если бы тому не препятствовала жадность Саксовъ: у нихъ больше лежитъ сердце къ поборамъ налоговъ, чѣмъ къ обращенію язычниковъ..., они возмутили своею жадностію христіанъ, а потомъ жестокостію вынудили ихъ къ возстанію [1])»... «Маркграфъ Бернгардъ, притѣсняя Славянъ тяжелыми налогами, вынудилъ ихъ оставить христіанство и обратиться къ язычеству [2])». Сохранилась одна старославянская пѣсня, выражающая тяжелое чувство рабства и народныя упованія этого времени: Эй, солнышко! что ты такъ жалобно свѣтишь на насъ, людей бѣдныхъ? — Гдѣ князья, гдѣ наше войско?—Далеко угнаны Оттономъ. Кто же, осиротѣлое отечество, вырветъ тебя изъ власти враговъ? Длиннымъ строемъ тянутся тамъ Нѣмцы, саксонскіе Нѣмцы, отъ сгорѣльскихъ старыхъ горъ въ края наши. Отдайте, несчастные, отдайте: золото, серебро и имущество; потомъ сожгутъ ваши дворы и хаты... Но не горюйте, кметы, не горюйте!

---

[1]) Adami, III. 22.
[2]) Helmoldi, I. 16.

Ужь поднимается травка, такъ долго вытаптываемая чужими конями! Вѣйте вѣнки изъ полевыхъ цвѣтовъ своему избавителю. Зазеленѣли нивы, все перемѣнилось [1])!» Время возстанія полабскихъ Славянъ было самое удобное и сулило желаемый успѣхъ: 7 декабря 983 г. умеръ императоръ, въ Германіи наступила пора интригъ и происковъ. Мы не будемъ здѣсь описывать всего хода возстанія [2]), скажемъ только о томъ, какъ воспользовались Славяне этими благопріятными обстоятельствами. Знамя возстанія подняли Лютичи на Гаволѣ и нижней Одрѣ; одновременно съ ними дѣйствовали Бодричи; тѣ и другіе свирѣпствовали противъ церквей и духовныхъ лицъ, грабили и жгли городъ за городомъ. Сербы-Лужичане тоже пытались свергнуть нѣмецкое иго; маркграфъ мишенскій, Рикдагъ, долженъ былъ бѣжать, свѣтскіе и духовные правители были перебиты, столица епископа жичанскаго ограблена, церкви и монастыри сравнены съ землей. Но вотъ собрались Нѣмцы, поразили огромное войско Славянъ (до 30 легіоновъ) и заставили ихъ при наступленіи ночи, украдкой, по словамъ Титмара, бѣжать съ поля сраженія.

Что же въ это время дѣлается въ другихъ концахъ? Генрихъ Сварливый, чтобы имѣть болѣе успѣха въ исполненіи своихъ замысловъ, подкупами и заманчивыми обѣщаніями привлекаетъ на свою сторону многихъ князей нѣмецкихъ; мѣстомъ собранія его партіи назначенъ былъ Кведлинбургъ, тутъ мы видимъ представителей трехъ славянскихъ народовъ, князей чешскаго, польскаго и бодричскаго: они обѣщаютъ Генриху помощь и вѣрность. Но дѣло Генриха не удалось, партія его въ Германіи была сравнительно мала; славянскіе князья, взявшіеся помогать ему, бросаютъ его и пристаютъ къ партіи Ѳеофаніи. При этомъ князья чешскій и польскій разошлись въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ. Мечиславъ видимо заискивалъ въ нѣмецкомъ правительствѣ, посылалъ богатые подарки, помогалъ Ѳеофаніи уладить дѣла въ маркахъ, участвовалъ въ двухъ походахъ на Славянъ полабскихъ [3]). Въ это же время Болеславъ

---

[1]) Некрасова, Краледворская Рукопись, стр. 32—4, 340—2.

[2]) См. объ этомъ 155—156 стр. въ этой книгѣ.

[3]) Thietm. III. II; любопытно оправданіе политики Мечислава, относительно Славянъ полабскихъ, у Карла Шайнохи, Bolesław Chrobry, str. 40—42, 48, хотя и весьма сомнительна его основательность. Правда, что введеніе въ Польшѣ государственнаго порядка, извѣстныхъ обязательствъ и повинностей, христіанства и т. д. не могло обойтись безъ борьбы, броженія, неудовольствій; весьма вѣроятно, что многіе сожалѣли объ утратѣ старыхъ патріархальныхъ порядковъ и, не понимая потребностей времени, смотрѣли на Пястовичей, какъ на тирановъ и не разъ поднимали противъ нихъ бунтъ; но на чемъ же основаны дальнѣйшія соображенія?..—«Наиболѣе негодовали на Пястовичей тѣ западные Славяне, которые, никакъ не примиряясь съ мыслію объ новой общественной организаціи, рѣшившись лучше погибнуть, чѣмъ принять чужую

чешскій, не желавшій отказаться отъ завоеваній, сдѣланныхъ во время неурядицъ въ Германіи, привлекаетъ на Чехію гнѣвъ нѣмецкаго правительства, и саксонско-турингское войско; Нѣмцамъ помогаетъ при этомъ польскій князь.

Очевидно, тутъ всѣ дѣйствуютъ въ одиночку, каждый имѣетъ въ виду свои узкія выгоды. Это безотрадное явленіе объясняется раздѣляющей политикой Нѣмцевъ, которые привлекали на свою сторону врага, чтобы, съ его помощію, погубить другихъ враговъ.

Приведемъ еще одинъ фактъ. Въ 990 г. Чехи и Поляки были въ войнѣ изъ-за обладанія частію Лужицъ. Болеславъ чешскій пригласилъ на помощь Лютичей, всегда бывшихъ въ союзѣ съ нимъ и съ его предками [1]); Мечиславъ получилъ подкрѣпленіе отъ нѣмецкой правительницы, Ѳеофаніи. Случилось такъ, что дѣло между Чехами и Поляками уладилось довольно скоро, и Нѣмцы должны были воротиться на родину; тутъ оставался не разрѣшеннымъ вопросъ о союзникахъ чешскаго князя—Лютичахъ [2]). Они весьма усердно принялись за дѣло; пославъ отрядъ воиновъ на помощь чешскому князю, поднялись поголовно на родинѣ, разрушили бранденбургскую церковь, выгнали изъ города какого-то Кизо, измѣнившаго имъ, дѣлали нападенія на прилабскія селенія и поставили Оттона въ необходимость принять рѣшительныя мѣры. Замѣчательно то, что разсказывается объ этомъ въ гильдесгеймскихъ лѣтописяхъ подъ 992 г.: «императоръ Оттонъ съ сильнымъ войскомъ опять пришелъ подъ Браниборъ; къ нему явились на помощь баварскій герцогъ Генрихъ и Болеславъ, князь чешскій—съ огромнымъ войскомъ». Итакъ, Болеславъ чешскій сдѣлался на этотъ разъ орудіемъ политики Нѣмцевъ: они раздѣлили врага и побили его его же силами. Очевидно, князь чешскій разрушалъ собственное дѣло: едва-ли послѣ того могли Лютичи скоро отозваться на его приглашеніе о помощи. Мы ограничимся этими фактами [3]), которые до-

---

вѣру, смотрѣли на нихъ, какъ на измѣнниковъ. Отсюда выходили, съ одной стороны, сочувствіе и соглашеніе между этими западными Славянами и противною Пястамъ партіей въ Польшѣ, съ другой, мѣры принимаемыя Пястами противъ западныхъ Славянъ, поддерживавшихъ безпорядки въ ново-христіанизированной Польшѣ. Поэтому, когда римскіе императоры, въ видахъ распространенія своего господства, предпринимали войны противъ западныхъ Славянъ, тогдашній интересъ Польши, т. е. Пястовъ, заставлялъ ихъ помогать императору противъ родственныхъ народовъ». Въ томъ же смыслѣ выражается онъ на стр. 48. Но чѣмъ будутъ объяснены задирчивыя притязанія Мечислава относительно Чеховъ?

[1]) Thietm, IV. 9.

[2]) Thietm, IV, 9, 11; Annal. Hildesh. a. 991, 992.

[3]) Можно бы привести и еще довольно убѣдительныя доказательства разъединенности Славянъ за это время: замѣчательно, что ранѣе, въ первой половинѣ X, тѣмъ болѣе въ IX в., мы видимъ дружныя возстанія Славянъ, твердо и положительно преслѣдующихъ взятую цѣль; въ IX в. дѣла Чеховъ и Славянъ полабскихъ, по край-

статочно доказываютъ мысль, что полное разъединеніе интересовъ господствовало у западныхъ Славянъ въ концѣ X в.

Въ связи съ этимъ тогдашнее западное Славянство характиризуетъ еще другое, довольно важное обстоятельство. Западные Славяне вступали въ разныя степени подданства къ Нѣмцамъ. Слабая степень подданства состояла въ принятіи на себя обязанности платить опредѣленную дань; при этомъ оставались нетронутыми внутреннія отношенія страны, оставалось народное правительство и предоставлялась свобода во внѣшнихъ сношеніяхъ, лишь бы онѣ не клонились ко вреду императорской власти. Обязательство доставлять вспомогательный отрядъ военныхъ людей на случай походовъ императора—было другою степенью подчиненности. Оба эти обязательства налагались, какъ на язычниковъ, такъ и на христіанъ, и при томъ или одно, или оба вмѣстѣ. Лютичи, послѣ подчиненія, стали доставлять вспомогательный отрядъ нѣмецкому королю, такое же обязательство несли Чехи и Поляки. Трудно указать примѣры, гдѣ бы была обязательна одна дань: мы не знаемъ, что значатъ посольства къ нѣмецкому императору съ дарами въ торжественные дни, т. е. имѣли ли они характеръ обязательный, или нѣтъ; неприсылка даровъ, впрочемъ, считалась дурнымъ признакомъ, подготовленіемъ къ возстанію, бунту. Надо думать, что дань съ подвластныхъ народовъ обязаны были собирать маркграфы, откуда и можно объяснить лѣтописныя выраженія, что *жадность маркграфа такого-то побудила народъ къ возстанію.* Если это такъ, то посольства ко двору должны были имѣть характеръ чисто свободный, дружественный, потому-то и императоръ въ свою очередь одаривалъ славянскихъ пословъ богатыми дарами. Въ такомъ случаѣ обязательство платить дань и доставлять военный отрядъ принимали на себя всѣ тѣ народы, областями которыхъ завѣдывали маркграфы [1]). Былъ и еще особый видъ подчиненности, на первый взглядъ довольно слабый, въ сущности же опаснѣйшій предыдущихъ видовъ, потому что въ основаніи его лежала идея разъединенія власти и народа, а слѣдствіемъ было — забвеніе національныхъ и преслѣдованіе личныхъ интересовъ.

Мелкіе славянскіе владѣтели (колѣнные князья, жупаны и т. п.) не всегда видѣли для себя благо въ борьбѣ за національную свободу и независимость. Въ ихъ сознаніи нашла широкое мѣсто ослѣпляющая идея всемірной императорской власти, которая въ то время понималась неразрывно съ идеей католической церкви. Императоръ управлялъ всѣми христіанскими землями, въ которыхъ власть его

ней мѣрѣ Чеховъ и Сербовъ, стояли въ соотвѣтствіи съ положеніемъ къ Нѣмцамъ моравскихъ государей; въ половинѣ X в. съ дѣятельностію и характеромъ чешскихъ государей.

[1]) Lelevel, Polska wieków średnich, T. II, str. 6—15.

признавалась высшею на землѣ; отъ него зависѣло избрать и посадить на епископскую каѳедру главу всей христіанской церкви. Императоръ учреждалъ новыя епископіи, разграничивалъ діоцезы: всякій епископъ получалъ отъ него знаки своей власти. Въ слѣдствіе того при Оттонахъ союзъ свѣтской и духовной власти былъ весьма силенъ, а это и было причиною, что завоеванія нѣмецкихъ императоровъ и проповѣдь католическаго духовенства шли рука объ руку. Не было полной побѣды надъ народомъ, пока онъ не былъ окрещенъ; вслѣдъ за обращеніемъ въ христіанство налагалось ярмо зависимости политической. Проповѣдники шли на дѣло проповѣди къ язычникамъ по назначенію и указанію императора. Новообращенный вмѣстѣ съ понятіемъ объ единомъ Богѣ пріобрѣталъ понятіе объ одномъ цезарѣ, одной высшей свѣтской власти на землѣ. Ставши членомъ церкви, онъ дѣлался членомъ общества, признававшаго и одну свѣтскую власть. Славянскіе народы, успѣвшіе образовать плотные государственные союзы, боролись болѣе или менѣе успѣшно съ этимъ опаснымъ, для ихъ государственной жизни, духомъ времени; представители этихъ союзовъ, князья, спѣшили окружить своихъ подданныхъ національнымъ духовенствомъ, старались пріобрѣсть отъ императоровъ признаніе своихъ владѣтельныхъ правъ и разными мѣрами стремились къ полученію королевской короны. Но, пока еще не сознано было это, мелкіе князья, стоявшіе въ зависимости отъ Нѣмцевъ, вполнѣ предоставлены были совмѣстному вліянію и католическихъ проповѣдниковъ, и ослѣпляющему блеску всемірной императорской власти. Народы между Лабой и Одрой, по преимуществу подверженные дѣйствію такихъ идей, по необходимости должны были впутаться въ нѣмецкую политику, разъединиться, потерять идею національности и принять въ себя принципы, выработанные чужою жизнію. Мелкихъ славянскихъ владѣтелей весьма занималъ блескъ императорскаго двора, чиновничество и аристократизмъ, развившіеся въ Германіи. Вѣрные сыны католической церкви, они старались сдѣлаться и вѣрными вассалами императора. На этомъ пути они могли пріобрѣтать и пріобрѣтали особенныя права, имѣвшія основаніе въ расположеніи къ нимъ императоровъ. Это была зависимость, подслащенная лестнымъ правомъ добиться преимуществъ и привиллегій, какими владѣли чиновники императорскіе: герцоги, графы, маркграфы. Князь, принявшій христіанскую вѣру и давшій опытъ вассальной вѣрности, не считался уже данникомъ, но получалъ права имперскаго графа или герцога, принималъ участіе въ военныхъ походахъ императора, являлся на сеймы и совѣщанія, словомъ, становился членомъ романо-германской имперіи. При непосредственной зависимости отъ императора, власть его надъ своимъ народомъ была надежнѣе, онъ былъ устраненъ отъ сношенія съ высокомѣрными маркграфами, презрительное обращеніе которыхъ тяжело было выно-

сить князьямъ славянскимъ: мы знаемъ, что польскій князь Мечиславъ не смѣлъ сѣсть въ присутствіи графа Годо и войти въ верхней одеждѣ въ ту комнату, въ которой находился этотъ графъ.

Но трудно было провести народъ, его всего менѣе удавалось обмануть католическому духовенству. Если проповѣдь вѣры и завоеванія шли рука объ руку, то, въ свою очередь, славянскіе народы, въ попыткахъ вырваться изъ подъ чужеземной власти, первымъ дѣломъ старались уничтожить церкви, духовенство и все, напоминавшее имъ объ новой вѣрѣ. Очевидно, тутъ шли по противоположнымъ направленіямъ интересы народа и интересы старшинъ его. Это ненормальное отношеніе между властію и народомъ вело ко внутреннимъ переворотамъ, общественнымъ смутамъ, перемѣнѣ правителей. Мы укажемъ на одно событіе изъ конца X в., которое подтвердитъ мысль нашу. Въ то время, какъ маркграфъ Тидрихъ и Герцогъ Бернгардъ своею жадностію, по выраженію Гельмольда [1]), выводили Славянъ изъ терпѣнія и жестокими притѣсненіями дѣлали ихъ положеніе невыносимымъ, сильнѣйшіе и болѣе извѣстные тогда князья славянскіе (дѣло идетъ о Славянахъ полабскихъ) стоятъ въ весьма близкихъ отношеніяхъ къ императору и этимъ графамъ. У графа Бернгарда была племянница, руки которой домогался князь Местивой. Сначала графъ соглашался на этотъ бракъ, чѣмъ и расположилъ Местивоя въ пользу нѣмецкой политики. Въ 982 г. Местивой отправляется, вмѣстѣ съ Оттономъ, въ Италію противъ Сарацинъ и ведетъ съ собою отрядъ въ тысячу воиновъ [2]), изъ котораго никто не остался въ живыхъ. Возвратившись изъ Италіи въ 983 г., когда началась жестокая двѣнадцатилѣтняя славянская война, Местивой снова вошелъ въ переговоры о рукѣ обѣщанной ему дѣвушки, но получилъ оскорбительный отвѣтъ: «Не годится родственницѣ герцога выходить за собаку». Скоро графъ созналъ рѣзкость своихъ словъ и послалъ сказать Местивою, что онъ согласенъ выдать за него свою родственницу. Глубоко оскорбленный, Местивой гордо отвѣчалъ: «Благородной племянницѣ великаго графа прилично быть за высокороднымъ мужемъ, а не за такимъ, какъ я, псомъ. До большой чести дослужились мы, что даже и за людей-то не считаютъ насъ! Но помните, весьма больно кусается сильная собака!» Тогда Местивой воспользовался обнаружившимся противъ Нѣмцевъ сильнымъ движеніемъ между Славянами и рѣшился жестоко мстить за обиду.

---

[1]) Helmoldi, 1. 16.

[2]) Helmoldi, ibidem. Giesebrecht, Jahrbücher II, s. 99, Anmerk. I. Послѣ похода, когда Местивой сталъ требовать у графа Бернгарда руки его племянницы, ему сдѣланъ былъ оскорбительный отказъ: можетъ быть, предварительнымъ согласіемъ на бракъ хотѣли отъ него получить только болѣе существенную помощь на войну противъ Сарацинъ.

Онъ явился къ Лютичамъ, въ городъ Ретру, разсказалъ на народномъ сеймѣ, какъ его оскорбилъ саксонскій графъ, и возбудилъ въ Лютичахъ справедливое негодованіе. «По дѣломъ тебѣ, говорили ему, ты презираешь своихъ соплеменниковъ и дружишь съ Саксами; но поклянись, что ты отстанешь отъ нихъ, и мы встанемъ за тебя». Онъ далъ клятву; тогда началось суровое истребленіе храмовъ, избіеніе духовныхъ лицъ [1]).

Достаточно, кажется, видно изъ этого примѣра, что князья, впутываясь въ нѣмецкую политику, черезъ это отдѣлялись отъ народа и вставали во враждебныя къ нему отношенія. Какъ глубоко было въ тогдашнемъ мірѣ, даже между сильнѣйшими представителями его, убѣжденіе въ величіи императорской власти, въ обширныхъ правахъ ея раздавать титулы и привиллегіи, показываетъ примѣръ искательства королевской короны такими лицами, какъ Стефанъ угорскій и Болеславъ польскій.

Сильные государи славянскіе, чешскій и польскій, выступаютъ изъ границъ національной политики, впутываются въ интересы Нѣмцевъ и частію помогаютъ имъ добивать Славянъ, частію враждебно сталкиваются между собою, измѣнивъ двадцатилѣтнему дружному взаимодѣйствію. Польша, недавно еще [2]) съ помощію чешскаго войска усмирявшая враговъ своихъ, потомъ въ союзѣ съ Чехіей располагавшая запутанными дѣлами имперіи, Польша высказывается теперь, какъ страна молодая, ищущая простора и расширенія территоріи; польскій князь Мечиславъ не только «съ чрезмѣрнымъ войскомъ» [3]) спѣшитъ на помощь Оттону противъ полабскихъ Славянъ, но въ тоже время «подноситъ ему рѣдкіе подарки и себя предаетъ во власть его», является на помощь къ Оттону, когда онъ предпринималъ походы на

---

[1]) Кажется, объ аналогичномъ съ этимъ обстоятельствѣ упоминаетъ Титмаръ, IV. 15: fuit in nostra vicinitate quidam miles inclitus, Kisa nomine; съ нимъ дурно обращался маркграфъ Тидрихъ, и онъ перешелъ къ Славянамъ; эти ввѣрили ему защиту Бранибора, но онъ измѣнилъ имъ и передалъ городъ королю. Annal. Hildesheimenses, a. 991 называютъ этого Кизу Саксомъ; но, зная тогдашнія обстоятельства въ славянскомъ мірѣ—ожесточенную, давно уже подпятую войну противъ Нѣмцевъ,—трудно предположить, чтобы Славяне поручили Саксу начальство надъ военнымъ отрядомъ и защиту Бранибора, какъ говоритъ Титмаръ, или чтобы Лютичи помогали ему занять Браниборъ, а онъ воспользовался этимъ и подчинилъ страну своей власти, какъ гогоритъ лѣтописецъ гильдесгеймскій; если предположить, что Кизо былъ не Саксъ, а славянскій князь, недоумѣніе устранится: понятны и притѣсненія маркграфа Тидриха, понятно и командованіе его крѣпостію и измѣна Славянамъ. Подобное же разсказывается о Тугомірѣ, браниборскомъ князѣ.

[2]) Дѣло было въ 967 году, когда Вихманъ, соединясь съ Волинцами, угрожалъ Мечиславу польскому и когда, на помощь ему, князь чешскій прислалъ два полка конницы.

[3]) Annal. Hildesh. a. 995, 996.

Чехію, и помогъ Нѣмцамъ отнять у Болеслава чешскаго Мишну и Лужицы [1]). Уже тогда, вѣроятно, начался захватъ Польшею чешскихъ земель, бывшій причиною войны между Чехіей и Польшей 989—990 гг., о причинахъ и слѣдствіяхъ которой довольно неопредѣленно говорятъ источники [2]). Эти два государя, повелѣвавшіе довольно численными народами, соединившимися уже въ политическое цѣлое, ослабляли другъ друга междоусобною войною въ то время, когда сѣверные сосѣди ихъ изнемогали въ неравной борьбѣ съ Нѣмцами. Въ двухлѣтней чешско-польской войнѣ Лютичи являются союзниками Чеховъ, Нѣмцы союзниками Поляковъ.

Не менѣе дѣятельное, но равно безуспѣшное и единичное движеніе было въ концѣ X в. у Сербовъ-Лужичанъ. Только послѣ продолжительныхъ войнъ удалось успокоить Сербовъ Саксу Эккарду [3]), въ награду за что онъ сдѣланъ былъ маркграфомъ мишенскимъ. Среди кровавыхъ событій этого времени сербская исторія выставляетъ одного мильчанскаго князя, съ латинскимъ именемъ Кресцентія (Crescentius). Столица его была на лимашевой горѣ, недалеко отъ королевской рощи (Königshain). По лѣтописнымъ извѣстіямъ, императоръ, разгнѣванный поступками князя, послалъ противъ него войско. Когда была уже взята столица Кресцентія, съ немногими изъ своихъ друзей онъ нашелъ возможность бѣжать, но посланные за нимъ въ погоню нагнали и убили его. Старое сербское преданіе, сохранившееся между населеніемъ нижнихъ Лужицъ, говоритъ, что нѣкогда одинъ сербскій король, принужденный, въ слѣдствіе проиграннаго сраженія, бѣжать изъ верхнихъ Лужицъ, въ челнѣ спасся въ болота нижней Спревы и тамъ, вблизи мѣстечка Боркова, заложилъ городъ, гдѣ долго послѣ того княжилъ. Другое народное преданіе говоритъ, что одинъ сербскій король, имѣвшій свою столицу въ городищѣ, не подалеку отъ Боркова, спасаясь бѣгствомъ отъ Нѣмцевъ, приказалъ перековать коней своихъ такъ, чтобы подковы были обращены назадъ и чтобы такимъ образомъ погоня не могла открыть мѣста его убѣжища. Сопоставляя эти извѣстія, лужицкіе историки заключаютъ, что Кресцентій не погибъ на Лимашѣ, но что, не видя надежды на спокойное княженіе въ верхнихъ Лужицахъ, онъ перебрался въ нижнія, въ долину рѣки Спревы; но и тамъ враги не оставляли его, и онъ хитростію долженъ былъ спасаться отъ нихъ [4]). Нельзя положительно ска-

---

[1]) Annal. Hildesh., Quedlinburg. a. 987. Ann. Lamb. a. 987.

[2]) Thietm. IV. 9.

[3]) Milzientos a libertate inolita servitutis iugo constrinxit, Thietm. V. 5.

[4]) Безъ сомнѣнія, Кресцентій имѣлъ другое славянское имя. Можетъ быть, слово crescere служило лѣтописцу основаніемъ назвать сербскаго князя Кресцентіемъ; но crescere значитъ рости, тогда бы соотвѣтствующее латинскому Кресцентій было сла-

зать, какой верхне-лужицкій князь спасся въ долину нижней Спревы, однако нельзя отрицать дѣйствительности подобнаго событія. Городище около Боркова, безъ сомнѣнія, было послѣднимъ прибѣжищемъ свободныхъ Сербовъ, когда ихъ земля была занята Нѣмцами. Нижнелужицкое населеніе доселѣ помнитъ, что тамъ была послѣдняя столица королей сербскихъ; выкапываемыя тамъ одежды и разныя металлическія подѣлки подтверждаютъ народное преданіе. Долго еще, послѣ порабощенія Лужицъ, потомки прежнихъ королей хранили свою независимость въ этихъ неприступныхъ мѣстностяхъ [1]).

Вообще, къ концу X в. ни одна часть западнаго Славянства не могла представить отпора движенію Нѣмцевъ; не говоря уже о жупахъ и колѣнахъ, цѣлые народы теряютъ свое національное правительство, вступаютъ въ зависимыя отношенія и мало-по-малу втягиваются въ политику Нѣмцевъ. Иногда въ томъ или другомъ мѣстѣ вспыхнетъ возстаніе, но ближайшіе сосѣди и недавніе союзники возставшихъ помогаютъ Нѣмцамъ снова наложить на нихъ тяжелое иго. Не видно сознанія опасности, грозившей всѣмъ окраиннымъ народамъ; въ бо̀льшей части случаевъ руководились минутными побужденіями и личными выгодами; только юная Польша по-немногу изготовляла средства для борьбы съ опаснымъ сосѣдомъ.

3) Польскій князь Болеславъ. Его внутреннія дѣла. 992—999 гг.

Князь польскій Мечиславъ умеръ 25 мая 992 г. [2]). Отъ брака его съ Дубровкою [3]) осталось два сына: Болеславъ и Владивой; отъ брака съ Одою три сына: Мечиславъ, Святополкъ и Болеславъ [4]). По общему

вянское имя Прибыславъ или Ростиславъ; Bogusławskiego, Rys Dziejów Serbo-Łużyckich, str. 54—5.

[1]) Bogusławski, Rys..., str. 56, примѣч. 15.

[2]) Годъ смерти опредѣляется по лѣтописямъ гильдесгеймскимъ, а. 992; день по извѣстію Титмара IV. 37; Necrolog. Fuldens. sub a. 992,—inter Scriptor. rerum Brunsvic. T. III. p. 765.—obiit Misacho marchio et comes Slavus; Wilmans, Iahrb. II, s. 73, Anmerk. 2; Zeissberg, Miseco I, ss. 98—9, Anmerk. 4.

[3]) Thietm. IV. 35, 36. Рожденіе Болеслава можно относить къ 967 г. Zeissberg, s. 102, Anm. 5.

[4]) Этотъ бракъ можно относить къ 979 — 980 гг. Имя третьяго сына отъ второго брака неизвѣстно изъ источниковъ; Лелевель въ Polska wieków średnich, T. II, стр. 67 называетъ его Болеславомъ, примиряя встрѣчающееся въ одномъ документѣ имя Ламберта, какъ имя сына Мечиславова, предположеніемъ, что Ламбертъ было монашеское имя или Святополка, или Болеслава; въ пользу мнѣнія его говоритъ и жизнеописаніе Ромуальда, VIII. 39, гдѣ одинъ изъ сыновей Мечислава названъ Busklaws, т. е. Болеславъ; въ Библіотекѣ Оссолинскихъ—Biblioteka Ossolińskich, T. IX,

всѣмъ Славянамъ обычаю, Польша должна была раздѣлиться на удѣлы, по числу оставшихся сыновей князя; но старшій сынъ Мечислава и Дубровки, Болеславъ, изгналъ изъ страны мачеху и сыновей ея, приказалъ ослѣпить родственниковъ своихъ, Одиліена и Прибивоя, и соединилъ подъ своею властію Польшу [1]). Въ первые годы правленія Болеславъ не измѣнялъ, по отношенію къ Нѣмцамъ, политики своего отца; дѣла шли тѣмъ путемъ, какой имъ указанъ былъ опытностію Мечислава. Въ 991 г. императрица Ѳеофанія на сеймѣ въ Кведлинбургѣ объявила походъ противъ Славянъ, все еще продолжавшихъ волноваться. Хотя Болеславъ лично не связанъ былъ никакими обѣщаніями относительно этого похода, такъ какъ на сеймѣ былъ отецъ его Мечиславъ, вскорѣ послѣ того умершій, тѣмъ не менѣе въ
992 г. 992 г., когда Оттонъ съ огромнымъ войскомъ направлялся къ Бранибору, молодой польскій князь, во исполненіе обязательства отца, посылаетъ Нѣмцамъ вспомогательный отрядъ [2]). Отношенія Болеслава къ Оттону III не измѣнились и послѣ того, какъ онъ самовольно изгналъ изъ Польши мачеху и братьевъ: Ода искала возстановленія своихъ правъ не въ Германіи, но въ Римѣ, у папы Іо-
996 г. анна XV [3]). Въ 996 г. Болеславъ помогалъ Оттону въ походѣ его на Бодричей, тогда онъ оказалъ покровительство брату епископа Войтѣха, Собебору, пригласивъ къ себѣ въ Польшу и такимъ образомъ спасши его отъ несчастной доли, постигшей въ этомъ году родъ его [4]). Поддерживая союзъ съ императоромъ, Болеславъ не опускалъ изъ виду и своихъ выгодъ. Въ это время (992 — 996 гг.) подчинены были имъ Поморяне до самаго Балтійскаго моря, также нѣкоторыя колѣна Пруссовъ должны были признать его зависимость: мы знаемъ, что во время проповѣди между Пруссами Войтѣха, Гданскъ принадлежалъ уже Болеславу [5]). Гельмольдъ подчиненіе Поморянъ и Пруссовъ ставитъ въ непосредственную связь съ походомъ Оттона на Славянъ полабскихъ [6]).

стр. 14 помѣщена генеалогическая таблица королей польскихъ: тутъ третій сынъ названъ Казиміромъ-Ламбертомъ (?). Разборомъ семейныхъ отношеній Мечислава подробно занимается Zeissberg,—Miseco I въ Archif für österreich. Gesch. Wien, 1867 ss. 107, Anmerk 3, до s. 120.

[1]) Весьма вѣроятно, что изгнаніе Оды случилось не въ одинъ и тотъ же годъ со смертію Мечислава. Добнеръ въ своихъ объясненіяхъ къ Гайку, Annal. ad Haiec. IV. p. 409, приводитъ изъ одной старой рукописи слова: Boleslaus cum fratribus regnavit tribus annis, dein solus. См. Roepell, Gesch. Polens, s. 106.

[2]) Annal. Hildesh. a. 992.

[3]) Bielowski, Monum. Poloniae I. p. 148.; Zeissberg, ss. 108, Anm. 4, 110, Anm. 1.

[4]) Vita s. Adalb., auctore Canapario c. 25, Annal. Hildesh. a. 995.

[5]) Ibidem. c. 27.

[6]) Helmoldi 1. 15. Eodem quoque tempore Bolislaus Polonorum christianissimus rex confoederatus cum Ottone III omnem Slaviam, quae est ultra Odoram tributis subjecit, sed et Russiam et Prussos. См. Roepell, Geschichte Polens, s. 106, Anmerk. 3 .

Слѣдствіемъ тѣснаго союза Нѣмцевъ и Поляковъ для первыхъ было успѣшное прекращеніе двѣнадцатилѣтней войны съ полабскими Славянами [1]), для вторыхъ расширеніе границъ областями Поморянъ и Пруссовъ. Но Болеславъ недолго былъ въ союзѣ съ Нѣмцами; онъ скоро созналъ, что существенныя выгоды Польши не въ этомъ направленіи, что его задача не подавлять, но поддерживать движеніе противъ Нѣмцевъ между другими славянскими народами. Стать во главѣ славянскаго міра и направить всѣ его силы на борьбу съ опасными сосѣдями сдѣлалось задачею политики Болеслава съ первыхъ годовъ XI в. Богатство военныхъ силъ, обнаруженныхъ Польшею въ XI в., поражаетъ неожиданностію и величіемъ, прочною организаціей и правильнымъ приложеніемъ ихъ. Мы должны вглядѣться въ характеръ этого сильнаго и энергическаго человѣка, и разсмотрѣть средства, которыя Болеславъ имѣлъ подъ руками и приготовлялъ вновь для задуманной борьбы съ Нѣмцами.

Съ Болеславомъ польскимъ случилось тоже самое, что и со всѣми крупными лицами древней и средней исторіи. Государи-образователи общественнаго порядка, выведшіе націю изъ тѣсныхъ границъ ея собственной территоріи, прославившіе народъ свой военными подвигами—вообще не забываются въ потомствѣ. Но скоро послѣ ихъ смерти, когда широкій планъ, начертанный ими для будущихъ поколѣній, становится не подъ силу ихъ преемникамъ, имя ихъ окружается прихотливыми красками народной фантазіи и становится достояніемъ сказки; забываются историческіе предѣлы внѣшней и внутренней дѣятельности, и послѣдующія внѣшнія дѣла и внутреннія учрежденія нанизываются на основную нить преданій объ нихъ. Черезъ нѣсколько поколѣній къ такому имени пріурочиваются событія, бывшія результатомъ движенія цѣлыхъ эпохъ; всѣ идеалы націи, возвышенныя черты любимыхъ героевъ и т. п. ставятся въ связь или сосредоточиваются на этомъ лицѣ. Въ первомъ національномъ историческомъ памятникѣ, у М. Галла, характеръ Болеслава пріобрѣлъ уже черты преданія, частію стершія и сгладившія въ немъ дѣйствительные признаки историческаго дѣятеля первой четверти XI в.; послѣдующіе польскіе лѣтописцы еще болѣе изукрасили характеръ Болеслава чертами народнаго преданія [2]). Такимъ образомъ историческое лицо съ теченіемъ времени покрывается поэтическимъ колоритомъ, съ которымъ оно переходитъ и въ область исторіи; въ такихъ дѣятеляхъ, ставшихъ предметомъ сказаній, весьма трудно отыскать черты личныя. Уже Галлъ нашелся вынужденнымъ прибѣгнуть къ риторическимъ средствамъ, описывая дѣла Болеслава.

---

[1]) Adami II. 24.

[2]) Лѣтописные разсказы XII—XV вѣковъ о завоеваніяхъ Болеслава указаны у Лелевеля, въ его Polska wieków średnich, T. II, str. 128—136.

«Кто въ состояніи достойно описать его подвиги или сосчитать жестокія битвы съ окрестными народами? Не онъ ли подчинилъ Моравію и Чехію, завладѣлъ въ Прагѣ княжескимъ престоломъ, и посадилъ на него своего сподручника? Не онъ ли весьма часто одерживалъ побѣды надъ Уграми и подчинилъ своей власти всю землю ихъ до Дуная? Неукротимыхъ Саксовъ такъ доблестно усмирилъ онъ, что въ рѣкѣ Салѣ, въ серединѣ земли ихъ, вбитыми желѣзными сваями обозначилъ предѣлы Польши. Что̀ исчислять его побѣды и тріумфы надъ невѣрными племенами, когда извѣстно, что онъ ихъ попиралъ ногами»! Если исторія можетъ отдѣлить историческаго Болеслава отъ того обаятельнаго, поэтическаго образа, который создало изъ него воображеніе народное, то она обязана въ этомъ отношеніи одному иностранному источнику: политическую дѣятельность Болеслава описалъ его современникъ, Титмаръ, епископъ межиборскій [1]). Возстановить дѣйствительныя черты довольно трудно и по этому источнику: Титмаръ описываетъ дѣла Болеслава съ чувствомъ тяжелой скорби и негодованія противъ него.

Когда Болеславъ принялъ власть, онъ нашелъ уже готовымъ раздѣленіе націи на благородныхъ (шляхта, дворянство), оброчныхъ крестьянъ (кметы) и крѣпостныхъ, со всѣми зависящими отсюда отношеніями. Господствующее сословіе большихъ и малыхъ поземельныхъ собственниковъ образовало крѣпкое зерно націи и было по преимуществу сословіемъ военнымъ, между тѣмъ какъ кметы, если не исключительно, то главнѣйше, должны были обработывать землю и платить имъ оброкъ. «Я не рѣшаюсь», говоритъ Лелевель [2]), «опредѣлить начало, не рѣшаюсь и изслѣдовать, и высказывать предположенія о томъ, какимъ образомъ произошло это различіе сословій, ибо во всемъ славянскомъ мірѣ оно заходитъ въ темную, очень отдаленную старину. Довольно того, что эти два сословія образовались во время неблизкое къ обращенію Польши въ христіанство». Надъ обоими этими классами высилась княжеская власть, которая въ Польшѣ имѣетъ подобное же происхожденіе, что̀ и въ другихъ славянскихъ земляхъ. Въ древнѣйшую пору населеніе представляется раздробленнымъ на мелкія единицы, стремившіяся къ обособленію.

Сопоставляя между собою старыя монастырскія и церковныя лѣтописныя замѣтки, мы находимъ между ними то замѣчательное различіе, что нѣкоторыя изъ краковскихъ замѣтокъ касаются послѣднихъ

---

[1]) Ap. Pertz, Scr. III. Спеціальное изслѣдованіе Фортинскаго, Титмаръ Мерзебургскій. С. П.Б. 1872 г.

[2]) Polska.... T. IV, статья: Stracone obywatelstwo stanu kmiecego. Вообще, статья о внутреннихъ отношеніяхъ Польши при Болеславѣ написана на основаніи изслѣдованій Лелевеля, въ разныхъ мѣстахъ его Польши среднихъ вѣковъ и Репелевой исторіи Польши, особенно главъ: «Innere Zustände», ss. 150—164, 615—17.

годовъ IX в. [1]): опредѣляютъ время правленія Лешка, годъ вступленія (913 г.) на польскій престолъ Земомысла, время рожденія (931 г.) Мечислава, занимаются описаніемъ сношеній съ нѣкоторыми чешскими князьями; напротивъ, древнѣйшія гнѣздненскія записки всѣ начинаются изложеніемъ обстоятельствъ сватовства Мечислава за Дубровку. Можно думать, что обитатели малой Польши сохранили эти воспоминанія еще изъ поры своей самостоятельности и независимости отъ Полянъ. Лѣтописецъ называетъ князя Полянъ, Попела, царемъ и повелителемъ царей, а это можно объяснить такъ, что князь Полянъ тогда уже подчинилъ своей власти другихъ колѣнныхъ князей, жившихъ по близости Гнѣздна. Съ другой стороны Попелъ называется княземъ только округа гнѣздненскаго [2]); изъ чего видно, что въ другихъ округахъ были тогда другіе князья; такъ мы знаемъ въ Вислицѣ князя Вислава Красиваго, происходившаго изъ племени князя Попела [3]). Основателемъ могущества Полянъ является, по преданію, Земовитъ, отъ котораго идетъ новая династія Пястовичей; онъ распространилъ границы своего княженія далѣе, чѣмъ кто-либо до него [4]). При всей скудости и отрывочности извѣстій, можно, однако, вывести, что князьямъ колѣна Полянъ пришлось пережить продолжительный періодъ объединенія колѣнъ ляшскихъ подъ своею властію, періодъ борьбы съ независимыми родовыми и колѣнными старшинами, что первоначальная исторія Польши носитъ тотъ же характеръ, что и исторія Чехіи. Нѣтъ сомнѣнія, что ко времени Болеслава внутренняя работа собиранія земли была кончена, и княжеская власть пріобрѣла уже извѣстную степень устойчивости. Судить о свойствахъ княжеской власти конца X и начала XI в. мы не можемъ, за недостаткомъ современныхъ памятниковъ; но если допустимъ, что большая часть податей, многочисленныхъ служебныхъ обязанностей и коронныхъ регалій, какъ онѣ являются по памятникамъ XII в., лишь мало-по-малу, съ теченіемъ времени пріобрѣтаемы были княжескою властію, то право суда, требованіе военной службы и извѣстнаго размѣра податей — останутся, по всей вѣроятности, древними прерогативами княжеской власти. Но нельзя отрицать, что значеніе власти прежде всего основывалось въ это время на личныхъ достоинствахъ князя. Если это былъ человѣкъ съ сильнымъ характеромъ, власть его могла доходить до деспотизма; если

---

[1]) Annales Polonorum et Cracovienses ap. Pertz, Scr. XIX.

[2]) M. Gallus, Chronic. I. 1. и вообще первыя главы его содержатъ въ себѣ отрывки разныхъ колѣнныхъ преданій, существовавшихъ независимо одно отъ другого.

[3]) Boguphalus, Chron. Poloniae, ap. Sommersb. II. p. 37. Polska wieków średnich. T. I. стр. 290.

[4]) Galli Chron. I. 3.

онъ былъ слабъ, шляхта волновалась и ограничивала права его. Галлъ хвалитъ нелицепріятіе Болеслава. Одинаково относился онъ къ кмету и шляхтичу, тому и другому давалъ скорый судъ и расправу. Обвиняемый шляхтичъ не смѣлъ ни подъ какимъ предлогомъ не явиться на княжескій судъ [1]); обладая живымъ и страстнымъ характеромъ, онъ многихъ пановъ присудилъ къ смертной казни, въ чемъ послѣ раскаивался [2]); къ суровымъ упрекамъ присоединялъ иногда и ручную расправу. Таковы черты, рисующія отношенія княжеской власти къ шляхтѣ [3]).

Разница между шляхетскимъ и кметскимъ сословіемъ основывалась на неодинаковыхъ свойствахъ владѣнія землею. Было независимое и зависимое владѣніе; если независимое владѣніе было велико и обнимало зависимыя владѣнія, то оно составляло доминіумъ. Владѣльцами независимыми были Лехи или шляхта, владѣльцами зависимыми были кметы. Пользованіе землею обязывало всѣхъ къ разнымъ государственнымъ повинностямъ и военной службѣ. Военная служба первоначально могла разсматриваться скорѣе какъ право свободнаго человѣка, чѣмъ какъ обязанность. Крупные собственники съ радостію шли за княземъ въ походъ, такъ какъ богатая добыча привлекала каждаго, вообще военная жизнь соотвѣствовала тогдашнимъ вкусамъ. Какъ высшее сословіе, шляхта стоитъ близко къ князю; изъ шляхтичей состоялъ высшій судъ при дворѣ его [4]), шляхта составляла зерно войска, почетнѣйшую и лучшую часть его, военную конницу.

Объединеніе Польши, введеніе христіанской вѣры и развитіе княжеской власти не могли не отозваться разными вліяніями на кметахъ. Въ старую пору, при Пястѣ, сеймовый панъ, рѣшающій дѣла свои на вѣчѣ, пользовавшійся личною свободою и самоуправленіемъ, онъ много утратилъ теперь изъ правъ своихъ. Ему нужно было отказаться отъ старой вѣры, измѣнить прежнюю жизнь и вынести на своихъ плечахъ многообразныя обязанности къ князю, шляхтѣ и духовенству. Новые религіозные обряды, исполняемые чужеземнымъ духовенствомъ, военная жизнь, поднимавшая власть вождя и принижавшая давній вѣчевой обычай, рыцарство, наполнившее дворъ князя толпою иноземныхъ искателей приключеній, — все это должно было не совсѣмъ благопріятно подѣйствовать на народъ. Онъ оттѣсненъ былъ отъ князя, но и тамъ, въ отдаленіи, не могъ уклониться отъ слѣдствій

---

[1]) Galli I. 9.

[2]) Ibidem I. 13.

[3]) Есть и другая сторона этихъ отношеній къ шляхтѣ, рыцарству и другимъ сословіямъ; но сочувственныя черты Болеславова характера мы постараемся собрать въ другомъ мѣстѣ; здѣсь же имѣется въ виду нарисовать общественныя отношенія Болеславовой Польши.

[4]) Galli 1. 13.

перемѣны всей общественной жизни, охватившей Польшу. На него налагалась десятина въ пользу духовенства, взималась тяжелая военная повинность, натуральная и личная; рядомъ съ его заборомъ возникали новыя поселенія военноплѣнныхъ, съ которыми онъ, доселѣ вольный и самостоятельный, долженъ былъ сравняться по тожеству жизни и обязанностей. Война, давшая шляхтѣ средства къ обогащенію, легла тяжелымъ ярмомъ на кмета и, какъ всегда, подчинила его шляхтичу, сильному своею челядью, награбленными богатствами и обширною поземельною собственностію.

Болеславъ вызвалъ къ дѣятельности свѣжія силы Ляховъ; потомство приписываетъ ему переустройство Польши; преимущественно къ его времени пріурочиваются военныя учрежденія, въ продолженіе столѣтій существовавшія въ странѣ [1]). Мартынъ Галлъ представляетъ Поль-

---

[1]) То въ большей, то въ меньшей степени приписываютъ Болеславу законоположенія, проведшія рѣзкую черту между двумя сословіями—шляхетскимъ и кметскимъ. Но при сужденіи объ этихъ законоположеніяхъ мы можемъ отправляться только отъ отрывочныхъ извѣстій Мартына Галла, писавшаго въ XII вѣкѣ. На основаніи такихъ отрывочныхъ извѣстій, позднѣйшихъ общественныхъ отношеній и критическихъ работъ надъ древнѣйшими памятниками польскаго законодательства, польскій историкъ Лелевель пытается дать нѣкоторыя общія соображенія о томъ, какія изъ статей законодательства Казиміра, будучи выраженіемъ обычнаго народнаго права, могли бы быть отнесены къ эпохѣ древнѣйшей, даже ко времени Болеслава I Въ IV томѣ Polski wieków średnich, стр. 114 — 116 онъ такъ развиваетъ свой взглядъ, извлеченный имъ изъ разсмотрѣнія польскаго законодательства. Короли и князья были законодателями, иначе, при разныхъ короляхъ и князьяхъ составлялись судебныя рѣшенія; ни одинъ изъ нихъ еще не составлялъ кодекса. Рѣшенія производились по потребностямъ времени, по случаю недоразумѣній въ судебной практикѣ.... Такимъ законодателемъ былъ и Болеславъ Великій и, вѣроятно, своихъ постановленій не записывалъ по латынѣ; iniquae leges Болеслава Смѣлаго не были сохранены; Казиміръ Справедливый, Конрадъ и Лешко въ своихъ постановленіяхъ, писанныхъ уже на латинскомъ, занимаются охраненіемъ частной собственности, заботятся о безопасности бѣдныхъ,—къ этимъ цѣлямъ направлены опредѣленія сейма ленчинскаго 1180 года; всякое время имѣло свои спеціальныя требованія, которымъ и отвѣчали постановленія княжескія. Казиміръ Великій первый собралъ всѣ, утвердившіеся въ судебной практикѣ, обычаи, и таковые *digessit* для пользованія въ судахъ. Въ такихъ дигестахъ найдутся постановленія изъ всякаго времени; не найдется только тѣхъ, которыя вышли изъ употребленія..., тутъ не найдется и постановленій, отзывающихся старымъ языческимъ временемъ, хотя разные обычаи, записанные въ статутахъ, относятся къ до-христіанской порѣ, хотя можно указать виды статутовъ, имѣющихъ происхожденіе свое отъ времени Болеслава Великаго.

Далѣе у Лелевеля, дѣйствительно, и слѣдуетъ извлеченіе болѣе древнихъ, по его мнѣнію, статутовъ изъ законодательства Казиміра Великаго, изъ статутовъ вислицкаго и петрковскаго.

Въ странѣ земледѣльческой, при томъ лѣсистой и недостаточно населенной должны были существовать предписанія, касающіяся земледѣлія, охраняющія сельскую собственность. Польша была при томъ страна рыцарская, и потому все, что касается достоинства и правъ рыцарства, должно было быть предусмотрѣно въ

ту Болеславова времени исключительно воинственною, военная сила ея неизмѣрима: «Какой математикъ въ состояніи будетъ вѣрно опредѣлить число закованныхъ въ желѣзо воиновъ его? Изъ познанскаго округа доставлялось на войну 1300 латниковъ (loricati) и 4000 щитоносцевъ, изъ гнѣздненскаго 1500 латниковъ и 5000 щитоносцевъ,

---

обычномъ и писанномъ правѣ. Такія стародавнія, первичныя постановленія княжества польскаго должны быть кратки и сухи, легко могли сохраняться въ памяти. Ихъ объявляли на мѣстахъ народныхъ собраній, на торгахъ, рынкахъ, дабы всѣмъ они были извѣстны: confirmaverunt et in foris, ut sub poena serventur, proclamare fecerunt. Baszko, Scriptor. rerum Silesiacar, apud Sommersb. T. II p. 62; они должны были получить мѣсто и въ письменныхъ сборникахъ постановленій. Когда мы разсматриваемъ законодательство XIV вѣка, находимъ тутъ значительное число постановленій на столько краткихъ, отрывочныхъ и сухихъ, на сколько другія постановленія пространны. Эти краткія, отрывочныя статьи исключительно представляютъ: назначеніе каръ за проступки рыцаря, предостереженія, касающіяся до полей и лѣсовъ, либо до кражи скота; а если нѣкоторыя изъ подобныхъ статей на видъ довольно велики, то можно убѣдиться въ ихъ сшивномъ характерѣ, разбивъ каждую изъ нихъ на нѣсколько частей, что̀ сдѣлать довольно легко. Такое свойство ихъ заставляетъ признать, что онѣ весьма древни и по большей части относятся къ первому періоду исторіи королевства польскаго. Въ теченіе вѣковъ почти каждый изъ подобныхъ артикуловъ долженъ былъ подвергнуться значительнымъ измѣненіямъ; при всемъ томъ онъ сохранилъ и старый характеръ, а часто и слогъ не измѣнившимся. Lelewel, Polska... T. I. стр. 47—8. Таковы пріемы, которые даетъ Лелевель желающему воспользоваться польскимъ законодательствомъ для изученія древнѣйшихъ отношеній польскаго общества. Статьи древнѣйшаго польскаго законодательства приведены у Лелевеля; см. также Bandtkie, Jus Polonicum.

Антонъ Сигизмундъ Гельцель въ «Starodawne Prawa Polskiego Pomniki», T. I. w Warszawie 1856 года, сдѣлалъ весьма подробный разборъ Лелевелева взгляда на польское законодательство въ критическо-историческомъ разборѣ этого законодательства, предпосланномъ самому изданію памятниковъ, стр. LXXV—CXXXVIII. Оставляя въ сторонѣ несогласіе этого ученаго съ Лелевелемъ относительно самаго взгляда на характеръ Казиміровыхъ статутовъ, на отношеніе между вислицкимъ и петрковскимъ уложеніемъ, мы отмѣтимъ нѣкоторые пункты опроверженія, касающіеся собственно нашего предмета:

1) Нельзя извѣстныя статьи законодательства Казимірова, какъ напримѣръ противъ потравъ и вреда, наносимаго проѣзжающими панами хозяйству земледѣльцевъ, пріурочивать къ какому-либо опредѣленному времени, потому что подобныя злоупотребленія и подобныя статьи противъ нихъ повторялись и въ позднѣйшія эпохи, напр. въ 1493, 1527 годахъ, при томъ не только въ Польшѣ, но и въ Германіи и Франціи,—стр. XCIV—XCV.

2) Юридическія постановленія, признанныя Лелевелемъ за древнѣйшія,—о похищеніи чужой вещи на нивѣ и предметовъ, относящихся до хозяйства: воловъ, деревьевъ, сѣна, зерна, овощей,—объ оскорбленіи бѣднаго и отвѣтственности пана за вину слуги, при чемъ вставка *idem* передъ нѣкоторыми статьями наводила его на мысль, что онѣ взяты изъ постановленій весьма древнихъ, — Лелевель, T. IV стр. 125 — опровергаются Гельцелемъ на стр. XCVII; ср. 129 стр. Лелевеля и C — CI стр. Гельцеля.

3) Длугошево извѣстіе о праводавствѣ Генриха Бородатаго, извѣстіе, составля-

изъ Владиславля 800 латниковъ и 2000 щитоносцевъ, изъ Гдеца 300 латниковъ и 2000 щитоносцевъ; всѣ они славились, какъ храбрѣйшіе и весьма искусные воины. У Болеслава было больше тяжеловооруженныхъ воиновъ, чѣмъ въ наше время во всей Польшѣ щитоносцевъ; тогда было въ Польшѣ почти столько же воиновъ, сколько въ наше время всего въ ней населенія» [1]).

Думаютъ, что военное и гражданское устройство, данное Польшѣ Болеславомъ, частію вызвано было исключительнымъ положеніемъ границъ государства [2]), почти непрерывно стоявшихъ на военномъ положеніи, и первоначально введено въ пограничныхъ областяхъ, что только потомъ, съ теченіемъ времени, оно распространилось на всю Польшу. Но едва ли возможно предположить, чтобы *пограничное* городовое устройство, случайно введенное, сдѣлалось потомъ общимъ всей Польшѣ; повсемѣстность этого устройства въ XII в., а къ концу этого вѣка и совершенное паденіе его, говоритъ за то, что оно основывалось на туземныхъ, чисто народныхъ учрежденіяхъ, и не было явленіемъ случайнымъ и заимствованнымъ. Относимыя ко времени Болеслава учрежденія стоятъ въ связи и имѣютъ своимъ основаніемъ древнѣйшія отношенія, свойственныя всему славянскому племени; Богуфалова *строжа* есть дальнѣйшее развитіе и приложеніе общеславянской круговой поруки. Богуфалъ [3]) говоритъ, что Болеславъ ввелъ въ Польшѣ подать, на-

---

ющее только риторическую фразу, Лелевель принимаетъ въ основаніе своихъ выводовъ, стр. CVIII — CIX. Вообще Гельцель, шагъ за шагомъ, слѣдитъ за развитіемъ Лелевелева взгляда и показываетъ, какъ самыя ошибки, такъ и источникъ, откуда произошли онѣ. Личный взглядъ на это дѣло Гельцель представляетъ на стр. CCIV. Мои изслѣдованія, говоритъ онъ, представляютъ вотъ какой результатъ: я убѣдился и въ предыдущихъ отдѣлахъ доказалъ, что мнѣнія и доводы Лелевеля, который въ статутѣ Казиміра Великаго видитъ остатки болѣе или менѣе полныхъ статутовъ XIII вѣка, ошибочны. Совершенно другое дѣло, если въ этихъ статутахъ могли сохраниться и сохранились, въ сущности, весьма древніе остатки обычнаго народнаго права, которое имѣло свое происхожденіе еще въ періодъ язычества народа. Подобные обычаи оставили слѣдъ свой въ постановленіяхъ временъ чрезвычайно позднихъ. Но когда идетъ дѣло о самомъ фактѣ законодательства той или другой статьи, въ той формѣ и редакціи, въ какой мы ее теперь находимъ, въ этомъ отношеніи мнѣ приходится отказать въ происхожденіи изъ XIII вѣка не только всѣмъ отдѣльнымъ статутамъ, но и каждой ихъ статьѣ.

Выходитъ, что, при всемъ скептическомъ отношеніи къ дѣлу, Гельцель даетъ нѣкоторое мѣсто мнѣнію Лелевеля объ удержаніи въ позднѣйшемъ законодательствѣ нѣкоторыхъ чертъ древнѣйшей жизни. Мы и старались воспользоваться скромнымъ правомъ, удѣленнымъ Гельцелемъ историку древнѣйшей исторіи Польши.

[1]) Galli Chronic. 1. 8.

[2]) Военныя учрежденія Болеслава въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ представляются заимствованными у Нѣмцевъ. Не рѣшая вопроса, существуетъ ли какая связь между учрежденіями Генриха и Болеслава, считаемъ нужнымъ сослаться на стр. 133—135 и 139 этой книги, гдѣ было говорено объ устройствѣ марокъ королемъ Генрихомъ I.

[3]) Apud Sommersb. T. II. p. 25. Ipse tamen quoddam tributum in Polonia, quod

зываемую стрòжей; эта подать состояла въ томъ, что съ каждаго участка земли или плуга представлялось въ житницу королевскую по одной мѣрѣ пшеницы и овса; сторожевой податью она называлась потому, что предназначалась для продовольствія ратныхъ людей въ городахъ, преимущественно пограничныхъ. «Ибо названный король, для защиты своей власти и для противоборства врагамъ, на границахъ государства строилъ много крѣпостей».

Въ XII в. мы находимъ Польшу раздѣленною на множество округовъ; въ каждомъ изъ нихъ былъ городъ съ кастелляномъ, королевскимъ чиновникомъ, завѣдывавшимъ военною, юридическою и финансовою частію въ своемъ округѣ. Но въ серединѣ XII в. это устройство уже падаетъ, — ясно, что оно существовало издавна и было уже дѣйствующимъ въ XI в. Съ тѣхъ поръ, какъ Польша была объединена, какъ князья колѣна Полянъ подчинили себѣ окрестныя колѣна,— должно было существовать извѣстное устройство для правильнаго взиманія податей и для отправленія военной службы. Въ городахъ (castrum) были посажены княжескіе чиновники (familiares, comites), частію для наблюденія за управленіемъ округа, частію для исполненія обязанностей, присвоенныхъ князю, какъ обязанность творить судъ и расправу, частію для предводительства военными людьми на случай войны. Къ каждому городу причислялись окрестныя селенія, составлявшія его округъ, съ жителей этого округа и собиралась, между другими, упомянутая выше подать, *строжа*. Извѣстный процентъ населенія долженъ былъ лично являться въ городъ, изъ него составлялась городская стража, всегда готовая идти на войну подъ знаменемъ кастелляна; остальное населеніе округа натурой доставляло средства къ содержанію въ городѣ военныхъ людей. Такихъ военно-юридическихъ округовъ было много, каждый изъ нихъ обязанъ былъ выставлять опредѣленное число войска; по словамъ М. Галла число это было очень велико. Это учрежденіе должно стоять въ извѣстной связи съ другимъ учрежденіемъ славянскимъ, по которому жители извѣстнаго селенія или нѣсколькихъ селеній должны были всѣ вмѣстѣ заботиться о сохраненіи мира и порядка на землѣ ихъ, и, если не могли найти нарушителя общественнаго спокойствія и представить его высшей власти, обязаны были всѣ вмѣстѣ платить обычный штрафъ, которому подвергался преступникъ [1]). Въ польскихъ памятникахъ XII — XIV вв. это учрежденіе извѣстно подъ именемъ *vicinia*, *opol*, *opole*. Разсматривая

---

strosza dicitur, fertur statuisse... hoc attributum frumentorum ideo strossza dictum est, quia hominibus in castrorum custodia degentibus, precipue in extremitate regni consistentibus, ad usum ducebatur.

[1]) Roepell, Geschichte Polens, статья Innere Zustände; о круговой порукѣ см. Палацкаго Dejiny I. Prílohy стр. 302—306.

случаи, въ которыхъ упоминается объ этомъ учрежденіи, мы замѣчаемъ, что *opole* или *vicinia* къ этому времени имѣютъ уже весьма широкій смыслъ. *Vicinia* есть не только часть округа, союзъ нѣсколькихъ селеній въ одно опредѣленнное, въ себѣ замкнутое цѣлое, образовавшійся для сохраненія общественнаго спокойствія [1]), но и учрежденіе такого рода, которымъ князья воспользовались для правильнаго взиманія разнообразныхъ налоговъ и податей. Качество и количество податей, упоминаемыхъ въ документахъ, такъ велико числомъ, и многія порознь такъ значительны, что невозможно допустить, чтобы каждый отдѣльный крестьянинъ одинъ былъ обязанъ вносить ихъ. Изъ грамотъ видно, кромѣ того, что *vicinia* и *opole* составляли единицу не только въ финансовомъ, но и въ другихъ отношеніяхъ, и что они стояли въ извѣстномъ отношеніи къ *castrum*, котораго кастеллянъ отправлялъ юридическія и административныя обязанности въ предѣлахъ своего округа. Въ округъ должны были входить многія вициніи и, можетъ быть, *judices castellanorum* или *inferiores judices* были подчиненными кастеллянамъ судьями въ вициніяхъ. Понятно, что учрежденіе, уже давно вошедшее въ жизнь, всего удобнѣе давало князьямъ средства къ правильному взиманію податей и налоговъ; городовое устройство нисколько не насиловало старыхъ обычаевъ, но было дальнѣйшимъ ихъ развитіемъ, въ приложеніи къ потребностямъ возникающаго государства. При этомъ государственныя подати распредѣлялись равномѣрнѣе, всѣ силы страны были призваны къ отбыванію ихъ.

Кромѣ того, что каждый поземельный собственникъ, состоявшій въ округѣ кастелляна, могъ быть вызванъ имъ, на случай войны, подъ военное знамя, всякій Полякъ благороднаго происхожденія обязанъ былъ лично являться на войну. Этотъ родъ военныхъ людей получилъ названіе *miles*, еще въ раннее время взятое съ латинскаго и потомъ пріобрѣтшее въ Польшѣ широкое распространеніе подъ именемъ *рыцаря*. Какъ отдѣльная корпорація, съ особыми правами и привиллегіями, рыцарство является, по памятникамъ, къ концу XIII в. [2]). Когда въ законодательствѣ упоминается miles, militia и т. п., тутъ разумѣется высшее сословіе по преимуществу. Каждый miles стоитъ выше кмета, за убійство его и нанесенныя ему раны платится въ четверо больше, чѣмъ за убійство и раны, нанесенныя

---

[1]) Helcel, Starodavne Prava Polskiego Pomniki, T. I. стр. CXLIII — увольнительныя грамоты отъ обязанности вициній. Roepell, Geschichte Polens, ss. 615—617.

[2]) Lelevel, Polska, T. IV, str. 159; T. III, str. 277—282. Въ древнихъ переводахъ польскаго права miles очень обыкновенно переводится чрезъ шляхтичъ, militia чрезъ шляхта, ius militare чрезъ право шляхетское, «de militari prosapia» чрезъ «шляхетскаго роду».

простому смертному[1]). Ни духовенство, обязанное военною службой наравнѣ съ другими сословіями, ни поземельные собственники не включались въ эту милицію и не назывались воинами-рыцарями (żołnierz).

Въ Польшѣ времени Болеслава особенно важную роль играетъ шляхетское военное рыцарство. Оно составляло зерно военной силы Болеслава, всегда сопровождало его въ походахъ, имѣло значеніе постоянной дружины и пользовалось, какъ увидимъ, его особеннымъ почетомъ. Вѣроятно, уже тогда входило въ жизнь понятіе о рыцарствѣ, какъ почетномъ званіи, пріобрѣтаемомъ за личныя заслуги посредствомъ особаго обряда. Рыцаремъ становился тотъ, кто опоясывался опояской и мечемъ, и произносилъ торжественную клятву въ вѣрности своему патрону[2]). Когда произошло выдѣленіе этого высшаго званія (рыцарскаго), трудно сказать, за недостаткомъ источниковъ. Длугошъ, жившій въ XV вѣкѣ, описываетъ, какъ еще въ 1100 году Болеславъ Кривоустый былъ опоясанъ рыцарскою опояскою Владиславомъ Германомъ. Изъ того же Длугоша узнаемъ, что рыцарское опоясываніе въ Польшѣ извѣстно было за цѣлое столѣтіе, особенно извѣстны были отличія рыцарскаго званія. Мечиславъ въ 977 г. выдалъ наказъ, чтобы паны и рыцарство, входя въ церковь, имѣли на себѣ опояску рыцарскую и мечъ, чтобы безъ этихъ существенныхъ признаковъ рыцарскаго званія не входили они въ церковь[3]). Быть рыцаремъ значило пріобрѣсть на то личное право, не имѣвшее никакого отношенія къ родовымъ правамъ шляхетскимъ, хотя шляхетское званіе и было необходимо для полученія рыцарскаго. Рыцарское опоясаніе могли принимать лишь члены благороднаго происхожденія. Болеславъ Кривоустый былъ посвященъ два раза въ рыцари, сынъ Болеслава Храбраго посвященъ въ рыцари Генрихомъ; что шляхетство было необходимымъ условіемъ для принятія рыцарскаго посвященія, доказательство на это находимъ у Длугоша: въ войнѣ Болеслава Кривоустаго съ Уграми, когда подъ королемъ палъ конь, и онъ былъ въ опасности потерять жизнь, — одинъ кметъ, Григорій, подставилъ ему коня; чтобы вознаградить его за такую услугу, король сначала возвелъ его въ достоинство шляхетское, потомъ сдѣлалъ рыцаремъ[4]).

---

[1]) Pro capite vero militi famoso alias szlachtic sexaginta marcae, militi autem creato de... kmethone quindecim marcae pro capite... statuimus persolvendas...—изъ статутовъ Казиміра Великаго.

[2]) Галлъ упоминаетъ только о тяжело и легко вооруженныхъ: milites loricati et clipeati. «Loricam induit miles proprie ita dictus, id est cinguli militaris praerogativa personali ornatus», Du — Cange, Glossarium Latinitatis подъ словомъ Lorica.

[3]) Iohannes Loninus, sive Długossus, ap. Sommersb, Scr. rer. Silesiac. II.

[4]) О польскомъ рыцарствѣ см. статью Chylinskiego, Biblioteca Ossolinskich T. IX, подъ заглавіемъ: Rzecz o skartabelach, стр. 210—239.

Все время княженія Болеслава, прошедшее почти въ непрерывныхъ войнахъ на западѣ и востокѣ, имѣло запросъ на военныхъ людей. Шумная лагерная жизнь, которую любилъ и самъ князь, понравилась многимъ. Почти постоянно являлись въ Польшу свѣжіе отряды изъ сосѣднихъ странъ, привлеченные богатствомъ польскаго рыцарства и расположеніемъ къ нему князя; что падало жертвою войны, съ избыткомъ вознаграждалось новымъ приливомъ охотниковъ: моравскихъ, печенѣжскихъ, нѣмецкихъ и чешскихъ. Часть рыцарства разсажена была по городамъ, вѣроятно, въ качествѣ административныхъ, финансовыхъ и другихъ чиновниковъ; но главная масса военныхъ людей была постоянно подъ рукой у князя. Особенно яркими красками рисуетъ Галлъ отношенія Болеслава къ его рыцарству. Каждый рыцарь былъ не гостемъ у Болеслава, а сыномъ; кромѣ равнаго раздѣла военной добычи онъ награждалъ такого оружіемъ и конями; каждаго рыцаря звалъ король по имени [1]). Военныя дѣйствія Болеслава, неожиданныя нападенія, быстрое появленіе его въ тылу у непріятеля показываютъ, что главная сила его была въ конномъ войскѣ, т. е. въ этомъ рыцарствѣ.

Выдѣленіе и обогащеніе рыцарскаго сословія не могло не отозваться на правахъ народа. Уже было сказано, что шляхетство пріобрѣло себѣ исключительное право на доступъ въ рыцарское сословіе. Съ тѣхъ поръ начинаютъ подниматься нѣкоторые польскіе роды, становясь близко къ князю и стараясь отстранить его отъ народа, въ руки ихъ переходитъ все управленіе страною. Какъ человѣкъ въ высшей степени энергическій и любившій свой народъ, Болеславъ старался личнымъ вліяніемъ поддержать кмета и не дать его въ обиду шляхтичу. Кметы имѣли къ нему доступъ и могли высказывать свои жалобы на пановъ; онъ выслушивалъ ихъ, какими бы важными дѣлами ни былъ занятъ, и за тѣмъ тотъ-часъ же дѣлалъ распоряженіе о разборѣ дѣла и наказаніи притѣснителя [2]). Кметамъ приходилось переносить весьма много убытковъ отъ потравъ рыцарей, проѣзжавшихъ селеніями и засѣянными полями [3]); Болеславъ старался устранить это зло своимъ примѣромъ: «поселянамъ, какъ добрый отецъ, онъ старался доставить спокойную жизнь; во время путешествій предпочиталъ дѣлать остановки въ городахъ, собственникъ и хозяинъ не скрывалъ отъ него своего достатка, но вся страна сбѣгалась посмотрѣть на проѣзжавшаго короля [4])».

---

[1]) Galli 1. 16.

[2]) Galli 1. 9.

[3]) Statuimus, ut quociescumque ad expeditionem per terras nostras fit progressio, nullus stationem faciat in villa, sed in campo, nec rapinas in equis, pecudibus, pecoribus, aut in aliis rebus committat,—изъ вислицкаго статута; Vic. Kadlub. c. 9.

[4]) Galli 1. 12.

Весьма рѣдко было населеніе Польши, большая часть ея была покрыта лѣсами: и нельзя не отдать чести тѣмъ пріемамъ, которые употреблялъ Болеславъ для населенія страны своей. Въ слѣдствіе постоянныхъ войнъ, въ Польшѣ должно было скопиться весьма много военноплѣнныхъ; имъ предоставлялось право садиться на участкѣ земли и обработывать его; по истеченіи трехъ лѣтъ, они сравнивались въ правахъ съ туземнымъ населеніемъ. Во время военныхъ дѣйствій, если онъ замѣчалъ, что извѣстнаго мѣста невозможно было удержать за собой, то не прежде возвращался домой, какъ выведши все населеніе, сколько только можно было собрать его, внутрь своего государства. Такъ въ 1002 г. изъ Стрелы «весьма много окрестныхъ жителей увелъ съ собою [1])»; въ 1003 г. «обезлюдилъ всю жупу Гломачей, уведши населеніе ея [2])»; въ 1007 г. вывелъ населеніе изъ страны Морочанъ и изъ жупы Сербище (Zerbst) [3]) и др.

Много заботился Болеславъ и о нравственномъ преуспѣяніи своего народа; еще недавно просвѣщенная христіанствомъ, Польша едва ли много измѣнилась до его времени. Говоря о нравахъ Поляковъ, Титмаръ [4]) выражается, что безъ суровыхъ наказаній князь не могъ здѣсь безопасно править народомъ, и рисуетъ далѣе наказанія, характеризующія жестокіе обычаи народа. Заботясь о привлеченіи въ свою страну лучшихъ духовныхъ лицъ, Болеславъ вошелъ въ сношенія съ родными св. Войтѣха, чѣмъ снискалъ расположеніе послѣдняго; Войтѣхъ посѣтилъ Польшу, провелъ въ ней цѣлую зиму, но потомъ, «видя что въ Польшѣ святая вѣра уже множится и церковь возрастаетъ, безстрашно пошелъ въ Пруссію [5])». Въ завоеванныхъ польскимъ оружіемъ земляхъ Болеславъ спѣшилъ устроять епископскія каѳедры,—такъ возникли епископіи: въ Колобрегѣ, Краковѣ, Бреславлѣ. Чтобы успѣшнѣе шло дѣло распостраненія вѣры Христовой, онъ упросилъ отправиться въ Польшу двоихъ изъ учениковъ св. Ромуальда, которые съ этою цѣлію выучились славянскому языку [6]). Онъ устроилъ въ Польшѣ нѣсколько монастырей: Титмаръ упоминаетъ объ аббатствѣ Межирѣчьи, о бенедиктинскомъ монастырѣ Тинецъ; Длугошъ и его продолжатели свидѣтельствуютъ, что имъ же былъ устроенъ и бенедиктинскій монастырь на Лысой горѣ, въ сендомірскомъ воеводствѣ. «Епископовъ и своихъ капелановъ такъ высоко цѣнилъ онъ, что въ присутствіи ихъ

---

[1]) Thietm. V. 10.

[2]) Ibidem. V. 22.

[3]) Ibidem VI. 24. pagum Morezini... populatur. Inde ad urbem Zervisti veniens urbanos terrore gravi et hortatu dulci devictos secum vehebat.

[4]) Thietm. VIII. 2.

[5]) Galli 1. 6.

[6]) Vita s. Romualdi. Acta SS. 7 Febr. p. 114; другое изд. ap. Pertz, Scr. IV.

не дерзалъ садиться, называлъ ихъ не иначе, какъ господами;—во всемъ такъ благосклоненъ былъ къ духовенству, что если кто-нибудь изъ пановъ начиналъ тяжбу съ клирикомъ, или если свѣтскій человѣкъ присвоялъ себѣ церковныя имущества, тогда онъ самъ, какъ патронъ и адвокатъ, защищалъ интересы церкви и духовенства. Подчиняя языческіе народы, онъ не къ дани обязывалъ ихъ, но заставлялъ принимать истинную вѣру; на собственный счетъ устроялъ для нихъ церкви, назначалъ епископовъ и посылалъ священниковъ [1]).

Два обстоятельства играли весьма важное значеніе въ дѣлахъ внѣшней политики Болеслава польскаго: смерть Болеслава чешскаго и Оттона III. Первая доставила ему случай выказать свое вліяніе въ запутанныхъ обстоятельствахъ Чехіи и расширить Польшу завоеваніями на югѣ, вторая была поводомъ скинуть маску расположенія и покорности къ Нѣмцамъ, и указала ему широкую дорогу на западъ. Мы и обратимся теперь къ изложенію внѣшнихъ дѣлъ княженія Болеслава.

4) Распространеніе границъ Польши къ юго-востоку. Столкновеніе съ Русскими, Чехами и Уграми изъ-за земель по-татрскихъ. Признаніе независимости Польши. 999 — 1000 гг.

Едва ли найдется въ исторіи Славянства IX, X и XI вв. предметъ болѣе темный, такъ мало поддавшійся исторической наукѣ и потому слабо разработанный, какъ земля Славянъ, обитавшихъ близь Татровъ, въ ту и другую сторону отъ этихъ горъ. Между тѣмъ эта страна, какъ древнее жилище разныхъ вѣтвей славянскихъ, на которой или по поводу которой совершаются крупныя событія, необходимо останавливаетъ на себѣ вниманіе историка. Извѣстіе Константина Порфиророднаго наложило на нее мрачный покровъ, который и до настоящаго времени еще не снятъ наукой. «Когда Авары, разсказываетъ Константинъ [2]), около 630 г. заняли Далмацію, императоръ Гераклій, жалѣя утраты такой прекрасной земли, сговорился съ нѣкоторыми старшинами Хорватовъ, жившихъ въ то время еще на сѣверѣ, въ бѣломъ или великомъ Хорватскѣ, и уступилъ имъ Далмацію съ условіемъ, чтобы они, выгнавъ Аваръ, остались въ его поддан-

---

[1]) Galli Chron. 1. 9, 11.

[2]) Constantin, De administrando imperio cc. XXXI, XXXII, изд. Anselmi Bandurii, Imperium orientale; Шафарикъ въ приложеніяхъ. Къ опредѣленію границъ Бѣлосербіи и Бѣлохорватіи относятся еще главы XIII, XXX.

ствѣ. Скоро затѣмъ при томъ же Гераклiѣ, одинъ изъ князей сѣверной Бѣло-Сербiи, которая находится за землею Турокъ и у туземцевъ извѣстна подъ именемъ Бойки (Boiki), просилъ у императора земель для себя и своего народа». По воззрѣнiю Константина Порфиророднаго, Бѣло-Хорватiя лежала на сѣверѣ за Уграми и Баварцами, вблизи Саксонiи, въ нынѣшней Галицiи, Моравiи и Чехiи; около этихъ же мѣстъ помѣщается Бѣло-Хорватiя и въ нашей лѣтописи [1]). Бѣло-Сербiю Константинъ полагаетъ за Турками и Бѣло-Хорватами, отъ Вислы черезъ Чехiю и Лужицы до нѣмецкихъ областей. При такихъ широкихъ предѣлахъ бѣло-сербской и бѣло-хорватской области, какiе даетъ ей Константинъ, весьма трудно опредѣлить мѣсто, откуда именно было движенiе Сербовъ и Хорватовъ. Шафарикъ, всѣхъ болѣе занимавшiйся этимъ предметомъ, находитъ весьма основательнымъ предположенiе, что Хорваты и Сербы вышли изъ нынѣшней восточной Галицiи и Владимiрска или изъ червонной Руси [2]). Но эта земля послѣ Константина не имѣла ни одного историка и географа, и долгое время исторiя довольствовалась лишь тѣми свѣдѣнiями, которыя сообщаетъ объ ней Константинъ. Лѣтописцы послѣдующаго времени только мимоходомъ упоминаютъ о странѣ за Татрами и подъ Татрами; завоеванiя въ этой странѣ моравскихъ, чешскихъ и польскихъ князей у лучшихъ историковъ излагаются безъ опредѣленныхъ признаковъ мѣста и времени и даютъ много поводовъ къ личнымъ догадкамъ и соображенiямъ. Въ весьма недальнее время одинъ польскiй ученый такъ жаловался на недостатокъ разработки этого предмета: «исторiя этого отдаленнаго уголка нашего отечества очень мало извѣстна. Ни угорскiе, ни славянскiе историки не изучали источниковъ его съ картою въ рукѣ, и сухихъ извѣстiй о здѣшнихъ событiяхъ не старались разъяснить съ помощiю топографическихъ изслѣдованiй. И нѣтъ ничего удивительнаго, что даже извѣстные писатели одну часть этихъ событiй, какъ непонятную, проходятъ молчанiемъ, другую переносятъ совершенно въ иную мѣстность [3]).

Для насъ важно прослѣдить исторiю краковской области и верхней Силезiи, получившихъ въ послѣдующее время названiе малой Польши, потому что здѣсь въ концѣ X и въ началѣ XI вв. начались столкновенiя между русскими, чешскими и польскими князьями [4]). Из-

---

[1]) Полн. Собр. Р. Л. т. I, стр. 3.

[2]) Этотъ взглядъ проводится въ разныхъ мѣстахъ его Слав. Древностей, подробнѣе въ т. II, кн. I, стр. 394—411; отдѣльно изложенъ въ Casop. за 1837 г., подъ заглавiемъ: O zemi gmenované Boyki, str. 23—36. См. также Zeuss, Die Deutschen,. s. 608—613

[3]) Biblioteca Ossolinskich T. I. статья, подъ заглавiемъ: Krolewstwo Galicyi.

[4]) Источники: Косьма пражскiй, Лаврент. лѣтопись; пособiя: Шафарикъ; Roepell

вѣстно, что держава Святополка моравскаго простиралась отъ юга къ сѣверу до Дѣвина [1]), на востокѣ занимала земли по обѣимъ сторонамъ Татровъ; сюда, слѣдовательно, входили Краковъ и Силезія до Стрыя. Въ началѣ X в. держава Святополкова пала подъ ударами Угровъ и Нѣмцевъ; вмѣсто Моравaнъ являются новые обладатели земель потатрскихъ. Угры заняли области между Дунаемъ и Тиссою, держава Святополка раздѣлена была между ними, Чехами и частію Поляками [2]). Горныя части нынѣшней Угріи, начиная отъ Острѣгома, на востокъ къ Тиссѣ и самое верхнее теченіе этой рѣки оставались еще долго во власти князей славянскихъ. Пришельцы занимали ее понемногу, по частямъ, такъ что подъ конецъ X в. Тисса составляла еще границу Польши. Можно думать, что малая Польша, послѣ паденія Моравіи, или досталась князьямъ польскимъ, или пользовалась самоуправленіемъ Во второй половинѣ X в. Болеславъ I, объединивъ Чехію, указалъ ей путь къ завоеваніямъ на востокѣ: отъ 967 до 999 гг. границы ея на востокѣ были Бугъ и Стрый, т. е. Чехіи принадлежала тогда область, находящаяся близь Кракова и простиравшаяся на неизвѣстное пространство въ Галицію [3]).

Въ то время, какъ чешскіе князья раздвинули границы Чехіи до восточной Галиціи,—сюда же приведены были, въ воинственномъ движеніи къ западу, князья русскіе. Къ концу X в. встрѣчаются извѣстія, показывающія, что въ краковской области, около Буга, сходились предѣлы Чеховъ, Русскихъ и Поляковъ; въ послѣдующее время враждебныя или мирныя отношенія завязываются у Русскихъ съ Поляками на этомъ же мѣстѣ. Есть извѣстіе, что въ 981 г. Владиміръ Великій ходилъ войною противъ Ляховъ и занялъ города ихъ: Перемышль, Червень и другіе т. е. восточную часть Галиціи [4]). На первый взглядъ представляется непонятнымъ, почему Владиміру пришлось воевать изъ-за червонной Руси съ Ляхами, когда съ 967 до

въ Geschichte Polens, Palacky въ Dějiny 1, Карамзинъ. Главныя сочиненія по исторіи галицкой земли указаны въ Русской Исторіи К. Бестужева—Рюмина, стр. 183.

[1]) Thietm. VI. 60; Palacky, Dějiny I str. 157—8; Шафарикъ, т. II, кн. II, стр. 301, примѣч. 46.

[2]) Cosmas I. 14: Cuius (т. е. Святополка) regnum filii eius parvo tempore sed minus feliciter tenuerunt, partim Ungaris illud diripientibus, partim Theutonicis orientalibus, partim Poloniensibus solotenus hostiliter depopulantibus.

[3]) Cosmae, Chron. ad a. 1080. Inde ad orientem hos fluvios habet terminos: Bug scilicet et Ztir cum Krakova civitate provinciaque (cui nomen est Vag) cum omnibus regionibus ad praedictam urbem pertinentibus, quae Krakova est. И еще: Huius regni terminos, quos ego dilatavi usque ad montes, qui sunt ultra Krakov, nomine Tryn.

[4]) Полн. Собр. Р. Л., т. I, стр. 35. Въ лѣто 6489 (981) иде Володимеръ къ Ляхомъ и зая грады ихъ, Перемышль, Червенъ и ины грады, иже суть и до сего дне подъ Русью. Карамзинъ, Исторія Государства Россійскаго, Т. I, примѣч. 431 полагаетъ Червень близь Холма или Хелма.

999 г. Галиція до Буга и Стрыя принадлежала Чехамъ? И дѣйствительно, чешскіе ученые настаиваютъ на томъ, что русскій лѣтописецъ ошибкою поставилъ Ляховъ вмѣсто Чеховъ; Репель думаетъ, что завоеванія Владиміра сдѣланы были не у Чеховъ и не у Поляковъ, а у свободныхъ колѣнъ славянскихъ, сосѣдившихъ съ ними [1]). Весьма вѣроятно то предположеніе, что чешскія владѣнія тогда не были такъ широки, какъ показываетъ учредительная грамота пражской епископіи, что страна по Сану и далѣе на востокъ, была подчинена еще первыми Рюриковичами. Хотя эта страна, при невоинственномъ Игорѣ либо Святославѣ, устремившемъ вниманіе исключительно на востокъ и югъ, и перешла къ Пястовичамъ [2]); тѣмъ не менѣе русскіе князья считали ее своимъ достояніемъ и неоднократно предпринимали походы для защиты ея отъ польскихъ князей. Такъ подъ 992 годомъ снова упоминается о войнѣ Владиміра—съ Хорватами (у русскаго лѣтописца), съ польскимъ княземъ (у иностраннаго) [3])—при чемъ, для успѣшнѣйшаго исхода войны, Владиміръ входилъ въ переговоры съ Болеславомъ чешскимъ [4]). Потомъ нѣсколько времени отношенія Руси къ Чехамъ и Полякамъ были мирныя [5]), съ послѣдними даже заключенъ былъ родственный союзъ. Восточная Галиція, слѣдовательно, принадлежала русскимъ князьямъ отъ 981 года; здѣсь Русскіе владѣли землями на западъ отъ Буга, сосѣдя сначала съ Чехами, а потомъ съ 999 г. съ Поляками, отнявшими эти земли у Чеховъ [6]).

999 г. Въ 999 г. малая Польша дѣлается театромъ военныхъ дѣйствій, въ слѣдствіе которыхъ подпадаетъ власти Поляковъ; лѣтописное извѣстіе объ этомъ чрезвычайно сухо; «князь польскій Болеславъ, котораго не было коварнѣе на землѣ.., посредствомъ хитрости овладѣлъ городомъ Краковомъ, перебивъ всѣхъ Чеховъ, въ немъ находившихся» [7]). Завоеваніемъ краковской области Болеславъ показалъ первый опытъ военнаго искусства, поражавшаго современниковъ быстротою и неожиданностію движеній; Болеславъ отличался еще умѣньемъ нанести ударъ тогда, когда противникъ всего менѣе могъ отразить его. Въ самомъ дѣлѣ, тогдашнее положеніе Чехіи было безотрадно,

---

[1]) Geschichte Polens I, s. 143, Anmerk. 8.

[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи. Т. I, стр. 196—7.

[3]) Война была изъ-за червенскихъ городовъ. Полн. Собр. Р. Л. т. I, стр. 52; Annal. Hildesh. a 992. Болеславъ не могъ явиться лично къ Оттону «*imminebat quippe illi grande contra Ruscianos bellum*». Шафарикъ, т. II, кн. I. стр. 168—170.

[4]) Въ Никоновской лѣтописи подъ 992 г. говорится о послахъ Болеслава ко Владиміру.

[5]) Полное Собраніе Р. Л. т. I, стр. 54. И бѣ жива съ князи окольними миромъ, съ Болеславомъ Лядьскымъ, и съ Стефаномъ угрьскымъ и съ Андрихомъ чешьскимъ, и бѣ миръ межю ими и любы.

[6]) Roepell, Geschichte Polens. Fünfte Beilage, ss. 651—653.

[7]) Cosmae 1. 34 sub a. 999.

она была унижена нравственно и политически. Нравственное униженіе ея усиливалось, въ глазахъ современнаго христіанскаго міра, по мѣрѣ того, какъ являлись чудесныя знаменія и распространялась слава мощей епископа Войтѣха. Послѣ того, какъ Чехи не дали у себя мѣста святому мужу, всякое несчастіе въ странѣ могло быть принято за знакъ божеской немилости къ отступническому народу. Нѣмецкій императоръ въ слѣдующемъ же году оказываетъ Польшѣ знаки вниманія и уваженія, основаніе которыхъ можно искать и въ чувствѣ непріязни его къ Чехамъ. Политическое униженіе Чехіи состояло въ томъ, что верховная власть находилась въ рукахъ человѣка весьма ограниченнаго. Болеславъ III, по прозванью Рыжій, не далъ никакой помощи краковскому военному отряду, съ храбростію отстаивавшему порученный его защитѣ городъ [1]). Въ то время, какъ его странѣ грозила весьма большая опасность отъ Болеслава польскаго, онъ предпринималъ мѣры противъ воображаемыхъ опасностей, покушался на жизнь своихъ братьевъ и принудилъ ихъ искать защиты за границей, у герцога Генриха баварскаго [2]). Епископъ Тиддагъ нѣсколько разъ принужденъ былъ бѣжать со своей каѳедры, не имѣя силъ выносить оскорбленій отъ сумасброднаго князя [3]). Съ народомъ былъ онъ чрезвычайно жестокъ и возбудилъ его ненависть; но, желая имѣть преданную партію, сосваталъ свою дочь за одного изъ Вершовцевъ.

Такой князь управлялъ чешскимъ народомъ. Болеславъ польскій взвѣсилъ это обстоятельство и не думалъ ограничивать своихъ захватовъ Краковомъ; въ непродолжительное время онъ овладѣлъ всею хорватскою областію и Силезіей, отнялъ у Чехіи всѣ ея завоеванія, выходившія за предѣлы ея естественной территоріи, т. е. Моравію и часть земли Словаковъ, при чемъ подвинулся къ границамъ угорскимъ и долженъ былъ воевать съ Уграми. Лѣтописныя извѣстія объ войнахъ Болеслава въ 999 г. весьма сухи и отрывочны [4]); но, сопоставляя ихъ,

---

[1]) Boleslav skúpy nerodi Cechóm do Polan stravy dàti, a proto Polskû zem i vsi cest strati. Polené na Cechàch w Polstê twrzi dobychu, a coz tam Cech bylo, vsecky zbichu. Изъ хроники Далемила, приведено у Палацкаго 1. 276.

[2]) Болеславъ Рыжій отдалъ приказаніе одного брата оскопить, другого задушить въ банѣ. Thietm. V. 15; Adelboldi, Vita s. Henrici ap. Pertz VI. p. 694.

[3]) Thietm. VII. 41.

[4]) Galli Chronic. 1. 6. Numquid non ipse Moraviam et Bohemiam subiugavit, et in Praga ducalem sedem obtinuit, numquid non ipse Hungaros frequentius in certamine superavit, totamque terram eorum usque Danubium suo dominio mancipavit? Vic. Kadlubek, изд. Przezdzieckiego, cap. 47: Selenciam, Pomoraniam, Prusiam, Rusiam, Moraviam, Bohemiam sué subiciens dicioni, suis posteris reliquit vectigales, urbem Pragensem secundariam sui sedem regni constituens. Hunos seu Hungaros, Cravacios et Mardos, gentem validam, suo mancipavit imperio... Boguphal, apud Sommersb. 11. p. 25: Nam rex praefatus Boleslaus cum metas Poloniae in Kyow, quod est Russiae Metropolis et

можно вывести, что завоеванія Болеслава сдѣланы были отъ истоковъ Вислы, по ту сторону Татровъ, до Дуная. Въ Угріи въ то время былъ королемъ Стефанъ I, состоявшій въ родствѣ съ домомъ польскихъ Пястовичей [1]). Пользуясь внутренними волненіями въ Угріи, произведенными двумя партіями латинскаго и греческаго обряда, Болеславъ безъ особеннаго труда могъ отнять у Угровъ нѣкоторыя области. Въ послѣдующее время Угры жаловались на Болеслава и думали, что только опасеніе папы Сильвестра принудило его заключить мирный договоръ съ королемъ ихъ Стефаномъ.

Во время Стефана и Болеслава границы Польши шли: берегомъ Дуная, оканчиваясь у Острѣгома (т. е. тутъ занята была на время земля словенская и русская); затѣмъ къ Ягеру (Agra, Erlau), отсюда по Тиссѣ и рѣкѣ Теплѣ до крѣпости Галисъ [2]). Близь Сана или Буга шла граница Руси съ Польшею. Если свѣримъ съ картою границы пражской епископіи, то увидимъ, что провинція по рѣкѣ Вагу до Татръ включена была и до 999 г. состояла подъ пражской епископіей, а отсюда прямой выводъ, что большая часть завоеваній Болеслава сдѣлана была на счетъ Чехіи [3]).

Столько важныхъ событій принесъ для Поляковъ 999 г.; еще знаменательнѣе былъ для нихъ слѣдующій. Въ концѣ декабря 997 г. императоръ Оттонъ III предпринялъ путешествіе въ Италію, куда призвали его волненія и смуты, произведенныя главою недовольной имъ въ Римѣ партіи. Кресцентій овладѣлъ Римомъ, посадилъ на папскій престолъ своего приверженца, Іоанна XVI; но узнавъ о приближеніи Оттона, онъ заперся въ крѣпости Ангела, а возведенный имъ въ папы Іоаннъ XVI бѣжалъ изъ Рима [4]). Суровая месть ожидала виновниковъ смутъ: Іоаннъ былъ схваченъ, посаженъ на осла лицомъ на-

---

Zissova ac Dambino fluvius Hungariae. Thietm. VIII. 3. Наконецъ въ хроникѣ венгерско-польской, Bielowski, Mon. Poloniae. I., 505 такъ опредѣляются границы Польши и Венгріи: nam termini Polonorum ad litus Danubii ad civitatem Strigoniensem terminabantur. Dein in Agriensem civitatem ibant, dein in fluvium qui Tizia nominatur cedentes, regirabant iuxta fluvium, qui Cepla nuncupatur, usque ad castrum Galis, ibique inter Ungaros, Ruthenos et Polonos finem dabant.

[1]) Во первыхъ тетка Болеслава, Аделаида, была за угорскимъ Гейзою, во вторыхъ за Болеславомъ была Юдита, дочь Гейзы и Шарольты. Zeissberg, Miseco I, s. 115.

[2]) См. примѣч. 4 на предыдущей страницѣ. Lelevel, Polska, II, стр. 151, прибавляетъ къ объясненію хроники венгерско-польской: отъ Тиссы и Токая вверхъ, рѣкою Бодрогомъ, близь Землина и Урана, а далѣе по Теплѣ (Cepla).

[3]) Lelevel, Polska wiekȯw średnich, T. II, Zdobycze Bolesława str. 145—153. Это единственный историкъ, болѣе остановившійся на завоеваніяхъ 999 года; еще Roepell, Geschichte Polens, I. ss. 651—3.

[4]) Объ отношеніяхъ Оттона III къ папѣ Григорію V говорено на стр. 170 этой книги; Annales Quedlinb. a. 997, 998; Ann. Hildesh. a. 997, 999. Wilmans, Jahrb. II, ss. 98—102.

задъ и возимъ въ такомъ видѣ по городу, потомъ лишенъ зрѣнія и изувѣченъ; Кресцентій и его сообщники были обезглавлены.

Вскорѣ за тѣмъ прибыли въ Римъ: Гауденцій, братъ Войтѣха и пресвитеръ Венедиктъ, единственные свидѣтели его мученичества, не разлучавшіеся съ нимъ до конца его жизни. Разсказы о подвигахъ мученика, о чудесахъ надъ его гробомъ въ Гнѣзднѣ, должны были сильно подѣйствовать на воспріимчивую душу Оттона; можетъ быть, тогда же было рѣшено у него съ папой устроить архіепископію въ Гнѣзднѣ и посвятить ее имени св. Войтѣха [1]). Іоаннъ Канапарій, монахъ изъ монастыря св. Бонифація, составилъ жизнеописаніе Войтѣха, и папа придалъ ему санкцію. Нѣсколько ранѣе того князь польскій Болеславъ отправилъ въ Римъ посольство, съ просьбою прислать ему священниковъ. Св. Ромуальдъ, основатель ордена Камедуловъ, согласился выслать къ нему своихъ монаховъ, Іоанна и Венедикта. Всѣ эти лица поддерживали довольно нерѣдкія сношенія Рима со столицей польскаго князя, и могли многое разсказать въ Римѣ и о самомъ Болеславѣ, и о чудесныхъ знаменіяхъ при гробѣ св. Войтѣха. Къ этому присоединились печальныя для Оттона извѣстія о смерти близкихъ родственницъ, — тетки его Матильды и бабки Адельгейды,—которыя глубоко потрясли его воспріимчивую душу и настроили на благочестивыя мысли [2]). Подъ такими впечатлѣніями предпринялъ Оттонъ III путешествіе въ Гнѣздно на поклоненіе мощамъ св. Войтѣха [3]).

Это императорское пилигримство было обставлено чрезвычайною ро- 1000 г.
скошью; еще ни одинъ императоръ не совершилъ такого пышнаго выступленія изъ вѣчнаго города. Въ свитѣ его было много знатныхъ Римлянъ и важнѣйшіе сановники возстановленной римской имперіи, между ними патрицій Заццо и облаціонарій Ротбертъ съ кардиналами [4]). Когда въ ян-

---

[1]) Уже въ одномъ документѣ отъ 2 дек. 999 года Гауденцій отмѣчается какъ Archiepiscopus S. Adalberti;—Wilmans, Jahrbücher II, s. 113, Anmerk. 1; Giesebrecht, Geschichte I. s. 729.

[2]) Annal. Quedlinburg. a. 999. Wilmans, Jahrbücher. II. s. 106, Anmerk. 2.

[3]) Thietmar, IV. 28; Vita Bernwardi, c. 25 ap. Pertz, Scr. IV; весьма хорошее изслѣдованіе помѣстилъ Zeissberg въ Zeitschrift für die österreichische Gymnasien. Wien 1867 подъ заглавіемъ: Ueber die Zusammenkunft Kaiser Otto's III mit Herzog Boleslaw I v. Polen zu Gnezen, s. 336.

[4]) Путешествіе Оттона III въ Польшу и свиданіе его съ Болеславомъ дали богатую пищу лѣтописцамъ и возбудили много недоумѣній у позднѣйшихъ историковъ. Главный источникъ Thietmar, IV, 28; Annal. Hildesheimenses et Quedlinburgenses a. 1000 ap. Pertz Scr. III; частію M. Gallus, I. 6; Ughelli, Ital. Sacra V, 1039—1040. Разборъ источниковъ представляетъ Цейссбергъ въ указанной статьѣ; см. также Wilmans, Iahrbücher II. ss. 113—115; Stasiński, De rationibus, quae inter Poloniam et imperium Romano-Germanicum Ottonum imperatorum aetate intercedebant. Berlin 1862. Внѣшнія вліянія, которыя могли побудить Оттона къ путешествію въ Польшу, объясняются изъ того положенія, въ которомъ находилась тогдашняя Польша. Для От-

варѣ 1000 г. императоръ перешелъ черезъ Альпы, первые государственные чины Германіи встрѣчали его и присоединялись къ его свитѣ: близь Регенсбурга встрѣтилъ его архіепископъ Гебегардъ, потомъ архіепископъ дѣвинскій, Гизилеръ, въ Жичахъ торжественно принялъ его епископъ Гуго, передъ Мишною епископъ Эйдо и маркграфъ Эккардъ. Тамъ, гдѣ кончается страна Мильчанъ и начинается жупа дѣдошская, въ мѣстечкѣ Ильва, неподалеку отъ Глогова, встрѣтилъ дорогого гостя князь польскій Болеславъ. Онъ приготовилъ пышный пріемъ необычайному посѣтителю. На обширной равнинѣ разставлены были войска польскія: рыцарство и княжескія дружины. Каждый отрядъ воиновъ отличался разнообразными цвѣтами одеждъ. Тутъ нельзя было встрѣтить дешовыхъ украшеній, но собрано было все роскошное и драгоцѣнное, что только производилъ трудъ человѣка. Во время Болеслава каждый рыцарь и придворная дама носили шелковыя одежды вмѣсто шерстяныхъ или льняныхъ, и не иначе появлялись при его дворѣ, какъ въ шубѣ, покрытой шелковой матеріей и обшитой золотомъ: золото въ его время считалось, по словамъ Галла, не дороже серебра, а серебро цѣнилось не выше соломы. Продолжая путь среди разставленныхъ по дорогѣ польскихъ рыцарей, оба государя направлялись къ Гнѣздну, столицѣ Польши. Находясь близъ города, Оттонъ сошелъ съ коня, снялъ обувь и пошелъ босой; тутъ встрѣтилъ его, во главѣ духовенства, епископъ Унгеръ и сопровождалъ въ церковь; здѣсь съ горячими слезами просилъ Оттонъ у св. мученика ходатайства передъ Богомъ.

Храмъ, въ которомъ почивали мощи Войтѣха, былъ посвященъ имени Богородицы; онъ блисталъ украшеніями изъ золота и драгоцѣнныхъ камней, набранныхъ во время военныхъ походовъ. Главный алтарь въ этомъ храмѣ заложилъ своими руками императоръ Оттонъ въ честь и славу мученика [1]); рядомъ съ этимъ алтаремъ можно было видѣть богатыя приношенія Болеслава: огромное изображеніе Спасителя на крестѣ, все вылитое изъ золота, въ три раза превосходившее вѣсъ «высокаго и тяжелаго Болеслава», который, по словамъ продолжателя Косьмы, вѣсомъ своего тѣла отмѣрилъ количество золота, употребленнаго на это изображеніе, дальше—огромная плита въ пять локтей длины и десять пядей ширины, роскошно убранная драгоцѣнными камнями, съ надписью: триста фунтовъ золота пошло на это дѣло.

Увидѣвъ эту роскошь, пораженный богатствомъ Болеслава, императоръ воскликнулъ: «Клянусь моею короною, много я слышалъ, но теперь увидѣлъ гораздо больше! Неприлично называть такого человѣка княземъ или герцогомъ, но должно возвести его на королевскій тронъ

тона важно было расположить въ свою пользу польскаго князя, оказавъ ему чрезвычайный знакъ вниманія, и тѣмъ обезпечить съ его стороны спокойствіе Германіи.

[1]) Cosmae Continuator ad a. 1260, a. 1039. Описаніе несовременно событію.

и вѣнчать королевскою короною». И, снявъ съ своей головы корону, Оттонъ возложилъ ее на Болеслава, въ ознаменованіе союза дружбы. Въ торжественнѣйшее доказательство своей пріязни, подарилъ ему гвоздь изъ креста Господня и копье св. Маврикія, — за что Болеславъ отдарилъ его рукою мощей св. Войтѣха. «И такою любовію и расположеніемъ соединены они были въ этотъ день, что императоръ назвалъ Болеслава братомъ и соправителемъ имперіи, другомъ и союзникомъ римскаго народа.» Пребываніе Оттона въ Гнѣзднѣ весьма важно было для церковнаго устройства Польши. Мы знаемъ, что устройство епископскихъ каѳедръ вообще сопряжено было со многими затрудненіями; почти непреодолимыя препятствія должно было встрѣтить выдѣленіе цѣлой страны изъ церковной зависимости отъ нѣмецкихъ епископовъ, потому что при этомъ наносился ущербъ выгодамъ не одного епископа, но и высшихъ духовныхъ сановниковъ, архіепископовъ и митрополитовъ. Не спрашивая согласія у того лица, которому была подчинена Польша въ церковномъ отношеніи, Оттонъ основалъ въ Гнѣзднѣ архіепископскую каѳедру, поручивъ ее брату св. Войтѣха, Радиму (или Гауденцію). Гнѣздненскому архіепископу подчинены были три епископскія каѳедры, основанныя въ странахъ, завоеванныхъ Болеславомъ и находившихся до этого времени въ діоцезѣ епископа пражскаго; сюда относились епископіи: колобрежская, краковская и вратиславская [1]). При этомъ Оттонъ передалъ Болеславу право императорской власти—устроять новыя епископскія каѳедры, какъ въ завоеванныхъ его оружіемъ языческихъ странахъ, такъ и въ тѣхъ, которыя имѣютъ быть завоеванными. Папа Сильвестръ II вполнѣ сочувствовалъ идеальнымъ планамъ императора, поддерживалъ въ немъ идею возстановленія римской имперіи и одобрилъ его церковныя распоряженія относительно Польши [2]).

По-царски праздновалъ Болеславъ торжественное признаніе политической и церковной независимости Польши. Въ продолженіе трехъ дней давалъ онъ пиры въ честь императора, при чемъ каждый день перемѣнялись сосуды и весь столовый приборъ и приготовлялись вмѣсто прежнихъ новые, болѣе цѣнные. По окончаніи праздниковъ, подчашіе и стольники собрали со всѣхъ столовъ, по приказанію его, золотые и серебрянные сосуды—деревянныхъ совсѣмъ не было,—какъ-то: чаши и бокалы, ножи и роги для питья, и все это предложили им-

---

[1]) Объ устройствѣ шести или семи епископій въ Польшѣ лучшее объясненіе дано Стасинскимъ—De rationibus, quae inter Poloniam... въ томъ смыслѣ, что Оттонъ на соборѣ устранилъ недоумѣнія четырехъ новыхъ съ тремя старыми епископіями, такъ какъ чрезъ основаніе упоминаемыхъ Титмаромъ епископій были ограничены области епархій: пражской, мишенской и познанской; см. Zeissberg, s. 318, Anmerk. 18.

[2]) Gallus, I. 6; Zeissberg, s. 336; Wilmans, Iahrbücher II, Excurs. I. s. 173.

ператору. Коморникамъ своимъ Болеславъ приказалъ собрать множество разнообразныхъ одеждъ и отправить ихъ къ императору. Кромѣ того подарилъ множество сосудовъ золотыхъ и серебрянныхъ различной работы, шелковыхъ одеждъ различныхъ цвѣтовъ, украшеній невиданнаго качества, драгоцѣнныхъ камней,—и всего этого въ такомъ огромномъ количествѣ, что императоръ не вѣрилъ глазамъ своимъ. А каждаго изъ свиты высокаго посѣтителя почтилъ такими богатыми подарками, что пріобрѣлъ въ нихъ преданныхъ себѣ друзей. Обратное путешествіе Оттона изъ Польши было не менѣе пышно: Болеславъ, съ многочисленною свитою, сопровождалъ его до Дѣвина, на прощаньи подарилъ 300 рыцарей, чѣмъ особенно угодилъ императору, замѣчаетъ Титмаръ.

Мы остановимся на гдѣзденскомъ свиданіи, чтобы разсмотрѣть его значеніе для Польши. Извѣстно, что Мечиславъ, отецъ Болеслава, обязанъ былъ къ дани въ пользу римскихъ императоровъ германской націи, съ данью соединялось обязательство или лично являться, или присылать вспомогательный отрядъ, когда имперіи угрожалъ непріятель. Въ первые годы своего правленія Болеславъ долженъ былъ выполнять эти обязательства, т. е. онъ платилъ дань и помогалъ императору въ его войнахъ. Измѣнились ли, и въ какой мѣрѣ измѣнились эти отношенія со времени гнѣздненскаго свиданія?

Всего труднѣе въ этомъ отношеніи понять то мѣсто Титмара, гдѣ онъ говоритъ, что императоръ назвалъ Болеслава *dominus*. На основаніи этихъ словъ Лелевель дѣлаетъ догадку, что польскій князь возведенъ былъ въ короли, выведенъ изъ связи съ имперіей и получилъ владѣтельныя права [1]). Но королевское достоинство, раздаваемое римскими императорами въ средніе вѣка, не выдѣляло получавшихъ его изъ связи съ имперіей, хотя и измѣняло степень зависимости [2]). Итакъ, вопросъ сводится къ тому, со времени гдѣзденскаго договора сдѣлался ли Болеславъ независимымъ отъ имперіи?

Новые изслѣдователи, не отрицая вассальной зависимости Болеслава отъ Генриха II, несогласны въ мнѣніяхъ о свойствахъ ея. Одни полагаютъ, что зависимость Болеслава была чисто личная, не простиравшаяся на всю Польшу, другіе, что она простиралась на земли лужицкія. Для насъ будетъ очевидна перемѣна въ отношеніяхъ Болеслава къ имперіи, если обратимъ вниманіе на слѣдующія обстоятельства: въ 1002 г. Болеславъ является между нѣмецкими князьями, избиравшими короля и дававшими ему присягу; порядокъ, въ которомъ перечисляются изби-

---

[1]) Lelewel, Polska wieków srednich, II. str. 59—65.

[2]) Этотъ вопросъ разработанъ у Zeissberg-a, въ упомянутой статьи, ss. 326. и squ., Стасинскаго, p. 52 и squ; Лелевеля, Polska II, стр. 30 и далѣе, Репеля, Geschichte Polens. I. s. 112—115, 655—6.

рательные чины у Титмара,—епископы, герцоги саксонскій и польскій и затѣмъ маркграфы — показываетъ, что Болеславъ разсматривается здѣсь, какъ имперскій вассалъ; Болеславъ приглашается на судъ князей имперскихъ и признаетъ свою подсудность этому суду [1]). Напротивъ отецъ его и самъ онъ, въ первые годы княженія, состоялъ подъ вѣдѣніемъ одного маркграфа и судился его личнымъ судомъ [2]); до 1000 г. Болеславъ самъ отправлялся на помощь къ императору въ войнахъ его со Славянами, послѣ приглашенъ былъ сопутствовать императору въ Римъ и не исполнилъ даннаго на это обѣщанія [3]). Изъ сопоставленія подобныхъ мѣстъ можно вывести, что Болеславъ, въ слѣдствіе гнѣздненскаго договора, освобожденъ былъ отъ дани и возведенъ въ почетнѣйшее состояніе имперскаго вассала. Копье св. Маврикія, данное Болеславу, могло быть символомъ инвеституры, которою народное герцогство возводилось въ имперское [4]). Что касается до коронованія Болеслава, то оно было чисто личнымъ дѣломъ Оттона и не имѣло за собою высшей санкціи, которой потомъ и добивался Болеславъ отъ папы, неоднократно отправляя къ нему посольства [5]).

Важнѣйшимъ слѣдствіемъ гнѣздненскаго свиданія было церковное устройство Польши. Уступивъ Болеславу исконное право римскихъ

---

[1]) Thietmar, VII. 5, 35.

[2]) Ibidem II. 9; V. 6.

[3]) Ibidem VI. 56.

[4]) Zeissberg, Zeitschrift f. die österreich. Gymn. 1867, s. 330., а особенно Stasiński, которому слѣдуетъ и Цейссбергъ. Подробно разсуждаетъ о пребываніи Оттона въ Гнѣзднѣ Chronica Polonorum (M. Gallus); сочинитель хроники, очевидно, пользовался какимъ нибудь другимъ источникомъ, дополняя и раскрашивая его сухія извѣстія классическими средствами, преимущественно заимствованными у Саллюстія. Цейссбергъ, выдѣляя риторическія прибавки изъ извѣстія М. Галла, въ первоначальномъ его источникѣ видитъ формулу возведенія въ патриціи, какъ она была составлена во время Оттона III,—Zeissberg, s. 341. Формула посвященія въ патриціи издана у Ozanam, Documents inédits, p. 177 и у Дю-Канжа въ Glossarium подъ словомъ patricius; см. объ ней Giesebrecht W., Geschichte der Deutsch. Kaiserz. I. ss. 866—8. Цейссбергъ былъ наведенъ на мысль, что гнѣздненскій актъ есть не что иное, какъ возведеніе польскаго князя въ патриціи,—обычай весьма обыкновенный при византійскомъ дворѣ тогдашняго времени; въ практикѣ византійской имперіи издавна существовалъ обычай надѣлять иноплеменныхъ князей достоинствомъ патриція, чтобы привязать ихъ къ имперіи — Zeissberg, ss. 343 — 4. Выраженіе составителя Chronicae Polonorum, *fratrem et cooperatorem imperii, populi Romani amicum et socium*, сопоставленное съ выраженіями византійскихъ писателей—*φίλος καὶ σύμμαχος Ῥωμαίων*—указываютъ на государственный союзъ, въ который вступала имперія съ варварскими народами; у Константина Порфиророднаго между титулами для чужеземныхъ князей встрѣчаются: *βουλήφορος, ἀρωγός, ἐπίκουρος, ἐπίῤῥοθος, ἀμάνθωρ*.

[5]) Lelewel, Polska II, стр. 59 — 65. Можно, впрочемъ, думать, что коронованіе было послѣ присоединено къ гнѣздненскому трактату, когда вообще дѣйствія Оттона III стали украшаться народною фантазіей. См. приписку къ Ademar-у, III, ар. Pertz, IV.

императоровъ германской націи — устроять храмы и попирать язычество,—Оттонъ открылъ ему широкую дорогу къ завоеваніямъ въ сосѣднихъ странахъ, къ подчиненію своей власти славянскихъ народовъ, не внимавшихъ нѣмецкимъ проповѣдникамъ. Получивъ право устроять новыя епископіи и назначать кандидатовъ на епископскія мѣста, Болеславъ пріобрѣлъ этимъ весьма выгодное для молодого государства преимущество. Для Польши было важно имѣть національное духовенство. Составленная изъ разрозненныхъ элементовъ: частей Чехіи и Угріи, изъ колѣнъ, еще не забывшихъ свою особность, Польша должна была стремиться къ первоначальной разрозненности. Соединеніе ея подъ одною церковною властію было прочнымъ оплотомъ и ея политическаго единства; части видѣли себя вмѣстѣ съ цѣлымъ, и насильственный захватъ Болеслава со временемъ долженъ былъ пріобрѣсть видъ законности. Національное духовенство должно было оказать болѣе сильное вліяніе на народъ, чѣмъ нѣмецкое; въ епископахъ краковскомъ, колобрежскомъ и вратиславскомъ Болеславъ долженъ былъ имѣть надежныхъ защитниковъ своей власти и единства Польши.

Гнѣздненскій архіепископъ Гауденцій, вмѣстѣ съ Войтѣхомъ искавшій спасенія въ итальянскихъ монастыряхъ, не прервывалъ сношеній съ Римомъ. Итальянскіе монахи были первыми помощниками его въ церковномъ устроеніи Польши; двое изъ учениковъ св. Ромуальда учились славянскому языку, чтобы быть способными на народномъ языкѣ проповѣдывать христіанство. Скоро стали устраиваться въ Польшѣ монастыри; такъ упоминается аббатство Межирѣчье, бенедиктинскій монастырь въ Тинцѣ, также монастыри: сесиковскій и на Лысой горѣ, населенные итальянскими монахами; заселялись пустынниками лѣса и необитаемыя мѣстности [1]). Было бы излишне говорить, какъ благодѣтельно вліяли монастыри на нравственную жизнь средневѣковыхъ людей; монахи вносили въ жизнь новую идею, незнакомую язычникамъ: идею борьбы съ плотію и порабощенія тѣла духу; они возвышали прицинъ духовной силы надъ царившимъ тогда принципомъ физической силы.

Гнѣдзненскія постановленія Оттона III не могли быть благосклонно приняты въ Германіи. Современники высказывали неудовольствіе на это ненаціональное дѣло Оттона: «да проститъ Богъ императору, говоритъ Титмаръ, что онъ, сдѣлавъ вассала самостоятельнымъ, позволилъ ему возвыситься до того, что, забывъ обычаи предковъ, онъ дерзнулъ наложить иго рабства на тѣхъ, которые всегда были его господами [2])».

---

[1]) Cosmas. I. 38 a. 1004.

[2]) Thietmar, V. 6: Deus indulgeat imperatori... Вообще о дѣйствіяхъ Оттона за

5) Болеславъ стремится къ подчиненію Сербовъ лужицкихъ и Чеховъ. Первая война съ Нѣмцами, кончившаяся познанскимъ миромъ [1]). 1002—1005 гг.

Зимою 1002 года умеръ въ Италіи Оттонъ III [2]). Лишь только распространился слухъ о смерти его, въ Германіи явились три искателя императорской короны: Генрихъ баварскій, ближайшій родственникъ покойнаго императора, маркграфъ мишенскій Эккардъ, цвѣтъ нѣмецкаго дворянства и Германъ, богатый герцогъ швабскій. Генрихъ первый выступилъ со своими притязаніями. Не лишенный природныхъ дарованій, онъ получилъ благопріятное направленіе и развитіе ихъ подъ руководствомъ Вольфганга, епископа регенсбургскаго. Управляя баварскимъ герцогствомъ, Генрихъ заслужилъ расположеніе духовенства и народа. Но не личныя достоинства давали ему право на корону, а его ближайшее родство съ Оттонами; послѣ того, какъ вымерло мужеское поколѣніе Оттоновъ, онъ считалъ себя въ правѣ, какъ старшій внукъ второго сына Генриха I, по наслѣдству войти на тронъ. Ему возражали, указывая на его болѣзненные припадки, слабое тѣлосложеніе, безплодіе жены. Маркграфъ Эккардъ не опирался на права наслѣдства, но былъ знаменитъ личными заслугами. Онъ отличился въ войнахъ Оттона II съ Арабами, способствовалъ къ удержанію короны за Оттономъ III; по смерти Оттона II боролся противъ отца Генриха баварскаго, теперь выступилъ противъ сына. Получивъ въ управленіе маркграфство мишенское, онъ увеличилъ свою славу подчиненіемъ Мильчанъ. Эккардъ держалъ въ страхѣ Чеховъ, ставилъ преграды честолюбивымъ притязаніямъ Болеславовъ II и III; былъ въ 1002 г.

послѣдніе годы его жизни разсказывалось потомъ много невѣроятнаго, съ очевиднымъ нерасположеніемъ къ нему. Ademar III. 31 ap. Pertz, Scr. IV.

[1]) Главный источникъ для исторіи войнъ Болеслава съ Нѣмцами—Thietmar, начиная съ V книги, частію Annales Hildesheim. et Quedlinburg. Литературная обработка этого періода исторіи Польши и Германіи представляетъ не мало замѣчательныхъ трудовъ, славянскихъ и нѣмецкихъ. Таковы спеціальные труды: Zeissberg-a, Die Kriege Kaiser Heinrich II mit Herzog Bolesław I v. Polen, помѣщенъ въ Sitzungsberichte der Kaiserlich. Akademie der Wissensch., Wien, 1868 г.; Hirsch'a, Jahrbücher des Deutschen Reichs unter Heinrich II. Berlin, 1862; Cohn'a, Kaiser Heinrich II. Halle, 1867; Szajnoch'и, Bolesław Chrobry, we Lwowie, 1849. Общіе: Lelewel'я, Polska wieków srednich. Poznań, 1846; Roepell'я, Geschichte Polens, Hamburg, 1840; Giesebrecht'a W., Geschichte der Deutschen Kaiserzeit II; Giesebrecht'a L., Wendische Geschichten, B-de I u II, Berlin, 1843: Bogusławskiego, Rys Dziejów Serbo-Łuzyckich, Petersb. 1861; Szujskiego, Dzieje Polski, Lwów, 1862. I; Palackého, Dějiny národu Ceského. I; Moraczewskiego, Dzieje Rzeczypospolitêj Polskiej. 1843.

[2]) Thietmar, IV. 30; Annal. Quedlinburg. et Hildesheim. a. 1002.

родствѣ съ Болеславомъ польскимъ, такъ какъ его сынъ, Германъ, былъ женатъ на дочери польскаго князя. Взаимное уваженіе и личная дружба еще болѣе крѣпкими узами соединяли этихъ талантливыхъ мужей. Но весною того же года маркграфъ Эккардъ былъ убитъ, партія Генриха баварскаго взяла перевѣсъ, онъ скоро могъ получить королевскую корону.

30 апрѣля

Внутренніе раздоры въ Германіи, по поводу избранія новаго короля, были всегда полезны для Славянъ; но никто изъ славянскихъ князей не воспользовался такъ удачно этими раздорами, какъ князь Болеславъ польскій [1]). Во время борьбы партій, по смерти Оттона III, онъ рѣшился придать значеніе тому трактату, который за два года заключенъ былъ у него съ Оттономъ; — онъ воспользовался правомъ подчинять варварскія племена. Ближе всего лежали къ нему области Сербовъ лужицкихъ, которые были подчинены маркграфамъ Геро и Эккарду; смерть маркграфа мишенскаго Эккарда, дружба съ которымъ могла останавливать Болеслава отъ вторженія въ его марку, должна была способствовать къ осуществленію плановъ его относительно земель сербо-лужицкихъ [2]).

май - іюнь.

Быстрымъ движеніемъ Болеславъ занялъ марку Геро, расположенную по Лабѣ и Бобру, овладѣлъ главнымъ городомъ ея Будишиномъ, потомъ Стрелою, и началъ, черезъ своихъ пословъ, переговоры съ жителями Мишны, главнаго города другой марки, вездѣ находя себѣ приверженцевъ въ славянскомъ населеніи городовъ. Такъ какъ нѣмецкое господство равно непріятно было Сербамъ, какъ и другимъ Славянамъ, то Болеславу безъ большого труда удалось уговорить Мишенцевъ къ сдачѣ ихъ города. Однажды, когда большая часть нѣмецкаго гарнизона вышла изъ города для сбора продовольствія въ окрестностяхъ, сербскіе рыцари, которымъ была поручена охрана восточныхъ воротъ, подъ предводительствомъ Гунцеллина [3]), согласи-

---

[1]) Каждому нѣмецкому междуцарствію соотвѣтствовалъ извѣстный захватъ славянскими князьями нѣмецкихъ областей, которыя всякій разъ принужденъ былъ отнимать новоизбранный нѣмецкій король. См. объ этомъ статью Zeissberg-a Die Kriege Kaiser Heinrich II mit Hersog Bol. I v. Polen, помѣщенную въ Sitzungsberichte Der kaiserl. Akademie der Wissenschaften. Wien, 1868, philos.—histor. classe. s. 268.

[2]) Thietmar, V. 6. Jnterim Bolizlaus... de morte laetatur comitis Ekkyhardi.

[3]) Это былъ братъ маркграфа Эккарда, состоявшій въ родствѣ и съ Болеславомъ польскимъ. Гизебрехтъ Geschichte, II. s. 24, замѣчаетъ, что, быть можетъ, Цубровка до брака съ Мечиславомъ польскимъ была въ замужествѣ за отцемъ Эккарда и Гунцеллина, графомъ Гунтеромъ; тоже самое говоритъ объ этомъ родствѣ и Лелевель, Polska, T. II, str. 155, прим. 44. По смерти Эккарда, при неустройствахъ въ Германіи, Гунцеллинъ, весьма естественно, желалъ оставить за собою маркграфское достоинство; но изъ разсказа Титмара, V. 6, можно видѣть, что кто-то другой, а не Гунцеллинъ, завѣдывалъ дѣлами марки. Zeissberg, Die Kriege... s. 271, Anmerk. 2.

лись дѣйствовать согласно желанію Болеслава. Они собрались, вооруженные, передъ домомъ бургграфа Озера, стали бросать камнями въ окна и съ крикомъ требовали выдачи его. Титмаръ, начальникъ нѣмецкаго гарнизона, старался успокоить волненіе и выговорилъ своему отряду право на свободный выходъ изъ Мишны. Тогда Мишенцы впустили въ городъ Болеслава и признали его своимъ повелителемъ. Весьма вѣроятно, что начальникомъ Мишны тогда же, именемъ Болеслава, сдѣланъ былъ Гунцеллинъ. Легкая удача подъ Мишной повела Болеслава далѣе: онъ занялъ всю окрестную страну до Эльстры, впадающей въ Салу, и въ разныхъ мѣстахъ поставилъ военные отряды. Когда саксонское войско хотѣло остановить дальнѣйшее движеніе польскаго князя, онъ послалъ на встрѣчу ему объясненіе, что напрасно графы безпокоятся, что походъ предпринятъ имъ по желанію Генриха баварскаго, что съ жителями онъ поступаетъ по всей справедливости, что когда будетъ выбранъ въ короли Генрихъ, онъ во всемъ согласится съ волей его. Повѣривъ его словамъ, Нѣмцы явились къ нему, какъ къ господину и, по словамъ Титмара, унизили прирожденное достоинство своею рабскою покорностію [1]). Такимъ образомъ весною 1002 г. Болеславъ овладѣлъ марками восточною и мишенскою. Въ іюнѣ 1002 г. Генрихъ баварскій былъ из- іюнь.
бранъ въ короли и коронованъ архіепископомъ Виллигизомъ. Новый король въ Межиборѣ принималъ присягу отъ Саксовъ, съ имперскими князьями сюда прибылъ и Болеславъ польскій. Обязанный короной не только своимъ прямымъ правамъ, но частію уступкамъ и обѣщаніямъ, Генрихъ ласково принялъ Болеслава. Когда зашла рѣчь о взаимныхъ границахъ и недавнихъ завоеваніяхъ, то Болеславъ, при всѣхъ усиліяхъ, «достигъ только того, что за нимъ остались Лужицы и Мильчане, Мишна поручена была брату его Гунцеллину [2])». Въ Межиборѣ Болеславу удалось склонить на свою сторону нѣкоторыхъ знатныхъ людей, недовольныхъ новымъ королемъ, главнѣйшіе между ними были: Генрихъ, графъ Нордгау, желавшій получить себѣ баварское герцогство, и Германъ, сынъ Эккарда, женившійся потомъ

---

[1]) Thietm. V. 6. Весьма вѣроятно, что нѣмецкіе графы дали Болеславу присягу въ вассальной вѣрности. Ziessberg, Die Kriege... s. 273, Anm. 2.

[2]) Thietmar, V. 10. По объясненію Hirsch'a, Jahrb. I, s. 224, Мильчане занимали верхнія Лужицы. Лютичи западную часть нижнихъ Лужицъ, отъ черной Эльстры. Слова Титмара redditis *sibi* Liudici et Miltizieni regionibus трудны для объясненія. При дословномъ переводѣ, *sibi* можно относить къ Болеславу, и тогда упомянутыя страны были бы уступлены Генрихомъ польскому князю; но есть грамота Генриха II отъ 8 авг. 1004 г., изъ которой видно, что на эти земли простиралась тогда власть императора. Neumann, N. Lausitz. Magaz. 33 B-d., относитъ *sibi* къ Генриху; по этому объясненію Болеславъ отказался въ 1002 г. отъ всѣхъ своихъ завоеваній во время междуцарствія. См. Zeissberg, Die Kriege... s. 275.

на дочери Болеслава. Когда Болеславъ возвращался отъ короля, вдругъ бросился на него отрядъ вооруженныхъ людей. Графъ Генрихъ успѣлъ спасти его, указавъ на одни ворота, въ которые онъ могъ выйти не замѣченнымъ; польскіе рыцари, бывшіе въ свитѣ Болеслава, разбѣжались по королевскому замку, но были выгнаны оттуда. Очень можетъ быть, что это была стычка между Межиборцами и польскими рыцарями, въ которой не принимало никакого участія правительство: но Болеславъ видѣлъ въ этомъ обстоятельствѣ покушеніе Генриха на жизнь его. Съ крайнимъ неудовольствіемъ выѣхалъ онъ изъ Межибора, обѣщая графу Генриху помощь, если онъ рѣшится поднять бунтъ противъ короля; на обратномъ пути напалъ на Стрелу на Лабѣ, сожегъ этотъ городъ и забралъ военноплѣнными множество окрестныхъ жителей. И, какъ видно, рѣшившись начать упорную войну съ Нѣмцами, разослалъ въ разныя мѣста агентовъ, чтобы они раздували неудовольствія противъ нѣмецкаго господства въ славянскихъ земляхъ и ослабляли въ нихъ нѣмецкую партію. Король, занятый другими дѣлами, просилъ саксонскихъ графовъ, чтобы они развѣдывали о козняхъ «Славянина», и, если можно, перехватывали его агентовъ [1]. У него еще много было заботъ въ этомъ году: нужно было усмирить непокорнаго графа Германа, претендовавшаго на королевскую корону, нужно было, по обычаю королей нѣмецкихъ, принять присягу отъ всѣхъ германскихъ народовъ и для этого путешествовать по странѣ. Противъ польскаго князя онъ не могъ принять мѣръ до самаго 1004 г.

Между тѣмъ Болеславъ, пользуясь неурядицами въ Германіи и ожидая открытаго возстанія противъ новаго короля, обратилъ вниманіе на Чехію, которая съ 999 г. представляла изъ себя беззащитную жертву тиранніи и легкую добычу для сосѣдей. Князь Болеславъ Рыжій, какъ вредоносный василискъ, по выраженію лѣтописца, мучилъ народъ. Въ Чехіи нашлись люди, которые вошли въ сношенія съ польскимъ княземъ и приглашали къ себѣ въ князья брата его, Владивоя, который, по Дубровкѣ, приходился двоюроднымъ братомъ Болеславу Рыжему. Не имѣя въ Польшѣ никакой власти, Владивой съ готовностію принялъ предложеніе Чеховъ. Тогда въ Прагѣ подняли открытое возстаніе, прогнали съ престола Болеслава и возвели Владивоя (1002 г.). Владивой чувствовалъ непрочность своего положенія
1002 г.
на чешскомъ престолѣ, такъ какъ братья Болеслава Рыжаго, Яроміръ и Ольдрихъ, жившіе въ то время въ Германіи, болѣе имѣли правъ на престолъ, чѣмъ онъ. Чтобы имѣть себѣ поддержку, онъ старался, во что бы то ни стало, добиться расположенія нѣмецкаго короля, Ген-

---

[1]) Thietm. V. 10; Moraczewski, str. 19.

риха II. Съ этою цѣлію отправился въ Регенсбургъ, вступилъ въ вассальныя отношенія къ королю и получилъ отъ него въ ленъ ту страну, которая была ввѣрена ему чешскимъ народомъ [1]). Владивой былъ нисколько не лучше своего предшественника: постоянное употребленіе спиртныхъ напитковъ дѣлало его неспособнымъ къ дѣламъ, изъ-за личнаго спокойствія онъ пожертвовалъ національною честію. Къ счастію онъ скоро умеръ; Чехи пригласили изъ Германіи Ольдриха и Яроміра и передали имъ власть.

Въ это время Болеславъ Рыжій, не теряя надежды на чешскій престолъ, искалъ себѣ союзниковъ между сосѣдними государями. Почти черезъ всю исторію можно подмѣтить тотъ фактъ, что, во время усобицъ въ славянскихъ княжескихъ домахъ, обиженные члены находятъ себѣ пріютъ и защиту у Нѣмцевъ, съ ихъ помощію вооружаются противъ своего рода и съ чужимъ войскомъ ищутъ на родинѣ потерянныхъ правъ. Болеславъ убѣжалъ къ маркграфу Генриху, союзнику и другу Болеслава польскаго, которымъ и былъ задержанъ нѣкоторое время въ качествѣ плѣнника. Весьма вѣроятно, что маркграфъ Генрихъ освободилъ его послѣ предварительныхъ сношеній съ польскимъ княземъ, потому что съ этого времени Болеславъ принялъ весьма дѣятельное участіе въ судьбѣ Болеслава Рыжаго. Не безъ причины современники [2]) осуждали Болеслава польскаго, что онъ умышленно принялъ сторону изгнаннаго за жестокость чешскаго князя. Дѣйствительно, онъ имѣлъ намѣреніе, съ помощію Болеслава Рыжаго, вмѣшаться къ чешскія дѣла. Съ этою цѣлію, узнавъ о смерти Владивоя, поспѣшно собралъ онъ сильное войско, вторгся съ Болеславомъ III въ Чехію и, выгнавши изъ Праги еще недавно прибывшихъ сюда Яроміра и Ольдриха, снова возвелъ на княжество Болеслава Рыжаго. Ольдрихъ и Яроміръ принуждены были опять искать убѣжища у Генриха II. «Между обоими Болеславами завязалась неискренняя пріязнь, началась коварная общительность. Они давали другъ другу роскошные пиры, устраивали шумные праздники [3])», а Болеславъ польскій въ тоже время подкупомъ и обѣщаніями составлялъ себѣ сильную партію въ

---

[1]) Thietm. V. 15; Dobner, Annal. ad Hagek, IV p. 484, 505, замѣчаетъ по этому случаю: Владивой своимъ вассальнымъ подчиненіемъ Генриху II не только всѣмъ нашимъ, которые или стремились ко власти, или не довольно утвердились на престолѣ, подалъ примѣръ, но и послѣдующимъ королямъ и императорамъ германскимъ далъ поводъ считать своимъ правомъ и съ оружіемъ требовать отъ князей нашихъ той же вассальной вѣрности и покорности, какую выразилъ передъ нимъ Владивой. Palacky, Dějiny I. str. 280, прим. 270. Это было бы вѣрно, если бы было справедливо, что Чехія ранѣе того не была въ податномъ положеніи; Zeissberg, Die Kriege, s. 281, Anm. 1.

[2]) Титмаръ V. 18.

[3]) Adelboldi, Vita s. Henrici.

Прагѣ. Онъ давалъ видъ, что заботится о добромъ согласіи между Чехами и ихъ княземъ, взялъ съ той и другой стороны клятву, что будутъ забыты взаимныя оскорбленія, зная напередъ, что родственникъ его будетъ жестоко мстить виновникамъ своего изгнанія и надѣясь, что съ этимъ откроется для него весьма удобный случай къ господству въ Чехіи. Оставляя Чехію, Болеславъ разсадилъ часть своего войска по чешскимъ городамъ для защиты и охраны своего «сподручника [1])». Разсчеты польскаго князя оправдались вполнѣ. Болеславъ Рыжій пылалъ сильною ненавистію къ главнымъ виновникамъ его позорнаго изгнанія и выжидалъ только случая жестоко отомстить имъ. Въ мясопустъ 1003 г., когда жители Праги предавались обычнымъ въ ту пору увеселеніямъ, Болеславъ позвалъ къ себѣ на угощеніе почетнѣйшихъ изъ гражданъ и коварно умертвилъ ихъ. Чехи испуганы были этимъ новымъ проявленіемъ жестокости въ князѣ: для нихъ стало ясно, что подъ такимъ правителемъ не безопасна жизнь каждаго гражданина. Но они до того ослабѣли нравственно, что не рѣшились подняться и выгнать жестокаго князя, а обратились къ Болеславу польскому съ просьбою освободить ихъ отъ суроваго властителя. Болеславъ предвидѣлъ, а можетъ быть и приготовилъ такой исходъ дѣлъ; не высказывая никакихъ неудовольствій противъ чешскаго родственника, онъ пригласилъ его для переговоровъ въ одинъ пограничный городъ, и тамъ приказалъ ослѣпить его. Послѣ того Болеславъ Рыжій отправленъ былъ въ одну польскую крѣпость, гдѣ и содержался до самой смерти.

1003 г.

Теперь Болеславъ поспѣшно направился къ Прагѣ и весьма легко достигъ того, чего домогался прежде подкупомъ и заманчивыми обѣщаніями. Чехи съ радостію его встрѣтили, отворили передъ нимъ городскія ворота и провозгласили своимъ княземъ. Дѣло было зимой, 1003 г. «Прекрасная страна чешская стала провинціей княжества польскаго, веселая Прага столицей Болеслава [2])». Титмаръ замѣчаетъ: «увеличилось его политическое могущество, еще выше поднялась его необузданная гордость».

Король нѣмецкій, узнавъ о событіяхъ въ Чехіи, послалъ къ Болеславу пословъ съ предложеніемъ, что если онъ захочетъ вступить въ вассальныя отношенія къ нѣмецкому королю, то можетъ спокойно владѣть захваченною страною, что въ противномъ случаѣ неминуема война. Но Болеславъ былъ далекъ отъ мысли унизиться передъ Нѣмцами, онъ высокомѣрно отнесся къ королевскимъ посламъ и началъ готовиться къ оборонѣ. Онъ уже давно началъ волновать нѣмецкихъ

---

[1]) ....In Praga ducalem sedem obtinuit, suisque eam suffraganeis deputavit. Galli 1. 6.

[2]) Adelboldi, Vita s. Henrici p. 694. Tandem Bolislavus Meseconis filius jucunditatem Pragae et amoenitatem Boemiae promissae praeponit amicitiae. Весь ходъ событія у Титмара V. 18.

графовъ, со многими изъ нихъ вошелъ въ дружбу, другихъ подкупилъ: мятежъ, готовый вспыхнуть въ Германіи, запутывалъ нѣмецкаго короля и дѣлалъ его нерѣшительнымъ. Во главѣ недовольныхъ королемъ были: Бруно, родной братъ его, въ послѣдствіи епископъ аугсбургскій, маркграфъ Генрихъ баварскій, Эрнестъ и графъ Германъ, бывшій претендентъ на королевскую корону. Генрихъ узналъ еще зимою о недовольствѣ имъ въ средѣ высшаго дворянства, но думалъ обезоружить недовольныхъ любезностію и щедрыми подарками и велъ себя такъ, какъ бы все было спокойно. Только въ августѣ началъ онъ дѣйствовать рѣшительно. Заговорщики не соединили своихъ силъ, и король въ одиночку сталъ преслѣдовать ихъ. Первымъ пострадалъ Генрихъ баварскій, владѣнія его были заняты королевскими войсками, и самъ онъ долженъ былъ спасаться бѣгствомъ; только помощь Болеслава польскаго сдѣлала его способнымъ сопротивляться королю. Оба врага сошлись подъ Амерталемъ; здѣсь снова не посчастливилось графу Генриху. Поляки, его союзники, забраны были военноплѣнными; король двинулся къ Кросно; при осадѣ этого города былъ взятъ въ плѣнъ Эрнестъ. Дѣла графа Генриха были изъ рукъ вонъ плохи, попытка вовлечь въ заговоръ графа Сифрида не привела ни къ какимъ результатамъ, и онъ нашелся вынужденнымъ, вмѣстѣ съ Бруно и другими заговорщиками, искать спасенія въ Польшѣ [1]). 8 сентября король считалъ заговоръ потушеннымъ, отобравъ въ казну и раздавъ любимцамъ помѣстья маркграфа Генриха.

Все лѣто и зиму 1003 года Болеславъ провелъ въ Чехіи и успѣшно воспользовался неурядицами Германіи. Онъ укрѣпилъ западныя границы Чехіи, тревожилъ частыми нападеніями Баварцевъ [2]) и продолжалъ усиливаться въ Лужицахъ. Извѣстно, что въ Мишнѣ, по настоянію Болеслава, оставленъ былъ бургграфомъ Гунцеллинъ, союзникъ и родственникъ польскаго княжескаго дома. Къ нему обратился Болеславъ черезъ своихъ пословъ, напоминалъ о прежнихъ обязательствахъ и просилъ сдать городъ. Но Гунцеллинъ отвѣчалъ: «Я все для тебя готовъ сдѣлать, но этой просьбы исполнить не могу: въ городѣ находятся королевскія войска, которыя не допустили бы меня исполнить твое желаніе; если даже разузнаютъ объ нашихъ

---

[1]) Annales Hildesh. a. 1003; Lamberti a. 1003, 1004. Заговоръ описанъ у Титмара V. 19, 20, 21.

[2]) Thietmar V. 23; въ слѣдующемъ году Бруно мирится съ братомъ, графъ Генрихъ попадаетъ въ плѣнъ, въ 1003 г. графъ Германъ ищетъ расположенія у короля и, по ходатайству королевы, оставленъ въ прежнемъ званіи. Такъ рушился этотъ заговоръ, надолго отвлекшій короля Генриха отъ непосредственнаго наблюденія надъ дѣйствіями Болеслава польскаго. См. Annal. Hildesheimens. a. 1003, 1004, Lamberti a. 1003, Annal. Quedlinburg. a. 1002 и Thietmar VI. 2.

сношеніяхъ, моя жизнь подвергнется опасности». Получивъ такой отвѣтъ, Болеславъ удержалъ подъ стражею Гунцеллиновыхъ пословъ и поспѣшилъ къ Лабѣ. Отыскавъ въ рѣкѣ бродъ, надъ утромъ переправилъ черезъ нее войска и потянулся по берегу. Предупредилъ жителей Стрелы, чтобы они нисколько не безпокоились и не разглашали о наѣздѣ Поляковъ. Весь успѣхъ дѣла былъ разсчитанъ на быстроту и неожиданность, для этого войско раздѣлено было на четыре отряда и каждый отрядъ получилъ приказаніе, пограбивъ окрестности, собраться близь Цирина. Небольшая часть войска назначена была для наблюденій, чтобы мѣстный маркграфъ не сдѣлалъ нечаяннаго нападенія. Слѣдствіемъ быстраго и неожиданнаго наѣзда было то, что весь прекрасный гломачскій край [1]) въ одинъ день былъ опустошенъ огнемъ и мечемъ, и все его населеніе забрано въ плѣнъ. Послѣ того, какъ всѣ отряды собрались въ назначенное мѣсто, съ восходомъ солнца отправлена была впередъ добыча; но при переправѣ черезъ Лабу потеряно было много народу. Говорятъ, что при этомъ взято въ плѣнъ до 3000 человѣкъ, очевидцы же увѣряютъ, что гораздо болѣе [2]).

Королю Генриху II въ началѣ зимы 1003 г. представлялась возможность выступить войною противъ безпокойнаго сосѣда, такъ какъ внутреннія волненія внутри Германіи были прекращены имъ, и Болеславъ оставался только при собственныхъ средствахъ обороны. Поэтому въ зиму объявленъ былъ походъ въ землю Мильчанъ, недавно захваченную польскимъ княземъ [3]). Но Болеславъ хорошо зналъ о намѣреніяхъ короля, былъ готовъ встрѣтить его съ вооруженною силою, и сдѣлалъ такъ, что походъ не удался; нѣмецкія войска разграбили нѣсколько селеній въ мильчанской области, но побоялись двигаться дальше, по направленію къ Польшѣ или Чехіи. «Если бы не помѣшалъ весьма глубоко выпавшій снѣгъ, то во всей этой странѣ не осталось бы ни одной живой души», говоритъ современный нѣмецкій патріотъ.

1004 г. Предыдущій походъ показалъ, что обыкновеннымъ путемъ нельзя бороться съ Болеславомъ: до него скоро доходили свѣдѣнія о намѣреніяхъ короля, ему всегда оставалась возможность стянуть своихъ рыцарей къ опасному мѣсту. Нѣмцамъ оставались непрямыя средства и интриги; тѣ и другія они выставляютъ противъ Болеслава въ слѣдующемъ, 1004 году. Нужно полагать, что не всѣ жители Праги могли

---

[1]) Lomatsch на лѣвомъ берегу Лабы, по берегамъ притоковъ ея, Дольница и Яна; Zeissberg, Die Kriege... s. 289, Anmerk. 3.

[2]) Thietm. V. II.

[3]) Ibidem V. 22. Ibidem V. 23, Annal. Quedlinburg. a. 1003.

относиться снисходительно къ современному порядку вещей; Болеславъ былъ все-таки узурпаторъ, получившій власть при помощи партіи, при чемъ обойдены были, даже изгнаны изъ отечества, національные князья, принужденные искать пріюта въ Германіи; безъ сомнѣнія и у нихъ была своя партія, которая должна была желать возстановленія національныхъ князей, и съ этою цѣлію сноситься съ Яроміромъ и Ольдрихомъ. Нѣмецкое правительство, весьма нерѣдко пользовавшееся для своихъ выгодъ несогласіями въ княжескихъ родахъ, какъ у Чеховъ, такъ и у другихъ славянскихъ народовъ, должно было и въ настоящемъ случаѣ обратить вниманіе на состояніе партій въ Прагѣ. Хотя и не говорятъ источники о дурномъ обращеніи Болеслава съ Чехами, но уже одно то, что онъ принадлежалъ къ другому народу, что въ его дворѣ должны были находиться Поляки и что онъ намѣревался сдѣлать Прагу своей постоянной столицей — уже эти обстоятельства должны были вооружить противъ него чешскую шляхту и возбудить въ народѣ неудовольствіе къ Полякамъ [1]). Только этимъ объясняются успѣшныя дѣйствія Генриха противъ Болеслава въ 1004 г.

Въ половинѣ августа король Генрихъ отдалъ приказаніе готовиться къ походу. Сборнымъ мѣстомъ назначенъ былъ Межиборъ, цѣлію похода—Польша. Но король употребилъ хитрость, объявивъ напередъ походъ на Польшу; когда собрались войска, и множество судовъ, нагруженныхъ съѣстными запасами, появилось на Лабѣ, — неожиданно отдано было приказаніе идти въ Чехію. Не предполагая въ Генрихѣ умышленнаго обмана, Болеславъ слѣдилъ за сборомъ нѣмецкаго войска изъ Лужицъ; но замѣтивъ хитрость, «подобно льву рыкающему», бросился на защиту Чехіи. Чтобы нѣсколько замедлить движеніе непріятелей, онъ разставилъ стрѣлковъ по горѣ, отдѣляющей Чехію отъ Лужицъ, гдѣ должны были проходить Нѣмцы, а самъ усиленными переходами направился къ Прагѣ. Но Генрихъ проложилъ себѣ путь черезъ Рудныя горы [2]) и вступилъ въ Чехію. Впрочемъ, онъ не спѣшилъ къ Прагѣ, взялъ одну крѣпость и, не удаляясь отъ восточныхъ границъ Чехіи, остановился подъ Жатцемъ. Затѣмъ, веденіе дѣла онъ поручилъ Ольдриху и его партіи, и дальнѣйшій успѣхъ похода основывался на народной привязанности къ Ольдриху. Эта-то медлительность короля Генриха и дала Болеславу поводъ посмѣяться надъ Нѣмцами, когда предупреждали его о приближеніи непріятеля: «Если бы они двигались со скоростію лягушки, сказалъ онъ, то и тогда пора бы ужь имъ быть здѣсь!» Но Болеславу грозила опасность не съ этой стороны [3]).

---

[1]) Сохранилось извѣстіе, что въ Жатцѣ избитъ былъ отрядъ Поляковъ,—знакъ, что на нихъ смотрѣли не какъ на друзей. Thietmar, VI. 8.

[2]) Miriquidui, Thietm VI. 8. Zeissberg, Die Kriege., s. 295. Anmerk. I.

[3]) Описаніе этого похода у Титмара (VI. 8) довольно не ясно. По его словамъ

Князь Ольдрихъ [1]), можетъ быть, во главѣ баварскаго войска, ожидаемаго королемъ, а можетъ быть съ саксонскимъ отрядомъ занимаетъ крѣпость Древичъ, входитъ отсюда въ сношенія со своей партіей въ Прагѣ и Вышгородѣ; послѣдній городъ, по словамъ Косьмы, во все время господства Поляковъ не сдавался Болеславу. Въ слѣдствіе преимущественнаго расположенія въ народѣ чешскомъ къ національному государю, произошло очищеніе Праги отъ Поляковъ и бѣгство Болеслава польскаго въ сентябрѣ 1004 года.

О занятіи Праги княземъ Ольдрихомъ мы имѣемъ три туземныя свидѣтельства: въ хроникѣ Косьмы, въ хроникѣ Далемила, въ пѣснѣ Краледворской рукописи: Oldrih a Boleslaw и одно свидѣтельство иностранца Титмара [2]). Всѣ указанныя свидѣтельства согласны въ томъ, что Прага была взята въ слѣдствіе неожиданнаго нападенія на сидѣвшихъ въ ней Поляковъ. Титмаръ и Косьма говорятъ, что въ Прагѣ же былъ тогда и Болеславъ. Въ то время городъ былъ окруженъ лѣсами; Ольдрихъ, съ немногими приверженцами, незамѣченный пробрался до самаго города и остановился въ Страховѣ. При городскихъ воротахъ была поставлена польская стража, Ольдриху нужно было хитростію пробраться въ городъ. Ему помогъ пастухъ, который каждое утро выгонялъ стадо на пастбище, для чего отворялись город-

---

одинъ и тотъ же отрядъ войска дѣйствовалъ и противъ Болеслава, in silva quae Miriquidui dicitur, и потомъ въ собственной Чехіи, въ Жатецкѣ, притомъ близъ Жатецка Генрихъ выжидаетъ Баварцевъ. Во 1-хъ не всѣ, значитъ, войска явились къ Межибору, Баварцамъ и Франкамъ, можетъ быть, поручено было прямо вторгнуться въ Чехію; во 2-хъ, трудно допустить, чтобы Болеславъ былъ такъ недѣятеленъ въ это время и такъ легко относился къ дѣлу, какъ рисуетъ это Титмаръ: ему говорятъ, что близко непріятель, а онъ самонадѣянно отвѣчаетъ: si reperent ut ranae, iam possent huc advenisse; въ 3-хъ, дѣло легко объяснится, если примемъ, что въ одно и тоже время Нѣмцы дѣйствовали съ разныхъ сторонъ, фальшивыми движеніями развлекая вниманіе Болеслава, такъ-что, когда онъ ждалъ непріятеля въ одномъ мѣстѣ, этомъ неожиданно появлялся въ другомъ, и при томъ въ границахъ самой Чехіи.

[1]) Такъ у Косьмы 1. 36; Титмаръ говоритъ, что Прагу взялъ Яроміръ.

[2]) Cosmae 1. 36; свидѣтельство Далемила:

Ku knêzu sê vêrnì sebràchu	Cechové na Prahu vzbechù
Tajnê sê pred Prahu brachu,	Polané ot vseho sbêhù
A s pastuseń sê smluvichu;	Cesie stred hrada stojechu
Dobry dar jemu slubichu,	Za Polany ne bêzechu.
By Pragu chtêl proraditi.	Polené sê ne ozrechu;
Slúbi jim to uciniti	Druzi s stranê sê plazichu.
Kaza jim na Strahovê stati	Pastucha na nê volàse,
Tu svej trúby poslúchati...	Polanóm sê tisúc oróv zdàse.

Пѣсня, описывающая занятіе Праги, издана въ Vybor z literatury Ceské 1. 29—32. Прекрасное изданіе Некрасова, Краледворская рукопись, стр. 26—31, 338—340. Thietmar VI. 9.

скія ворота. Разъ, подговоренный партіей Ольдриха, пастухъ затрубилъ въ рогъ въ то время, когда ему были открыты ворота; Ольдрихъ врывается въ городъ и, соединившись съ Чехами, нападаетъ на Поляковъ [1]).

Болеславъ скоро узналъ объ угрожавшей ему опасности и принялъ мѣры къ поспѣшному отступленію. Когда въ Вышгородѣ ударили въ набатъ, призывая горожанъ къ оружію и нападенію на Поляковъ, Болеславъ уже высылалъ своихъ рыцарей, отрядъ-за отрядомъ, въ заднія замковыя ворота [2]). Самъ Болеславъ выступилъ съ передовымъ отрядомъ и поспѣшно направился въ Польшу, между тѣмъ какъ отступленіе прикрывалъ вѣрный вассалъ его, Собеборъ, братъ св. Войтѣха. Собебору, вѣроятно, не удалось пробраться къ замковымъ воротамъ, и онъ палъ близь моста черезъ Волтаву, безсильный противустоять всему населенію. На слѣдующій день Яроміръ объявилъ всеобщій миръ, забвеніе старыхъ обидъ и возстановленіе прежняго порядка. Его приняли съ большою радостію, возвели на княжескій столъ и почтили тѣми дарами, «которые каждый въ эту ночь отнялъ у непріятеля». Скоро прибылъ въ Прагу и Генрихъ II, его встрѣтилъ самъ князь и епископъ Тиддагъ, во главѣ духовенства и народа; онъ призналъ Яроміра въ княжескомъ достоинствѣ. «По всему небу свѣтитъ одно солнце, надо всею землею опять княжитъ Яроміръ; разнеслась радость по всей Прагѣ, перенеслась она и въ окрестности ея; отъ веселой Праги разлеталась радость по всей землѣ», говоритъ народная пѣсня.

Потерявъ Прагу, Болеславъ не считалъ еще потеряннымъ свое дѣло въ Чехіи: во многихъ городахъ, особенно пограничныхъ, разсажены были польскіе военные отряды, слѣдовательно и теперь еще пограничныя чешскія крѣпости находились въ его рукахъ. Моравія осталась подъ его властію, какъ то видно изъ неоднократнаго упоминанія въ слѣдующее время о моравскихъ рыцаряхъ Болеслава [3]). Вообще польскій князь не опускалъ изъ виду, что сдачей Праги не можетъ кончиться дѣло съ Нѣмцами. Въ октябрѣ того же года съ саксонскимъ и чешскимъ войскомъ Генрихъ перешагнулъ границы Чехіи и возобновилъ неудавшійся прошлогодній походъ въ землю Мильчанъ. Но «чрезвычайно утомительная дорога» не позволила ему идти дальше Будишина, который былъ охраняемъ Поляками. Приступивъ къ осадѣ города, король встрѣтилъ сильное сопротивленіе въ польскомъ отрядѣ

---

[1]) Сравнительное достоинство указанныхъ свидѣтельствъ въ примѣненіи къ старому устройству Праги и по мѣстнымъ именамъ, упоминаемымъ въ свидѣтельствахъ, разобрано профессор. Томкомъ въ его статьѣ: Prêbêh o dobyti Praby od knézete Oldricha, помѣщенной въ Casop. Ceského Mus. за 1849 г., svaz. druhy, стр. 21—44.

[2]) Какъ догадывается проф. Томекъ, Casop. 1849, svez. druhy, str. 21—44.

[3]) Thietm. VII. 42, 44.

и, при одномъ приступѣ, самъ едва не былъ убитъ стрѣлою. Когда всѣ попытки взять городъ приступомъ оказались тщетными, стали дѣлать приготовленія зажечь стѣны, но этому воспрепятствовалъ Гунцеллинъ, союзникъ Болеславовъ. Осада Будишина могла бы затянуться весьма на долгое время [1]), если бы Болеславъ, слѣдившій за дѣйствіями Нѣмцевъ, своимъ вмѣшательствомъ не ускорилъ развязки: онъ отдалъ приказаніе сдать Будишинъ, подъ условіемъ свободнаго выхода Поляковъ. Тогда Генрихъ занялъ городъ и посадилъ въ немъ свой отрядъ. Войско, утомленное походами и голодомъ, нуждалось въ отдыхѣ, и дальнѣйшій походъ въ глубь Польши отложенъ былъ до слѣдующаго года; мѣстные графы должны были оберегать границу и готовиться къ новой войнѣ [2]).

1005 г. Въ августѣ 1005 года собрались нѣмецкія войска близъ Дѣвина; Болеславъ польскій, оставивъ незащищенною страну между Одрою и Бобромъ, укрѣпился въ Кросно, на Одрѣ, на границахъ Польши. Нѣмецкимъ и чешскимъ войскомъ предводительствовалъ король Генрихъ, онъ ожидалъ еще вспомогательнаго отряда отъ язычниковъ Лютичей. Генрихъ шелъ правымъ берегомъ Лабы въ Лужицы, и миновалъ Добролугъ; здѣсь проводники, подкупленные Поляками, долго водили нѣмецкія войска по трясинамъ и болотамъ Спревы и по пустыннымъ мѣстамъ, гдѣ нельзя было найти съѣстныхъ припасовъ. Въ то же время польскіе стрѣлки неожиданно появлялись передъ непріятелемъ
6 сентября. и затрудняли его движенія. 6 сентября Нѣмцы расположились для отдыха въ жупѣ нишанской, на берегу Спревы; въ это время почти въ слѣдъ за ними гнавшіеся польскіе стрѣлки нанесли имъ весьма чувствительный ущербъ, неожиданно убивая знатнѣйшихъ и лучшихъ воиновъ; такъ пали здѣсь: *изящный рыцарь Тидбернъ*, Бернгардъ, Изонъ и Бенонъ со многими другими [3]). Положеніе Нѣмцевъ было весьма затруднительно, и тѣмъ отраднѣе для нихъ было прибытіе дружинъ лютичскихъ. Лютичи явились на войну подъ предводительствомъ своихъ жрецовъ, несущихъ впереди языческія изображенія ретрійской святыни [4]).

Болеславъ въ это время находился въ Кросно, не предполагая, чтобы Нѣмцы могли пробраться далѣе Одры, берега которой были имъ сильно защищены. И въ самомъ дѣлѣ, семь дней стоятъ Нѣмцы надъ Одрою, наконецъ Болеславъ получилъ извѣстіе, что передняя часть непріятельскаго войска нашла бродъ, и уже переправляется на

---

[1]) Титмаръ VI. 9.

[2]) Она описана у Титмара VI. 16, 19. 20.

[3]) Thietm. относитъ его смерть къ 6 сентября, Kalend. Merseburg. къ 7; Zeissberg, Die Kriege... s. 333, Anmerk. 7.

[4]) Религіозное и общественное средоточіе Лютичей была Ретра.

правый берегъ рѣки. Не выжидая появленія враговъ, Болеславъ поспѣшно отступилъ въ глубь страны; если бы не Лютичи, замѣчаетъ Титмаръ, которыхъ пришлось долго ждать, то первые отряды наши еще нашли бы на мѣстѣ лагерь польскій. Мѣстомъ военныхъ дѣйствій сдѣлалась Польша; Болеславъ избѣгалъ встрѣчи съ Нѣмцами, отступая передъ ними впередъ. Преслѣдуя Поляковъ, Генрихъ 22 сентября 22 сентября.
въ аббатствѣ межирѣчскомъ праздновалъ память св. Маврикія и раскинулся лагеремъ въ двухъ миляхъ отъ Познани, гдѣ заперся съ войскомъ Болеславъ. Нѣмцы начали грабить окрестности этого города, но легкіе отряды Поляковъ поражали ихъ и заставляли примыкать къ главному войску. Сильный голодъ и другія непріятности, сопряженныя съ этимъ походомъ, вынуждали Нѣмцевъ къ прекращенію дальнѣйшаго похода въ непріятельскую страну; но Болеславъ не начиналъ переговоровъ о мирѣ.

Архіепископъ дѣвинскій (магдебургскій), Тагино отправился въ Познань и заключилъ здѣсь мирный договоръ съ Болеславомъ. Объ условіяхъ этого договора не говорятъ источники, и мы можемъ сказать объ нихъ только въ общихъ чертахъ. Миръ заключается не въ нѣмецкомъ лагерѣ, а въ Познани, слѣдовательно, нуждались въ немъ больше Нѣмцы; войско нѣмецкое возвращается изъ этого похода утомленное голодомъ и несчастіями войны, оплакивая убитыхъ; король считалъ познанскій миръ невыгоднымъ и былъ недоволенъ этимъ походомъ [1]). И Болеславъ, не получивъ Лужицъ, на которыя онъ съ 1002 г. предъявлялъ свои права, не могъ на долго успокоиться [2]). Однимъ словомъ, познанскій миръ, не удовлетворивъ ни той, ни другой стороны, не могъ быть продолжительнымъ. Возвратившись изъ похода, Генрихъ произвелъ строгое слѣдствіе надъ виновниками неудачъ; онъ повѣсилъ Брунзіона, славнаго рыцаря, и двухъ славянскихъ пановъ: Бориса и Незамысла; укрѣпилъ восточныя границы возобновленіемъ Арнебурга, входилъ въ договоры со Славянами между Лабой и Одрой, чтобы привлечь ихъ на свою сторону [3]).

---

[1]) Thietm., VI. 20; Ann. Quedlinburg. a. 1005. На сколько трудно сказать, при недостаткѣ указаній источниковъ, что-нибудь положительное объ условіяхъ познанскаго мира, это показываютъ взаимно противорѣчащія сужденія изслѣдователей эпохи Болеслава. См Шайноха, Bolesław Chrobry, str. 127 и Zeissberg, Die Kriege..., s. 337, Anm. 2 и 388, Anm. 1, 2.

[2]) Lelewel, Polska II. str. 159.

[3]) Thietm., VI. 21.

6) ВОЙНЫ СЪ НѢМЦАМИ.

а) Вторая война съ Нѣмцами. Межиборскій миръ. 1007—1013 гг.

Познанскій миръ не былъ выгоденъ для Болеслава; онъ уничтожалъ почти въ самомъ зачаткѣ смѣлую мысль его—образовать изъ славянскихъ народовъ одно государство подъ главенствомъ Польши, — къ осуществленію которой онъ стремился въ продолженіе всей своей жизни. Эта мысль никогда не оставляла Болеслава; еще ни одинъ славянскій князь не сознавалъ такъ глубоко необходимости соединиться Славянамъ для успѣшнѣйшей борьбы съ Нѣмцами, ни одинъ не ставилъ такъ положительно этого вопроса, какъ король польскій, Болеславъ Храбрый. Ему приходилось встрѣчать крайнее непониманіе современными славянскими князьями этого важнаго вопроса, не разъ онъ долженъ былъ снова начинать прежде сдѣланное: но неудачи не ослабляли его крѣпкаго духа, напротивъ, заставляли прибѣгать къ новымъ политическимъ и стратегическимъ соображеніямъ. Если не удавались прямыя, открытыя средства, онъ пользовался тайными; его агенты разсыпали польское золото при дворахъ славянскихъ князей и нѣмецкаго императора, вывѣдывая политическія тайны и пріобрѣтая сторонниковъ своему королю.

1007 г. Отъ Лютичей, отъ Яроміра чешскаго и изъ города Любина [1]) являлись къ королю нѣмецкому послы (1007 г.) и доносили, что Болеславъ польскій замышляетъ противъ него много нехорошаго, подкупомъ и убѣжденіями старается склонить и другихъ Славянъ къ возмущенію; вмѣстѣ съ тѣмъ предупреждали, что ему не добиться покорности отъ Славянъ, пока онъ будетъ въ мирѣ и согласіи съ польскимъ княземъ. Совсѣмъ нежелательна была для короля новая война съ Поляками, такъ какъ въ этомъ году требовали его личнаго присутствія волненія во Фландріи; но замыслы Болеслава были такъ опасны, что Генрихъ считалъ необходимостью принять противъ нихъ мѣры. Былъ посланъ въ Польшу лужицкій графъ Германъ, сынъ извѣстнаго намъ Эккарда, семейство котораго состояло въ родственныхъ связяхъ съ Болеславомъ, и самъ Германъ былъ женатъ на дочери поль-

---

[1]) Thietm., VI. 24. По поводу имени Liuilni Морачевскій, Dzieje, str. 259, примѣч. 34, замѣчаетъ, что здѣсь разумѣется Юлинъ (Jumne); ср. Богуславскаго, Rys... str. 67, прим. 1; Hirsch, Jahrbücher II: s. 7, Anm. 2; Zeissberg, Die Kriege, s. 339, Anm. 7.

скаго князя. Можетъ быть, назначая его посломъ въ Польшу, Генрихъ думалъ, что дѣло какъ-нибудь уладится и обойдется безъ разрыва. Но Болеславъ принялъ Германа не какъ своего зятя, а какъ посла, объявлявшаго войну и сказалъ ему: «Богъ мнѣ свидѣтель, какъ неохотно я буду дѣлать то, что вынужденъ сдѣлать!»

Съ неожиданностію и быстротою, когда еще Нѣмцы не приготовили средствъ къ оборонѣ, Болеславъ подошелъ къ самымъ саксонскимъ границамъ и остановился близь Дѣвина, на Лабѣ. Здѣсь опустошилъ онъ жупу Морочанъ [1]), сдѣлалъ нападеніе на самый Дѣвинъ, и «только молитвы св. Маврикія, патрона Саксовъ, спасли отъ него этотъ городъ». Отсюда, по Лабѣ, поворотилъ онъ вверхъ, къ Сербищу (Zerbst), взялъ съ собою окрестныхъ жителей, побѣжденныхъ частію страхомъ, частію льстивыми обѣщаніями, и съ огромнымъ количествомъ военноплѣнныхъ воротился къ предѣламъ Польши [2]). Король Генрихъ не могъ лично вести дѣла съ Болеславомъ; нѣмецкія войска, подъ предводительствомъ архіепископа Тагино, поздно собрались и лѣниво шли за Поляками. «Когда мы дошли до Ютрибога, пишетъ Титмаръ, самые опытные разсудили, что съ такимъ слабымъ войскомъ каково наше, опасно было бы пуститься на врага, и мы воротились домой». Тѣмъ временемъ Болеславъ повернулъ въ Лужицы, овладѣлъ жупами слубскою и жарованскою [3]) и, не много спустя, остановился подъ Будишиномъ. Городъ былъ охраняемъ военнымъ отрядомъ, подчиненнымъ мишенскому графу Герману, который тогда былъ въ отлучкѣ; напрасно жители города умоляли своего графа о помощи, всѣ его усилія побудить саксонскихъ графовъ къ скорѣйшему собранію войска были безуспѣшны. Будишинцы выпросили у Болеслава перемиріе на семь дней, а потомъ принуждены были сдаться, выговоривъ себѣ право на свободный выходъ.

Такъ, слѣдствіемъ войны этого года было занятіе Лужицъ и земли мильчанской, т. е. марокъ восточной и мишенской, изъ нихъ уведено было огромное множество военноплѣнныхъ, назначенныхъ для заселенія пустопорожнихъ мѣстъ въ Польшѣ. Эти завоеванія Болеславъ удержалъ до самаго конца княженія и передалъ своему преемнику. Много размышлялъ король Генрихъ, какія бы мѣры предпринять ему противъ

---

[1]) Thietm., VI. 24.

[2]) Неподалеку отъ Дѣвина и Сербища (Zerbst) въ Лабу впадаетъ Сала. Это единственное время, къ которому можно отнести народное преданіе о томъ, что Болеславъ на рѣкѣ Салѣ, среди саксонскихъ земель, желѣзнымъ столбомъ обозначилъ границы Польши Gallus, Chronic. 1. 6: Indomitos vero Saxones tanta virtute edomuit, quod in flumine Salae, in medio terrae eorum meta ferrea fines Poloniae terminavit.

[3]) Hirsch, Iahbüch. II, s. 15, Anm. I.

Болеслава. Онъ видѣлъ, что многіе саксонскіе дворяне сочувственно относятся къ польскому князю и входятъ съ нимъ въ сношенія; передаютъ извѣстія о намѣреніяхъ своего короля и неохотно ведутъ войну съ Болеславомъ [1]). Съ другой стороны, Генрихъ недоумѣвалъ, съ какой стороны ожидать нападенія, гдѣ принимать мѣры предосторожности, потому что слишкомъ нова и непривычна была тактика Болеслава. Весьма вѣроятно, что не безъ участія польскаго князя начались раздоры между саксонскими графами, Германомъ и Гунцеллиномъ, — это послужило для короля предлогомъ удалить отъ занимаемыхъ должностей подозрительныхъ для него лицъ. Въ 1010 году 1010 г.
явился онъ въ Межиборъ и призвалъ на судъ графовъ. Оба они оказались равно виновными; но противъ Гунцеллина было еще обвиненіе въ государственной измѣнѣ, что онъ ведетъ себя независимо, что христіанъ продаетъ Жидамъ, что старается болѣе войти въ расположеніе Болеслава польскаго, чѣмъ своего короля [2]). Гунцел-

---

[1]) Политика короля Генриха II дѣйствительно находила мало сочувствія между Саксами и Баварцами. Особенное неудовольствіе возбуждалъ союзъ его съ языческимъ народомъ (Лютичи) противъ христіанскаго князя (Болеславъ польскій). Многія высоко поставленныя лица духовнаго и свѣтскаго чина находили, что политика Оттона III по отношенію къ Польшѣ болѣе соотвѣтствовала національной чести и христіанскому чувству; ведя постоянную войну съ польскимъ княземъ, Генрихъ отвлекалъ его вниманіе отъ языческихъ народовъ и мѣшалъ проповѣднической дѣятельности и распространенію христіанской вѣры, что вполнѣ противорѣчило средневѣковому воззрѣнію на римскаго императора германской націи. Блистательное подтвержденіе своихъ взглядовъ недовольная партія видѣла въ продолжительной безуспѣшной войнѣ съ Болеславомъ, и въ чудесахъ отъ мощей угодниковъ польскихъ: развѣ св. Войтѣхъ, разсуждала она, и пятеро другихъ святыхъ почили бы въ землѣ Болеслава, если бы они не хотѣли помогать ему? Такимъ образомъ война съ Болеславомъ казалась имъ дѣломъ недостойнымъ императора и богопротивнымъ. Лучшимъ выразителемъ идеаловъ этой партіи является св. Бруно, высокій почитатель, другъ и жизнеописатель Войтѣха, пострадавшій за проповѣдь христіанства между язычниками 14 февр. 1009 года. См. письмо Бруно къ Генриху II ap. Pertz, SS. IV. p. 578; оригиналъ съ русскимъ переводомъ и примѣчаніями изданъ Гильфердингомъ въ Русской Бесѣдѣ, Москва 1856 г. О Бруно—Giesebrecht W., Neuen Prowincialbl. 1860. 1; особенно Hirsch, Jahrbüch. 11. ss. 261—276. О сильной партіи, враждебной стремленіямъ Генриха II, Zeissberg, Die Kriege Kaiser Heinr. II mit Herz. Bol. I, ss. 346 — 369. Мученическая смерть Бруно, (Annal. Quedlinb. a. 1009 et Thietm. VII. 25) in confinio Rusciae et Litvae, не могла остаться безъ послѣдствій для партіи, стремленіямъ которой онъ далъ весьма опредѣленное выраженіе. Мы знаемъ, что Гунтеръ, одинъ изъ главныхъ представителей ея, рѣшился, по примѣру Бруно и Войтѣха, идти на проповѣдь къ Лютичамъ — Thietm. VII. 37; польскій князь, снабжавшій его одеждою и съѣстными припасами, былъ полнымъ осуществленіемъ идеала христіанскаго короля въ глазахъ этой партіи.

[2]) Thietm. VI. 36. О причинѣ раздоровъ между Германомъ и Гунцеллиномъ, состоявшими между собою въ близкомъ родствѣ — Гунцеллинъ былъ дядей Герману—дѣлаются разныя догадки: Giesebr. L., Wendische Gesch. II. s. 19; Zeissberg, s. 369;

линъ лишенъ должности маркграфа мишенскаго, отданъ подъ стражу, и достоинство его передано Герману. Во время смутъ въ маркѣ, когда еще Германъ не вступилъ въ отправленіе обязанностей маркграфа мишенскаго, Болеславъ пытался завладѣть Мишною. Отрядъ конныхъ Поляковъ тихо пробрался за Лабу, подступилъ къ этому городу и вошелъ въ переговоры со стражею городскихъ воротъ. Хотя попытка не удалась, но Поляки, «не причинивъ никому вреда и не потерпѣвъ сами», благополучно вернулись къ Будишину, гдѣ сидѣлъ самъ Болеславъ. Эта-то быстрота движеній, ненадежность на гарнизоны, вѣроятно, и пугала короля Генриха.

Въ концѣ лѣта 1010 года, объявленъ новый походъ на Болеслава; сборнымъ мѣстомъ было назначено Бѣлогорье, близь Лабы [1]). Сюда явились: архіепископъ дѣвинскій, Тагино, аббатъ Вальтердъ, епископы: гальберштадтскій Арнульфъ, падерборнскій Мейнверкъ, межпборскій Титмаръ, саксонскій герцогъ Бернгардъ, маркграфы Геро и Германъ и князь чешскій Яроміръ, «во всемъ вѣрный королю»; во главѣ своего и приведеннаго ими войска стоялъ самъ Генрихъ. Сначала сдѣлано было предложеніе Болеславу отказаться безъ кровопролитія отъ занятыхъ имъ земель; но когда посланные съ этою цѣлію — герцогъ Бернгардъ и аббатъ Вальтердъ—возвратились безъ успѣха, тогда король перевелъ свои войска черезъ чорную Эльстру. Здѣсь въ странѣ, бывшей прежде въ вѣдѣніи маркграфа Геро, а теперь подчиненной Болеславу, Нѣмцы стали поступать, какъ непріятели: они выжигали селенія и истребляли народъ. На границѣ лужицкой марки, Генриху еще разъ пришлось убѣдиться, какъ далеко раскинуты сѣти Болеславомъ, какъ широки его замыслы: близь Ярина привели къ нему двухъ человѣкъ изъ колѣна Гаволянъ, которыхъ подозрѣвали въ шпіонствѣ и въ сношеніяхъ съ Болеславомъ. Это было очевиднымъ доказательствомъ, что король польскій старается поднять противъ Нѣмцевъ и тѣхъ Славянъ, которые были подчинены имъ. Внезапная болѣзнь захватила во время похода и самого Генриха и архіепископа Тагино; болѣзни распространились и на значительную часть войска [2]). На военномъ совѣтѣ, состоявшемся по этому поводу, было опредѣлено королю съ больными оставить военный лагерь, а остальнымъ, подъ

Hirsch, Jahrb. II. s. 276. Любопытно, что на судѣ князья просятъ снисхожденія къ Гунцеллину въ выраженіяхъ, напоминающихъ письмо Бруно, высказывая все свое нерасположеніе вести войну съ Болеславомъ и преслѣдовать его партію: Zeissberg, s. 371.

[1]) Въ двухъ миляхъ на югъ отъ Торгау, на берегу Лабы: Zeissberg, s. 373. Anm. I. Объ этомъ походѣ Thietm., VI. 38.

[2]) Annal. Quedlinburg. a. 1010.

предводительствомъ Яроміра, продолжать начатый походъ по направленію къ Одрѣ, въ жупы Дѣдошанъ и Силезцевъ.

Болеславъ сидѣлъ въ это время въ крѣпости Глоговѣ, на Одрѣ; сюда направлялись и передовые отряды нѣмецкаго войска. Польскіе рыцари, завидѣвшіе ихъ съ городскихъ стѣнъ, пылали желаніемъ сразиться; но Болеславъ такъ удерживалъ свое любимое рыцарство: «Войско, которое вы видите, невелико числомъ, но за то отборное и храброе; если я сдѣлаю нападеніе, то или одержу побѣду, или буду побѣжденъ, во всякомъ случаѣ ослаблю себя; король тотъ-часъ же можетъ собрать новое войско. Гораздо лучше теперь сдержаться, а сдѣлать на нихъ нападеніе въ другой разъ, такъ чтобы это не было сопряжено съ большимъ урономъ». Осенніе дожди и разливъ рѣкъ заставили Нѣмцевъ прекратить опустошеніе страны. Чехи пошли домой, а Нѣмцы, черезъ страну Мильчанъ, къ Лабѣ. Весь этотъ походъ слишкомъ замѣчателенъ, чтобы не сказать объ немъ еще нѣсколько словъ. Вообще Болеславъ щадитъ свои силы въ войнахъ съ Нѣмцами, предпочитаетъ наносить врагу вредъ быстрыми наѣздами и неожиданными нападеніями; онъ рѣдко пускался въ общую открытую свалку, велъ почти всегда войну оборонительную. И замѣчателенъ способъ его отступленія. Достаточно взглянуть на карту, чтобы увидѣть, по какимъ пустыннымъ мѣстамъ, по какимъ болотамъ и трясинамъ нижней Спревы ведетъ Болеславъ Нѣмцевъ сперва въ жупу Силезцевъ (Slezane) а потомъ отсюда поворачиваетъ на югъ, въ Глоговъ. Слѣдуя за нимъ, Нѣмцы должны были съ одной стороны терпѣть недостатокъ въ продовольствіи, съ другой описывать кругъ вдвое большій, чѣмъ по прямой дорогѣ отъ Бѣлогорья до Глогова. Это странствованіе было весьма обременительно для Нѣмцевъ; нѣтъ ничего удивительнаго, что утомленное войско, подошедши подъ самый Глоговъ, гдѣ сидѣлъ непріятель, за которымъ оно гналось, не рѣшилось сдѣлать приступъ на этотъ городъ [1].

Этотъ походъ не принесъ Нѣмцамъ никакой пользы; Болеславъ остался при своихъ завоеваніяхъ. Генрихъ считалъ за лучшее заняться укрѣпленіемъ нѣкоторыхъ городовъ и предложилъ Болеславу перемиріе, которое и было заключено 25 декабря въ Межиборѣ, на 5 лѣтъ [2]. Какъ скоро сдѣланы были нужныя приготовленія, возстановленъ городъ Любуша [3] и укрѣплены берега Лабы, Нѣмцы предприняли

25 декабря.

---

[1]) См. Bogusławskiego, Rys Dziejów Serbo-Łużyckich, str. 69—70, Szajnocha, Bolesław Chrobry, стр. 145.

[2]) Не совсѣмъ легко понять относящееся сюда мѣсто Титмара, VI. 39. Идетъ ли здѣсь рѣчь о перемиріи съ Болеславомъ, или о земскомъ мирѣ? См. Zeissberg, s. 376, Anm. 3.

[3]) Сомнительно, чтобы этотъ городъ лежалъ на Одрѣ, какъ думаетъ Лелевель,

третій походъ противъ Болеслава. Онъ состоялся въ 1012 году въ іюлѣ мѣсяцѣ. Но военныя дѣйствія на этотъ разъ отличались крайнею медленностію, очевидною неувѣренностію въ собственныхъ силахъ. Изъ Бѣлогорья, куда собрались нѣмецкія войска, отправляется архіепископъ дѣвинскій, Вальтердъ въ нижнія Лужицы [1]), съ мирными предложеніями къ Болеславу; а когда переговоры не привели къ желаемой цѣли, походъ открылся весьма вяло: саксонскіе графы отказались отъ наступательной войны и ограничились укрѣпленіемъ границъ [2]). Наступила осень, полились сильные дожди, Лаба выступила изъ береговъ, и на нѣкоторое время сдѣлались невозможными сообщенія между отдѣльными нѣмецкими крѣпостями и между частями войскъ; въ то же время предводитель войскъ, архіепископъ Вальтердъ, захворалъ и потомъ вскорѣ умеръ — все это были обстоятельства, которыми не могъ не воспользоваться польскій король. Онъ сталъ разрушать крѣпости, которыя сооружены были въ прошломъ году Нѣмцами, когда они готовились къ войнѣ. Дѣло началось съ Любуши,—это была сильная крѣпость, которую охранялъ многочисленный отрядъ войска; овладѣть ею для Болеслава было весьма важно. Его рыцари взяли городъ въ то время, когда самъ князь пировалъ со своими придворными (20 августа 1012 г.). Множество добычи досталось Полякамъ, попались въ плѣнъ важные сановники, какъ Гунцеллинъ, Визонъ и «несчастный командиръ крѣпости Сцихъ», которому, по словамъ Титмара, какой бы городъ ни поручили, онъ всегда терялъ его. «Раздѣливши безчисленное множество добычи и зажегши городъ, побѣдоносное войско воротилось назадъ».

Этимъ кончилась пока продолжительная война. Генриха II призывали на югъ дѣла итальянскія, короля Болеслава тянули на востокъ дѣла русскія. Вотъ почему въ началѣ 1013 г. начались мирные переговоры между враждующими сторонами. Второго февраля явился въ Дѣвинъ сынъ Болеслава польскаго, Мечиславъ; онъ прибылъ съ бога-

іюль 1012 г.

20 августа.

1013 г.
2 февраля.

Т. II, стр. 162; вѣдь Болеславъ владѣлъ въ это время всею страною до Эльстры; вѣроятнѣе полагать его гдѣ-либо на Лабѣ, какъ это дѣлаетъ Богуславскій, стр. 70, примѣч. 12; хотя, съ другой стороны, разрушеніе Болеславомъ этого укрѣпленія показываетъ, что оно было гдѣ-то близь Польши и возбуждало его подозрѣнія. Гизебрехтъ, Geschichte... II. s. 112 замѣчаетъ: Jetz ein Dorf zwischen Dahme und Schlieffen; man sieht noch heute dort Reste der alten Wälle; онъ полагаетъ этотъ городъ въ Lausitzerlande т. е. въ Лужицахъ.

[1]) Sciciani. Giesebrecht L., Wend. Gesch. II. s. 43 и Hirsch, Jahrb. II. s. 332 предполагаютъ его между Kalau и Luckau, Lelevel II. str. 165, въ великой Польшѣ.

[2]) Thietmr VI. 45; самъ король въ это время осаждалъ Мецъ; услышавъ о ходѣ военныхъ дѣйствій, онъ сталъ питать недовѣріе къ саксонскимъ дворянамъ и предполагалъ въ нихъ измѣну. Уже и то обстоятельство могло казаться ему подозрительнымъ, что Вальтердъ принялъ отъ Болеслава дары. Zeissberg, s. 382; Hirsch. II, s. 333, Anmek. 1.

тыми дарами и имѣлъ полномочіе условиться съ королемъ о мирѣ. Мечиславъ былъ принятъ при нѣмецкомъ дворѣ съ великимъ почетомъ, получилъ отъ короля рыцарское посвященіе и далъ ему клятву
25 мая. въ рыцарской вѣрности. Спустя нѣсколько времени (25 мая), и Болеславъ явился на свиданіе съ нѣмецкимъ королемъ въ Межиборъ и былъ принятъ самымъ радушнымъ образомъ. Титмаръ говоритъ [1]), что здѣсь Болеславъ призналъ себя вассаломъ нѣмецкаго короля и, во время торжественнаго королевскаго выхода въ церковь, исправлялъ обязанности оруженосца; Болеславъ вступилъ въ ленныя отношенія къ Нѣмцамъ будто бы за тѣ земли, которыя были ему уступлены по межиборскому договору. Придавая полную достовѣрность словамъ Титмара, Вильгельмъ Гизебрехтъ [2]) такъ выражается по этому поводу: «храбрый Полякъ, который такъ часто въ разныя стороны разгонялъ враговъ своихъ, несъ теперь мечъ передъ нѣмецкимъ королемъ во время торжественной процессіи, и этимъ призналъ себя предъ всѣмъ міромъ вассаломъ его», и далѣе: «Богатые подарки принесъ онъ королю, еще щедрѣе отдаренъ былъ, и кромѣ того получилъ въ ленъ тѣ земли, къ обладанію которыхъ такъ долго стремился, — Лужицы и страну мильчанскую».

Кведлинбургскій лѣтописецъ, говоря о межиборскомъ договорѣ, указываетъ, что онъ заключенъ былъ «не безъ ущерба для нѣмецкой имперіи [3])». Въ чемъ же состоялъ этотъ ущербъ, если Болеславъ на правахъ лена, какъ всякій нѣмецкій графъ, обязался управлять Лужицами? Въ средніе вѣка вся Германія раздѣлена была на лены, и этого никто не считалъ явленіемъ унизительнымъ для страны и народа. Одною изъ статей межиборскаго договора Болеславъ обязывался доставить вспомогательный отрядъ на предстоящую войну Генриха въ Италіи, съ другой стороны король Генрихъ долженъ былъ выставить отрядъ Нѣмцевъ на предположенную тогда войну Болеслава съ русскимъ княземъ. Излишне было бы доказывать, что подобныя взаимныя обязательства не могли быть слѣдствіемъ вассальной присяги съ одной стороны и сюзеренныхъ правъ съ другой; взаимныя обязательства указываютъ, напротивъ, что обѣ стороны вступили тогда въ чисто союзническія отношенія, и обѣщаніе помощи было только знакомъ пріязни между ними. Что касается до рыцарскаго посвященія, о которомъ говорятъ источники, то оно не вело за собою вассальной присяги и подчиненности. Это посвященіе было рыцарски-религіознымъ

---

[1]) Thietm. VI. 55. In die sancto manibus applicatis miles efficitur, et post sacramenta regi ad ecclesiam ornato incedenti armiger habetur.

[2]) Geschichte d. Deutschen Kaiserz. II. s. 115.

[3]) Annal. Quedlinburg. a. 1013: quem (Болеслава) benigne suscipiens..., *non tamen sine sui regni detrimento, permisit remeare.*

обрядомъ, начинавшимъ широко распространяться въ то время. Старшій по лѣтамъ и по достоинству посвящалъ младшаго, и между ними завязывались отношенія нравственной обязательности, которыя ничуть не соединялись съ надѣленіемъ леномъ и вассальною службой [1]).

Въ слѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ, Титмарово извѣстіе о межиборскомъ трактатѣ не должно быть принимаемо въ дословномъ его смыслѣ. Мы знаемъ, что ни въ одинъ изъ трехъ походовъ этой шестилѣтней войны Нѣмцы не отнимали у Болеслава его завоеваній, что всѣ эти походы оканчивались неудачами, которыя Титмаръ извиняетъ то глубокими снѣгами, то разливомъ рѣкъ. Безъ сомнѣнія, ущербомъ для имперіи считалось то, что вся марка восточная и часть мишенской, иначе Лужицы и страна Мильчанъ съ окрестностями, уступлены были по этому миру королю польскому [2]). Впрочемъ, договоръ этотъ нарушенъ былъ въ томъ же году; открытая война замѣнилась интригой и агитаціей.

б) Третья война съ Нѣмцами. Будишинскій миръ. 1015 — 1018 гг.

(продолженіе).

14 февраля 1014 г. въ Италіи, въ церкви св. Петра, Генрихъ вѣнчался императорскою короной; полное подчиненіе Италіи было плодомъ его путешествія въ Римъ; въ томъ же 1014 г. онъ уже путешествовалъ по Германіи, какъ императоръ. И король польскій недолго былъ занятъ восточными дѣлами, да и въ этотъ короткій промежутокъ не опускалъ изъ виду событій на западѣ. Вотъ почему скоро снова стояли они другъ передъ другомъ,—Генрихъ съ усиленнымъ желаніемъ добиться покорности и добровольнаго отказа Болеслава отъ завоеванныхъ имъ областей, а Болеславъ съ рѣшительнымъ 1014 г.

---

[1]) Lelewel, Polska T. II, стр. 40 — 41, 167 — 8; Szajnocha, Bolesław Chrobry, стр. 148 — 9.

[2]) Lelewel, Polska. II., str. 45—46; Bogusławskiego, Rys. str. 71—72. И здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, слишкомъ рѣзко различіе между выводами славянскихъ и не славянскихъ ученыхъ. Камнемъ соблазна служатъ слова Титмара о Болеславѣ (VI. 55): *manibus applicatis miles efficitur*, и... *armiger habetur*. Giesebrecht W-II. s. 115; Giesebrecht L., Wend. Gesch. II. s. 33; Hirsch, Jahrb. II. s. 396; и Roepell—видятъ здѣсь вассальную присягу и подчиненность. Сопоставляя разные случаи, гдѣ иностранные князья по обязанности и добровольно *поднимаютъ оружіе* предъ королемъ, *или несутъ его*—Cosmas, a. 1093, 1099. Ann. Saxo a. 1135; Thietm. 1013 и др.,—можно вывести, что этотъ обычай былъ знакомъ нѣкоторой зависимости; но какой? См. Zeissberg, Die Kriege... s. 390, Anm. 4 и s. 391.

намѣреніемъ еще больше унизить Нѣмцевъ, и ввести въ свои политическія цѣли другіе славянскіе народы.

Получивъ нѣмецкій вспомогательный отрядъ для войны съ Русскими, самъ Болеславъ ничѣмъ не содѣйствовалъ королю въ его итальянскомъ походѣ: «по обычаю обманулъ и не исполнилъ своего обѣщанія», — говоритъ Титмаръ. Онъ послалъ въ Италію, въ слѣдъ за императоромъ, агентовъ, дабы они развѣдывали тамъ положеніе дѣлъ и возбуждали, кого можно, противъ Генриха [1]). При самомъ папскомъ дворѣ явились отъ Болеслава послы съ объясненіемъ, что король польскій не могъ выслать папѣ обычной церковной дани, въ слѣдствіе тайныхъ засадъ, которыя устроилъ Генрихъ по пути въ Италію. Важнѣйшимъ же желаніемъ его, при осуществленіи котораго могъ бы образоваться дѣйствительно опасный для Нѣмцевъ союзъ, было—ввести въ свою политику князя чешскаго. Тамъ въ 1012 году въ слѣдствіе какого-то внутренняго переворота [2]), лишенъ былъ трона «вѣрный вассалъ короля», Яроміръ, и овладѣлъ верховною властію братъ его, Ольдрихъ. Хотя новый князь тоже долженъ былъ заискивать расположенія Генриха, чтобы получить отъ него признаніе въ княжескомъ достоинствѣ; однако польскій король, пользуясь отсутствіемъ Генриха изъ Германіи, надѣялся привлечь Ольдриха на свою сторону и съ этою цѣлію отправилъ въ Чехію торжественное посольство. Во главѣ посольства былъ сынъ его, Мечиславъ, который именемъ отца напоминалъ чешскому князю, что давно уже пора имъ, соединеннымъ узами родства, прекратить взаимную вражду, что, живя въ согласіи, они легче могли бы противостоять всѣмъ врагамъ своимъ, въ особенности императору. Въ то же время Болеславъ старался склонить къ союзу Лютичей. Если бы ему удалось провести эти планы, тогда образовалась бы, подъ главенствомъ Польши, грозная и опасная для Нѣмцевъ сила. Но Ольдриху доказали его довѣренные люди, что планъ союза разсчитанъ на его гибель, что Болеславъ хочетъ лишить его власти; поэтому польскаго королевича приняли въ Чехіи, какъ врага, перебили почетнѣйшихъ изъ его свиты, а самого посадили въ темницу.

Возвратившись въ томъ же 1014 году изъ Италіи, императоръ Генрихъ II потребовалъ къ себѣ Болеслава для объясненій: почему онъ не послалъ обѣщаннаго вспомогательнаго отряда въ итальянскій походъ. Требовалось много ума и изворотливости, чтобы выпутаться изъ затруднительнаго положенія, въ которое попалъ Болеславъ: съ

---

[1]) Кто стоялъ въ Италіи въ сношеніяхъ съ Болеславомъ?—На это даетъ нѣкоторый отвѣтъ Gfrörer, Gregor VII, VI B. s. 149, что король Arduin имѣлъ могущественныхъ союзниковъ въ Италіи и за Альпами — въ чешскомъ и польскомъ короляхъ.

[2]) Palacky, Dějiny I. str. 289.

одной стороны ему нужно было выручить сына изъ чешскаго плѣна и для этого расположить въ свою пользу императора, съ другой—подыскать достаточныя причины, которыя бы извиняли его обманъ относительно вспомогательнаго отряда. Между тѣмъ явиться къ императору и просить его онъ никакъ не хотѣлъ по многимъ причинамъ. И вотъ отправляются частыя посольства въ Германію, пускаются въ ходъ всѣ средства, чтобы пріобрѣсть приверженцевъ между придворными. Императора успокоивалъ Болеславъ обѣщаніемъ лично явиться ко двору его, и дать достаточное объясненіе своего поведенія; послы его щедрою рукою разсыпали золото между придворными и не скупились на обѣщанія. Труднѣйшую часть порученія исполнялъ опытный дипломатъ Болеслава, Стоигнѣвъ, котораго Титмаръ упрекаетъ за притворство и умышленный обманъ [1]). Плодомъ переговоровъ съ императоромъ было то, что онъ рѣшился послать въ Чехію графа Тидриха, который настоятельно требовалъ освобожденія Мечислава, угрожая, въ противномъ случаѣ, чешскому князю войною. Ольдрихъ, указывая на завоевательные замыслы Болеслава, далъ такой отвѣтъ императорскому послу: «Мое всегдашнее желаніе и долгъ—исполнять волю моего повелителя. Всемогущій Богъ, недавно сохранившій меня изъ устъ львиныхъ, передалъ въ мои руки львенка его, посланнаго на мою погибель. Если я отпущу на свободу сына, то на всю жизнь буду имѣть несомнѣнныхъ враговъ въ отцѣ и сынѣ; но если задержу его, надѣюсь достигнуть нѣкоторыхъ выгодъ. Пусть разсудитъ повелитель мой обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, и я съ покорностію исполню все, что ему будетъ угодно и мнѣ полезно [2])». Но когда Тидрихъ возвратился и передалъ императору этотъ отвѣтъ, послано было другое посольство въ Чехію съ положительнымъ требованіемъ выдачи плѣнника. Императоръ принималъ на свою отвѣтственность предупредить всѣ непріятности и обѣщалъ способствовать къ сохраненію добраго мира; тогда Ольдрихъ, волей—неволей, долженъ былъ освободить Мечислава.

Болеславу доносили его послы обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ. Узнавъ, что сынъ его освобожденъ изъ чешскаго плѣна и находится въ Германіи, онъ почетными посольствами свидѣтельствовалъ передъ императоромъ свою благодарность, при этомъ просилъ докончить доброе дѣло и отпустить къ нему сына, обѣщая съ своей стороны вѣчную признательность и готовность бороться со врагами императора. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ составилъ себѣ сильную партію въ самомъ совѣтѣ

---

[1]) Thietm. VII. 6. Idem legatus mentiri semper solitus... plus ad perturbandum quam, ut simulaverat, ad pacificandum ab instabili seniore suo missus est.; in conspectu imperatoris et principum eius fallax et invicem disturbans esse convincitur.

[2]) Ibidem VII. 7.

императора, а это было весьма важно въ виду того, что императоръ намѣренъ былъ предложить на имперскомъ сеймѣ разсмотрѣніе вопроса о дѣйствіяхъ польскаго князя и о плѣнномъ его сынѣ. На сеймѣ въ Межиборѣ, когда князья стали разсуждать о томъ, выдать ли Болеславу его сына, и если выдать, то на какихъ условіяхъ, голоса раздѣлились на двое. Люди, неподкупленые польскимъ золотомъ, настаивали, что нужно выговорить какія-нибудь условія при освобожденіи Мечислава и взять заложниковъ; архіепископъ дѣвинскій Геро, ранѣе совѣтовавшій безо всякихъ условій освободить плѣнника, теперь былъ противнаго мнѣнія: «Мы поколебали, говорилъ онъ, расположеніе Болеслава тѣмъ, что такъ долго держали у себя его сына, и я боюсь, что мы лишимся на будущее время его вѣрности, если выпустимъ Мечислава, не вытребовавъ заложниковъ и другихъ ручательствъ»; съ этимъ мнѣніемъ согласно было большинство присутствующихъ. Но приверженцы польскаго короля настояли на немедленномъ и безусловномъ освобожденіи плѣнника; противъ мнѣнія архіепископа Геро они говорили, что такъ поступить было бы безчестно и несогласно съ достоинствомъ имперіи. Такимъ образомъ Болеславъ достигъ того, что сынъ его былъ освобожденъ безъ всякихъ обязательствъ [1]).

Теперь онъ могъ снять маску покорности, на время надѣть которую заставили его затруднительныя обстоятельства. На просьбы — не злоумышлять на будущее время противъ императора ради клятвы, произнесенной именемъ Божіимъ, онъ отвѣчалъ въ недовольномъ тонѣ и жаловался, что сынъ его, считавшійся между рыцарями импе-
1015 г. ратора, такъ долго былъ задержанъ въ плѣну. Генрихъ послалъ къ нему передъ пасхой маркграфа Германа и приглашалъ его явиться къ себѣ, но Болеславъ отказался отъ поѣздки въ Межиборъ, и отправилъ Стоигнѣва, который успѣлъ запутать дѣло и не давалъ никакихъ положительныхъ обѣщаній отъ своего государя. Въ то время, какъ императоръ все еще надѣялся чрезъ дипломатическія сношенія достигнуть покорности отъ Болеслава, онъ сдѣлалъ неожиданное нападеніе на нѣмецкія земли, и приказалъ передать императору, что онъ не намѣренъ уступить занятыхъ областей. Война стала необходима. Она началась въ 1015 и окончилась въ 1018 году.

На предстоящую войну были подняты всѣ силы государства, чтобы разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ ударить на Польшу. Передъ открытіемъ похода императоръ посѣтилъ Дѣвинъ, «гдѣ усердно просилъ заступничества мученика Христова Маврикія, для обузданія гордости

---

[1]) Это было или въ концѣ 1014, или въ началѣ 1015 г. Хронологію событій этого времени (1013—1015) старается установить Cohn, Forschungen zur Deutschen Geschichte, VII Band, ss. 415—424. По его мнѣнію, Мечиславъ былъ освобожденъ въ 1015 г.; но Zeissberg, Die Kriege..., s. 397, Anmerk. 2, доказываетъ, что это было въ 1014 г.

Болеслава польскаго [1])». Главное войско, подъ личнымъ предводительствомъ императора, собралось къ берегамъ Лабы, неподалеку отъ Торгау [2]). Съ сѣвера на Польшу долженъ былъ напасть саксонскій отрядъ, подъ предводительствомъ епископовъ, графовъ и саксонскаго герцога Бернгарда; къ этому отряду, въ качествѣ союзниковъ, присоединились язычники — Лютичи. Съ третьей стороны подходилъ къ границамъ польскимъ чешскій князь Ольдрихъ съ баварскими вспомогательными войсками; наконецъ, на границахъ Моравіи съ готовыми войсками стоялъ маркграфъ Генрихъ. 8-го іюля императорское войско двинулось на Лужицы и начало опустошать страну. Небольшой отрядъ, защищавшій мѣстечко Цинницъ [3]), дѣлалъ на Нѣмцевъ отважныя нападенія, но весьма сильно пострадалъ отъ нихъ. Направляясь къ Одрѣ, императоръ послалъ къ Мечиславу, сидѣвшему въ Кроснѣ, почетное посольство, чтобы напомнить ему о рыцарской вѣрности; послы убѣждали его сдать городъ и говорили, что въ противномъ случаѣ онъ привлечетъ на ихъ голову гнѣвъ императора, такъ какъ они главнымъ образомъ выхлопотали ему свободу. Мечиславъ такъ отвѣчалъ посламъ: «Я знаю, что по милости императора получилъ свободу и вамъ присягалъ въ вѣрности; я охотно бы выполнилъ эту присягу, если бы былъ самостоятеленъ. Но теперь, какъ вы знаете, я подданный государя—отца моего; и такъ какъ я долженъ исполнять его приказанія, и воины его, здѣсь находящіеся, не допустили бы меня исполнить ваше желаніе, то, по-неволѣ я долженъ предоставить дѣламъ ихъ теперешнее теченіе. Я буду, по мѣрѣ силъ моихъ, защищать противъ васъ отечество до прибытія сюда отца, а тогда постараюсь примирить его съ вами». Въ началѣ августа предположено было переправиться за Одру; въ то время и Болеславъ подоспѣлъ сюда и укрѣпился на этой рѣкѣ. Въ виду непріятеля переправа черезъ рѣку была довольно трудна для Нѣмцевъ; «какое бы направленіе ни приняли наши суда,—говоритъ Титмаръ [4]),—и Болеславъ во весь опоръ скакалъ туда со своими. Но наконецъ, быстро поднявъ паруса, наши плыли цѣлый день, и враги не могли поспѣть за нами; тогда безопасно наши причалили къ желаемому берегу и стали жечь ближайшія селенія». При переправѣ была значительная сшибка между Нѣмцами и Поляками, послѣднихъ

8 іюля.

3 августа.

---

[1]) Thietm. VII. II.

[2]) Ad locum Sclancisvordi; Лелевель полагаетъ этотъ городъ въ Лужицахъ, между Лабой и черной Эльстрой, Polska T. II. стр. 199; Морачевскій, Dzieje... стр. 29, прим. 43—около Бѣлогорья, къ югу отъ Торгова (Torgau), гдѣ обыкновенно была переправа Нѣмцевъ черезъ Лабу въ войнахъ ихъ съ Поляками См. Zeissberg, Die Kriege..., s. 403.

[3]) Nostri... a praesidio ex Ciani urbe egresso temptantur.

[4]) Thietm. VII. 12.

пало до шести сотъ, а изъ нѣмецкаго войска убиты были молодые графы: Годо и Сигфридъ; они подозрѣваемы были императоромъ въ сношеніяхъ съ польскимъ королемъ, и въ этотъ день, желая доказать свою невинность, дѣлали чудеса храбрости и за то поплатились жизнію. Императоръ чувствовалъ себя слишкомъ слабымъ, чтобы двинуться въ глубь страны, ожидалъ извѣстій о дѣйствіяхъ отдѣльныхъ отрядовъ и желалъ отъ нихъ подкрѣпленія.

Саксонскій герцогъ Бернгардъ долженъ былъ напасть на Польшу съ сѣвера; на Одрѣ онъ встрѣтился съ Болеславомъ, нашелъ его совершенно готовымъ къ оборонѣ и не посмѣлъ переправиться за рѣку. Онъ ограничился опустошеніемъ береговъ Одры и началъ отступленіе. Черезъ своихъ пословъ онъ извинялся передъ императоромъ, что не можетъ соединиться съ нимъ, высказывалъ результаты похода и объяснялъ вынужденную необходимость отступленія. Нѣсколько успѣшнѣе были дѣйствія Чеховъ съ Баварцами, но и они не могли по разнымъ причинамъ подкрѣпить императора. Ольдрихъ напалъ на одинъ большой городъ, по имени Болеславль (Businc), на Бобрѣ [1]), взялъ въ плѣнъ до 1000 человѣкъ, за исключеніемъ женщинъ и дѣтей, сжегъ городъ; по этимъ и кончился его походъ. Маркграфъ восточной марки, Генрихъ, стоявшій на границахъ Моравіи, ограничился отпоромъ, даннымъ имъ польскому рыцарству, хотѣвшему напасть на его марку. Такимъ образомъ императоръ не могъ надѣяться на подкрѣпленіе отъ отдѣльныхъ отрядовъ и съ огорченіемъ [2]) долженъ былъ начать отступленіе. Но тутъ-то и началась настоящая война, какую всегда предпочиталъ польскій король.

Отступленіе Нѣмцевъ было весьма поспѣшное: они перешли Одру, когда еще Болеславъ не угадывалъ ихъ намѣренія и не принялъ своихъ мѣръ. За Одрой однако они заведены были въ лѣсистыя и болотистыя мѣстности, гдѣ могли продолжать путь съ крайнею медленностію и осторожностію. Сюда послалъ Болеславъ отрядъ своихъ стрѣлковъ, съ приказаніемъ вредить, сколько можно, отступавшему непріятелю; чтобы пріостановить немного движеніе его, послалъ аббата Туни въ нѣмецкій лагерь и началъ черезъ него переговоры о мирѣ. Аббатъ Туни «монахъ по одеждѣ, на дѣлѣ же коварная лисица», былъ признанъ за шпіона и удержанъ въ лагерѣ, пока нѣмецкое войско, по наведеннымъ наканунѣ мостамъ, переправлялось черезъ болото. Съ передовымъ отрядомъ императоръ двинулся впередъ; остальное войско поручилъ

---

[1]) О положеніи Businc весьма много разнорѣчивыхъ показаній. Здѣсь принято мнѣніе Лелевеля и Богуславскаго, высказанное послѣднимъ въ его Rys, стр. 74, примѣч. 3.

[2]) Annal. Quedlinburg. a. 1015... imperator vero dolet sibi quemque periisse, cu prius contigerat triumphasse. Thietm. VII. 13.

архіепископу Геро и маркграфу Геро, предписавъ имъ величайшую осторожность. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе нѣмецкаго войска было затруднительно: незнаніе мѣстности завело его въ лѣсъ, окруженный со всѣхъ сторонъ трясинами; кругомъ скрывались стрѣлки Болеславовы, выжидавшіе случая напасть на него. Вскорѣ послѣ отбытія императора, «непріятели, скрывавшіеся въ ближайшемъ лѣсу, три раза ужасно прокричали и быстро напали на наше войско, когда еще наши не успѣли выстроиться. Храбро отстояли наши два нападенія...., но потомъ непріятели взяли перевѣсъ, разсѣяли нашихъ и поражали стрѣлами. Архіепископъ Геро и графъ Бургардъ — послѣдній раненый, — едва спаслись и дали знать о случившемся императору; молодой Людольфъ съ немногими взятъ въ плѣнъ, графы Геро и Фолькмаръ съ двумя стами лучшихъ рыцарей убиты и ограблены [1]). Пораженіе было полное. Память объ немъ такъ живо сохранилась у Нѣмцевъ, что межиборскій календарь, въ память пораженія 1015 г. въ жупѣ дѣдошской, отмѣчаетъ 1 сентября, какъ день общаго траура. 1 сентября.

Получивъ извѣстіе объ этомъ пораженіи, императоръ хотѣлъ возвратиться и отдать послѣдній долгъ христіанскаго погребенія павшимъ воинамъ. Но, уступая общей просьбѣ, поручилъ епископу мишенскому, Эйдо, испросить у князя польскаго позволеніе на погребеніе убитыхъ и выкупить тѣло маркграфа Геро. При видѣ поля сраженія, покрытаго трупами соотечественниковъ, Эйдо заплакалъ горькими слезами и сталъ молиться за души убитыхъ. Польскіе воины, продолжавшіе еще грабить павшихъ, проводили его къ Болеславу; выпросивъ у него разрѣшеніе, Эйдо, при помощи самихъ Поляковъ, сталъ предавать землѣ трупы своихъ соотечественниковъ; тѣла маркграфа Геро и его товарища, Видреда, отправлены были въ Мишну.

Между тѣмъ императоръ съ остальнымъ войскомъ отступалъ по странѣ мильчанской къ городу Стрелѣ; слѣдомъ за нимъ шелъ польскій королевичъ, Мечиславъ. Но императоръ успѣлъ добраться до Межибора и былъ внѣ опасности; маркграфу Герману поручилъ онъ слѣдить за движеніями Мечислава и защищать отъ него мишенскую марку. Надъ утромъ 13 сентября Поляки перешли Лабу, въ количествѣ семи конныхъ полковъ (legio), и встали подъ самою Мишною [2]); часть войска начала опустошать окрестности, другая осаждать городъ. Стража городского предмѣстья, Вѣтники, отчаявшись въ успѣхѣ защиты, покинула свой постъ и перебралась въ вышгородъ. Поляки заняли покинутое предмѣстье, захватили въ немъ все, что нашли и зажгли его; въ двухъ мѣстахъ подожгли и вышгородъ и дѣлали на 13 сентября.

---

[1]) Thietm. VII. 13; Ann. Quedlinburg. a. 1015.

[2]) Thietm. VII. 15.

него непрерывныя нападенія. Маркграфъ Германъ, замѣчая, что его отрядъ теряетъ силы и присутствіе духа, призываетъ къ защитѣ города и женщинъ. Онѣ, вошедши на укрѣпленія, подготовляли камни и бросали ими въ осаждающихъ; пожаръ заливали водою, а когда не доставало ея, выкачивали бочки съ медомъ и тушили пламя. Такъ держалась Мишна цѣлый день. Наблюдая за дѣйствіями осаждающихъ и осажденныхъ съ горы, по близости находящейся, Мечиславъ поджидалъ тѣ отряды, которые отдѣлились для грабежа и опустошенія окрестностей; а они, прошедши страну съ огнемъ и мечемъ до рѣки Яны, вернулись поздно вечеромъ на усталыхъ коняхъ. Предположено было переночевать здѣсь и утромъ снова ударить на городъ. Но замѣченная прибыль воды въ Лабѣ заставила принять мѣры предосторожности и отступить отъ города. Этимъ кончились военныя событія 1015 г.—Мишна скоро получила отъ императора новыя подкрѣпленія, 8-го октября приступили къ возстановленію предмѣстья, 22-го работа была уже кончена.

8 октября.

Весь слѣдующій годъ императоръ провелъ на западѣ и поручилъ защиту Саксоніи императрицѣ и дворянству. Но саксонскіе графы возобновили взаимныя распри и дали Болеславу время укрѣпить за собою недавнія пріобрѣтенія. При дворѣ императорскомъ говорили, что если бы пойти на Болеслава въ этомъ году, то не только бы можно было принудить его отказаться отъ всѣхъ завоеваній, но даже наложить на него иго рабства [1]). 6 января 1017 года былъ имперскій сеймъ въ Стар-Городѣ, здѣсь предложено было на разсмотрѣніе князей и недоконченное дѣло съ Польшею. Императоръ отложилъ походъ въ Бургундію, на который онъ рѣшился было въ этомъ году; ему было весьма желательно завязать переговоры съ Болеславомъ, съ которымъ дѣйствительно и начался обмѣнъ посольствами. Чтобы ускорить дѣло, два архіепископа: Эрканбардъ майнцкій и Геро дѣвинскій, съ графами Сигфридомъ и Бернгардомъ и другими имперскими князьями, отправились на границу тогдашнихъ нѣмецкихъ владѣній, встали на рѣкѣ Мульдѣ и приглашали Болеслава явиться къ Лабѣ для переговоровъ съ ними. Болеславъ находился въ ту пору въ Сициіанѣ и никакъ не хотѣлъ унизиться, чтобы выступить за границы своихъ владѣній. Нѣмцы сдѣлали уступку, предлагали нѣсколько придвинуться къ нему. «А что̀, спрашивали послы ихъ, если бы наши князья явились къ Черной Эльстрѣ (до этой рѣки доходили тогда границы польскія), пріѣхалъ ли бы ты къ этой рѣкѣ»?—«Я не рѣшусь даже перейти за тотъ мостъ, на которомъ теперь стою», отвѣчалъ онъ [2]). — Цѣлыхъ двѣ недѣли стояло нѣмецкое посольство

1017 г. 6 января.

---

[1]) Ibidem. VII. 21.

[2]) Ibidem. VII. 36.

близъ Мульды и употребляло всѣ средства, чтобы склонить Болеслава къ открытію переговоровъ. Наконецъ, оскорбленные презрѣніемъ и обманомъ Болеслава, они возвращаются въ Межиборъ и своимъ отчетомъ о результатѣ посольства возбуждаютъ гнѣвъ императора. Объявленъ былъ на лѣто походъ въ Польшу, саксонскіе графы обязались сдѣлать къ нему нужныя приготовленія; наложено положительное запрещеніе на обмѣнъ посольствами съ открытымъ врагомъ государства, тщательно разыскивали тѣхъ, кто доселѣ имѣлъ съ нимъ сношенія. Предполагалось употребить всѣ силы государства, чтобы нанесть чувствительный ударъ гордому Поляку. Начались дипломатическія сношенія съ государями, съ которыми прежде еще никогда не сносились императоры: въ самомъ дѣлѣ, въ первый разъ тогда Русь и Германія совокупными силами обязались дѣйствовать противъ общаго имъ врага. Между тѣмъ, какъ Генрихъ намѣревался ударить на Польшу съ запада, русскій великій князь Ярославъ долженъ былъ придвинуть свои войска къ восточнымъ границамъ ея [1]).

Этотъ послѣдній походъ Генриха II на Польшу начался въ іюлѣ 1017 года и продолжался два мѣсяца [2]); Чехи, Лютичи и Русскіе были его союзниками. Характеризуется и этотъ походъ тѣми же чертами, что̀ и предыдущіе: вялость нѣмецкаго движенія, безцѣльное углубленіе въ страну непріятельскую, оставленный безъ надежнаго прикрытія тылъ. Поляки дѣйствуютъ осмотрительно, отступаютъ передъ главнымъ войскомъ, въ разсыпную дѣлаютъ наѣзды на области нѣмецкія, выжигаютъ города, уводятъ въ плѣнъ населеніе, угрожаютъ съ неприкрытой для отступленія стороны.

8 іюля императоръ переправился черезъ Лабу, въ Лискѣ (Leiscau) назначено было соединиться всѣмъ войскамъ; два дня императоръ долженъ былъ дожидаться здѣсь медленно подвигавшееся войско; здѣсь представилъ ему Генрихъ, герцогъ баварскій, результаты неудачныхъ переговоровъ своихъ съ Болеславомъ. Когда собрались нѣмецкія и союзническія войска, императоръ повелъ ихъ знакомою уже дорогою, черезъ Лужицы къ Одрѣ и Глогову, гдѣ заперся Болеславъ; цѣлый мѣсяцъ провели они въ дорогѣ, опустошая попадавшіяся на пути селенія, и 9 августа дошли до Глогова. Польскіе стрѣлки вызывали Нѣмцевъ на бой, но императоръ удержался отъ сраженія. Не осаждая Глогова, оставивъ безъ вниманія и другія сильныя польскія крѣпости на Одрѣ, какъ Кросно, Вратиславль и др., онъ отдѣляетъ огромную часть своего войска, двѣнадцать полковъ, и посылаетъ ее на югъ, въ Силезію,

8 іюля.

10 іюля.

9 августа.

---

[1]) Походъ Русскаго князя кончился неудачною осадою Бреста. Соловьевъ, Исторія Россіи I. стр. 221; Карамзинъ, Исторія Государства Россійскаго т. II. примѣчаніе 10.

[2]) Thietm, VII, 42, 44, 46, 47, 48.

осаждать городъ Нимчъ (Nimptsch). Этотъ городъ былъ сначала охраняемъ весьма слабымъ отрядомъ; но когда нѣмецкія войска расположились лагеремъ подъ его стѣнами, то, пользуясь темнотою ночи и проливнымъ дождемъ, пробралось въ него сильное подкрѣпленіе, подосланное Болеславомъ. Черезъ три дня прибылъ подъ Нимчъ и императоръ съ главнымъ войскомъ, приказалъ оцѣпить со всѣхъ сторонъ городъ и приступилъ къ правильной осадѣ его. Сюда же двинулся изъ Глогова и Болеславъ и сталъ слѣдить за дѣйствіями Нѣмцевъ изъ Вратиславля. Такимъ образомъ въ Силезіи сосредоточились главныя силы враговъ [1]), но война велась и, пожалуй, гораздо оживленнѣе во многихъ другихъ мѣстахъ. Моравскіе рыцари Болеслава окружили неосторожный отрядъ Баварцевъ, избили его и отплатили за пораженіе, нанесенное имъ въ 1015 году. Мечиславъ съ десятью полками ворвался въ Чехію, которая, за отсутствіемъ князя Ольдриха, могла оказать ему слабое сопротивленіе, два дня грабилъ страну и возвратился съ безчисленнымъ множествомъ плѣнниковъ. Съ другой стороны опустошали Чехію моравскіе рыцари, они съ огромною добычею уже возвращались домой, но ихъ накрылъ маркграфъ Генрихъ, отнялъ у нихъ добычу и нанесъ имъ жестокое пораженіе. Легкій отрядъ наѣздниковъ Болеславовыхъ напалъ 15 августа на нѣмецкій городъ Бѣлогорье на Лабѣ. Изъ этого можно видѣть, что нападенія были съ разныхъ сторонъ и что ни одна часть обширнаго государства Болеслава не осталась незащищенною. Такъ, часть Лютичей напала было на одинъ польскій городъ, но при этомъ потеряла многихъ убитыми и плѣнными и принуждена была довольствоваться грабежемъ. «Прискорбно вспоминать,—говоритъ Титмаръ [2]),—о томъ злодѣйскомъ поступкѣ, который сдѣлали рыцари Болеславовы въ странѣ между Лабой и Мульдой: быстрымъ наѣздомъ 19 сентября, они забрали здѣсь болѣе тысячи человѣкъ вонноплѣнными и на широкое пространство выжгли селенія».

15 августа.

19 сентября.

А императоръ все сидѣлъ подъ Нимчемъ и приготовлялъ средства къ приступу; но и въ это время «незамѣченный ни однимъ сторожевымъ, въ тишинѣ ночи, пробрался въ городъ большой вспомогательный отрядъ.» Понятное дѣло, при такой дисциплинѣ и продажности военачальниковъ, осада не могла идти успѣшно. «Мы стали изготовлять машины, но на сторонѣ враговъ можно было замѣтить подобныя же приготовленія. И я не знаю, защищались ли когда осажденные съ бо́льшею настойчивостію и лучшимъ искусствомъ; противъ

---

[1]) Движеніе на Нимчъ остается непонятнымъ разсчетомъ Генриха; было-ли это случайная ошибка, или заранѣе составленный планъ, трудно сказать.

[2]) Всѣ примѣры отдѣльныхъ столкновеній и наѣздовъ взяты изъ Титмарова описанія этого похода въ VII книгѣ, 42—48 главахъ.

язычниковъ они поднимали св. крестъ и съ его помощію надѣялись побѣдить ихъ; если имѣли удачу, никогда не кричали съ радости, но также не горевали и при потерѣ». Когда изготовлены были стѣнобитныя машины, послѣ трехнедѣльнаго сидѣнья подъ городомъ, императоръ приказалъ придвинуть ихъ къ стѣнамъ; но съ городскихъ стѣнъ подложенъ былъ огонь подъ осадные снаряды, и они быстро обнялись пламенемъ. Князь Ольдрихъ съ Чехами пытался подняться на стѣны, но не имѣлъ успѣха; отброшены были также и Лютичи, отважившіеся на подобную же попытку. Такъ безуспѣшна была трехнедѣльная осада города; а между тѣмъ во многихъ мѣстахъ польское рыцарство одержало перевѣсъ надъ отдѣльными нѣмецкими отрядами, въ войскѣ императорскомъ стали распространяться заразительныя болѣзни и смертность, и надъ всѣмъ этимъ не вдалекѣ слѣдилъ за всѣми движеніями Нѣмцевъ зоркій глазъ польскаго короля [1]).

Генрихъ рѣшился снять осаду и начать отступленіе; главное войско съ императоромъ отступало черезъ Чехію, маркграфъ Генрихъ съ Лютичами шелъ другимъ, сѣвернымъ путемъ, черезъ страну Мильчанъ и Гломачей. Отступленіе соединено было съ величайшими затрудненіями, какъ потому, что нужно было отбиваться отъ преслѣдовавшихъ враговъ, такъ и въ слѣдствіе внутреннихъ раздоровъ между союзниками, которые могли повести къ важнымъ послѣдствіямъ. Болеславъ преслѣдовалъ отступающихъ въ томъ и другомъ направленіи: болѣе шести сотъ пѣшаго войска отправлены были затруднять путь императорскому войску къ Чехіи, конный отрядъ рыцарей пустился въ погоню за Лютичами и маркграфомъ Германомъ и произвелъ опустошительный наѣздъ на страну между Лабой и Мульдой. Титмаръ воздерживается входить въ подробности описанія тяжелыхъ утратъ, но и въ томъ, что онъ говоритъ, весьма сильно проглядываетъ униженное чувство патріота: «Можно ли описать тяжести этого похода, и въ состояніи ли кто изобразить утраты, понесенныя всѣми? Непреодолимыя трудности представляло вступленіе въ Чехію, но еще хуже былъ выходъ изъ нея..., чего враги не могли сдѣлать намъ при вступленіи въ Чехію, то позже допущено имъ было за грѣхи наши!» Неудовольствіе союзниковъ, готовое перейти во враждебное чувство къ Нѣмцамъ, произошло въ слѣдствіе дурныхъ обстоятельствъ, которыми сопровождалось отступленіе. Лютичи были въ походѣ со своими жрецами, на своихъ знаменахъ они носили изображеніе богини. Одинъ изъ друзей маркграфа Германа, по неосторожности, прорвалъ изображеніе лютичской богини брошеннымъ камнемъ; съ огорченіемъ жаловались на это жрецы императору и получили въ удовлетвореніе двѣ-

---

[1]) Annal. Quedlinburg. a. 1017; Thietm. VII. 46, 47.

надцать талантовъ. Когда за тѣмъ они переправлялись около Вурцина черезъ Мульду, потеряли въ рѣкѣ и другое изображеніе своей богини, при чемъ потонуло 50 ихъ лучшихъ воиновъ. При такихъ знаменіяхъ гнѣва боговъ они возвратились домой и намѣревались, измѣнивъ императору, войти въ соглашеніе противъ Нѣмцевъ съ Болеславомъ польскимъ, который уже давно указывалъ имъ на выгоды такого союза. Не малаго труда стоило императору привлечь на свою сторону старшинъ ихъ и такимъ образомъ удержать Лютичей отъ союза съ Болеславомъ [1]).

Такимъ образомъ походъ, отъ котораго много ожидали, кончился печально. Нѣмецкое войско потерпѣло тяжелыя утраты, страна была открыта врагу, вѣрность Лютичей колебалась и саксонскіе графы требовали мира. Союзъ съ Русью не принесъ Нѣмцамъ ожидаемой пользы: только по возвращеніи изъ похода узналъ императоръ, что князь Ярославъ дѣйствительно напалъ на восточныя границы Польши и долго задержанъ былъ осадою Бреста. Все заставляло его искать прекращенія опасной игры; но были также причины, заставлявшія и польскаго короля желать мира. Какъ ни геройски ведена была имъ послѣдняя война, но онъ долженъ былъ видѣть, что нельзя въ одно и тоже время выдерживать напоръ двухъ сильныхъ враговъ на востокѣ и западѣ своего обширнаго государства; онъ сталъ искать благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы начать переговоры съ нѣмецкимъ императоромъ и потомъ обратить свои силы на восточнаго врага.

1 октября. Первый шагъ къ переговорамъ сдѣлалъ Болеславъ. Когда императоръ былъ въ Межиборѣ, въ первыхъ числахъ октября сюда прибылъ польскій посолъ съ предложеніемъ размѣняться плѣнными. Ему было дано порученіе вывѣдать, удобно ли теперь будетъ начать переговоры о мирѣ; такъ какъ императоръ многими обстоятельствами побуждаемъ былъ къ этому, то вскорѣ начались переговоры, а потомъ 30 января 1018 г. заключенъ былъ миръ [2]). Для этого, по настоянію Болеслава, не желавшаго заключать мира внѣ границъ своего государства, епископы Геро и Арнульфъ, графы Германъ и Тидрихъ и секретарь императорскій Фридерикъ отправились въ городъ *Будишинъ*, во владѣнія Болеслава польскаго. Объ условіяхъ *будишинскаго* договора умалчиваютъ и Титмаръ, и лѣтописцы; Болеславъ скрѣпилъ этотъ миръ своимъ бракомъ съ дочерью графа Эккарда, сестрою мишенскаго маркграфа Германа, своего зятя. Это былъ пятый бракъ польскаго ко-

1018 г. 30 января.

2 февраля.

---

[1]) Thietm. VII. 47; Szajnocha, Bolesł. Chróbry, стр. 170.

[2]) Thietm, VIII. 1. Jn quadam urbe Budusîn dicta... pax sacramentis firmata est, non ut decuit, sed sicut tunc fieri potuit; electisque obsidibus acceptis, prefati seniores reversi sunt....; Annal. Quedlinburg. a. 1018.... Hoc anno Bolizlavo per nuncios reconciliata pace imperatoris gratiam recepit.

роля, который, по выраженію Гизебрехта, съ перемѣною политики мѣнялъ и своихъ женъ [1]). Къ условіямъ этого договора относилось обязательство Нѣмцевъ дать Болеславу вспомогательный отрядъ для его войны съ Русскими [2]).

Всматриваясь въ послѣдующія событія и взвѣсивъ положеніе тогдашнихъ обстоятельствъ, должно заключить, что *будишинскимъ миромъ* были закрѣплены за Болеславомъ, безъ всякихъ обязательствъ, всѣ занятыя имъ прежде области: Моравія, Лужицы, страна Мильчанъ — по Черную Эльстру, до впаденія этой рѣки въ Лабу, также округъ любушскій, между Одрой и Лабой. При описаніи войнъ мы видѣли, что ближайшія мѣста по обѣимъ сторонамъ Лабы заняты были нѣмецкими крѣпостями, что Лиска, Ютрибогъ, Стрела, Мишна, Склянцисвордъ и др. назначались мѣстами то роздыха, то собранія нѣмецкихъ войскъ, то отмѣчались какъ города, укрѣпленные нѣмецкими отрядами. Сюда направляются смѣлые наѣзды польскихъ рыцарей, опустошавшихъ страну и уводившихъ изъ нея населеніе. Съ другой стороны, можно замѣтить, что нѣмецкія войска начинаютъ военныя дѣйствія каждый разъ на другой сторонѣ Лабы, за Черною Эльстрою, въ бывшей восточной маркѣ,—доказательство, что здѣсь начиналась для нихъ враждебная страна, здѣсь оканчивались границы ихъ владѣній. «Ошибается, кто утверждаетъ,—говоритъ Лелевель [3]), — что условія будишинскаго договора совсѣмъ неизвѣстны. Извѣстны очень хорошо, если обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства. Болеславъ не отказывался отъ того, чѣмъ онъ разъ завладѣлъ; но извѣстно, что до самой смерти онъ владѣлъ Моравіей: ибо она утрачена при Мечиславѣ II, частію Чехіи, потому что не сразу были вытѣснены польскія войска изъ пограничныхъ городовъ чешскихъ, Лужичанами и Мильчанами по Черную Эльстру, можетъ быть до самаго ея устья, гдѣ на Лабѣ онъ ставилъ города; Любуша съ окрестностями осталась при Польшѣ, иначе не могъ бы тамъ Болеславъ устроить епископію [4])».

Нужно представить себѣ положеніе западнаго Славянства въ концѣ X в., чтобы понять важность заслугъ Болеславовыхъ для славянскаго міра. Если онъ не встрѣтилъ между современниками полнаго пониманія всей опасности, грозившей Славянамъ съ запада, если стремленіе къ обособленію было господствующимъ у большихъ и малыхъ народовъ, если князья и старшины народные, ослѣпленные блескомъ императорскаго величія и обласканные пріязнію двора, закрывъ глаза,

---

[1]) Giesebrecht, Geschichte der Deutschen Kaiserz. II, s. 139.

[2]) Thietm. VIII. 16.

[3]) Lelewel, Polska, T. II, стр. 203.

[4]) Лелевель, T. II, стр. 204—6; Bogusławskiego, Rys Dziejów Serbo—Łużyckich, стр. 80—81.

вели народъ свой къ рабству и впутывались въ кругъ политики нѣмецкой; то несомнѣнная заслуга его на пользу всего Славянства оказалась въ томъ, что онъ затормозилъ, въ извѣстной мѣрѣ оттолкнулъ побѣдоносное распространеніе нѣмецкаго господства къ востоку, которое такъ грозно и рѣшительно началось при первыхъ императорахъ саксонской династіи. Въ этомъ отношеніи Болеславъ есть прямой преемникъ и продолжатель дѣятельности князей моравскихъ, Ростислава и Святополка. Не даромъ же такое горькое чувство возбуждается при каждомъ упоминаніи объ немъ у его историка, Титмара. Касаясь нѣкоторыхъ обычаевъ, свойственныхъ Полякамъ времени Болеслава, Титмаръ [1]) продолжаетъ: «но я не считаю за нужное входить въ подробности объ этомъ человѣкѣ; лучше бы было, если бы его имя и жизнь остались намъ совсѣмъ неизвѣстными. Ибо всѣ тѣ отношенія, въ которыя отецъ его и самъ онъ вступали съ нами, чрезъ бракъ и тѣсную дружбу, приносили доселѣ болѣе вреда намъ, чѣмъ добра, да принесутъ еще и на будущее время. Если во время сомнительнаго мира онъ и обходится съ нами дружелюбно, то многообразными тайными средствами не перестаетъ отклонять насъ отъ взаимной любви и, какъ только представится благопріятное время и мѣсто, не преминетъ открыто возстать, ища нашей погибели».

7) Отношенія Болеслава польскаго къ русскимъ князьямъ. Идеальныя черты Болеслава. Его короноваціе. 1018—1025 гг.

Завоевательное движеніе Болеслава польскаго на западъ пріостановлено было натянутыми отношеніями его съ князьями русскими; въ самомъ дѣлѣ, оба замѣчательныя дѣла его съ императоромъ Генрихомъ въ 1013 и 1017 гг. прекращаемы были именно потому, что какъ-разъ въ тоже время подвергались опасности восточныя границы Польши; король польскій долженъ былъ отрывать вниманіе отъ запада и стягивать свои силы на востокъ.

Мы знаемъ, что русскій князь, Владиміръ Великій, завоевавъ червенскіе города въ восточной Галиціи, сталъ непосредственнымъ сосѣдомъ могущественнаго польскаго короля [2]). Молодыя государства необходимо должны были столкнуться между собою еще въ концѣ X вѣка; и если столкновеніе произошло позднѣе, то это только потому, что преимущественное вниманіе Болеслава занимали дѣла за-

---

[1]) Thietm. VIII. 2.

[2]) См. выше стр. 213—214.

падныя, а христіанская вѣра укротила воинственный пылъ князя русскаго. Этими обстоятельствами объясняется то, что кіевскій князь жилъ въ мирѣ *съ Болеславомъ Лядьскимъ* [1]). Дружественный союзъ скрѣпленъ былъ даже родствомъ между княжескими семьями: дочь Болеслава польскаго вышла замужъ за Владимірова сына, удѣльнаго князя туровскаго, Святополка [2]). Но бракъ этотъ повелъ за собой причины ко вмѣшательству Болеслава въ дѣла русскія и заключалъ въ себѣ поводъ къ домашнимъ неурядицамъ въ самой Руси. Вмѣстѣ съ дочерью Болеслава прибылъ ко двору туровскаго князя Рейнбернъ, епископъ колобрежскій, который, сблизившись со Святополкомъ, началъ, съ вѣдома Болеслава, подстрекать его къ возстанію противъ Владиміра: успѣхъ этого возстанія былъ важенъ для Болеслава въ политическомъ, а для запада въ церковномъ отношеніи, — съ этимъ возстаніемъ связывались виды на отторженіе Россіи отъ союза съ востокомъ и восточнаго православія [3]). Владиміръ узналъ объ интригѣ Рейнберна, захватилъ его и, вмѣстѣ съ сыномъ и невѣсткою, заключилъ въ темницу. Весьма вѣроятно, что слухъ объ этихъ обстоятельствахъ, дошедшій до Польши, побудилъ Болеслава поспѣшить заключеніемъ мира съ Нѣмцами въ 1013 году и предпринять походъ на востокъ; союзниками его были Нѣмцы и Печенѣги [4]). 1013 г.
Во время похода возникла распря между Поляками и Печенѣгами, и Болеславъ велѣлъ истребить своихъ степныхъ союзниковъ. Чѣмъ сопровождался, и какъ кончился походъ, — мы не имѣемъ извѣстій объ этомъ; король польскій могъ довольствоваться освобожденіемъ зятя своего и дочери изъ тюрьмы и снова обратить вниманіе на западъ [5]).

Какъ бы то ни было, только по смерти Владиміра, 15-го іюля 1015 года, мы видимъ туровскаго князя уже на свободѣ, онъ стремился захватить кіевское княжество, которое обыкновенно переходило на старшаго въ родѣ. Какъ сынъ Владиміра отъ третьяго брака его со вдовою Ярополка, онъ въ годъ смерти отца былъ старшимъ въ родѣ: потому что сыновья Владиміра отъ первыхъ браковъ, Вышеславъ и

---

[1]) Полное собраніе Р. Л., т. I. стр. 54.

[2]) Бракъ этотъ заключенъ былъ въ 1010 году, или нѣсколько позднѣе, потому что дочь Болеслава отъ его брака съ Кунильдою могла родиться не ранѣе 991 г. См. Лелевеля, Polska T. II, стр. 207, примѣч. 59; Соловьева, Исторія Россіи, I. стр. 211.

[3]) О Рейнбернѣ говоритъ Титмаръ, VII. 52; Соловьевъ, Исторія Россіи I, стр. 201; Карамзинъ, II. стр. 5—6.

[4]) Thietm. VI. 55... post haec vero Rusiam nostris ad hoc auxiliantibus petiit e magna regionis illius parte vastata.... Соловьевъ, Исторія Россіи, I стр. 201.

[5]) Рейнбернъ умеръ въ заключеніи, Титмаръ VII. 55.

Изяславъ, тогда уже умерли [1]). Хотя отецъ и устранялъ его отъ правъ старшинства, не далъ ему новгородскаго удѣла, въ который посылался обыкновенно старшій сынъ великаго князя, явно предпочитая Святополку младшаго сына Бориса; Святополкъ однако не терялъ надежды и настойчиво хотѣлъ провести свои права на великокняжескій столъ. Отсюда возникъ тотъ печальный характеръ его дѣятельности, который ввелъ въ русскую исторію тѣже явленія кровавыхъ сценъ, изгнанія родичей и насилія, какими характеризуется современная исторія Чехіи и Польши.

Владиміръ умеръ въ Берестовѣ; на слѣдующую ночь, со всѣми предосторожностями, приближенные перевезли тѣло его въ Кіевъ и положили въ десятинной церкви [2]). Въ это время дѣти Владиміра были въ походѣ противъ Печенѣговъ; Кіевлянамъ хотѣлось скрыть смерть князя до окончанія этого похода, чтобы Святополкъ, находившійся тогда въ Кіевѣ, не могъ завладѣть властію великаго князя. Но Святополкъ узналъ о смерти отца, сѣлъ на кіевскомъ престолѣ, созвалъ Кіевлянъ и началъ раздавать имъ подарки; граждане принимали подарки, но сердце ихъ не было со Святополкомъ, говоритъ лѣтописецъ. Чтобы упрочить за собою новое положеніе, Святополкъ разсылаетъ убійцъ и отдѣлывается такимъ образомъ отъ болѣе опасныхъ соперниковъ: Бориса, Глѣба и Святослава [3]). Уже онъ началъ помышлять: «перебью всѣхъ братьевъ своихъ, и приму одинъ всю власть на Руси», какъ гроза нашла на него изъ Новгорода. Тамъ княжилъ одинъ изъ братьевъ его, Ярославъ. Узнавъ о событіяхъ въ Кіевѣ, онъ собралъ варяжскую дружину, упросилъ Новгородцевъ помочь ему и съ большимъ войскомъ двинулся на Святополка. Этотъ также собралъ войско, нанялъ Печенѣговъ, пошелъ на встрѣчу Ярослава и встрѣтился съ нимъ на берегу Днѣпра, у Любеча. Проигравъ сраженіе, Святополкъ убѣжалъ
1016 г. къ своему тестю, Болеславу польскому, для котораго было весьма желательно вмѣшаться въ русскія дѣла. Занятый въ это время войною съ Нѣмцами, Болеславъ подослалъ на Кіевъ Печенѣговъ; «произошла съ ними злая сѣча, едва къ вечеру Ярославъ могъ прогнать варваровъ» [4]). Съ своей стороны Ярославъ вошелъ въ сношенія съ нѣмецкимъ императоромъ Генрихомъ II, подступилъ къ границамъ польскимъ и началъ осаждать Брестъ [5]).

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи I. стр. 210—211.

[2]) П. С. Р. Л. т. I. стр. 56.

[3]) П. С. Р. Л. т. I. стр. 57—60; Соловьевъ, Исторія Россіи. I. стр. 215—17; Карамзинъ, Исторія Государства Росс., II. стр. 6—9.

[4]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. I. примѣч. 298.

[5]) Thietm. VII. 48; Карамзинъ, Исторія Государства Россійскаго т. II. примѣчаніе 10.

Заключивъ съ Нѣмцами будишинскій миръ, Болеславъ предпринялъ въ 1018 г. походъ на Русь. Этотъ походъ Болеслава вызванъ былъ двумя обстоятельствами: жалобой зятя на то, что Ярославъ кіевскій лишилъ его правъ на княженіе и выгналъ изъ земли и тѣмъ, что кіевскій князь былъ въ союзѣ съ Нѣмцами противъ Польши. 1018 г.

Походъ открылся лѣтомъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ [1]). Собственное численное войско Болеслава усилено было 300 Нѣмцевъ, 500 Угровъ и 1000 Печенѣговъ. 22-го іюля онъ подошелъ къ Бугу, служившему границей между Русскими и Поляками. На другомъ берегу рѣки ждалъ его Ярославъ съ Кіевлянами, Новгородцами и Варягами. Воевода Ярославовъ Будый, разъѣзжая по берегу, началъ смѣяться надъ Болеславомъ: «Вотъ мы проткнемъ палкою брюхо твое толстое»! [2]). Былъ Болеславъ великъ и тяжелъ, такъ что и на конѣ съ трудомъ сидѣлъ, но за то смышленъ, замѣчаетъ лѣтописецъ. Не выдержалъ онъ насмѣшки и, обратившись къ дружинѣ, сказалъ: «Если вамъ это ничего, такъ я одинъ погибну», потомъ сѣлъ на коня, бросился въ рѣку, а за нимъ и все войско. Ярославъ не ожидалъ такого оборота дѣла, не приготовилъ къ битвѣ своихъ дружинъ, войско его не выдержало нападенія враговъ, частію разбѣжалось, частію было избито; самъ онъ съ четырьмя мужами ушелъ въ Новгородъ. Съ того дня почти безъ сопротивленія шелъ Болеславъ по русской землѣ. Весьма вѣроятно, что его успѣху много помогло то, что съ нимъ былъ русскій князь, который могъ имѣть въ Кіевѣ свою партію [3]); куда ни приходилъ Болеславъ, вездѣ принимали его съ дарами. 14-го августа подошли Поляки къ Кіеву; городскія стѣны еще прошедшій годъ выдержали сильную осаду Печенѣговъ и были попорчены пожаромъ, поэтому Кіевляне не могли долго сопротивляться. Митрополитъ кіевскій въ торжественной процессіи, съ мощами святыхъ и другими святынями, встрѣтилъ князей въ монастырѣ св. Софіи. Болеславъ нашелъ въ Кіевѣ мачеху, жену и девять сестеръ князя Ярослава; одну изъ послѣднихъ, въ рукѣ которой незадолго передъ тѣмъ ему было отказано, взялъ себѣ въ наложницы. Тогдашній Кіевъ удивлялъ иностранцевъ своимъ богатствомъ, роскошью и многолюдствомъ: здѣсь было болѣе 400 церквей, 8 рынковъ, постоянный приливъ иноземныхъ гостей. Болеславъ нашелъ въ немъ неизмѣримое множество скопленныхъ богатствъ, золота и дорогихъ одеждъ, бо̀льшую часть которыхъ раздѣлилъ между своими дружинниками и любимцами, а часть отослалъ въ Польшу. Овладѣвъ Кіевомъ, Болеславъ распустилъ всѣ союзническія войска, а свое

22 іюля.

14 августа.

---

[1]) Thietmar VIII. 16; П. С. Р. Л. I. стр. 62—63.

[2]) . .... да то ти прободемъ трѣскою черево твое толъстое.... Описаніе Титмара и русской лѣтописи въ сущности сходны.

[3]) Thietmar VIII. 16.

рыцарство разослалъ по городамъ на кормленіе [1]). Гордясь своимъ успѣхомъ, послалъ митрополита кіевскаго къ Ярославу съ предложеніемъ выдать ему дочь его, жену Святополка, обѣщаясь въ замѣнъ освободить мачеху, жену и сестеръ Ярославовыхъ.

Десять мѣсяцевъ, по словамъ Галла [2]), проживалъ Болеславъ въ Кіевѣ. Очень понравилась ему новая столица, и онъ спѣшилъ заявить о своихъ успѣхахъ могущественнымъ императорамъ, восточному и западному. Любимецъ его, аббатъ Туни, отправился съ дарами къ нѣмецкому императору засвидѣтельствовать передъ нимъ преданность Болеслава; византійскому императору, сдѣлавшемуся теперь сосѣдомъ Польши, Болеславъ обѣщалъ миръ и спокойствіе, если онъ окажетъ себя вѣрнымъ другомъ; если же нѣтъ, грозилъ сдѣлаться упорнымъ и непреодолимымъ врагомъ его. Вообще, можно замѣтить, что Болеславъ не считалъ себя гостемъ въ Кіевѣ и задумывалъ оставить кіевскій столъ не за Рюриковичемъ, но за Пястовичемъ. Но оказалось сильное народное движеніе противъ Поляковъ, подобно тому, какъ это разъ случилось уже въ Прагѣ. Лѣтописецъ [3]) говоритъ, что Святополкъ приказалъ избивать разсѣвшихся по городамъ Поляковъ; но могло и не быть прямого повелѣнія: взаимное неудовольствіе между Поляками и Русскими было и тогда, и продолжалось черезъ всю исторію, и послѣдніе не могли спокойно смотрѣть на хозяйничанье первыхъ. Оставшись безъ надежной опоры, и угрожаемый движеніемъ сѣверныхъ дружинъ, Болеславъ рѣшился оставить захваченный городъ. Онъ взялъ съ собою все имущество Ярослава и повезъ богатую добычу изъ Кіева; извѣстно лицо, которое весьма усердно при этомъ помогало польскому королю; — это былъ Анастасъ, священникъ десятинной церкви, хитрый Грекъ, уже разъ измѣнившій своимъ соотечественникамъ (когда великій князь Владиміръ осаждалъ Корсунь) и мѣнявшій привязанности, смотря по выгодамъ. Болеславъ увелъ съ собою изъ Кіева бояръ Ярославовыхъ и двухъ сестеръ его, и множество плѣнниковъ; дорогою захватилъ червенскіе города, принадлежавшіе Россіи съ 981 года [4]). Святополкъ началъ княжить въ Кіевѣ.

---

[1]) П. С. Р. Л. I. стр. 62.

[2]) Galli Chronic. I. 7.

[3]) П. С. Р. Л. I. стр. 62: Святополкъ рече: «Елико же Ляховъ по городу, избивайте я и избиша Ляхы. Болеславъ же побѣже изъ Кыева».

[4]) Польскіе источники частію представляютъ въ другомъ свѣтѣ самое пребываніе Болеслава въ Кіевѣ, частію распространяютъ отношенія Болеслава къ Ярославу неправдоподобными подробностями, напримѣръ заставляютъ Ярослава бѣжать за отступающимъ изъ Кіева Болеславомъ и еще разъ быть побѣжденнымъ. Польскіе источники разобраны у Карамзина во II томѣ Исторіи Государства Россійскаго,

Между тѣмъ Ярославъ, разбитый Болеславомъ, явился въ Новгородъ и хотѣлъ оттуда бѣжать за море. Но Новгородцы успокоили его обѣщаніемъ выставить новое войско, и дѣйствительно скоро двинулись къ Кіеву. Можно предполагать, что это движеніе сѣверныхъ дружинъ и заставило короля польскаго поскорѣе выбраться изъ Кіева. Святополкъ, захватившій кіевскій столъ, испугался приближавшагося Ярослава, убѣжалъ къ Печенѣгамъ и, получивъ отъ нихъ помощь, снова явился въ Русь, съ намѣреніемъ овладѣть великокняжескимъ престоломъ. Печенѣги встрѣтились съ русскимъ войскомъ на Альтѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ убитъ былъ, по проискамъ Святополка, князь Борисъ; между ними произошла тутъ *злая сѣча, какой и не бывало на Руси*, по замѣчанію лѣтописца [1]). Святополкъ былъ побѣжденъ «и пробѣжа лядьскую землю, гонимъ божьимъ гнѣвомъ, прибѣжа въ пустыню межю Ляхы и Чехы, испроверже злѣ животъ свой». А Ярославъ сѣлъ въ Кіевѣ и утеръ потъ съ дружиною, показавъ побѣду и трудъ великій [2]).

Вмѣстѣ со смертію Святополка прекратилось и вліяніе на Русь Болеслава. Ни нѣмецкіе, ни польскіе, ни русскіе источники не говорятъ ничего о послѣднихъ годахъ его жизни. Можетъ быть, упоенный славою послѣднихъ побѣдъ, онъ почиталъ задачу жизни своей конченною. Намъ остается взглянуть на сочувственный образъ храбраго короля, какъ онъ проявлялся въ его домашней жизни и какимъ онъ остался въ народномъ воспоминаніи.

Образъ польскаго короля былъ бы далеко не очерченнымъ, если бы мы не обратили вниманія на поэтическую окраску, приданную этому королю въ народномъ преданіи. Вмѣстѣ съ Болеславомъ вступила Польша на путь военной славы, приняла участіе въ западномъ просвѣщеніи, старательно разносимомъ по странѣ чужеземнымъ духовенствомъ. Война питала военное сословіе и приближала его къ королю; духовенство пользовалось его расположеніемъ, получало обширные поземельные участки, — съ Болеславомъ явилось рѣзкое (конечно не сразу) разграниченіе и выдѣленіе сословій, это повело къ сословнымъ привиллегіямъ, къ понятію о родовитости и знатности. Понятно, почему память Болеслава не умирала въ преданіи дворянства и духовенства. Но любопытно то, что имя его пользовалось популярностію между кметами, на Болеслава смотрѣло ближайшее потомство, какъ на справедливаго и нелицепріятнаго судію, какъ на батюшку-царя, щедраго питателя и кормильца, къ которому входъ во всякое

примѣч. 10, 13, особенно 18 и у Репеля въ его Geschichte Polens I, ss. 658 — 661. Мы слѣдовали въ изложеніи этихъ событій преимущественно Нестору и Титмару.

[1]) П. С. Р. Л., т. I. стр. 62—63.

[2]) П. С. Р. Л., т. I. стр. 63.

время открытъ и самому бѣдному кмету [1]). Народный идеалъ князя русскаго Владиміра весьма родственъ идеалу короля Болеслава, рисуемому Галломъ. Мы попытаемся сопоставить нѣсколько сходственныхъ чертъ. Одно изъ свойствъ преданія — это окружать, съ теченіемъ времени, любимую личность тѣми признаками, съ отсутствіемъ которыхъ въ государяхъ извѣстнаго времени не мирятся представленія народа о государѣ вообще. Сопоставленіе народныхъ представленій о князьяхъ польскомъ и русскомъ можетъ выяснить идеалъ славянскаго князя.

Самыя рѣзкія черты этого идеала—справедливость ко всѣмъ равная, общедоступность и щедрость, доходящая до баснословныхъ размѣровъ, щедрость пригрѣвающая, кормящая и ласкающая всякаго, кто бы ни появился вблизи княжескаго двора.

Рыцарское сословіе приняло весьма широкое развитіе при Болеславѣ и, обратившись затѣмъ въ шляхетство, стѣснило кметское сословіе; кметы пытались было возвратить свои прежнія права, возмущались противъ новыхъ порядковъ, но должны были притихнуть и погрязнуть еще глубже въ униженіи и безправности. Тѣмъ незабвеннѣе долженъ былъ казаться имъ тотъ король, который никогда не отказывалъ имъ въ справедливости. «Обладалъ король Болеславъ великою справедливостію и дивною доступностію. Когда какой бѣдный крестьянинъ, или женщина жаловались ему на кого-нибудь изъ воеводъ, Болеславъ, хотя бы онъ былъ занятъ и важными дѣлами, и окруженъ большою толпою пановъ и рыцарей, не сходилъ съ мѣста, пока не выслушаетъ всей жалобы, и не пошлетъ коморника своего за тѣмъ, на кого жаловались. Тогда же препоручалъ жалобщика одному изъ своихъ довѣренныхъ лицъ съ тѣмъ, чтобы онъ охранялъ его отъ обидъ и доложилъ королю его дѣло, когда явится обвиняемый; при этомъ уговаривалъ кмета, какъ своего сына, чтобы отсутствующаго онъ не винилъ безъ причины и чтобы такимъ образомъ не привлекъ на себя того бѣдствія, которое готовилъ другому... Съ одинакимъ вниманіемъ разбиралъ онъ дѣло кмета и знатнаго пана [2]). Не обременялъ онъ кмета тяжелыми повинностями; но, какъ любящій отецъ, доставлялъ ему спокойную жизнь. Во всѣхъ мѣстахъ имѣлъ опредѣленныя мѣста для стоянки и постоянную прислугу, не любилъ останавливаться въ нежилыхъ мѣстахъ, но предпочиталъ города и замки. Перенося свой дворъ съ мѣста на мѣсто, всякій разъ перемѣ-

---

[1]) Черты для выясненія идеальнаго типа Болеслава представляетъ Галлъ, котораго вся исторія «Славнаго короля» — есть устныя преданія объ немъ духовенства, дворянства и народа польскаго.

[2]) Galli Chronic, I. 9.

нялъ начальниковъ... Когда проѣзжалъ какою областію, никто не скрывалъ отъ него своихъ быковъ или овецъ, но богатый и бѣдный съ радостною улыбкою смотрѣли на него, цѣлый край сбѣгался на встрѣчу своему королю» [1]).

Огромныя богатства королевскія шли или на подарки его вѣрному рыцарству, или на праздники народные. Быть ко всѣмъ щедрымъ, раздавать богатыя одежды, устраивать праздники на цѣлый округъ— все это принадлежало къ существеннымъ чертамъ королевскаго достоинства. Князь на столько пользовался расположеніемъ народа, на сколько, по словамъ надгробной похвалы Болеславу, бо̀льшими владѣлъ онъ богатствами и былъ щедрымъ распорядителемъ государственной собственности. Каждый торжественный день проводился въ шумныхъ, на цѣлый край даваемыхъ, праздникахъ; обыкновенный обѣдъ королевскій былъ накрываемъ на сорока столахъ большихъ, и на нѣсколькихъ малыхъ; чтобы былъ всегда готовый запасъ живности и припасовъ, нанимаемы были для этого изъ разныхъ краевъ толпы птачниковъ и охотниковъ, которые ловили и доставляли ко двору всѣ роды крылатаго и четвероногаго звѣря [2]). Въ многочисленныхъ городахъ княжескихъ были запасы богатыхъ одеждъ, меду и разныхъ яствъ, которые назначались для народа. Разсылая своихъ намѣстниковъ по городамъ, приказывалъ имъ въ извѣстные дни давать пиры горожанамъ и окрестнымъ поселянамъ, раздавать одежды и другіе королевскіе дары, какіе самъ онъ обыкновенно давалъ народу [3]). Защиту собственности кмета ставилъ выше забиранія городовъ и побѣдъ надъ непріятелями, говорилъ, что все рыцарское сословіе имѣетъ единственную цѣль—защищать поселянъ.

При такой щедрости ко всему народу, Болеславъ оказывалъ еще болѣе расположенія къ своему вѣрному рыцарству, товарищамъ въ войнѣ и боевыхъ трудахъ, главнымъ исполнителямъ его великихъ замысловъ. Онъ желалъ, чтобы какъ можно численнѣе было его рыцарство, пополнялъ ряды его нѣмецкими, угорскими, славянскими и печенѣжскими удальцами. Каждый пришлецъ, отличившійся своими военными способностями, становился уже не рыцаремъ только, но сыномъ короля; если съ которымъ изъ нихъ случалось несчастіе потерять коня или что-нибудь подобное, онъ съ избыткомъ вознаграждалъ утрату и такъ говорилъ окружающимъ: «Если бы можно было такого храбраго воина откупить отъ смерти, то и жадную смерть я бы

---

[1]) Ibidem. I. 12.

[2]) Ibidem. I. 14.

[3]) Ibidem. I. 15. Черты щедрости русскаго князя Владиміра—П. С. Р. Л. 1. стр. 53 — 54. Общедоступность къ нему и богатый столъ, накрытый для всѣхъ, рисуетъ нашъ богатырскій эпосъ. См. О. Миллера, Илья Муромецъ, Спб. 1869, стр. 327 и слѣд.

обременилъ богатствами, чтобы сохранить такой цвѣтокъ въ моемъ отважномъ рыцарствѣ» [1]). Каждаго рыцаря зналъ король и поощрялъ къ бою по имени; «если рыцарь обвиненъ былъ въ какомъ преступленіи, король посылалъ за нимъ, принималъ къ себѣ на лицо, приглашалъ къ столу и не приступалъ къ допросу въ тотъ день, но или въ слѣдующій, или на третій день» [2]). И такъ дорожили королевскимъ вниманіемъ, что запрещеніе являться ко двору принимали за наказаніе, равное смерти или темницѣ [3]).

Самъ король любилъ веселое общество, пиры и забавы. Сорокъ столовъ обыкновенно накрывалось для его гостей. За главнымъ столомъ сидитъ самъ Храбрый съ избранными товарищами и совѣтниками; число ихъ было двѣнадцать [4]). Между ними мы видѣли «возлюбленнаго аббата его» Туни, ловкаго дипломата Стоигнѣва, брата св. Войтѣха, Собебора и въ Кіевѣ вошедшаго къ нему въ довѣріе, священника Анастаса. Вмѣстѣ съ ними сидятъ жены придворныхъ сановниковъ, и во главѣ ихъ умная и догадливая королева Кунильда, много сдѣлавшая добра и сдерживавшая порывы своего раздражительнаго мужа [5]). Мужчины и женщины одѣты въ драгоцѣнныя шелковыя одежды, особенно послѣднія блистали золотомъ и дорогими камнями. Тутъ, за столомъ, передавая изъ рукъ въ руки круговую чашу, разсуждали о государственныхъ дѣлахъ, о прежнихъ подвигахъ; тутъ размягчалось королевское сердце, вспоминалъ онъ о старыхъ товарищахъ, осужденныхъ имъ на смерть въ порывѣ гнѣва [6]). Тогда «достопочтенная королева» тихо касалась его рукою и нѣжно спрашивала: «А радъ ли бы ты былъ, если бы какой святой воскресилъ ихъ отъ смерти»?—Король отвѣчалъ: «Я ничего бы не пожалѣлъ, если бы кто возвратилъ имъ жизнь и дѣтей ихъ освободилъ отъ несчастной доли сиротства». А королева нерѣдко вырывала изъ рукъ палача осужденныхъ ему жертвъ и сохраняла имъ жизнь. Теперь, пользуясь минутой, съ улыбкой признавалась она въ своей благочестивой хитрости; и, вмѣстѣ со всѣми двѣнадцатью совѣтниками и женами ихъ, падала

---

[1]) Galli. I. 16.

[2]) Galli. I. 9.

[3]) Galli. I. 12.

[4]) Ibidem, I. 13.... Habebat autem rex amicos duodecim consiliarios, cum quibus eorumque uxoribus cum curis et consiliis expeditum convivari multotiens et coenare delectabatur.....

[5]) Galli I. 13. Объ ней съ похвалой говоритъ Титмаръ IV. 37; она была Славянка, дочь Доброміра и на долго сохранила о себѣ память въ Польшѣ. Szajnocha Bolesław... str. 201.

[6]) Galli I. 13, Szajnocha, Bolesław Chrobry, str. 203.

королю въ ноги, чтобы испросить милость его къ виновнымъ, а король съ поцѣлуемъ подымалъ ее съ земли и бывалъ очень доволенъ[1]).

Походъ на Русь былъ послѣднимъ военнымъ дѣломъ Болеслава. Извѣстія о Болеславѣ въ лѣтописяхъ заканчиваются торжественнымъ актомъ его коронаціи. Нѣсколько разъ пытался онъ получить королевскую корону изъ Рима, но интриги Оды, убѣжавшей къ папѣ и подарившей святому отцу Гнѣздно[2]), парализовали его стремленія. Онъ посылалъ въ Римъ монаха, но шпіоны короля Генриха на дорогѣ схватили его и не пропустили далѣе[3]), жаловался папѣ, что козни короля Генриха не позволяютъ ему исправно представлять церковную дань въ Римъ. Но папа стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ съ императоромъ Генрихомъ II, и всѣ попытки Болеслава оказывались тщетными[4]). Наконецъ, оставивъ безполезныя хлопоты, почти передъ самою смертію, онъ приказалъ польскому духовенству помазать и короновать себя между 13 іюля 1024 и 3 апрѣля 1025 гг. О ближайшихъ обстоятельствахъ коронованія умалчиваютъ туземные источники, иностранныя же свидѣтельства показываютъ, что оно надѣлало тамъ немало шуму. Лѣтописецъ кведлинбургскій пишетъ: «Болеславъ, князь польскій, узнавъ о смерти императора Генриха, до того возгордился, что безразсудно дерзнулъ возложить на себя священную корону; за эту дерзость тотъ-часъ же потерпѣлъ божеское наказаніе, ибо скоро затѣмъ умеръ» [5]); другой лѣтописецъ вѣнчаніе Болеслава считаетъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ событій 1025 года [6]). 1024—1025 гг.

«Вельможи и друзья, собравшіеся у ложа больного короля, спрашивали его, сколько времени и какъ носить по немъ трауръ; онъ отвѣчалъ: ни мѣсяцевъ, ни годовъ я не назначаю вамъ періодомъ скорби; но кто меня зналъ и испыталъ мое расположеніе, тотъ долго, ежедневно будетъ по мнѣ плакать. И не только тѣ, которые меня знали и пользовались моимъ расположеніемъ будутъ меня оплакивать; но и ихъ дѣти и внуки пожалѣютъ о смерти короля Болеслава, слушая объ немъ разсказы». Мы закончимъ о Болеславѣ Храбромъ выпиской

---

[1]) Идеальное представленіе Болеславова времени см. у Шайнохи: Spoczynek w domu», str. 189—206.

[2]) Lelewel, Polska T. II, str. 128, примѣч. 8; str. 72—3, прим. 24.

[3]) Petrus Damiani, Vita S. Romualdi, ap. Pertz Scr. IV.

[4]) Вопросъ разобранъ у Лелевеля, T. II, str. 65—78.

[5]) Annal. Quedlinburg. a. 1025.

[6]) Annal. Corbejens. a. 1025 apud Pertz SS. T. III; другія свидѣтельства приведены у Roepell, въ его Geschichte Polens, ss. 162—163; вопросъ разобранъ у Лелевеля, T. II. str. 79 и д.

изъ Мартына Галла [1]): «Со смертію короля Болеслава золотой вѣкъ смѣнился на мѣдный. Польша королевствующая, увѣнчанная прежде золотомъ и алмазами, сидитъ теперь въ пыли, покрытая вдовьими одеждами; звуки лютни замѣнились вздохами, пляски — скорбію, веселость обратилась въ печаль. Во весь тотъ годъ никто въ Польшѣ не давалъ мірскаго міра; ни одинъ панъ и ни одна панна не украшали себя праздничными одеждами; ни пляски, ни игры на лютнѣ не услыхалъ бы ты въ публичныхъ мѣстахъ; не раздавались по дорогамъ веселыя дѣвичьи пѣсни и звуки радости. Такъ имѣли печаль по королѣ въ продолженіе цѣлаго года. Кажется, со смертію Болеслава миръ и радость, и довольство отлетѣли отъ насъ».

Болеславъ Храбрый умеръ 17 іюня 1025 года [2]), спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ коронованія.

---

[1]) Galli I. 16.

[2]) Roepell I. s. 162. Бѣлевскій въ Monumenta Poloniae, при хроникѣ Галла, показываетъ 3 апрѣля.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ И МѢСТНЫХЪ ИМЕНЪ.

А.

Авары, 7 и сл. 211.
Аварія 20.
Авентинъ 170.
Авраамъ 151.
Австразія 16.
Австрійская марка 3.
Агапитъ 147.
Адальбертъ 148, 162.
Адальвинъ 40, 62, 70.
Адальрамъ 30.
Адамъ Бременскій 181, 182 и сл.
Аделаида 216.
Аделгейда 217.
Адріанополь 8.
Адріанъ II. 55, 58—63.
Аквилея 5.
Аквитанія 19.
Албанія 8.
Алкуинъ 31.
Аллеманія 80.
Аллеманы 15, 64.
Альпы 170, 171.
Альта 261.
Альфредъ 185.
Алцикъ 15.
Амерталь 229.
Анастасій абб. 169, 177.
Анастасій Библ. 59.
Анастасъ 260, 264.
Ангеляръ 93.
Андроникъ 56.
Анній 51.
Анхилаусъ 9.
Арибо 81, 82, 94, 97, 103.
Армяне 55.
Арнебургъ 234.
Арно (зальцб.) 29, 31—2.
Арно (вюрцб.) 85.
Арнульфъ (епписк.) 239, 254.
Арнульфъ (король) 80, 83 и сл. до 134.
Арсеній 59.
Атилла 7, 8.
Ахенъ 21.
Аугсбургъ 5, 17, 142.

Б.

Бабенберги 151.
Балтика 135, 139.
Баянъ 8, 10, 21.
Безунчане 186.
Бенедиктъ VI, 150.
Бенедиктъ (епписк.) 99.
Бенонъ 234.
Берестово 258.
Бернгардъ (епписк.) 239.
Бернгардъ 135, 189, 234, 247 и д.
Бернъ 89.
Берхтольдъ 151.
Биллингъ 138.
Блатенское озеро 3, 38.
Блатно 39, 40.
Боберъ 131, 151, 186, 187, 234.
Бобране 4, 185 и д.
Богорисъ 56, 57 и д.
Богуфалъ 185, 205.
Бодричи 63, 96, 131, 133 и д. 155 и слѣд.
Божетѣхъ 123.
Бозо 160.

Болеславль—Businc 110, 115, 129, 186, 248.
Болеславъ I. 115, 130 и сл. 162, 176.
Болеславъ II. 140, 146 и сл. 178 и сл.
Болеславъ III. 169, 176, 225, 227.
Болеславъ храбрый 180 и сл.
Бонифація и Алексѣя (монастырь) 166, 170, 217.
Боривой 72, 87, 110, 120 и д.
Борисъ 93, 234, 258, 261.
Борковъ 197, 196.
Бойки (Boici) 212.
Бойи 6.
Браниборъ 148, 158, 191, 198.
Брацлавъ 85, 97.
Бревновскій (монастырь) 109, 168, 177.
Бревновъ 168.
Bregetio 5.
Бреславль 210.
Брестъ 251, 254 и д.
Бретиславль 42.
Британское море 182.
Брунзіонъ 235.
Бруно 100, 170, 229.
Брячиславъ I. 141.
Бугъ 151, 213, 216, 259.
Будечъ 108, 124, 127.
Будишинъ 188, 233 и д. 254.
Будый 259.
Бузинкъ см. Болеславль.
Бурхардъ 249.
Быджовскій (окр.) 10.
Бѣла 131.
Бѣлина 114.
Бѣлинская (жупа) 110 и д.
Бѣлогорье 239 и д.
Бѣлградъ 9.
Бѣлобогъ 187.
Бѣлоо-Сербія 16, 212.
Бѣло-Сербы 184, 212.
Бѣло-Хорваты 184, 912.
Бѣло-Хорватія 16, 145, 151, 212.

В.

Вагра 131.
Вагры 139.
Вагъ 216.
Валлислебенъ 135.
Валлилукъ 166.
Вальтердъ абб. 239.
Вальтердъ арх. 241.
Валюхъ 15.
Варинъ 156.
Варта 145, 151 и д. 181 и д.
Варшава 185.
Варяги 258, 259.
Варяжское море 184.
Ваттенбахова лег. 126.
Василій I. 75, 76.
Василій В. 166.
Вацовъ 21.
Везило 81.
Велеты 132 и д.
Велеградъ 41, 53, 64 и д., 81.
Велихъ 166.
Венды 26, 136, 181.
Венедиктъ 173, 174, 217.
Венеція 55.
Веринтаръ 81.
Вернеръ 160.
Верона 163.
Вершовцы 169, 171, 217.
Видредъ 249.
Видукиндъ 88, 116, 133, 138, 145.
Визонъ 241.
Викингъ 60, 77 и д. 88, 100 и сл.
Виллигизъ 163, 167 и д. 225.
Вильгельмъ арх. 147, 148.
Вильгельмъ 66, 68 и д.
Винервальдъ 2.
Винулы 181 и д.
Винфридъ 60.
Висла 154, 173, 181 и д., 216.
Виславъ 185, 201.
Вислы—Вислица 185.
Висляне 3, 4, 185.
Вистрахъ III.
Витъ 148.
Виторажское княж. 44.
Виторажская жупа 111, 112, 117.
Вихманъ 155.
Владивой 197, 226, 227.
Владиміръ Вел. 213, 256 и д.
Владимірскъ 212.
Владиславъ-Германъ 208.
Властиславовъ гор. 110, 115.
Богастисбургъ 15.
Волга 94.
Волинцы 155, 201.
Волтава 67, 108, 140, 233.
Вольфгангъ 124, 149, 223.

Вольфенбюттель 156.
Войтѣхъ 162 и д.
Враґевцы 132.
Вратиславль 151, 251, 252.
Вратиславъ 121, 124, 125.
Вратиславъ II 123, 150.
Вурцинъ 254.
Вышеградъ,—Вышгородъ 108, 232. 233.
Вышня Морава 21.
Вѣна 3, 5.
Вѣтника 249.
Вячеславъ 124, 161.

Г.

Гавельбергъ 148.
Гавола 17, 134, 151, 181, 190.
Гаволяне 134 — 135, 239.
Гадемаръ 147, 148.
Гайко — Гика 138.
Галисъ 216.
Галиція вост. 212, 214, 256.
Галлъ М. 183 и д., 199, 202, 260 и д.
Гальберштадтскій еп. 147, 148.
Гамбургъ 185.
Гамонъ 126.
Гауденцій—Радимъ 166, 173, 217 и д.
Гаудерикъ 59.
Гданскъ 173, 187, 198.
Гдецъ 205.
Гебегардъ 218.
Гейза 117, 216.
Геллены 130.
Гельмольдъ 160, 182 и д.
Генрихъ Сварливый 140, 142, 151 и сл., 164, 178, 189 и д., 215, 223, 251.
Генрихъ саксонскій 125, 128, 130, 145.
Генрихъ хорутанскій 152 и д.
Генрихъ еписк. 152.
Генрихъ I. 118, 133, 141.
Генрихъ II. 226, 227, 230—243, 265.
Генрихъ маркгр. 225 и д., 247, 252.
Гениды 8.
Гераклій 14, 17, 211.
Германъ герцогъ 229, 246, 249. 250 и д.
Германъ маркгр. 130, 138 и д. 153.
Геро архіеп-пъ 246, 249, 250, 259.
Геро маркгр. 130, 139.
Герольдъ, 23 и д., 30.
Герулы 8.
Гессебургъ 156.
Гизилеръ 158, 218.
Глиняне 132.
Глоговъ 133 и д., 151, 218, 240, 251 и д.
Гломачи 188, 210, 253.
Глѣбъ 258.
Гнѣздно 173, 177, 185, 201, 217, 265.
Годо 154, 194, 248.
Голешинцы 133, 188.
Гораздъ 71, 89 и д.
Готшалькъ 160.
Градецъ 42, 110, 122.
Градиштскій край 64.
Греція 181.
Гронъ 38, 87, 134.
Григорій V. 170.
Григорій VII 123.
Григорій 208.
Гримоальдъ 58.
Гуго 218.
Гундакеръ 45.
Гуннія — Аварія 20.
Гунны 6, 7, и д.
Гунтеръ 224, 238.
Гунцеллинъ 224 и д., 234, 238, 241.

Д.

Дагобертъ 14, 15, 16, 17.
Дакія 7.
Далемилъ 118, 127, 232.
Далмація 5, 11, 14.
Даніилъ 99.
Данія 182, 183.
Датчане 131, 152,
Дедъ 155.
Дерванъ 15.
Дитрихъ 155, 156.
Діоклетіанъ 6.
Длугошъ 210. 208.
Добринъ 6.
Добролугъ 234.
Доброміръ 264.
Доброславичи 110.
Доброславскій холмецъ 110, 117.
Додилъ 155.
Долинцы 132.
Доминикъ 58.
Донъ 94.
Драва 29, 83, 85.
Драгоміра 100, 116, 117, 118, 124, 126, 127, 128, 129.

Драгушъ 109, 115.
Древичъ 232.
Дубровка 146, 197, 198, 201, 226.
Дулѣбская жупа 111.
Дулѣбы 111. 117.
Дунай 7, 183, 200. и д.
Дыя 4, 26, 38, 42.
Дѣвинъ—Магдебургъ 41, 45, 108, 147, 148. 153, 160, 162, 213, 20, 46, 234—37.
Дѣдоши 4.
Дѣчская жупа 109.

Е.

Евномій 73.

Ж.

Жармунты 188.
Жароване 188.
Жарованская жупа 137.
Жатецкъ 109, 231.
Жатецкая жупа 109.
Житичи 188.
Житомерь 110.
Жичи 148, 155, 218.

З.

Загорье 57.
Загостъ 188.
Зальцбургъ 5, 62.
Затцо 217.
Збѣченскіе лѣса 108.
Звониміръ 20
Зеленогорская 110, 112.
Земомыслъ 201.
Земовитъ 201.
Зноимъ 42.

И.

Изерскій хреб. 151.
Изонъ 234.
Иллирикъ 6, 68.
Иллирія 11.
Ильва 218.
Ингельгеймъ 152.
Инна 103.
Иртышъ 94.
Исанрихъ 81, 97.
Истрія 5.

І.

Іоаннъ VIII 63, 69, 70, 74 и сл. 101, 123.
Іоаннъ IX 98.
Іоаннъ XII 147.
Іоаннъ XIII 147.
Іоаннъ XV 170, 198.
Іоаннъ XVI 216.
Іоаннъ пресв. 74.
Іоаннъ Арх-пъ 99.
Іоаннъ Канапарій 174, 217.
Іоаннъ (ученикъ Ромуальда) 217.
Іорданъ 146, 149.

К.

Каганъ 8, 10, 11, 12, 20.
Кази 108.
Кальве 155.
Каменица 188.
Капуя 130.
Каринтія 44. 80, 97, 121 и д.
Карломанъ 44 и слѣд., 68, 71. 78 и д.
Карлъ Великій 19, 26, 29, 181.
К. Лысый 80.
К. Толстый 80 и д.
Кашубія 186.
Кашубы 186.
Квады 6. 8.
Кведлинбургъ 149, 150, 156, 190, 198.
Квисса 133, 188.
Кельнъ 156.
Кенигштеттинъ 82.
Кизо 158, 191.
Кириллъ 55, 61, 63 и д. 122.
Кіевъ 258, 259.
Климентъ 52, 53, 55, 60, 73.
Коледичи 188.
Колобрегъ 187, 210.
Конрадъ 121, 125.
Константинъ 48 и д.
Конст. Порфир. 17, 86, 104, 166, 184, 211.
Коцелъ 38, 40, 55 и д.
Краковъ 108.
Краковяне 201.
Краледворская 232.
Косьма пражскій 108, 124, 150 и мн. др.
Кремжа 32.
Кресцентій 170, 196, 216.
Крокъ 108.
Кросно 229, 234, 247, 251.

Крумъ 56, 60.
Крушвицы 185.
Кунильда 264.
Куявы 185.

Л.

Лаба 224, 230 и д.
Лавреакъ 6.
Лаврентій 93.
Лаврита II.
Левъ 166, 170.
Легель 143.
Лемучи 109, 110 и др..
Ленчинъ 135, 136.
Лехъ 142, 143.
Лехи 199, 202.
Лешко 201.
Либурнія, 5.
Лимашева гора 196.
Лиска 251, 255.
Лонгобарды 6, 8, 9.
Лотарь 16.
Лотарингія 82.
Лужица 132, 188.
Лужицы 132, 158, 161, 176, 225, 237 и др.
Лужичане 132, 136, 138, 154, 188 и др.
Лука 109.
Лупяне 188.
Лутичи 184.
Лучане 108, 110 и сл.
Лысая гора 3, 210, 222.
Львовъ 151.
Лѣвый градецъ, 108, 115, 122, 163.
Любица 110, 172.
Любечъ 258.
Любина 187.
Любляна 5.
Любуша 136, 240 108, 114.
Любушане 133, 188.
Людмила 72, 110, 114, 121 и др.
Людевитъ 35.
Людовикъ Благочест. 47.
Людовикъ нѣм. 23, 24, 30, 39, и др.
Людовикъ Младшій 46, 64.
Людовикъ Дитя 102, 103.
Людольфъ 244.
Люитпольдъ 97, 103 и д.
Лютичи 132, 155, 158 и д., 196, 235, 237 и мн. др.
Лютоборъ 110, 117.
Ляхи 184, 189, 203, 213 и др.

М.

Маврикій 11, 148, 246.
Магдебургъ — Дѣвинъ 79, 88, 147.
Мадьяры—Угры 85, 94 и д.
Мазовшане 184, 185.
Майнцъ 76, 124, 147, 173.
Македонія 8, 10.
Малая Польша 212, 214 и д.
Маринъ 58.
Марія 6, 89, 129, 149.
Маркоманны 6, 8.
Марошъ 56.
Март. Галлъ 183, 185.
Матильда 217.
Матры 151.
Мегингошъ 81, 82.
Мейнверкъ 239.
Межиборъ—Мерзебургъ 133, 142, 147, 225, 231 и др.
Межирѣчье 210, 222.
Мекленбургъ 131.
Мельникъ 100.
Менкеновск. лег. 126.
Местивой 155, 156, 194.
Мецъ 16.
Мечиславъ I. 146, 158, 194, 195, 208, 22 0
Мечиславъ II. 245, 246, 249, 250, 255.
Меѳодій 48, 52, 55 и мн. др.
Мжа 108.
Мизія 7, 58.
Мильчане 132, 136, 138, 186, 225 и д.
Михаилъ III. 48, 50, 52, 56.
Михаилъ болг. 57, 61.
Михаилъ еписк. 149.
Мишна 136, 148, 156, 225, 229, 249 и др.
Млада—Марія 146, 149.
Могельнъ 156.
Мойміръ I. 34, 35, 40, 53.
Мойміръ II. 96 и д. 102, 103.
Морава 3, 102.
Мораване 22, 26 и мн. др.
Морочане 210, 237.
Мульда 188, 250, 254.

Н.

Наумъ 92.
Незамыслъ 234.
Некланъ 108, 109, 114. 115.
Несторъ 175, 185, 186.
Нетолицкая жупа 111.

Нижане—Низовцы 132, 133, 188.
Нижне-Алт. мон. 23.
Николай I. 45. 55, 58, 59, 101.
Нилъ 166, 174.
Нимчъ 252.
Нитра 38.
Нитранское кн. 38 и сл.
Нишанская жупа 234.
Новгородъ 258, 259, 261.
Нордгау 225.
Норики 67, 83.
Норикъ 3, 5, 10, 101.
Норманны 80—81, 130, 182.
Нотечь 184.

О.

Обь 94.
Огра 108, 109, 114.
Ода 155, 198, 265.
Одиліенъ 198.
Одра 3, 17, 61, 87, 131 и д.
Обры 12 см. Авары.
Озеръ 225.
Олава 3.
Олимпъ 52, 60.
Оломуцъ 150.
Ольга 148.
Ольдрихъ 119, 123, 226 и сл.
Омунтесбергъ 84.
Ополяне 4, 186.
Ополь 186.
Остъ-Готы 7.
Отрикъ 162.
Остроградъ 182.
Острѣгомъ 213, 216.
Осѣкъ 108, 117.
Осѣцкая жупа 117.
Отава 112.
Оттокаръ 103.
Оттонъ I. 124, 130, 137, 138, 140 и др.
Оттонъ II. 151, 152, 153 и др.
Оттонъ III. 156, 157, 170, 171, 176, 189.
Оттонъ шв. 152.
Оттонъ абб. 32.

П.

Пабо 81, 82.
Павелъ анконскій 69, 74.
Павія 170.
Паннонія 1, 3.
Паннонскіе Слав. 29 и др,
Пасовъ 152.
Петронель 5.
Петръ 58.
Перемышль 213.
Печенѣги 258, 259, 261.
Пилица р. 151.
Пипинъ 20, 29.
Плоцкъ 185.
Плонское озеро 131.
Плъзенъ 152.
Плъзенскій окр. 112,
Подивинъ 42.
Познань 235.
Полабцы 189.
Полабскіе Славяне 12, 24, 46.
Полихронъ монаст. 5, 2.
Поляне 181, 184 и д. 201, 206.
Поморяне 173, 176, 182—187, 198, 199.
Понтъ 7.
Попелъ 201.
Пошо графъ 85.
Прага 108, 111, 124, 125 и мн. др.
Пражане 114, 164.
Пращица 188.
Прахенскій окр. 112.
Премысловцы 105, 106, 110, 111, 112, 114.
Премыслъ 109, 114.
Пресбургъ 21.
Прибивой 196.
Прибина 25, 31, 38, 39, 40,
Прискъ 7.
Прокопій 123.
Пруссія 174, 186.
Пруссы 173, 174, 176, 183, 198, 199.
Птуй (Petovium) 3.
Пшоване 110, 114, 127.
Пшовъ 110.
Пѣна 130, 132, 135, 181, 182, 186.
Пястовичи 145.
Пястовъ родъ 185. 201.
Пястъ 202.

Р

Раабъ 3, 20, 29, 82.
Рабница—Спраза 30.
Равенна 148, 170.
Radansfurt 112.
Радбуза 112.
Радимъ см. Гауденцій.

Радла 166, 167.
Радованъ 112.
Радславъ 110, 118, 127, 128.
Раконица 130.
Ракусы 15, 66.
Рарожане 131.
Ратари 130, 132, 135, 138.
Ратиборъ 110.
Ратбодъ 38, 43, 67.
Раудульфъ 16.
Раффельштеттинъ 103.
Регенсбургъ 5, 44, 45, 65, 68 и д.
Регингардъ 30, 31 и сл., 48, 54.
Регино 86, 87, 88.
Рейнбернъ 187, 257.
Рейнъ 16.
Ретра 195.
Рикдагъ 190.
Рина 108.
Рисбахъ 92.
Рихбальдъ 62.
Рихгаръ 98, 103.
Ромуальдъ 170, 210, 217, 222.
Ростиславъ 40, 47, 52, 66 и слѣд.
Ротбертъ 217.
Ругіанское море 181.
Рудныя горы 3, 15, 131.
Руотбертъ 86.

С.

Sabaria 5.
Сава 3, 85.
Сазава 117.
Сала 15, 38, 39, 131, 133, 187, 225 и др.
Saltus Hyrcanus 4.
Само 12. 13 и д.
Санъ 214, 216.
Сарацины 51, 75, 163, 194.
Сарматскіе народы 7.
Свентина 131.
Святополкъ 48, 63, 64 и слѣд. 71, 72, 73, 74, 80—90 и д.
Святополкъ туровскій 256, 257, 258, 260.
Святополкъ 86.
Святославъ 214, 258.
Сгорѣльскій 109.
Сгорѣлецъ 161, 188.
Седличане 112.
Селенки—Лютючи 183.
Semisisna 74.
Сербище 188, 210, 237.
Сербы лужицкіе 4, 63, 97, 132, 138, 182, 188 и др.
Сесиковскій мон. 222.
Сигибертъ 8, 16.
Сигфридъ 229, 248, 250.
Сигхартъ 103.
Силезія 2, 117, 161, 176, 185, 213.
Силезцы—Слезане 4, 184, 185, 240.
Сильверстръ иподіак.. 58.
Сильвестръ II. 177, 216, 219.
Симеонъ 93.
Сирійцы 55.
Сисекъ 5.
Сихаръ 14.
Скиѳское море 181.
Склянцисвордъ 255.
Славиборъ 110, 114.
Славитѣхъ 44.
Славникъ 117—119, 162.
Славниковцы 110, 111, 113, 115, 118, 177.
Славоміръ 66.
Словаки угорскіе 2, 22, 157, 175.
Слубская жупа 158, 188, 237.
Слубяне 133.
Смолинцы 132.
Собеборъ 171, 172, 198, 233, 264.
Солунь 8, 10, 11, 48.
Сосновыя горы 11, 131.
Софійскій мон. 259.
Спитигнѣвъ 120, 121, 123, 124.
Спраза—Рабница 30.
Спрева 188, 196, 197, 234, 240.
Сремъ-Sirmium 5.
Стадицы 110, 114.
Старъ-Городъ 131, 250.
Стекеница 131.
Стефанъ I угорскій 195, 216.
Стефанъ VI. 83, 90.
Стирія 12, 24.
Стодоране 128.
Стоигнѣвъ 245, 246, 250.
Страхквасъ—Христіанъ 146, 165, 167.
Страхово 232.
Стрезиборъ 117.
Стрезислава 162.
Стрела 210. 224, 226, 230, 249, 255.
Стрый 79, 151, 213, 214.
Стырійскіе Альпы 17.
Стяглавъ на Радбузѣ 112.

Суслы 133, 188.
Сцихъ 241.
Sciciani 241, 250.

Т.

Тагино 234, 237, 239.
Тагъ 130.
Тассило 20, 32.
Татры 144, 175, 184, 211.
Тета 108.
Тетва Попеловъ 113.
Тетинъ 108, 126.
Тепла 216.
Тиверій 5.
Тиддахъ 215, 233.
Тидрихъ 130, 170, 194, 245, 254.
Тинецъ 210, 222.
Тироль 12.
Тисса 3, 7, 20, 21, 56, 102, 213.
Титбернъ 234.
Титмаръ 70, 88, 103, 133, 150, 160 и д. 186, 188, 190 и сл. 220 и д.
Титмаръ 135. 225 и др.
Торгау 247.
Торисса 21.
Травна 131.
Траянъ 4.
Требовляне 4, 185, 188.
Трирскій 148.
Тугуміръ 139.
Тульна 45, 82.
Туни 248, 260, 264.
Туннъ 126.
Туринги 64, 67. 138.
Турингія 4, 11, 16, 63, 80, 119.
Турское поле 108, 114.
Туто 124.
Тыръ 115.

У.

Угрія 8, 33, 87, 177, 178, 181, 183, 233.
Угры 85, 46, 94 и д. 98, 100, и д. 119, 121, 130, 141 и д. 148 и сл. 177.
Укране 138.
Унгеръ 218.
Уралъ 94.

Ф.

Фландрія 235.
Фолькмаръ 153, 249.
Фолькольдъ 157, 167.
Формозъ папа 86, 96.
Формозъ португанскій 57 и д.
Форхгеймъ 68.
Фотій 50, 57, 58.
Франки 14, 15, 16, 17, 64.
Франкфуртъ 26.
Фредегаръ 16.
Фридерикъ 254.
Фріуль 11.
Фріульская марка 24.
Фульдскій лѣт. 86.
Фурляндское воеводство 24.

Х.

Хабары 94.
Хебскій край 15.
Хозары 52, 94.
Хорваты 14, 104, 110. 116 129, 241.
Хорватія 175, 176.
Хорутане 26, 62.
Хорутанія 12, 15, 24, 29, 30, 80, 82 102.
Хрудошъ 112.
Хутичи 133.

Ц.

Царьградъ 51, 57, 59, 89.
Циринъ 229.
Цинницъ 247.
Цоберъ 87.
Цѣль (Celeja) 3.

Ч.

Червень 213.
Черезпѣняне 132, 139.
Чернобогъ 187.
Честиміръ 115.
Чешскія горы 187, 188.
Чехи — 26, 27, 46, 63, 67, 72, 96, 97 и д. 157, 158, 182, 108.
Чехія 3, 7, 10, 11, 15, 72, 85, 87, 96, 118, 121, 190.

Ш.

Шарольта 216.
Швабы 142.
Шпре 134, 136, 181.

Э.

Эберсбергъ 103.

Эйнгардъ 181, 131.
Эйдо 218, 49.
Экбертъ 153.
Эккардъ 196, 223, 225, 236, 248.
Эльда 181, 131.
Эльстра 133, 181, 188, 223, 239, 250, 255.
Эммерамъ 17. 128, 170.
Энгильскалькъ 65, 80, 84, 85.
Энжа 17, 20, 21, 97, 102, 103.
Энгильрада 81, 85.
Энсбургъ 103.
Эрихъ фріульскій 20.
Эрканбардъ 250.
Эрнестъ герц. 44, 229.

Ю.

Юдита 216.
Юмна 182.
Юрій 149.
Ютрибогъ 237, 255.

Я.

Яворницкая гора 161.
Яворникъ 161.
Ягеръ 216.
Яна 250.
Яринъ 239.
Яроміръ 109, 119, 226, 227, 231, 233, 244, 236, и д.
Яроміръ Гебгардъ еп. 150.
Ярополкъ 257.
Ярославъ 251, 254, 258, 259. 261.

Ѳ.

Ѳеодорикъ 29, 30.
Ѳеофанія 157, 158, 166, 189, 190, 191, 198.
Ѳессалія 8.
Ѳракія 3, 10, 11, 56.

ПОГРѢШНОСТИ:

напечатано стран.	строка		следуетъ читать
3	18	по ворховьямъ	по верховьямъ
27 прим. 3		Capos	Casop. *)
29	2	(снизу) кокорый	который
42	1	Бретиславъ	Бретиславль
66	11	теперь, чтобы маркграфы попирали ихъ свободу (повторено безъ нужды).	
71	1	(снизу) княжескимъ родомъ	княжескимъ родомъ,
72	2	между Чехами и Моравами, усилить сношенія	между Чехами и Моравами усилить сношенія,
77 прим. 1, стр. 1		стеры	етеры
— —	—	17 filioqu	filioque
92	16	лишалась	лишались
125	4	того же	
135	8	были невоносимы	были невыносимы
136	29	Славяне	Славяне
159	5	(снизу) намѣ ченный	намѣченный
165	2	(снизу) отъ обязанности исполнять, которую	отъ обязанности, исполнять которую
176	22	лмшить	лишить
190	2	Вѣйте	вейте
212	1	Скоро затѣмъ	Скоро затѣмъ,
230	20	внутри Германіи	въ Германіи
232	11	примѣч. этомъ	этотъ
244	14	Тамъ въ 1012 году	Тамъ въ 1012 году,
248 прим.	2	cu	cui
252	29	вонноплѣнными	военноплѣнными
257	1	рускаго	русскаго
266	6	мірскаго міра	мірского пира

*) За неимѣніемъ въ типографіи чешскаго шрифта, по необходимости, приходилось довольствоваться латинскимъ.